ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Бочков Данил Андреевич

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ЮЖНОЙ АЗИИ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В XXI ВЕКЕ: ФАКТОР КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Киреева Анна Андреевна

Москва – 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. Теоретические основы исследования 51

1.1 Неоклассический реализм 52

1.2. Международная политэкономия 64

1.3. Мировое комплексное регионоведение как теоретическая рамка для анализа регионального уровня международных отношений 73

1.4. Теория региональных комплексов безопасности и теоретические подходы к устройству регионального порядка 108

Выводы к Главе I. 125

Глава II. Основные структурные характеристики китайско-индийских отношений в сферах политики, безопасности и экономики. 129

2.1. Структурные характеристики китайско-индийских отношений в области политики и безопасности. 144

2.2. Основные направления и черты развития экономических взаимоотношений Китая и Индии. 181

Выводы к Главе II. 205

Глава III. Влияние китайско-индийских отношений на структурирование регионального порядка в Южной Азии и АТР. ... 210

3.1. Внешнеполитические и экономические интересы Китая и Индии в Южной Азии и АТР 210

3.2. Формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР: ключевые факторы. 243

3.3. Сценарный анализ изменения характера регионального порядка в Южной Азии и АТР в зависимости от динамики китайско-индийских отношений. 288

Выводы к Главе III. 300

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 305

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 316

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 365

ПРИЛОЖЕНИЕ 367

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тем, что Китай и Индия играют ключевые роли в региональных процессах в Азии, а также являются активными участниками международных отношений в целом. Китайско-индийские отношения имеют сложный характер и сочетают в себе элементы сотрудничества и соперничества. Страны взаимодействуют в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности, разделяют подходы к реформированию международного порядка с учетом интересов стран глобального Юга, привержены многополярности. Пекин и Нью-Дели развивают торгово-экономическое сотрудничество, подтверждением чему служит ежегодное увеличение объема двустороннего товарооборота (приложение 4). По итогам 2023 он достиг рекордных значений в 136,2 млрд долл.[1]

Стратегическое соперничество между Китаем и Индией связано с рядом факторов: территориальный спор и конкуренция за региональное лидерство в Южной Азии. Кроме того, обе стороны воспринимают в качестве угрозы взаимное усиление присутствия в регионах, которые они относят к зонам своего влияния. Так, усиление Китая в Южной Азии воспринимается негативно с точки зрения Индии, а усиление присутствия Индии в АТР, включая акваторию Южно-Китайского моря, - с точки зрения КНР. В последние годы наблюдалась периодическая эскалация китайско-индийского пограничного конфликта – столкновений на плато Доклам (2017 г.), в районе Ладакха (2020 г.) и в районе Таванга (2022 г.). Однако, налаженные механизмы укрепления доверия по пограничному вопросу и заинтересованность в избегании региональной конфликтности способствовали снижению градуса напряженности между Китаем и Индией в 2023-2024 гг.

[1] Imports and Exports by Country （Region） of Origin/Destination, 12.2023 — Текст: электронный // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/e1351568-5e17-4534-affd-c369e3506613.html (дата обращения: 22.12.2023).

Одним из значимых трендов современности является процесс макрорегионализации – «стяжения регионов» в более обширные макрорегионы на основе усиления торгово-экономической и логистической взаимосвязанности, взаимозависимости вопросов в сфере безопасности, а также активизации гуманитарных контактов. Одновременно с этим, наблюдается повышение значимости военно-политических вопросов в контексте усиления великодержавной конкуренции и интенсификации международных конфликтов.

В последнее десятилетие политэкономические процессы в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) становятся все более взаимосвязанными. Это проявляется как в усилении экономического взаимодействия, так и в росте военно-политической конфликтности. Переплетение и в некоторых случаях даже столкновение стратегических интересов великих (США, Китай), региональных (Индия, Япония), а также средних и малых стран (Австралия, государства Южной Азии и АСЕАН) в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР придает его изучению особую аналитическую и исследовательскую ценность.

Вопрос о важности укрепления устойчивых логистических и экономических связей на едином макрорегиональном пространстве Индийского и Тихого океанов поставил индийский исследователь Гурприт С. Кхурана в 2007 г.[2] Многие региональные и внерегиональные государства выработали собственные Индо-Тихоокеанские стратегии или подходы к Индо-Тихоокеанскому пространству[3]. Администрация Д. Трампа во время первого

[2] Khurana G. Security of sea lines: Prospects for India–Japan cooperation. // Strategic analysis. – 2007. – Vol. 31. – No. 1. – P. 139-153.

[3] Россия, однако, как и Китай на официальном уроне выступают против концепции ИТР, называя ее геостратегическим конструктом США, направленным на сдерживание Пекина и подрыв полицентричности в АТР. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова программе «Большая игра» на «Первом канале». – Текст электронный. // МИД России. 1 апреля 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/1418821/ (дата обращения: 21.05.2022).

срока сформулировала стратегию «Свободного и открытого ИТР» [4], направленную на сдерживание Китая, и затем при Дж. Байдене продолжил ее продвижение как «Индо-Тихоокеанской стратегии Соединенных Штатов»[5], а также инициировал создание Индо-Тихоокеанской экономической структуры. Стратегии для ИТР есть также у Австралии[6], Японии[7], Южной Кореи[8] и Бангладеш [9]. АСЕАН сформулировала собственное видение Индо-Тихоокеанского региона[10].

Россия является участником важнейших региональных механизмов: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС) и других. Руководством страны определены долгосрочные планы развития Дальнего Востока, обозначены приоритеты укрепления отношений с Китаем, Индией и АСЕАН [11]. В связи с этим учет политэкономических процессов в Южной Азии и АТР стратегически важен для реализации поставленных задач.

---

[4] Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. — Текст: электронный // U.S. Department of State. November 4, 2019. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[5] Indo- Pacific Strategy of the United States. — Текст: электронный // White House. February 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[6] Chapter three: A stable and prosperous Indo–Pacific. — Текст: электронный // 2017 Foreign Policy White Paper. Australian Government. 23 November 2017. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/minisite/static/4ca0813c-585e-4fe1-86eb-de665e65001a/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper/chapter-three-stable-and-prosperous-indo-pacific.html (дата обращения: 05.11.2023).

[7] Free and Open Indo-Pacific. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 16 May 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/page25e_000278.html (дата обращения: 04.11.2023).

[8] Introducing the Indo-Pacific Strategy. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. December 2022. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

[9] Indo-Pacific Outlook of Bangladesh. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Bangladesh. 24 April 2023. URL: https://mofa.gov.bd/site/press_release/d8d7189a-7695-4ff5-9e2b-903fe0070ec9 (дата обращения: 05.11.2023).

[10] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // The ASEAN Secretariat. 23 June 2019. URL: https://asean.org/speechandstatement/asean-outlook-on-the-indo-pacific/ (дата обращения: 25.06.2022).

[11] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 25.04.2024).

Степень научной разработанности темы.

Литературу, связанную с темой исследования, можно разделить на пять основных тематических групп.

1. Теоретические исследования, посвященные проблематике международных отношений, международной политэкономии, регионализации, макрорегионализации и формированию региональных порядков.

Основные положения теории международных отношений (ТМО), используемые в работе, представлены неоклассическим реализмом и неореалистским направлением международной политэкономии (МПЭ). В работе также использованы подходы и теории, концептуализирующие региональный уровень международных отношений – теория региональных комплексов безопасности и мировое комплексное регионоведение.

Теория неоклассического реализма появилась на основе ключевых положений структурного реализма (также неореализма). К. Уолтц[12] и Дж. Миршаймер [13] работали в рамках оборонительного и наступательного реализма соответственно. Развитием теории неоклассического реализма занимались Г. Роуз[14], У. Уолфорт[15], К. Дуек[16], Д. Талиаферро[17], Ф. Закария[18], Р.Л. Швеллер[19], Т.Дж. Кристенсен[20], Б. Рэтбан[21].

---

[12] Kenneth N. Waltz. Theory of International Politics. - Massachusetts. California, 1979. – 241 p.

[13] Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics (Updated edition). - New York, 2003. – 535 p.

[14] Rose G. How wars end: Why we always fight the last battle. – Simon and Schuster, 2011. – 432 p.

[15] Wohlforth W.C. Realism and foreign policy // Foreign policy: Theories, actors, cases. New York: Oxford University Press – 2008. - P. 35-53.

[16] Dueck C. Reluctant crusaders: power, culture, and change in American grand strategy. – Princeton University Press, New Jersey, 2008. – 215 p.

[17] Taliaferro J.W. Balancing risks: Great power intervention in the periphery. – Cornell University Press, 2004. – 215 p.

[18] Zakaria F. Realism and domestic politics: a review essay // International Security. – 1992. – Vol. 17. – No. 1. - P. 177-198.

[19] Schweller R. L. Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. – Princeton University Press, 2006. - 110 p .

[20] Christensen T.J. Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947-1958. – Princeton University Press. - 1996. - 179 p.

[21] Rathbun B.A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism //Security Studies. – 2008. – Vol. 17. – No. 2. - P. 294-321.

Положения работ разных авторов, посвященные неоклассическому реализму, были систематизированы в 2010-х гг. с выходом монографии Н. Рипсмана, Д. Талиаферро и С. Лобелла [22]. Некоторые исследователи рассматривали отдельные вопросы в рамках теории неоклассического реализма. Выделяются работы Стивена Краснера[23] и Робера Пауэлла[24].

Основные положения теории международной политэкономии были сформулированы в 1970-е гг. в работах Р. Кохейна[25], Д. Найя[26], С. Стрэндж[27], С. Краснера [28], П. Катценштейна [29] и Р. Гилпина [30]. Позднее, данное направление разрабатывалось в трудах Б. Коэна[31], Х. Милнер[32] и Т. Оатли[33].

Региональный уровень анализа начал привлекать внимание исследователей в 1990-е гг., когда в результате усиления глобализации и регионализации возросла важность разграничения проблем различных уровней системы международных отношений[34]. Среди заметных работ по исследованию регионального уровня анализа в период 1990-2000-х гг. можно

---

[22] Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. NY: Oxford University Press. - 2016. - 208 p.

[23] Krasner S. D. Power, the state, and sovereignty: Essays on international relations. – Routledge, London, 2009. – 328 p.

[24] Powell R. In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics. - Princeton UP. New Jersey, 1999. – 320 p.

[25] Keohane R. O. After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. – Princeton university press, New Jersey, 2005. – 281 p.

[26] Nye J. S., Keohane R. O. Power and interdependence. Longman, 2012. – 365 p.

[27] Strange S. States and markets. – Bloomsbury Publishing, 2015. - 279 p.

[28] Krasner S.D. Power, the state, and sovereignty: Essays on international relations. – Routledge, London, 2009. – 328 p.

[29] Katzenstein P. J. Introduction: domestic and international forces and strategies of foreign economic policy // International organization. – 1977. – Vol. 31. – No. 4. – P. 587-606.

[30] Gilpin R. Global political economy // Global Political Economy. – Princeton university press, 2001. - 440 p.

[31] Cohen B.J. International political economy. – Princeton University Press / Princeton and Oxford, 2008. - 199 p.

[32] Milner H.V. International political economy: beyond hegemonic stability // Foreign Policy. – 1998. - P. 112-123.

[33] Oatley T. International political economy. – Routledge, New York, 2022. – 432 p.

[34] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - №2 (8). - С. 30-58.

выделить труды авторов: Б. Бузана и О. Вевера[35], П. Катценштайна[36], А. Ачарию[37], Дж. Эгнью[38], Б. Хеттне и Ф. Содербаума[39]. В отечественной науке значительный вклад в региональные исследования внес А.Д. Воскресенский, который является основоположником школы мирового комплексного регионоведения[40]. Исследователь выделял тренд на макрорегинализацию как объективный процесс стяжения классических («старых») регионов в более крупные макрорегионы. Данные макрорегиональные трансформации усиливают геоэкономическую взаимосвязанность и в силу этого могут иметь даже глобальные последствия[41].

Теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Вевера указывает на наличие регионального уровня анализа как отдельного уровня изучения международных отношений[42]. Б. Бузан связывал усиление фокуса на региональный уровень с окончанием Холодной войны и переходом от состояния противостояния двух сверхдержав к многополярной системе с несколькими великими державами[43]. А. Ачария уточняет, что *«регионы*

---

[35] Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. – Cambridge University Press, 2003. – 598 p.

[36] Katzenstein P. J. A world of regions: America, Europe, and East Asia // Ind. J. Global Legal Stud. – 1993. – Vol. 1. – P. 65-82.

[37] Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 4. – P. 629-652.

[38] Agnew J. Regions on the mind does not equal regions of the mind // Progress in Human Geography, 1999. – Vol 23. – No. 1 - P. 91-96.

[39] Hettne B., Soderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. - 1998. - Vol. 17. - No. 3. - P. 6-21.

Hettne B., Soderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. - December 2000. - Vol. 5. - No. 3. - P. 457-473.

Hettne B. Beyond the ‘New’ Regionalism. // New Political Economy. - 2005. - Vol. 10. - No. 4. - P. 543-571.

Söderbaum F. Rethinking the links between micro-regions and macro-regions / Nadalutti E., Kallscheuer O. // Region-making and cross-border cooperation: New evidence from four continents. – Routledge, 2019 – P. 30-44.

[40] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение. / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. - 416 с.

[41] Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. - № 3. - С. 5-20.

[42] Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. – Cambridge University Press, 2003. – 598 p.

[43] Buzan B. New patterns of global security in the twenty-first century // International affairs. – 1991. – Vol. 67. – No. 3. – C. 431-451.

конструируются скорее изнутри, чем снаружи»[44]. Дж. Эгнью отмечал, что те или иные регионы имеют двойственный характер: являются, с одной стороны, умозрительными представлениями индивидов, а с другой, отражают и объективно сложившуюся реальность[45].

2. Исследования, посвященные анализу политических и экономических процессов в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также вопросам формирования Индо-Тихоокеанского пространства.

Среди работ по Южной Азии выделяются исследования: В.Я. Белокреницкого[46] и С.И. Лунева[47], В.Н. Москаленко[48] и Т.Л. Шаумян[49], Е.А. Брагиной[50], А.В. Куприянова[51], К. Виджаябаху и Ш. Де Сильва[52], Н.Ч. Бехера[53], В. Хьюит[54], М. Бартваль-Датта[55], а также коллективные монографии ряда зарубежных исследователей[56].

---

[44] «Regions are constructed more from within than from without». // Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 4. – P. 629-652.

[45] Agnew J. Regions on the mind does not equal regions of the mind // Progress in Human Geography, 1999. – Vol 23. – No. 1 - P. 91-96.

[46] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Празаускас А.А., Шаумян Т.Л. Южная Азия: конфликты и геополитика. — М.: Институт востоковедения РАН, 1999. — 173 с

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. — М.: Междунар. отношения, 2003. — 368 с.

[47] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт. 2019. – 304 с.

Лунев С. И. Дипломатия в Южной Азии. АН, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, Изд. фирма "Вост. лит.", 1993. — 194 с.

[48] Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Проблемы обеспечения безопасности России и геополитическая ситуация в Южной Азии // Проблемы безопасности в Азии. – 2001. – С. 98-119.

[49] Шаумян Т.Л. Политические системы стран Южной Азии. Москва, 2014. – 176 с.

[50] Брагина Е.А. Южная Азия: регион на фоне глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №. 7. – С. 93-98.

[51] Куприянов А. В. Великий южноазиатский поворот // Россия в глобальной политике. – 2018. – Т. 16. – №. 6. – С. 193-203.

[52] Куприянов А.В., Виджаябаху К., Ш. Де Сильва. Международные отношения в Южной Азии: взгляды России и Шри-Ланки. // РСМД. Аналитическая записка РСМД и Pathfinder Foundation (Шри-Ланка). No 24, ноябрь 2019 г. – 16 с.

[53] Behera N.C. International relations in South Asia: Search for an alternative paradigm. – New Delhi : Sage Publications, 2008. – 352 p.

[54] Hewitt V. The new international politics of South Asia. – Manchester University Press, New York, 1997. – 305 p.

[55] Barthwal-Datta M. Understanding security practices in South Asia. – Taylor & Francis, Lomdon, 2012. – 193 p.

[56] Oxford handbook of the international relations of Asia. / Pekkanen S. M., Ravenhill J., Foot R. (ed.). – Oxford University Press, USA, 2014. – 775 p.

South Asia after the Cold War: International Perspectives./ Bajpai K.P., Cohen S.P. (ed.) – Routledge, New York, 1993. – 264 p.

По проблематике международных отношений в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе выделяются монографии под редакцией А.В. Торкунова[57], А.Д. Воскресенского[58], Г.Д. Толорая[59], Д.В. Стрельцова[60], К.А. Ефремовой[61] и С.И. Лунева[62], В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой[63], а также работы Е.В. Колдуновой[64], В.В. Сумского[65], Е.Я. Араповой[66], Г.М. Костюниной[67], И.С. Ланцовой[68]

Из иностранных исследований стоит выделить работы под редакцией Дж. Айкенберри и М. Мастандуно[69], Д. Шамбо[70], К.М. Дента и Дж. Доша[71],

---

[57] Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В.Торкунова, Д.В.Стрельцова. Монография. М., Аспект Пресс, 2019. — 432 с.

Торкунов А.В. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе/ А.В.Торкунов, А.Д. Воскресенский, В.И. Денисов, Ю.А.Дубинин, Е.В. Колдунова, А.В. Лукин, Д.В. Стрельцов, В.В. Сумский // Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017. - С.267-308.

[58] Воскресенский А.Д. "Большая Восточная Азия" : мировая политика и энергетическая безопасность. МГУ им. М.В. Ломоносова ; Ин-т проблем междунар. безопасности РАН. – М. : Ленанд, 2006. – 124 с.

[59] Неспокойное соседство. проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / А.В.Торкунов и др. под ред. Г.Д.Толорая. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 345 с.

[60] «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение: монография / под ред. Д.В.Стрельцова. — Москва: Аспект Пресс, 2025. — 285 с.

Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 319 с.

[61] Страны Востока во внешней политике России / под ред. Д.В.Стрельцова, К.А.Ефремовой. — Москва: Аспект Пресс, 2023. — 376 с.

[62] Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. АН, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, Изд. фирма "Вост. лит.", 1993. — 194 с.

[63]АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М.Мазырина и Е.В.Колдуновой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — 608 с.

[64] Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М.: Навона, 2010. — 240 с.

[65] Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. – 2021. – №. 4. – С. 74-89.

[66] Арапова Е.Я. Россия в Азии и Тихоокеанском регионе : тенденции торгового сотрудничества и перспективы экономической интеграции : монография – Москва : Проспект, 2020. – 312 с.

[67] Костюнина Г.М. Интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: монография. МГИМО МИД России, Кафедра менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности. – Москва : МГИМО-Университет, 2019. – 365 с.

[68] Ланцова И.С Азиатско-Тихоокеанский регион в современной мировой политике // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2006. № 3. - С. 36–41.

[69] International relations theory and the Asia-Pacific. / Ikenberry G. J., Mastanduno M. (ed.). – Columbia University Press, New York, 2003. – 445 p.

[70] International relations of Asia. / Shambaugh D. (ed.). – Rowman & Littlefield, London, 2022. – 463 p.

[71] The Asia-Pacific, regionalism and the global system. / Dent C. M., Dosch J. (ed.).– Edward Elgar Publishing, MA, USA, 2012. – 279 p.

К. Брука и А. Макгрю[72], а также исследования М.Б. Яхуды[73], Л. Вудса[74], Д. Макдугалла[75], Б. Бузана[76] и Р. Медкалфа[77].

Концепт ИТР начал получать распространение в связи с процессами экономического сближения регионов Южной Азии и АТР, а также вследствие усиления их взаимосвязанности в области политики и безопасности. Об этом писали: Г. Кхурана[78], З. Купер[79], А. Росситер[80], Д. Скотт[81], Р. Медкалф[82], Ю. Хосоя[83], К. Кога[84], С. Раджа Мохан[85], Дж. Ким[86], Х. Вада[87]. У известного специалиста по ИТР, австралийского ученого Р. Медкалфа в 2020 г. вышло сразу две монографии по вопросам развития данного макрорегиона[88]. В одной из них, в частности, отмечается, что: *«Индо-Тихоокеанский регион — это*

---

[72] Asia-Pacific in the new world order./ Brook C., McGrew A. (ed.). – Routledge, London and New York, 2013. – 335 p.

[73] Yahuda M. The International Politics of the Asia Pacific. – Routledge, London, 2004. – 376 p.

[74] Woods L.T. Asia-Pacific Diplomacy: Nongovernmental Organizations and International Relations. – UBC Press, Vancouver, 2011. – 249 p.

[75] McDougall D. Asia Pacific in world politics. – Boulder, Colo. : Lynne Rienner Publishers, USA, 2007. – 425 p.

[76] Buzan B. The Asia-Pacific: what sort of region in what sort of world? // Asia-Pacific in the New World Order. – Routledge, 2013. – P. 68-86.

[77] Medcalf R. Reimagining Asia: From Asia-Pacific to Indo-Pacific //International relations and Asia's southern tier: ASEAN, Australia, and India. – 2018. – P. 9-28.

[78] Khurana G.S. The 'Indo-Pacific'concept: retrospect and Prospect // National Maritime Foundation. – 2017. – Vol. 2. - P. 2-8.

[79] Cooper Z., Shearer A. Thinking clearly about China's layered Indo-Pacific strategy // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2017. – Vol. 73. – No. 5. – P. 305-311.

[80] Rossiter A. The "Free and Open Indo-Pacific" strategy and Japan's emerging security posture // Rising Powers Quarterly. – 2018. – Vol. 3. – No. 2. – P. 113-131.

[81] Scott D. The Indo-Pacific in US strategy: Responding to power shifts // Rising powers quarterly. – 2018. – Vol. 2. – No. 2. – P. 19-43.

[82] Medcalf R. Indo-Pacific Visions // Asia policy. – 2019. – Vol. 14. – No. 3. – P. 79-96.

[83] Hosoya Y. FOIP 2.0: The evolution of Japan's free and open Indo-Pacific strategy // Asia-Pacific Review. – 2019. – Vol. 26. – No. 1. – P. 18-28.

[84] Koga K. Japan's "Free and Open Indo-Pacific" Strategy // Contemporary Southeast Asia. – 2019. – Vol. 41. – No. 2. – P. 286-313.

[85] Mohan C. Raja. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. – Brookings Institution Press, Washington, 2012. – 330 p.

[86] Wilkins T., Kim J. Adoption, accommodation or opposition?-Regional powers respond to American-led Indo-Pacific strategy // The Pacific Review. – 2022. – Vol. 35. – No. 3. – P. 415-445.

[87] Wada H. The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. // RSIS Working Paper. No. 326-20. Singapore: Nanyang Technological University. 2020. - P. 1- 28.

[88] Medcalf R. Contest for the Indo-Pacific: Why China Won't Map the Future. // La Trobe University Press. – 2020. – 324 p.

[одновременно] и место (пространство), и идея. Это регион, занимающий центральное место в вопросе глобального процветания и безопасности…»[89].

Из числа российских исследователей об ИТР писали такие авторы, как: А.Д. Воскресенский[90], И.А. Истомин[91], Е.А. Канаев[92], а также В.Б. Кашин[93], Е.В. Колдунова [94], А.Н. Королев [95], А.А. Киреева [96], А.В. Куприянов [97], С.Г. Лузянин[98], С.И. Лунев[99], А.В. Лукин[100], В.В. Михеев и В.Г. Швыдко[101], О.Г. Парамонов[102], Д.В. Стрельцов[103].

Коллективные монографии исследователей проблем международных отношений в Азии заслуживают отдельного внимания с точки зрения изучения

---

[89] Medcalf R. Indo-Pacific Empire: China, America and the contest for the world's pivotal region. // Manchester University Press. - 2020. – 320 p.

[90] Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сравнительная политика. – 2018. – № 3. – С. 128-145.

[91] Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь. РСМД № 49. 2019. – 44 с.

[92] Канаев Е.А. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН. [Текст] / Е.А. Канаев, А. С. Королев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 26-43.

[93] Кашин В.Б., Лузянин С.Г. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018 – Т. 23. - №23. - С. 21-28.

[94] Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019. Т. 1. – Т. 2 - № 43. - С. 42-53.

[95] Korolev A., Portyakov V. China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation // Asian Perspective. 2018. - Vol. 42. - No. 3. - P. 411–437.

[96] Киреева А.А. Япония и Индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. – 2020 - №7. - С. 91-102.

Kireeva A. The Indo-Pacific in the Strategies of the U.S. and Japan. Common and Distinctive Features, Implications for Russia // Russia in Global Affairs. — July-September 2020. — Vol. 18. - No. 3. — P. 98-127.

[97] Куприянов А.В. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. - Т. 65 – № 5. - С. 49-58.

Куприянов А.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020 – Т. 13. - №3. - С. 47-65.

[98]Кашин В.Б., Лузянин С.Г. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018& - Т. 23. - №23. - С. 21-28.

[99] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. – 2020 – №1. - С. 182-212.

[100] Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР. // Сравнительная политика. – 2019 – Т. 10. - №2. - С. 135-151.

[101] Михеев В.В, В.Г. Швыдко. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз. // ИМЭМО РАН. 2020. - 182 с.

[102] Парамонов О.Г. Индо-Тихоокеанский регион - квазиальянсы и полусоюзники. — Текст: электронный. // Международная жизнь. 2022. URL: https://interaffairs.ru/news/show/33297 (дата обращения: 23.05.2023).

[103] Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. // Международная жизнь. - 2018. - №9. - С. 65–74.

вопросов регионализации и структурирования макрорегионов. А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, А.А. Киреева отмечают, что концепция ИТР с позиции США и их союзников рассматривает макрорегион Индийского и Тихого океанов в качестве единого геополитического и геоэкономического пространства [104] . Об усилении внимания российских исследователей к вопросам ИТР также свидетельствует появление все большего количества тематических монографий[105], ситуационных анализов[106] и круглых столов[107], работ в сборниках по итогам практических конференций[108].

3. Исследования, в которых рассматривается внешняя политика Индии в Южной Азии и АТР;

Из числа российских исследований можно выделить работы, в которых рассматривается внешняя политика Индии в Южной Азии и АТР таких авторов, как: А.Г. Володина [109] , Е.А. Брагиной [110] , и А.В. Куприянова [111] , С.И. Лунева[112], Н.Б. Лебедевой[113], Т.Л. Шаумян[114].

---

[104] Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. – 2017. – № 2. - С. 37-57. С. 40.

[105] Новая реальность Индо-Тихоокеанского пространства. // под общей ред. В.В. Михеева / отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва: ИМЭМО РАН. 2023. - 155 с.

[106] Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть II). Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. 2018. - № 4. - С. 83-102.

[107] Круглый стол «Проблемы стратегии и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Четырехсторонний диалог США, Японии, Индии, Австралии». // ИМЭМО РАН. 13.08.2018 г.

[108] Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст. К 25-летию диалогового партнерства и 30-летию отношений России и АСЕАН : сборник научных статей / под ред. Е. В. Колдуновой, Н. С. Куклина, В. В. Вершининой ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России [и др.]. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 185 с.

[109] Володин А.Г. Индия и «страны Южных морей»: геоэкономические интересы и геополитические императивы. // Геополитический Журнал. – 2016. – Т. 4. - №16. – С. 7 – 14.

[110] Брагина Е.А. Экономические отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии – внешнеторговый аспект. // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. - 2021. – Т. 1. - №50. - С. 66-72.

[111] Куприянов А.В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2022. - № 8. - С. 75-89.

[112] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт. 2019. – 304 с.

С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика. - 2012. - № 2(8). - С. 90-104.

[113] Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2012. - №3. - С. 144-171.

[114] Шаумян Т.Л. Политические системы стран Южной Азии. Москва, 2014. – 176 с.

Среди иностранных исследователей выделяются: А. Мазумдар [115], С. Дестради[116], В. Ван Экелен[117]. И С. Сингх[118], Б. Бузан[119], Р. Рой-Чодхури[120], П. Чако[121], Х. Пант и А. Рей[122], Р. Раджагопалан[123], Р. Кумар[124], Д.М. Баруа[125]. Отдельного внимания заслуживает тематический доклад исследовательского центра «Indian Council of World Affairs»[126].

4. Исследования, посвященные внешней политике Китая в Южной Азии и АТР.

Из отечественных исследователей данной темой занимались: А.Д. Воскресенский [127], А.В. Виноградов [128], Н.В. Галищева и

---

[115] Mazumdar A. Indian foreign policy in transition: relations with South Asia. Routledge, London, 2014. – 244 p.

[116] Destradi S. Indian foreign and security policy in South Asia: Regional power strategies. – London, 2011. – 224 p.

[117] Van Eekelen W. Indian foreign policy and the border dispute with China: A new look at Asian relationships. – Brill, Boston, 2015. – 333 p.

[118] Singh S. India in South Asia: Domestic identity politics and foreign policy from Nehru to the BJP. – Routledge, London, 2013. – 176 p.

[119] Buzan B. South Asia moving towards transformation: emergence of India as a great power //International Studies. – 2002. – Т. 39. – №. 1. – Pp. 1-24. P. 5, 16.

[120] Roy-Chaudhury R. From ‘net security provider’to ‘preferred security partnerships’: the rhetoric, reality and result of India’s maritime security cooperation // Journal of the Indian Ocean Region. – 2022. – Vol. 18. – No. 2. – С. 87-98.

[121] Chacko P. India and the Indo-Pacific: An emerging regional vision. // The University of Adelaide. Indo-Pacific Governance Research Centre – Policy Brief. November 2012. – Vol. 5. - P. 15.

[122] Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // The Washington Quarterly. – 2018. – Vol. 41. – No. 2. –P. 47-48.

[123] Rajagopalan R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 75-76.

[124] Kumar R. India s Foreign Policy under Modi Government. // Marmara University Journal of Political Sciences. September, 2014. - Vol. 2. - No. 2. – P. 101-117.

[125] Baruah D.M. Expanding India's Maritime Domain Awareness in the Indian Ocean // Asia Policy. 2016. - Vol. 22. - No. 1. - P. 49-55.

[126] Vijay T. Singh. 75 years of Indian foreign policy. // Indian Council of World Affairs. Sapru House, New Delhi. - 2023. – 144 p.

[127] Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. Никитский клуб. – Москва : Восток-Запад, 2004. – 124 с.

[128] Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок. Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 3. – С. 23-32.

Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – №. 2. – С. 6-20.

Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – №. 5. – С. 90-107.

М.С. Рещикова [129], И.Е. Денисов [130] и И.Ю. Зуенко [131], В.Б. Кашин [132], А.А. Киреева [133] и А.В. Куприянов [134], Е.В. Колдунова [135], А.С. Королев [136], В.А. Корсун[137], А.Г. Ларин[138], А.В. Лукин[139], С.Г. Лузянин[140], С.И. Лунев[141], Н.Б. Лебедева [142], Я.В. Лексютина [143], Г.М. Локшин [144], В.В. Михеев [145],

[129] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийско-китайские отношения борьба «Тигра» и «Дракона» за место под солнцем. // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. - №4. – С. 104-122.

Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 133–154.

[130] Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – №. 5. – С. 83-98.

[131]Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / Москва: МГИМО-Университет, 2022. — 24 с.

[132] Кашин В.Б. Китай: великий разворот внутрь себя. — Текст: электронный. // Россия в глобальной политике. 26.01.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-vnutr-sebya/ (дата обращения: 25.07.2023).

[133] Киреева А.А. Роль и место Китая в системе международных отношений в Северо-Восточной Азии // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В.Торкунова, Д.В.Стрельцова. Монография. М., Аспект Пресс, 2019. – С. 212-262.

[134] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. P. 195-226.

[135] Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка. // Сравнительная политика. – 2019 – Т. 10. - №4. - С. 52-64.

[136] Korolev A., Portyakov V. China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation // Asian Perspective. - 2018. - Vol. 42. - No. 3. - P. 411–437.

[137] Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. МГИМО(У) МИД России, Каф. востоковедения. – Москва : МГИМО, 2002. – 196 с.

[138] Ларин А.Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2015. - №20. - С. 37-56.

[139] Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларациии реальность // Россия в глобальной политике. - 2023. - №1 – С. 118-137.

[140] Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. — Текст: электронный. // Перспективы. 29.11.2011. URL: https://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm (дата обращения: 08.03.2022).

[141] Лунев С.И. Политика Китая в отношении Южной Азии и реакция Индии / С.И.Лунев // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д.Воскресенского. — М.: Стратегические изыскания, 2019. — С. 463-486.

[142] Лебедева Н. Б. Треугольник "Индия-Мьянма-Китай" (проблемы и компромиссы взаимодействия) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 46-78.

[143] Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений. – Санкт-Петербург, 2011. – 229 с.

[144] Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. [отв. ред. Е.В. Кобелев]; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : ИДВ РАН, 2013. – 239 с.

[145] Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – Москва, 2009. – 358 с.

Д.В. Мосяков [146], В.Я. Портяков [147], М.Л. Титаренко [148], С.В. Уянаев [149] Выделяются также отдельные сборники статей и монографии отечественных исследователей[150].

Из международных исследований выделяются работы Дж. Миршаймера [151], В.А. Каллахана [152], Р. Аояма [153], П. Фердинанда [154], Дж. Айкенберри[155], Л. Джейкобсона[156], монографии Б. Хейтона[157] и А. Натана[158] по региональной политике Китая и Т. Кристенсена[159], а также под редакцией Дж.

---

[146] Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. – М.: ИВ РАН, 2012. – 220 с.

[147] Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. // М.: ИДВ РАН. 2013. 240 с.

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / отв. ред. В.Е. Петровский. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. - 280 с.

[148] Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва: Памятники ист. мысли, 2008. – 623 с.

Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУП, 2013. – 81 с.

[149] Уянаев С.В. Подходы Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона и ее влияние на трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая. // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионент в коексте Индо-Тихоокеанской стратегии США: Сборник статей. – Москва: ИДВ РАН. 2022. – С. 154-167.

[150] Китай в мировой и региональной политике: история и современность : ежегодное издание. Вып. 24 / С.В. Уянаев и др.; сост., отв. ред. Е.И. Сафронова; Ин-т Дальнего Востока РАН. - Москва: ИДВ РАН, 2019. - 416 с.

Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / под ред. Г.И. Чуфрина; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – Москва: Наука, 2007. – 325 с.

Китай и глобализация / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН; отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. – Москва: ИМЭМО РАН, 2012. – 80 с.

Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991); С.-Петерб. гос. ун-т, Вост. фак. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – 329 с.

[151] Mearsheimer J.J. The gathering storm: China’s challenge to US power in Asia // The Chinese journal of international politics. – 2010. – Vol. 3. – No. 4. – P. 381-396.

[152] Callahan W.A. China’s “Asia Dream” the belt road initiative and the new regional order // Asian Journal of Comparative Politics. – 2016. – Vol. 1. – No. 3. – P. 226-243.

[153] Aoyama R. “One belt, one road”: China's new global strategy // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2016. – Vol. 5. – No. 2. – P. 3-22.

Aoyama R. Chinese Diplomacy toward Neighboring Countries // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2013. – Vol. 2. – No. 2. – P. 73-93.

[154] Ferdinand P. Westward ho—the China dream and ‘one belt, one road’: Chinese foreign policy under Xi Jinping // International Affairs. – 2016. – Vol. 92. – No. 4. – P. 941-957.

[155] Ikenberry G.J. Between the eagle and the dragon: America, China, and middle state strategies in East Asia // Political science quarterly. – 2016. – Vol. 131. – No. 1. – P. 9-43.

[156] Jakobson L. Reflections from China on Xi Jinping's “Asia for Asians” // Asian Politics & Policy. – 2016. – Vol. 8. – No. 1. – P. 219-223.

[157] Hayton B. The South China Sea: the struggle for power in Asia. // Yale University Press, London, 2014. – 298 p.

[158] Nathan A.J., Scobell A. China's search for security. // Columbia University Press. - 2015. – 432 p.

[159] Christensen T.J. The China challenge: Shaping the choices of a rising power. // WW Norton & Company. - 2015. – 400 p.

Эйземанна и Э. Хегинботэ[160] - по глобальной политике КНР. Стоит также обратить внимание на коллективный тематический доклад американского центра «RAND Corporation»[161].

К данному блоку относятся также работы авторов, исследовавших особенности внешней политики Китая в Азии и по отношению к Южной Азии и АТР. Среди китайских исследователей данному вопросу посвящены труды В. Цзуню[162], Ч. Цинхая[163], Ч. Ли[164] и Л. Цзуни[165], Б. Хэ[166], В. Ху[167] и В. Мэн[168], У. Чун[169], С. Гун[170], Ц. Чжан[171], С. Чжао[172].

5. Исследования, затрагивающие проблематику китайско-индийских двусторонних отношений;

Относятся работы, анализирующие динамику и перспективы развития китайско-индийских двусторонних отношений. Об этом подробно писали:

---

[160] China and the developing world: Beijing's strategy for the twenty-first century. / Eisemann J., Heginbotham E., Mitchell D. (ed.). // Routledge. - 2015. – 256 p.

[161] Dossani R., Hu L., Curriden C. Implementing China's grand strategy in Asia through institutions: An exploratory analysis. Research Report. // RAND Corporation. – 2021. 53 p.

[162] Вэй Цзуню. Мэйго цзай иньтай дицюй дэ чжаньлюэ тяочжэн цзи ци диюань чжаньлюэ инсян [Стратегическая адаптация США в Индо-Тихоокеанском регионе и ее геостратегическое влияние] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. – 2013. – Т. 10. – С. 140-155.

[163] Чжао Цинхай. Иньтай гайнянь цзи ци дуй Чжунго дэ ханьи [Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» и ее значение для Китая] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. – 2013. – №. 7. – С. 14-22.

[164] Чжан Ли. Иньтай гоусян дуй ятай дицюй добянь гэцзюй дэ инсян [Влияние концепции «Индо-Тихоокеанского региона» на многостороннюю структуру в Азиатско-Тихоокеанском регионе] // Нанья яньцзю цзикань [South Asia Studies Quarterly]. – 2013. – №. 4. – С. 1-7.

[165] Лю Цзуни. Чунту хайши хэцзо? - Иньтай дицюй дэ диюань чжэнчжи хэ диюань цзинцзи сюаньцзэ [Конфликт или сотрудничество? — Геополитический и геоэкономический выбор в «Индо-Тихоокеанском» регионе] // Иньдуян цзинцзити яньцзю [Исследование экономик Индийского океана]. – 2014. – №. 4. – С. 4-20.

[166] He B. Chinese expanded perceptions of the region and its changing attitudes toward the Indo-Pacific: A hybrid vision of the institutionalization of the Indo-Pacific // East Asia. – 2018. – Vol. 35. – No. 2. – P. 117-132.

[167] Hu W. The United States, China, and the Indo-Pacific Strategy // China Review. – 2020. – Vol. 20. – No. 3. – P. 127-142.

[168] Hu W., Meng W. The US Indo-Pacific strategy and China’s response // China Review. – 2020. – Vol. 20. – No. 3. – P. 143-176.

[169] Choong W. The return of the Indo-Pacific strategy: an assessment //Australian Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 73. – No. 5. – P. 415-430.

[170] Gong X. Non-traditional security cooperation between China and Southeast Asia: implications for Indo-Pacific geopolitics //International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 29-48.

[171] Zhang J. China's new foreign policy under Xi Jinping: towards ‘Peaceful Rise 2.0’? // Global Change, Peace & Security. – 2015. – Vol. 27. – No. 1. – P. 5-19.

[172] Zhao S. Chinese foreign policy: Pragmatism and strategic behavior: Pragmatism and strategic behavior. // Routledge. 2016. - 336 p.

С.И. Лунев[173], А.Г. Володин[174], Б.Н. Кузык и Т.Л. Шаумян[175], Е.Я. Арапова[176], С.В. Уянаев[177], А.В. Куприянов[178], Д. Скотт[179], Р. Мохан[180], Я. Хорнат[181], Р. Медкалф[182], Р. Раджагопалан[183], К. Баджпай[184], В. Гокхале[185], Мэнь Хунхуа и Ван Тин[186], Жун Ин[187], Карла П. Фриман[188], Лю Фэн[189].

---

[173] Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния //Сравнительная политика. – 2012. – Т.8. - №. 2. – С. 90-104.

Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов //Вестник МГИМО Университета. – 2010. – №. 1. – С. 189-201.

[174] Володин, А. Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире // Вестник ученых-международников. – 2023. – Т. 26. - № 4. – С. 209-218.

Володин А.Г. Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-исторической эволюции / /Общественные науки и современность. – 2022. – №. 6. – С. 106-124.

[175] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1222 с.

[176] Арапова Е.Я. Потенциал РИК в условиях нарастания индийско-китайских противоречий. Международная аналитика. 2018.- № 3 – С. 59-70.

[177] Уянаев С. В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2014. – Т. 19. - №19. - С. 135-153.

[178] Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой. Мировая экономика и международные отношения. – 2020. - Т. 64. - № 6. - С. 133-141.

[179] Scott D. The great power ‘great game’ between India and China: ‘The logic of geography’ // Geopolitics. – 2008. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1-26.

[180] Mohan C.Raja. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. // Brookings Institution Press. 2012. - 330 p.

[181] Hornat J. The power triangle in the Indian Ocean: China, India and the United States // Cambridge Review of International Affairs. – 2016. – Vol. 29. – No. 2. – P. 425-443.

[182] Medcalf R., Mohan C. R. Responding to Indo-Pacific rivalry: Australia, India and middle power coalitions. — Текст: электронный. // Lowy Institute. August 2014. URL: https://www.lowyinstitute.org/publications/responding-indo-pacific-rivalry-australia-india-and-middle-power-coalitions (дата обращения: 03.02.2022).

[183] Rajagopalan R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 75-93. P. 76.

[184] Bajpai K., Huang J., Mahbubani K. China-India Relations. – Routledge. 2016. - 242 p.

[185] Gokhale V. The road from Galwan: The future of India-China relations // Carnegie India. – 2021. – Vol. 10. - 36 p. (Организация была внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов).

[186] Мэнь Х., Ван Т. Чжунъинь хобань гуаньси фуцза синдэ чжаньлюэ фэньси [Стратегический анализ сложностей китайско-индийского партнерства]. // Таньсо юй чжэнмин. [Журнал «Исследование и дебаты»]. Сентябрь 2021. - No. 383. - Is. 9. URL: http://www.tsyzm.com/fileup/1004-2229/NEWS/20211021205129.pdf (дата обращения: 01.03.2023.)

[187] Жун Ин. Шицзе бяньцзюй чжундэ чжунъинь гуаньси [Китайско-индийские отношения в меняющемся мире]. — Текст: электронный. // Чжунго гоцзи юхао ляньлохуэй [Китайская ассоциация международных дружественных контактов]. 25.09.2019. URL: https://www.caifc.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=11&id=584 (дата обращения: 03.04.2023.)

[188] Freeman C.P. China’s ‘regionalism foreign policy’and China-India relations in South Asia. // Contemporary Politics. - 2018. – Vol. 24- No. 1. - P. 81-97.

[189] Liu F. The recalibration of Chinese assertiveness: China's responses to the Indo-Pacific challenge // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 9-27.

Д. Скотт, говоря о борьбе Китая и Индии за региональное влияние и лидерство, характеризует их отношения как новую «Большую игру»[190]. Лунев С.И. подчеркивает, что Пекин и Нью-Дели в общем плане имеют схожее восприятие мировых политических и экономических процессов, так как не приемлют гегемонию коллективного Запада и выступают за независимый внешнеполитический курс[191]. Шаумян Т.Л. определяет взаимоотношения между Индией и Китаем на основе модели «соперничество—сотрудничество»[192].

Аналитические доклады научно-исследовательских центров по данной проблематике включают: Шанхайская академия международных исследований (Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань)[193], Brookings[194], Observer Research Foundation (ORF)[195], International Crisis Group[196], Российский совет по международным делам (РСМД)[197].

---

[190] Scott D. The great power ‘great game’ between India and China: ‘The logic of geography’ // Geopolitics. – 2008. – Vol. 13. – No. 1. – P. 3.

[191] Лунев С.И. Азиатские гиганты и украинский вопрос. Запад – Восток – Россия. – 2015. - С. 87-91

[192] Шаумян Т.Л. Индия на глобальных перекрестках // Свободная мысль. - 2022. - №2 (1692). - С. 145-155.

[193] Лань Цзянь Сюэ. Чжунъинь гуаньси шаньбянь цзичулу [Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации]. – Текст: электронный // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань ятай яньцзюсо [Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований при Шанхайской академии международных исследований]. 30.08.2023. URL: https://www.aisixiang.com/data/145770.html (дата обращения: 17.04.2024).

Цзэн Сянъюй. Оучжоу даго цзежу иньдуян: тэдянь, дунзци цзи инсян [Европейские державы вторгаются в Индийский океан: характеристики, мотивы и последствия]. – Текст: электронный // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань [Шанхайская академия международных исследований]. 2022. – №. 3. - С. 82-105.

[194] Mohan C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. // Brookings Institution Press. 2012. – 330 p.

[195] Passi R. India and China in multilateral economic governance: Worldviews, approaches, and IFIs. // ORF. 06 Sep - 2019. – 60 p.

[196] Thin Ice in the Himalayas: Handling the India-China Border Dispute. // Crisis Group Asia Report N°334. 14 November 2023. – 42 p.

[197] Куприянов А.В., Виджаябаху К., Ш. Де Сильва. Международные отношения в Южной Азии: взгляды России и Шри-Ланки. – Текст: электронный // РСМД. Аналитическая записка РСМД и Pathfinder Foundation (Шри-Ланка). № 24, ноябрь 2019 г. – 16 с.

Публикации исследовательских центров и изданий по теме китайско-индийских отношений: Brookings[198], CSIS[199], IISS[200], ISPI[201], Stimson Center[202], Diplomat[203], East Asia Forum[204]. По данной теме выходили и диссертационные исследования[205].

Научная проблема. Китайско-индийские отношения характеризуются сосуществованием как стратегического соперничества, так и элементов сотрудничества. К первому можно отнести борьбу за региональное лидерство, а также сохранение политического недоверия, вызванного как опытом войны 1962 г., так и пограничным спором. Кроме того, усиление сотрудничества Китая с Пакистаном негативно воспринимается в Нью-Дели, равно как Пекин отрицательно смотрит на сближение Индии с США. В числе же факторов, способствующих сотрудничеству, выделяются: рост взаимной торговли, отстаивание интересов развивающихся стран, стремление обоих игроков к

---

[198] Malik A., Madan M. India's economic ties with China: Opportunity or vulnerability? – Текст: электронный // The Brookings Institution. 15 November 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/indias-economic-ties-with-china-opportunity-or-vulnerability/ (дата обращения: 17.04.2024).

[199] Rajagopalan R.P. India-China Relations Are Unlikely to See Much Progress. – Текст электронный // Center for Strategic and International Studies. 15 February 2024. URL: https://chinapower.csis.org/analysis/rajagopalan-india-china-relations// (дата обращения: 17.04.2024).

[200] Roy-Chaudhury R. India China Indian Ocean. – Текст электронный // International Institute for Strategic Studies / IISS. 25 August 2017. URL: https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis//2017/08/india-china-indian-ocean. (дата обращения: 16.10.2023).

[201] Palit A. India and China: Close Rivals in the G20 and in the Global South. – Текст электронный // ISPI. 5 Sep 2023. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/india-and-china-close-rivals-in-the-g20-and-in-the-global-south-139661 (дата обращения: 17.04.2024).

[202] Suri M. Transboundary Water Challenges Are Impacting Sino-Indian Relations. – Текст электронный. // Stimson Center. South Asian Voices. 29 September 2023. URL: https://southasianvoices.org/transboundary-water-challenges/ (дата обращения: 10.04.2024).

[203] Godement F. The hot peace between China and India. – Текст электронный. // The Diplomat. 12 April 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/04/the-hot-peace-between-china-and-india/ (дата обращения 14.04.2024).

Rajagopalan R.P. Sino-Indian Border Infrastructure in the Indian Defense Ministry's Year End Review. –– Текст электронный. // The Diplomat. 28 December 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/12/sino-indian-border-infrastructure-in-the-indian-defense-ministrys-year-end-review/ (дата обращения 14.04.2024).

Younten T. With an Eye Toward India, China Bolsters Military Infrastructure Development in Tibet. – Текст электронный. // Diplomat Magazine. 19 January 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/with-an-eye-toward-india-china-bolsters-military-infrastructure-development-in-tibet/ (дата обращения: 10.04.2024).

[204] Lukin A. How Russia emerged as key mediator in the China–India dispute. – Текст электронный // East Asia Forum. 23 October 2020. URL: https://eastasiaforum.org/2020/10/23/how-russia-emerged-as-key-mediator-in-the-china-india-dispute/ (дата обращения: 20.12.2023).

[205] Шавлай Э.П. Китайское направление внешней политики Индии в 1991-2021 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Э. П. Шавлай; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: МГИМО-Университет, 2021. – 203 с.

реформированию международных институтов, а также совместное противодействие новым вызовам и угрозам безопасности. Как следствие, однозначно китайско-индийские отношения не попадают ни в одну из двух категорий по шкале «друг-враг» или «сотрудничество-соперничество».

Соответственно, возникает вопрос о том, как подобный характер двусторонних отношений двух ведущих держав влияет на формование регионального порядка, в котором США стремятся к сплочению своих союзников и партнеров в Южной Азии и АТР ради сдерживания Китая.

Исследовательский вопрос: как фактор китайско-индийских отношений, с учетом их сложного политического и экономического характера, влияет на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР?

Гипотеза. Отношения Китая и Индии как двух ведущих держав с сильным региональным влиянием являются одним из важнейших факторов в структурировании регионального порядка. Даже при наличии стратегической конкуренции и Пекин, и Нью-Дели заинтересованы в поддержании стабильности и предсказуемости взаимных отношений. Помимо этого, китайско-индийские отношения представлены не только соперничеством, но и достаточно многоплановым сотрудничеством.

В связи с этим Индия не заинтересована в открытом противостоянии с КНР и поэтому стремится избегать формализации военно-политических отношений и обязательств с США и другими региональными участниками, присоединения к каким-либо альянсам. Индия позиционирует себя в качестве независимого, суверенного и самостоятельного центра силы, ведущего регионального игрока и глобальной державы, приверженной политике неприсоединения и высоко ценящей собственную внешнеполитическую самостоятельность. Это способствует складыванию именно полицентричного (а не биполярного) регионального порядка на взаимосвязанном пространстве Южной Азии и АТР, где Китай и Индия (а также Россия) выступают в качестве ведущих игроков наряду с США и их союзниками (Японией, Австралией и Южной Кореей).

Аналогичным образом действует большинство стран Южной Азии и АСЕАН, балансируя между США и КНР, что также способствует формированию полицентричного регионального порядка, при котором страны АСЕАН остаются привержены сохранению центральной роли Ассоциации в региональной институциональной архитектуре. Вместе с тем, сохранение китайско-американского соперничества и усиление конкуренции Китая и Индии за лидерство в Южной Азии придает формирующемуся полицентричному региональному порядку скорее конкурентный, нежели кооперационный характер.

Объект исследования – отношения Китая и Индии в региональном контексте.

Предмет исследования – влияние китайско-индийских отношений на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР.

Территориально-хронологические рамки предмета[206].

Южная Азия – это геополитический регион, состоящий из семи государств — Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Шри-Ланки, Бутана и Мальдив [207] . Азиатско-Тихоокеанский регион представляет пространство азиатской части Тихого океана от Японии на севере до Новой Зеландии на юге и охватывает три основных субрегиона: Северо-Восточную Азию, Юго-Восточную Азию и Южную часть Тихого океана (Австралия, Новая Зеландия и островные государства Океании)[208].

Временные рамки исследования ограничены событиями XXI в. и фокусируются на периоде начиная с 2010-х гг., когда в Южной Азии и АТР

---

[206] Более подробно авторская позиция по поводу соотнесения границ регионов Южной Азии и АТР, а также процессов макрорегионализации на данном пространстве с учетом существующих научных дискуссий отражена в Главе 1.

[207] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. — М.: Междунар. отношения, 2003. — С. 8.

[208] Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.В.Торкунов, А.Д. Воскресенский, В.И. Денисов, Ю.А.Дубинин, Е.В. Колдунова, А.В. Лукин, Д.В. Стрельцов, В.В. Сумский // Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017. - С.268.

вследствие значительного экономического и военно-политического усиления Китая и Индии произошло серьезное изменение баланса сил. Все более заметным стало укрепление экономической взаимосвязанности стран Индийского и Тихого океанов [209], а также усиление межрегиональных экономических связей между странами Южной и Восточной Азии[210]. Фокус на 2010-2020-х гг. также определяется тем, что к власти в Китае (2013 г.) и Индии (2014 г.) пришли Си Цзиньпин и Нарендра Моди – руководители, которые серьезно модифицировали внешнеполитическую стратегию своих стран, сделав ее более проактивной с заявкой на региональное и глобальное лидерство.

Цель исследования – выявить основные черты китайско-индийских отношений в сферах политики, безопасности и экономики и определить, как фактор китайско-индийских отношений влияет на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- Охарактеризовать российские и зарубежные теории и подходы, при помощи которых в работе будут концептуализированы процессы формирования макрорегиона Южной Азии и АТР и влияние китайско-индийских отношений на региональный порядок;
- Выделить основные тенденции трансформации китайско-индийских отношений в сферах политики и безопасности;
- Проанализировать основные характеристики китайско-индийских отношений в области экономики;

---

[209] Kupriyanov A. Maritime Geopolitics of the Pacifi c and Indian Oceans: A View From Moscow. // Valdai Papers. №124. September 2024. – p. 16. URL: https://valdaiclub.com/files/45452/ (дата обращения: 01.10.2024)

[210] Wignaraja G. Fostering Regional Trade Integration between South Asia and East Asia for COVID-19 Recovery. Chapter 10: in South Asia's Path to Resilient Growth. International Monetary Fund (IMF). December 23, 2022 – 230 p.

Deepening Linkages between South Asia and Southeast Asia. Synthesis Report. The World Bank. Washington DC, 2022. – 82 p.

- Выявить основные внешнеполитические и экономические интересы Китая и Индии в Южной Азии и АТР;
- Выделить факторы, влияющие на структурирование регионального порядка;
- Проанализировать влияние китайско-индийских отношений на процессы усиления взаимосвязанности и формирование регионального порядка в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- Провести сценарный анализ воздействия китайско-индийских отношений на региональный порядок при благоприятном, негативном и нейтральном сценариях изменения их характера.

Теоретические основы исследования составляет междисциплинарный подход на основе применения ряда теорий международных отношений, в особенности неоклассического реализма, и неореалистского направления международной политэкономии (МПЭ) [211] . Первый помогает проанализировать положение Китая и Индии в глобальном и региональном порядке, а также учитывать влияние внутриполитических особенностей обеих стран на их внешнеполитические стратегии. МПЭ же в данной работе помогает оценить взаимное влияние политических и экономических факторов, присущих китайско-индийским отношениям, как на их двустороннее взаимодействие, так и на Южную Азию и АТР в целом.

С целью анализа регионального уровня международных отношений, применительно к Южной Азии и АТР, в работе используются мировое комплексное регионоведение (МКР) и теория региональных комплексов безопасности (РКБ)[212].

Принимая во внимание попытки ряда ведущих акторов с точки зрения политико-географического конструирования обособить Индо-Тихоокеанский

[211] Более подробно теоретические подходы рассмотрены в Главе 1.

[212] Концептуализация основных терминов и понятий в работе проводится на основе представленных теоретических подходов, каждый из которых более подробно рассмотрен в Главе 1.

регион, учет положений конструктивизма является важным теоретическим инструментарием для данной работы. Он позволяет, во-первых, проанализировать положение держав в регионе на основе оценки их совокупного потенциала и мощи, а также с учетом их собственного самопозиционирования. В частности, Индия, которая по общепринятым формальным параметрам пока еще не в полной мере соответствует статусу великой державы, сама себя уже позиционирует себя в качестве таковой. Во-вторых, теоретические основы конструктивизма по отношению к данному исследованию применимы и с точки зрения анализа процессов макрорегионализации, в рамках которых рядом региональных игроков предпринимаются попытки конструировать Индо-Тихоокеанский регион. В работе широко применяются теоретические подходы, разработанные в рамках российской школы международно-политических исследований, которые позволяют проанализировать более сложные аналитические конструкты.

Методология исследования.

Для анализа формирования регионального порядка, а также ключевых политэкономических процессов в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР в работе применяется системно-структурный подход, так как он позволяет исследовать процессы в отдельных региональных подсистемах как самостоятельных, но взаимосвязанных частей единой системы международных отношений, а также дает возможность проанализировать структуру самой региональной подсистемы.

Системно-структурный подход начал применяться в ТМО начиная с середины 1950-х гг. вслед за его появлением в работах Т. Парсонса[213] и Д. Истона[214]. В теории международных отношений системный подход применял

---

[213] Т. Парсонс определяет систему как совокупность всех ее участников. / Parsons T. The Social System. Routledge. London, 2013. - P. 25.

[214] Д. Истон из всей совокупности социальной деятельности выделяет именно политическую. Система существует в определенной среде, взаимосвязь с которой происходит через механизмы «входов» и «выходов». Она находится в динамичном состоянии, а ее функционирование обусловлено реакцией

К. Уолтц, который отмечал, что система представляет собой большее, чем простую сумму ее отдельных элементов[215]. Представитель Чикагской школы М. Каплан утверждал, что количество, тип и поведение государств изменяются с течением времени, равно как и их военные возможности и экономические ресурсы[216]. В отечественных исследованиях международных отношений системный подход разрабатывали такие ученые, как Э.А. Поздняков[217], А.Д. Богатуров[218], А.Д. Воскресенский, П.А. Цыганков[219] и Н.А. Косолапов[220].

Для данного исследования важна поднятая А. Вендтом проблема соотношения роли агента и структуры[221]. Традиционно подобную дихотомию связывали с теорией систем[222]. Проблема агент-структурных отношений заключается в том, что с одной стороны, сознательные акторы (индивиды и их организации) благодаря своей деятельности трансформируют общество, а с другой - общество само подразумевает наличие таких социальных отношений, которые структурируют взаимодействия между этими акторами[223].

Объяснения сложившейся дихотомии в теории международных отношений основываются на двух подходах – структурном (структура первична, агенты вторичны, о чем говорит структурный реализм К. Уолтца) и

участников на происходящие во внешней среде изменения. / Easton D. The political system // World Politics. – 1957. – Vol. 9. – No. 3. – С. 383-384.

[215] Waltz K.N. Theory of International Politcis // University of California, Berkeley. Addison-Wesley Publishing Company. 1979. - P. 111.

[216] Kaplan M.A. System and process in international politics. ECPR Press. - 2005. - 260 p.

[217] Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. // М.: Наука. 1976. - С. 20-25.

[218] Согласно определению А.Д. Богатурова, термин «системный подход» предполагает рассмотрение международных отношений как системы, которая представляет собой организованное целое, ограниченное от своего окружения (среды). То есть система является устойчивой совокупностью взаимосвязанных элементов, образующих целостность. / Богатуров А.Д. Современная мировая политика: Прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс. 2010. - С. 101.

[219] Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – №. 1. - С. 27-28.

[220] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий, 2002. - С. 302.

[221] Wendt A.E. The agent-structure problem in international relations theory // International organization. – 1987. – Т. 41. – №. 3. – P. 335-370.

[222] Алексеева Т.А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. – Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 77-93.

[223] Там же.

агентском (рассмотрение влияния агентов на структуру). В данном исследовании принимается во внимание то, что не только система влияет на ее участников, но и сами участники оказывают влияние на систему. На характер регионального порядка оказывают влияние не только Пекин и Нью-Дели по отдельности, являясь одними из ключевых акторов региональных процессов в Южной Азии и АТР, но и их специфические отношения, представленные сочетанием сотрудничества и соперничества, которые воздействуют на их внешнеполитическое поведение и тем самым также влияют на региональный порядок. Он становится более конкурентным (по причине экономического соперничества Пекина и Нью-Дели за влияния в Южной Азии), но и полицентричным (так как Индия избегает вовлечения в антикитайские альянсы и придерживается самостоятельности).

Методология данного исследования носит междисциплинарный характер. В работе используются такие общенаучные методы как: логико-интуитивный и информационно-аналитический [224], а также дедукция и индукция [225]. Для более комплексного обобщения полученных в ходе исследования результатов в качестве одного из общенаучных методов применяется анализ и синтез. Кроме того, в работе использованы и такие методы, как: критический анализ текстов и документов, сравнительно-политологический метод и метод сравнительно-экономического анализа, а также метод сценарного анализа и логико-интуитивное моделирование.

С учетом того, что данное исследование выполнено в рамках научной специальности по политическим наукам, в качестве основных применяются политологические методы. Метод анализа политических документов, а также

---

[224] Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — С. 40-50.

[225] Малинова О.Ю. Методика научно-исследовательской работы. / О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина; Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра сравнительной политологии. – Москва: МГИМО-Университет, 2014. – С. 42.

особенностей политического мышления лиц, участвующих в принятии решений, выступает как основа при проведении комплексных политических исследований. Значительное внимание уделяется критическому анализу текстов и документов. Ключевым здесь выступает анализ документов через интерпретацию смысла содержания с помощью таких методов, как логико-семантический анализ, анализ структуры, явных или скрытых акцентов[226]. Используемая теория неоклассического реализма говорит о важном воздействии на внешнюю политику государств отдельных внутриполитических факторов. В связи с этим в работе предпринят анализ ключевых стратегических документов военного и внешнеполитического планирования Китая и Индии, а также выступлений лидеров обеих стран и других официальных лиц, участвующих в выработке и принятии ключевых государственных решений. Это, в частности, официальные документы МИД обеих стран, а также соответствующие военные доктрины и стратегии, документы национального законодательства, регулирующие вопросы внешнеполитической деятельности[227].

Одним из наиболее распространенных в современной политической науке методов является сравнительно-политологический. Сморгунов Л.В. отмечает, что он направлен на выявление общего и особенного. Сравнение включает абстракцию, так как конкретные ситуации и процессы никогда не могут сравниваться как таковые. При этом до проведения сравнения необходимо не только установить категории и понятия, но и определить критерии релевантности компонентов анализируемой проблемы. На

---

[226] Малинова О.Ю. Методика научно-исследовательской работы. / О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина; Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра сравнительной политологии. – Москва: МГИМО-Университет, 2014. – С. 72.

[227] Более подробно перечень анализируемых в исследовании официальных документов и выступлений лидеров стран приведен в разделе «Источниковая база исследования» Введения. Военные доктрины Китая и Индии (а также Пакистана) детально раскрыты в Главе 2.1. Внешнеполитические стратегии Китая и Индии, а также выступления руководства обеих стран подробно проанализированы и систематизированы в Главе 3.1.

основании результатов сравнения и эмпирических обобщений становится возможным выделять корреляции и зависимости, строить модели, типологии и классификации[228].

В диссертационном исследовании на основе данного метода проводится сравнение интересов Китая и Индии по отношению к Южной Азии и АТР. Сравнение производится на основании выделения ряда параметров. Во-первых, это анализ сфер ключевых интересов Китая и Индии в двух областях: внешняя политика и экономика. Во-вторых, это определение данных интересов в конкретных географических регионах. Сначала рассматриваются регионы, где непосредственно находятся Китай и Индия: Восточная Азия – для Китая и Южная Азия – для Индии, а затем уже регионы, в которых происходит расширение влияния Китая (Южная Азия) и Индии (Восточная Азия). После этого уже проводится анализ внешней политики обеих стран в упомянутых регионах, а также отношений Китая и Индии с ведущими региональными участниками.

В работе предлагается несколько сценариев возможной эволюции регионального порядка в Южной Азии и АТР на основе динамики китайско-индийских отношений и изменения регионального баланса сил. С этой целью применяются методы сценарного анализа и логико-интуитивное моделирование. Логико-интуитивное моделирование — это исследовательский метод, при котором специалист на основе своих знаний, а также логики и интуиции, создает модель изучаемой ситуации или процесса[229]. Моделирование является процессом построения модели, понимаемой в широком смысле как аналог оригинала/реальности (фрагмента действительности), который при определенных условиях воспроизводит

---

[228] Сморгунов Л.В. Сравнительная политология. / 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — С. 49-53.

[229] Там же. С. 95.

интересующие исследователя свойства оригинала [230] . Модель – концептуальный инструмент, ориентированный на управление моделируемым явлением[231].

Как отмечает Боришполец К.П., модель – это не само явление, а его упрощенное изображение, используемое, в первую очередь, для комплексного изучения результатов возможных изменений. Моделирование подразумевает не только исключительно гипотетическое, но и некое эмпирическое отражение действительности, т.е. непосредственную связь концептуальных построений с фактологическими данными.

Метод построения прогнозного сценария основан на установлении логической последовательности состояний объекта прогнозирования и прогнозного фона во времени при различных условиях [232] . В сценарном анализе в рамках данного исследования на основе анализа данных об эволюции и текущем состоянии китайско-индийских отношений выстраиваются возможные модели (негативная, нейтральная и позитивная) изменения регионального порядка (зависимая переменная[233]) в Южной Азии и АТР в зависимости от соответствующей динамики (прогнозный фон во времени при различных условиях) китайско-индийских отношений, что является независимой переменной данной модели. 1 сценарий (негативный) - дальнейшая деградация отношений Китая и Индии и тяготение регионального порядка к биполярности; 2 сценарий (нейтральный) - сохранение текущего статус-кво и тяготение регионального порядка к полицентричности; 3 сценарий (позитивный) - улучшение отношений и более активное стремление регионального порядка к полицентричности.

---

[230] Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Логос, 2001. - С. 3.

[231] Там же. С. 86-87.

[232] Там же. С. 117.

[233] Под переменной понимается изменяющееся качество изучаемого политического феномена, к измерению которого могут быть применены неметрические или метрические шкалы. / Сморгунов, Л.В. Сравнительная политология. / Л.В. Сморгунов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — С. 52.

С учетом использования в работе теории международной политэкономии, для проведения сравнения показателей экономического развития Китая и Индии и структуры их двусторонней торговли, а также внешнеэкономических связей со странами Южной Азии и АТР в исследовании применяется метод сравнительно-экономического анализа. Для анализа и сопоставления статистических данных, а также экономических показателей в работе используются динамический, структурный и пространственный типы сравнения[234].

Метод динамического сравнения позволяет сравнивать показатели текущего и нескольких предшествующих временных периодов, что актуально для анализа роста ВВП Китая и Индия. Метод структурного сравнения помогает уточнить состав и соотношение разнообразных сравниваемых показателей. Это помогает охарактеризовать динамику китайско-индийских экономических взаимоотношений с точки зрения особенностей двустороннего экспорта и импорта обеих стран.

Для выделения структурных характеристик и определения основных тенденций трансформации китайско-индийских отношений в работе применяется ряд исторических методов. В первую очередь это метод исторического описания, с помощью которого исследуемая реальность познается посредством ее описания на основе информации источников[235]. В исследовании анализируется содержание источников и литературы, посвященной подходам Китая и Индии к эволюции двусторонних отношений и территориальному спору. Для выявления причинно-следственных связей и закономерности исторического развития китайско-индийских отношений вплоть до современного этапа в данном исследовании применяются историко-генетический и историко-интерпретационный методы [236] . Последний, в

---

[234] Баканов, М.И. Теория экономического анализа. / М.И. Баканов, М.В. Мельник, А.Д. Шеремет; под ред. М.И. Баканова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика, 2007. — С. 147-152.

[235] Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. - М.: Наука, 2003. - С.245.

[236] Там же. С. 186-190.

частности, позволяет наряду с объяснением истории установить и закономерности (понять, почему одни факторы могут быть важнее других), с помощью которых можно не только рационализировать произошедшее в прошлом, но и интерпретировать то, что происходит в настоящем.

В работе также предлагается анализ процессов макрорегионализации в Азии, происходящих в результате стяжения традиционных регионов Южной Азии и АТР в единый формирующийся макрорегион. При этом ряд исследователей характеризует данные процессы как формирование Индо-Тихоокеанского пространства. С этой целью в работе используется историко-системный метод, позволяющий раскрыть внутренние механизмы функционирования и развития разного рода общественно-исторических систем[237].

Источниковую базу исследования можно разделить на несколько групп:

1. Официальные внешнеполитические документы:

- Китай: основные приоритеты внешней политики МИД КНР[238]; «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» [239]; Закон КНР о международных отношениях (2023 г.)[240]; «Периферийная дипломатия Китая»[241]; Закон о национальной

---

[237] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. – С. 197-201.

[238] Чжунго вайцзяо чжэнцэ [Внешняя политика Китая.] – Текст: электронный // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу. [Министерство иностранных дел КНР]. 28.02.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_ (дата обращения: 20.12.2023).

[239] Си Цзиньпин вайцзяо сысян сюэси ганъяо [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии]. Чжунгун чжунъян сюаньчуаньбу, Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу. [Отдел пропаганды ЦК КПК, Министерство иностранных дел КНР]. – Текст: электронный // Жэньминь чубаньшэ [Издательство Жэньминь]. 08.2021. URL: https://www.bookuu.com/xsd/ebook.php?page_id=617&id=138379

[240] The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China. – Текст: электронный // Ministry of Justice of the People's Republic of China. 28 June 2023. URL: http://en.moj.gov.cn/2023-07/11/c_901729.htm (дата обращения: 20.12.2023).

[241] Синь шидай чжунго дэ чжоубянь вайцзяо чжэнцэ чжаньван [Перспективы периферийной дипломатии Китая в новую эпоху.]. – Текст: электронный // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел КНР].24.10.2023.URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202310/t20231024_11167069.shtml (дата обращения: 05.06.2023).

обороне (в редакции от 2020 года)[242]; Военная стратегия КНР (2015 г.)[243]; Белые книги: «Национальная оборона в новую эпоху» (2019 г.)[244] и «Сотрудничество в сфере безопасности в АТР» (2017 г.)[245]; Синяя книга «Внешние вызовы безопасности Китая-2024»[246]; Концепция «Сообщества единой судьбы человечества»[247]; Инициатива по глобальному развитию[248]; Инициатива по глобальной безопасности[249]; Инициатива глобальной цивилизации[250]; Белая книга: сотрудничество в рамках инициативы "Пояс и путь" (2023 г.)[251].

[242] Law of the People's Republic of China on National Defense. – Текст: электронный // National People's Congress of the People's Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202109/t20210914_384857.html (дата обращения: 05.06.2023).

[243] China's Military Strategy. . – Текст: электронный // The State Council Information Office of the People's Republic of China. May 2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/Publications/WhitePapers/4887928.html (дата обращения: 05.06.2023).

[244] Full Text: China's National Defense in the New Era. – Текст: электронный // The State Council of the People's Republic of China. July 24, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 17.04.2024).

[245] China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11 Jan. 2017. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 17.04.2024).

[246] Чжунго хайвай аньцюань фэнсянь ланьпи шу [Синяя книга «Внешние вызовы безопасности Китая».] – Текст: электронный // Чжун хайань [Центр исследований морской безопасности КНР]. 06.02.2024. URL: https://www.cosrigroup.com/viewpointdetail/261.html (дата обращения: 17.04.2024).

[247] Building A Community With A Shared Future For Mankind: A Chinese Answer To A Changing World– Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. March 14, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zwbd/202405/t20240530_11366080.html (дата обращения: 17.04.2024).

[248] 3 years on, China-proposed Global Development Initiative gathers momentum for speeding up modernization. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.09.2024. URL: https://2024focacsummit.mfa.gov.cn/eng/zpfh_1/202409/t20240924_11495373.htm (дата обращения: 17.10.2024).

[249] Full text: The Global Security Initiative Concept Paper. // Xinhua. 21.02.2023. URL: https://english.news.cn/20230221/75375646823e4060832c760e00a1ec19/c.html. (дата обращения: 17.10.2024).

[250] 3 things to know about China's Global Civilization Initiative. – Текст: электронный // The State Council Information Office of the People's Republic of China. April 3, 2024. URL: http://english.scio.gov.cn/in-depth/2024-04/03/content_117103205.htm (дата обращения: 17.10.2024).

[251] Full text: The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. // The State Council of the People's Republic of China. October 10, 2023. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202310/10/content_WS6524b55fc6d0868f4e8e014c.html (дата обращения: 17.10.2024).

- Индия: Военно-морские доктрины 2009 и 2015 гг.[252], а также военно-морские стратегии 2007 и 2015 гг.[253]; ежегодные доклады МИД[254].

- США: курс администрации Б. Обамы на «Разворот США в Азию» (2009-2016 гг.)[255]; стратегия США в ИТР при Д. Трампе (2019 г.)[256] и Дж. Байдене (2022 г.)[257]; отчет Государственного департамента США о реализации стратегии в ИТР (2024)[258]; отчет Министерства обороны США о реализации стратегии в ИТР (2024)[259].

---

[252] Indian Maritime Doctrine - 2015 Version. // Indian Navy. URL: https://indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

Indian Maritime Doctrine. – Текст: электронный // Indian Navy. Naval Strategic Publication 1.1. August 2009. P. 188. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://inexartificers.com/public/uploads/ebooks/Ebook_1_07-01-2019_11_36_53.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[253] Ensuring secure seas: Indian maritime security strategy. // Indian Navy. Naval strategic publication 1.2 October, 2015. 184 p. URL: https://www.indiannavy.nic.in/content/indian-maritime-security-strategy-2015 (дата обращения: 16.10.2023).

Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy. // Government of India, Indian Navy. New Delhi, May 2007. 85 p. URL: http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[254] Annual Report 2023-2024. // Ministry of External Affairs, Government of India. July 25, 2024. URL: https://www.mea.gov.in/Annual_Reports.htm?dtl/38005/Annual_Report_20232024 (дата обращения: 16.10.2024).

[255] Obama Administration Policy in the Asia-Pacific. – Текст: электронный // Antony J. Blinken. Deputy Secretary of State. Testimony Before the House Foreign Affairs Committee. April 28, 2016. URL: https://2009-2017.state.gov/s/d/2016d/256694.htm (дата обращения: 20.02.2023).

FACT SHEET: Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific. – Текст: электронный // The White House. Office of the Press Secretary. November 16, 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific (дата обращения: 20.12.2023).

[256] Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. – Текст: электронный // U.S. Department of State. November 4, 2019. 32 p. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[257] Indo- Pacific Strategy of the United States. – Текст: электронный // White House. February 2022. 19 p. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[258] The United States' Enduring Commitment to the Indo-Pacific: Marking Two Years Since the Release of the Administration's Indo-Pacific Strategy. – Текст: электронный // U.S. Department of State. February 9, 2024. URL: https://www.state.gov/the-united-states-enduring-commitment-to-the-indo-pacific-marking-two-years-since-the-release-of-the-administrations-indo-pacific-strategy/#:~:text=Our%20approach%20to%20the%20Indo,fairly%2C%20and%20goods%2C%20ideas%2C

[259] FACT SHEET: Department of Defense Marks Two-Year Anniversary of the U.S. Indo-Pacific Strategy. – Текст: электронный // U.S. Department of Defense. February 9, 2024. URL: https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3672121/fact-sheet-department-of-defense-marks-two-year-anniversary-of-the-us-indo-paci/ (дата обращения: 16.10.2024).

- Япония: стратегия Японии в ИТР[260]; Новый план для установления «Свободного и открытого Индо- Тихоокеанского региона (FOIP)» [261] ; Концепция национальной безопасности 2022 г. [262] ; Голубая книга по дипломатии[263].

- Австралия: Белые книги по внешней политике (2017 г.)[264] и обороне (2020 г.)[265].

- АСЕАН: «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН»[266];

- Южная Корея: Индо-Тихоокеанская стратегия[267];

- Бангладеш: Индо-Тихоокеанская стратегия [268];

- ЕС: Индо-Тихоокеанская стратегия[269];

- Великобритания: Индо-Тихоокеанская стратегия[270].

---

[260] Free and Open Indo-Pacific. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 16 May 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/page25e_000278.html (дата обращения: 04.11.2023).

[261] The Future of the Indo-Pacific-Japan's New Plan for a "Free and Open Indo-Pacific". – Текст: электронный // Prime Minister of Japan. March 20, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100477739.pdf (дата обращения: 04.11.2023).

[262] National Security Strategy (NSS). // Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 16, 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (дата обращения: 04.09.2024).

[263] Diplomatic Bluebook 2023 (PDF). // Ministry of Foreign Affairs of Japan. September 29, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2023/pdf/en_index.html (дата обращения: 04.09.2024).

[264] Foreign Policy White Paper. – Текст: электронный // Australian Government. 2017. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/minisite/static/4ca0813c-585e-4fe1-86eb-de665e65001a/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper.html (дата обращения: 05.11.2023).

[265] National Defence: Defence Strategic Review 2023. // Australian Government. Department of Defence. 2023. 112 p. URL: https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review (дата обращения: 05.10.2024).

[266] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. – Текст: электронный // The ASEAN Secretariat. 23 June 2019. URL: https://asean.org/speechandstatement/asean-outlook-on-the-indo-pacific/ (дата обращения: 25.06.2022).

[267] Introducing the Indo-Pacific Strategy. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. December 2022. P. 24. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

[268] Indo-Pacific Outlook of Bangladesh. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Bangladesh. 24 April 2023. URL: https://mofa.gov.bd/site/press_release/d8d7189a-7695-4ff5-9e2b-903fe0070ec9 (дата обращения: 05.11.2023).

[269] EU-Indo Pacific Strategy. – Текст: электронный // The Diplomatic Service of the European Union. 30.01.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indo-pacific-strategy_en (дата обращения: 05.08.2024).

[270] Policy paper. UK–Indo-Pacific Region Development Partnership Summary. – Текст: электронный // Foreign, Commonwealth & Development Office. 17 July, 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-indo-pacific-region-development-partnership-summary/0e2702a7-76e3-4119-85cd-d612f34c30ce (дата обращения: 05.11.2023).

2. Выступления официальных лиц стран, посвященные внешнеполитическим приоритетам и политике в Южной Азии и АТР: Китая[271]; Индии[272]; США[273]; Японии[274]; Австралии[275].

3. Статистические данные:

---

[271] (BRF2023) Full text of Xi Jinping's keynote speech at 3rd Belt and Road Forum for Int'l Cooperation. – Текст: электронный // Xinhua. 18.10.2023. URL: https://english.news.cn/20231018/7bfc16ac51d443c6a7a00ce25c972104/c.html (дата обращения: 05.08.2024).

Чжунгун чжунъян чжэнчжицзюй вэйюань, вайцзяо бучан Ван И цзю чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуэйда чжун вай цзичжэ тивэнь [Член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и внешних отношениях Китая]. – Текст: электронный // Жэньминь жибао. 08.03.2024. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0308/c64094-40191444.html (дата обращения: 20.12.2023).

Си Цзиньпин выступил с важной речью на Совещании ЦК КПК по внешнеполитической работе. — Текст: электронный // МИД КНР. 28.12.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202312/t20231229_11215101.html (дата обращения: 10.04.2024).

Ван И чуси «Си Цзиньпин вайцзяо сысян сюэси ганъяо» чубань цзо таньхуэй бин цзянхуа [Ван И принял участие и выступил на симпозиуме, посвященном публикации «Идей Си Цзиньпина о дипломатии»]. – Текст: электронный // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу. [Министерство иностранных дел КНР]. 06.09.2021. URL: http://new.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202109/t20210906_9137823.shtml (дата обращения: 20.12.2023).

Xi urges breaking new ground in major country diplomacy with Chinese characteristics. — Текст: электронный // Xinhua. 24.06.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/24/c_137276269.htm (дата обращения: 10.04.2024).

[272] Prime Minister’s Keynote Address at Shangri La Dialogue. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. June 01, 2018. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime_Ministers_Keynote_Address_at_Shangri_La_Dialogue_June_01_2018 (дата обращения: 20.12.2023).

External Affairs Minister in Conversation at Raisina Dialogue 2020: The India Way. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. January 16, 2020. URL: https://www.mea.gov.in/interviews.htm?dtl/32305 (дата обращения: 20.12.2023).

Remarks by EAM, Dr. S. Jaishankar at the Raisina Roundtable in Tokyo. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. March 07, 2024. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/37684/Remarks_by_EAM_Dr_S_Jaishankar_at_the_Raisina_Roundtable_in_Tokyo_March_07_2024 (дата обращения: 20.07.2024).

Address by EAM, Dr. S. Jaishankar at the India International Centre, New Delhi. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs. Government of India. 28 June 2023. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/36746 (дата обращения: 20.12.2023).

EAM Dr S Jaishankar at 4th Ramnath Goenka Lecture 2019. – Текст: электронный // The Indian Express. 14 November 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LZ1WOEU2Sdo (дата обращения: 20.12.2023).

[273] Secretary Antony J. Blinken at a Conversation on Advancing Security and Prosperity in the Indo-Pacific Region. – Текст: электронный // U.S. Department of State. July 31, 2024. URL: https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-conversation-on-advancing-security-and-prosperity-in-the-indo-pacific-region/ (дата обращения: 25.08.2024).

[274] New Plan for a “Free and Open Indo-Pacific”: Policy Speech by PM Kishida. – Текст: электронный // The Government of Japan. May 19, 2023. URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2023/05/new_plan_for_free_and_open_indo-pacific.html (дата обращения: 25.08.2024).

[275] IISS Shangri-La Dialogue. Speech. Anthony Albanese – Текст: электронный // Prime Minister of Australia. 3 June 2023. URL: https://www.pm.gov.au/media/iiss-shangri-la-dialogue (дата обращения: 25.08.2024).

- Всемирный банк (ВБ): индикаторы, отражающие экономическое развитие стран Южной Азии и АТР [276] ; показатели, демонстрирующие динамику экономик Китая, Индии и США[277];

- экономические отношения Китая и Индии в сфере торговли и инвестиций – официальные данные Главного таможенного управления КНР[278] и посольства Индии в Пекине[279];

- торгово-экономические отношения Китая и Индии со странами региона, а также межрегиональная торговля в Южной Азии и АТР – официальные доклады Международного валютного фонда (МВФ) [280] и Всемерного банка[281].

- расходы стран на оборону - Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI)[282].

4. Материалы СМИ:

- индийские издания: Economic Times, Financial Express, Hindu, Hindustan Times, Indian Express, Times of India;

- китайские издания: Global Times, China Today, CGTN, South China Morning Post, Жэньминь жибао, Синьхуа, Чжунго жибао;

- международные информационные и новостные агентства: Associated Press, Reuters, Bloomberg, Economist, Forbes, Financial Times, Wall Street Journal, National Interest, Nikkei Asia, Straits Times, Asia Times.

---

[276] Deepening Linkages between South Asia and Southeast Asia. – Текст: электронный // World Bank. 23 June 2022. URL: https://www.worldbank.org/en/region/sar/publication/deepening-linkages-between-south-asia-and-southeast-asia (дата обращения: 05.11.2023).

[277] GDP growth (annual %) // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 17.04.2024).

[278] General Administration of Customs of the People's Republic of China (2022 -2023) - Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2022. 08.01.2023. General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/2d05960c-26ca-453b-b7b6-ce4d7af378b1.html (дата обращения: 17.04.2024).

[279] Embassy of India (2015-2021) - Trade and Economic Relations. // Embassy of India in Beijing, China. URL https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/Mjg (дата обращения: 17.04.2024).

[280] Wignaraja G. Fostering Regional Trade Integration between South Asia and East Asia for COVID-19 Recovery. Chapter 10: in South Asia's Path to Resilient Growth. International Monetary Fund (IMF). December 23, 2022 – 230 p.

[281] Deepening Linkages between South Asia and Southeast Asia. Synthesis Report. The World Bank. Washington DC, 2022. – 82 p.

[282] SIPRI Military Expenditure Database. – Текст: электронный // Stockholm International Peace Research Institute URL: https://milex.sipri.org/sipri (дата обращения: 17.04.2024).

Научная новизна исследования.

Научная новизна данного исследования обусловлена комплексным анализом факторов, способствующих формированию полицентричного характера регионального порядка в Южной Азии и АТР. В работе предложен анализ иерархии держав разного уровня, напрямую влияющих на процесс структурирования регионального порядка. Диссертационное исследование предлагает углубленный анализ фактора китайско-индийских отношений в процессе формирования регионального порядка на пространстве Южной Азии и АТР, а также учитывает роль других как великих и региональных держав, так и средних и малых стран. В работе также отдельно проанализирована дискуссия в китайской академической литературе по поводу концепции Индо-Тихоокеанского региона, приведены оценки как официального Пекина, так и экспертного сообщества на основные вызовы для КНР, исходящие от стратегий ведущих региональных игроков для ИТР.

Нововведением данного исследования является также вынесение на первый план китайско-индийских отношений из всех других двусторонних отношений в регионе. Научная новизна обусловлена тем, что в диссертационном исследовании продемонстрировано, что отношения Китая как великой державы и региональной державы Индии, находящейся в состоянии перехода к великодержавности и претендующей на региональное и макрорегиональное лидерство, характеризуются рядом факторов. Во-первых, они носят сложный характер и сочетают в себе сотрудничество и соперничество. Во-вторых, Индия, следуя политике неприсоединения, является самостоятельным центром силы (равно как и Китай) и напрямую не связана военно-политическими обязательствами с другими державами. В диссертации демонстрируется, как данные характеристики влияют на характер регионального порядка в Южной Азии и АТР.

При исследовании особенностей формирования регионального порядка в данном исследовании принимается во внимание не только биполярный характер американо-китайской конфронтации как магистрального

регионального тренда, но и учитывается самостоятельная роль Индии, которая заинтересована в поддержании стабильности в своем региональном комплексе безопасности, что требует от нее избегания прямой и жесткой конфронтации с Китаем. Анализ же именно сложного характера китайско-индийских отношений зачастую не находит отражения в исследованиях региональных процессов и структурирования порядка в Южной Азии и АТР. В большинстве своем акцент смещается непосредственно на конкуренцию Китая и США. При этом Индию часто относят либо к разряду проамериканских региональных участников, либо представляют как региональную державу, являющуюся активным оппонентом КНР или даже ее военно-политическим противником[283]. В таком случае за рамками исследовательского поля остается обширный спектр отношений Пекина и Нью-Дели, не ограничивающихся исключительно соперничеством, но и представленных сотрудничеством по ряду вопросов двустороннего, регионального и глобального характера, что и анализируется в данной диссертационной работе.

Этот сложный характер китайско-индийских отношений в данном исследовании анализируется через призму теории неоклассического реализма и неореалистского направления МПЭ. Это также определяет научную новизну данного исследования, так как позволяет через комплексное применение указанных теоретических подходов учесть, как на двусторонние отношения Китая и Индии влияют внутриполитические особенности обеих стран, а также различные политические и экономические факторы.

Еще одной характеристикой, обусловливающей новизну данного исследования, является применение совместно с указанной выше методологией подхода мирового комплексного регионоведения и теории региональных комплексов безопасности. Это позволяет проанализировать, во-первых, многоформатные процессы макрорегионализации, во-вторых,

---

[283] Saeed M. From the Asia-Pacific to the indo-Pacific: Expanding Sino-US strategic competition // China Quarterly of International Strategic Studies. – 2017. – Т. 3. – №. 04. – P. 499-512., Pp. 503-504.

особенности формирования регионального порядка, а также его характер, и то, как Китай и Индия в ходе дискурсивных процессов секрьюритизации воспринимают действия друг друга с позиции усиления конкуренции за региональное лидерство.

Кроме того, в работе проводится анализ того, как страны АСЕАН и государства Южной Азии стремятся к многоплановому сотрудничеству с различными региональными участниками, включая и Китай, и Индию. Новизна исследования в этом контексте состоит в том, что в работе продемонстрировано, что курсы Пекина и Нью-Дели по отношению к государствам АСЕАН носят скорее параллельный характер и открыто не конкурируют за влияние над ними, что дает странам Ассоциации больше возможностей для балансирования между ведущими державами и дополнительно способствует региональной полицентричности. В отношении же стран Южной Азии между Пекином и Нью-Дели наблюдается более выраженная конкуренция за региональную ведущую роль. Это сужает пространство для внешнеполитического балансирования этих государств между Китаем и Индией. Хотя это и повышает градус региональной напряженности, однако вовсе не противоречит тенденции на полицентричность в Южной Азии и АТР. Иными словами, именно выявление причинно-следственной связи между соотношением держав разного уровня в Южной Азии и АТР и тяготением регионального порядка к полицентричности является одним из важных изысканий данной работы.

Практическая значимость исследования.

Нарастание конфликтности в Южной Азии и АТР, где расположены опасные очаги международной напряженности и сосредоточены интересы большинства наиболее активных участников международных и региональных процессов [284] , подчеркивает особую важность глубинного понимания

[284] Такие страны, как Россия, Австралия, Китай, Индия, США, Япония, Южная Корея, государства АСЕАН и ЮА, а также внерегиональные участники (страны ЕС, Канада и др.).

происходящих здесь изменений. Смещение центра мировой экономики в Азию обусловливает практическую ценность работы с точки зрения важности диверсификации российской внешней политики и ее торгово-экономических интересов, а также регионального позиционирования Москвы в Азии.

Кроме того, в обновленной Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г., где Россия определена как *«самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава»,* среди ключевых приоритетов региональных направлений после ближнего зарубежья и Арктики следуют Евразийский континент (Китайская Народная Республика, Республика Индия) и Азиатско-Тихоокеанский регион (преимущественно развитие отношений со странами АСЕАН и формирование Большого Евразийского партнерства)[285].

Выводы и предложенные в диссертационном исследовании прогнозы могут использоваться в работе российских государственных органов власти, отвечающих за выработку и реализацию внешней политики России в регионах Южной Азии и АТР, а также при взаимодействии России с ключевыми региональными партнерами – Китаем, Индией и странами АСЕАН. Это затрагивает компетенцию таких органов государственной власти, как: Администрация Президента РФ, Совет Безопасности РФ, Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство экономического развития РФ и Министерство промышленности и торговли РФ.

Результаты исследования могут учитываться при формировании внешнеполитической стратегии России в Южной Азии и АТР в целом, и, в частности, при формулировании ответов на возникающие вызовы национальной безопасности и угрозы региональной стабильности в Азии. В основном они связаны с более активными действиями военно-политического

---

[285] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 25.04.2024).

характера в регионе со стороны США и их ближайших союзников (Японии, Австралии, Южной Кореи).

Практическая значимость работы также выражается в том, что диссертационное исследование может быть использовано в учебном процессе в рамках бакалаврских и магистерских курсов по соответствующим учебным специальностям, включая зарубежное регионоведение и международные отношения.

Положения, выносимые на защиту.

1. Процесс структурирования регионального порядка как способа организации структуры формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР протекает под влиянием действий и интересов ведущих региональных центров силы, которые представлены державами с разным статусом и уровнем комплексной мощи (Китай и США - великие державы, Япония – региональная держава, Австралия, страны АСЕАН и Южной Азии – средние и малые державы, Индия – в состоянии перехода от региональной к великой державе). Основным фактором является американо-китайская конкуренция, однако также выделяется и ряд других факторов, которые оказывают влияние на структурирование регионального порядка. Одним из наиболее значимых является фактор взаимоотношений Китая и Индии.

2. Отношения Китая и Индии отличаются сложным характером, сочетающим с одной стороны, черты стратегического соперничества (пограничный спор, конкуренция за региональное лидерство), а с другой – сотрудничества в сферах экономики, противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам, а также реформирования системы глобального управления с учетом интересов развивающихся стран Юга. Протекающие внутри Азиатского суперкомплекса процессы секьюритизации обусловливают обострение стратегического соперничества и усиление взаимного недоверия, в результате чего Китай опасается укрепления позиций Индии в АТР, а Индия негативно воспринимает усиление Китая в Южной Азии. Сохраняющееся глубокое недоверие приводит к усилению стратегического соперничества в

китайско-индийских отношениях. Вместе с тем, Китай и Индия входят в ШОС и БРИКС, а также отзываются на усилия России по сохранению формата РИК. Кроме того, взаимная заинтересованность в снижении уровня враждебности и напряженности двусторонних отношений, развитие экономического сотрудничества, предотвращение дестабилизации региональной безопасности как залога достижения сформулированных при действующих лидерах целей национального развития Китая и Индии – все это является факторами, способствующими стабилизации китайско-индийских отношений.

3. Индия является самостоятельным центром силы, а также державой, находящейся в состоянии перехода к великодержавности с заявкой на региональное и макрорегиональное лидерство. Нью-Дели, помимо самого Китая, единственный не аффилированный с другими центрами силы (в отличие от Японии, Республики Корея, Австралии, которые являются союзниками США) региональный участник, обладающий достаточным потенциалом и мощью, чтобы влиять на устройство регионального порядка. В этой связи показательна самостоятельная внешнеполитическая линия Индии. Она заключается, с одной стороны, в расширении сотрудничества с США, Японией и другими американскими союзниками, что призвано противодействовать усилению позиций Китая в Южной Азии. С другой стороны, Индия заинтересована в стабильности китайско-индийских отношений, а также активно участвует в таких многосторонних форматах, как БРИКС, РИК, ШОС и др., где присутствуют Китай и Россия. Иными словами, углубление контактов с различными сторонами позволяет Индии иметь больше пространства для внешнеполитического маневрирования с тем, чтобы сохранять внешнеполитическую автономию.

4. С точки зрения структурирования регионального порядка позиции стран АСЕАН и Южной Азии также имеют значение, так как они определяют уровень поддержки региональных стратегий ведущих игроков и их эффективность. Так, страны АСЕАН привержены сохранению центральной роли Ассоциации в региональной институциональной архитектуре, тогда как

государства Южной Азии стремятся к сотрудничеству с различными региональными центрами силы и пытаются балансировать между Пекином и Нью-Дели. Китай и Индия активно развивают сотрудничество как со странами АСЕАН, так и с государствами Южной Азии. В случае с АСЕАН курсы Пекина и Нью-Дели носят скорее параллельный характер, так как экономическое влияние Китая намного сильнее, чем Индии, и конкуренция между ними явно не выражена. Однако, в случае со странами Южной Азии, напротив, наблюдается более заметное соперничество Пекина и Нью-Дели. Инклюзивный подход стран АСЕАН и Южной Азии к конфигурации регионального порядка в Южной Азии и АТР, а также их стремление к диверсификации внешних связей и балансированию между крупными игроками (включая Китай и Индию), снижает перспективы формирования как эксклюзивного регионального блока, нацеленного на сдерживание Китая, так и биполярного порядка в регионе.

5. Повышение уровня взаимосвязанности процессов политического и экономического характера, а также усиление взаимовлияния вопросов безопасности в Южной Азии и АТР приводит к интенсификации процессов макрорегионализации. Полярность регионального порядка в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР зависит от взаимоотношений между ключевыми региональными центрами силы, а также степени поддержки со стороны малых и средних стран. Благодаря автономной внешнеполитической линии Индии, заинтересованности Китая и Индии в поддержании стабильности двусторонних отношений даже при сохранении стратегической конкуренции, а также стремлению большинства стран Южной Азии и АСЕАН к балансированию между ключевыми центрами силы региональный порядок в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР тяготеет к полицентричности. Однако, по причине усиления стратегического соперничества между Китаем и США, Китаем и Японией, а также Китаем и Индией полицентричный региональный порядок складывается именно как порядок конкурентного типа. При этом китайско-индийские отношения,

несмотря на наличие тенденции к сотрудничеству, в вопросе формирования регионального порядка не способствуют кооперации, а скорее напротив – подталкивают его к более конкурентному характеру.

6. Изменение характера китайско-индийских отношений в сторону большего сотрудничества или конкуренции может оказывать влияние на изменение характера регионального порядка в Южной Азии и АТР. Индия в случае ухудшения отношений с Китаем может больше тяготеть в сторону встраивания в региональные структуры США антикитайского характера. В результате, тренд на полицентричность может уступить более выраженной биполярности в виде противостояния КНР с группой государств во главе с США и их союзниками – Австралией и Японии, а также активного участия Индии в механизмах сдерживая КНР.

7. При условии поддержания стабильности в китайско-индийских отношениях или их постепенной нормализации, сохранения Индией внешнеполитической самостоятельности в традициях неприсоединения, а также приверженности АСЕАН инклюзивному видению регионального порядка наиболее вероятным представляется сценарий дальнейшего укрепления тренда на формирование полицентричности в Южной Азии и АТР.

Структура и основное содержание диссертационной работы.

Структура и содержание работы обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, списка кратких обозначений, основной части, заключения, библиографии и приложения. Основная часть по своей структуре и содержательно разделена на три главы, которые в свою очередь разделены на отдельные параграфы и пункты, следующие за логикой анализа и повествования автора.

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы представленного исследования, ставится научная проблема, для решения которой задается исследовательский вопрос и формулируется гипотеза. Помимо этого, в работе также обозначаются цели и задачи исследования, освещается степень разработанности проблемы, объясняются теоретическая и

методологическая основа работы и понятийный аппарат исследования, определяются географические и хронологически рамки, а также представлен обзор использованных источников и исследовательской литературы.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования» обосновывается применение неоклассического реализма и международной политэкономии *(Гл. 1.1. Неоклассический реализм и Гл. 1.2. Международная политэкономия)* к исследованию структурных характеристик китайско-индийских отношений. Анализ регионального уровня международных отношений в Южной Азии и АТР проводится при помощи положений мирового комплексного регионоведения *(Гл. 1.3. Мировое комплексное регионоведение как теоретическая рамка для анализа регионального уровня международных отношений)* и теории региональных комплексов безопасности *(Гл. 1.4. Теория региональных комплексов безопасности и теоретические подходы к устройству регионального порядка)*. Помимо этого, с помощью применения указанных выше теорий прослеживается развитие тенденции макрорегионализации в Южной Азии и АТР, что обусловлено «стяжением» традиционных регионов в новый макрорегион.

Во **второй главе** «Основные структурные характеристики китайско-индийских отношений в сферах политики, безопасности и экономики» обозначены ключевые тенденции эволюции китайско-индийских отношений. Акцент сделан на периоде, начиная с 2010-х гг. Большое внимание уделяется вопросу взаимовлияния экономических и военно-политических процессов *(Гл. 2.1. Структурные характеристики китайско-индийских отношений в области политики и безопасности, Гл. 2.2. Основные направления и черты развития экономических взаимоотношений Китая и Индии).*

В **третьей главе** «Влияние китайско-индийских отношений на структурирование регионального порядка в Южной Азии и АТР» особое внимание уделяется определению характера протекающих в формирующемся макрорегионе политических и экономических процессов с учетом роли китайско-индийских отношений и усиливающейся конкуренции ведущих

держав за региональное лидерство. Подробно проанализированы основные военно-политические и экономические интересы Китая и Индии в Южной Азии и АТР *(Гл. 3.1. Внешнеполитические и экономические интересы Китая и Индии в Южной Азии и АТР).* Обоснована важность китайско-индийских отношений в формировании регионального порядка в Южной Азии и АТР *(Гл. 3.2. Формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР: ключевые факторы).* В работе также приводится моделирование возможных сценариев изменения характера регионального порядка в Южной Азии и АТР в зависимости от динамики развития китайско-индийских отношений *(Гл. 3.3. Сценарный анализ изменения характера регионального порядка в Южной Азии и АТР в зависимости от динамики китайско-индийских отношений).*

В **заключении** диссертации формулируются ключевые выводы и обобщаются результаты проведенного исследования. Констатируется, что предложенная в начале работы гипотеза в результате исследования подтвердилась. В связи с чем сформулирован общий вывод о том, что в результате самостоятельной внешнеполитической позиции Индии, заинтересованности Китая и Индии в стабильности двусторонних отношений при условии сохранения конкуренции за региональное лидерство, а также стремления других региональных участников (прежде всего стран АСЕАН и Южной Азии) к открытому региональному сотрудничеству, характер регионального порядка Южной Азии и АТР тяготеет к полицентричности. При этом, с учетом сохраняющегося регионального соперничества Китая с США, Индией и Японией, он тяготеет к конкурентному типу

Библиография включает в себя список источников и литературы.

В **Приложении** приведены графические и статистические данные, демонстрирующие ряд положений диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования. Настоящая работа выполнена на кафедре востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России. Основные выводы и

положения диссертации нашли отражение в следующих опубликованных работах.

Монографии, главы в монографиях:

1. Bochkov D. Chapter 12. Russia's Foreign Policy Objectives and the Outlook on the Indo-Pacific / I. Denisov, D. Bochkov // In Indo-Pacific and ASEAN. New Balances and New Challenges for Asian Integration and Stability. Ed. by Thi-Liên T.C., Chirathivat S., De P. 2024, Routledge India. – P. 159-172. (0,8 п.л.) (Scopus).

В научных изданиях МБД, журналах из списка RSCI и Перечня ВАК:

2. Bochkov D. China–India relations in Eurasia: Historical legacy and the changing global context / I. Denisov, I. Safranchuk, D. Bochkov // Human Affairs. – 2020. – Vol. 30. – No. 2. – P. 224-238. (0,9 / 0,3 п.л.) (Scopus).

3. Бочков Д.А. Роль китайско- индийских отношений в форматировании регионального порядка в Индо- Тихоокеанском регионе / Д.А. Бочков // Вестник учёных-международников. 2023 – № 1 (23). – С. 173-188. (0,6 п.л.).

4. Бочков Д.А. Как китайско-индийское экономическое сотрудничество влияет на конфликтный потенциал двусторонних отношений? / Д.А. Бочков // Международная жизнь. – 2023. – № 7. – С. 28-45. (0,97 п.л.).

5. Бочков Д.А. Экономические отношения Китая и Индии в контексте формирования Индо-Тихоокеанского региона / Д.А. Бочков // Вестник учёных-международников. – 2024. – № 2. (28). – С. 203-220. (0,67 п.л.).

6. Бочков Д.А. Интересы Китая и Индии в отношении АСЕАН: соперничество или параллельные курсы? / Д.А. Бочков // Проблемы Дальнего Востока – 2024. – № 1 - С. 19-31. (0,88 п.л.).

В прочих изданиях:

7. Бочков Д.А. Углубление сотрудничества Китая и стран АСЕАН в условиях усиления конкуренции ведущих держав за формирование регионального порядка в АТР / Д.А. Бочков // Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст (2022–2023): сборник научных статей / под редакцией Е.В. Колдуновой, Н.С.

Куклина, В.В. Вершининой. – Москва: МГИМО-Университет, 2025. – 6-16. (0,75 п.л.) (Перечень РИНЦ).

Промежуточные результаты диссертационного исследования представлялись автором в ходе участия в ряде международных научных конференций:

1. Международная научно-практическая конференции «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст», (13-15 октября 2022 г., МГИМО МИД России) в рамках XIV конвента Российской ассоциации международных исследований «Мир. За пределами привычного». Тема доклада: «Углубление сотрудничества Китая и стран АСЕАН в условиях усиления конкуренции ведущих держав за формирование регионального порядка в АТР»;

2. X международная научная конференция молодых востоковедов ИКСА РАН: «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее» (24-25 ноября 2022 г., г. Москва). Тема доклада: «Китайско-индийское экономическое сотрудничество как фактор снижения конфликтности двусторонних отношений»;

3. Международная научно-практическая конференция «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст», приуроченную к 5-летию стратегического партнерства России и АСЕАН (12-14 октября 2023 г., МГИМО МИД России) в рамках XV конвента Российской ассоциации международных исследований «Незападный мир: возможности и роль России». Тема доклада: «Интересы Китая и Индии в отношении АСЕАН: соперничество или параллельные курсы?»;

4. XI Международная научная конференция молодых востоковедов ИКСА РАН «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее» (23-24 ноября 2023 г., г. Москва). Тема доклада: «Конкуренция Китая и Индии в Южной Азии: причины и перспективы».

Автор исследовал отдельные темы, затронутые в исследовании, в период 2017-2020 гг. в качестве эксперта Российского совета по международным

делам. В 2019-2022 гг. автор вел аналитическую колонку в авторитетном гонконгском деловом издании South China Morning Post (КНР), часть работ которой посвящена проблемам китайско-индийских отношений, а также международным отношениям в ИТР.

Область исследования. Диссертационная работа выполнена по научной специальности 5.5. Политология в рамках следующих направлений исследований Паспорта научной специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»: п. 3 «Мировая политика. Субъекты мировой политики… Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики»; п. 5. «Мировой порядок: теории, модели, генезис и трансформация. Фактор и центры силы в мировом порядке»; п. 6 «Мегатренды мирового развития»; п. 7. «Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях…»; п. 13. «Международная политическая экономия».

Проведенное исследование соответствует п. 1 «Международные отношения, безопасность, политика» Перечня приоритетных направлений научных исследований МГИМО МИД России, входит в число тематик кандидатских диссертаций соответствующего Перечня Факультета международных отношений МГИМО МИД России: п. 12. Концептуализация и уточнение основных категорий и частных понятий науки о международных отношениях, развитие фундаментальных теоретических подходов к осмыслению международных отношений; п. 17. Материальные и нематериальные аспекты внешнеполитического процесса. Анализ взаимовлияния внешней и внутренней политики, психологических и социологических детерминант принятия внешнеполитических решений; п. 66. Индо-тихоокеанские стратегии США и их союзников и их влияние на конфигурацию безопасности и сотрудничества в АТР.

Глава I. Теоретические основы исследования.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составляет междисциплинарный подход[286]. Он предполагает учет позиций разных дисциплин[287]. Данный подход основывается на ряде положений неоклассического реализма, неореалистского направления международной политэкономии и теоретическом осмыслении специфики регионального уровня анализа международных отношений и мировой экономики[288]. В 1960-1980-х гг. тренд на междисциплинарность в теории международных отношений стал более заметным[289]. В 1950-е гг. основной парадигмой теории международных оставался реализм. В 1950-е и 1960-е гг. исследование проблем международных отношений стало развиваться на факультетах политологии (political science) американских университетов[290].

Более явный переход к междисциплинарности в рамках теории международных отношений стал проявляться в 1970-х гг., когда на фоне изменения глобальной обстановки, связанной со снижением градуса напряженности в отношениях двух противоборствующих блоков во главе с США и СССР, Нефтяного кризиса 1973 года, а также благодаря развитию диалога по линии Север-Юг вследствие появления концепции Нового международного экономического порядка[291]. В этот период теория реализма, фокус которой традиционно был на вопросах соотношения силы в международных отношениях, перестала отвечать на актуальные вопросы своего времени. Вес стала набирать международная политическая экономия,

---

[286] Moran J. Interdisciplinarity. – Routledge, 2010. - P. 10-14

[287] Long D. Interdisciplinarity and the study of international relations. // International Studies. – Palgrave Macmillan, London, 2011. – P. 39-40.

[288] Термин «междисциплинарный» возник в контексте опасений по поводу постепенного упадка общих форм знания (в первую очередь философии) и впервые начал использоваться в социальных науках в середине 1920-х годов, а общепринятым стал в период после Второй мировой войны.

[289] Ashworth L. M. Interdisciplinarity and international relations. // European political science. – 2009. – Vol. 8. – No. 1. – P. 16-17.

[290]. Ashworth L. M. Interdisciplinarity and international relations. // European political science. – 2009. – Vol. 8. – No. 1. – P. 18-19.

[291] Ее центральным форумом являлась с момента ее основания в 1964 году Конференция Организации Объединённых Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) вместе с ассоциированной Группой 77.

которая пыталась связать положения о роли силы из теории реализма с экономическими проблемами, в том числе используя подходы либеральной теории и неомарксизма[292].

1.1 Неоклассический реализм

Теория неоклассического реализма формировалась на основе теории структурного реализма (неореализма), яркими представителями которой являются К. Уолтц [293] (оборонительный реализм) и Дж. Миршаймер [294] (наступательный реализм). В общем плане, структурный реализм утверждает, что структура международной системы определяется порядком (исходя из количества и мощи великих держав в международной системе), анархией (отсутствие формальной верховной власти – положение из классического реализма) и соотношением возможностей (или «балансом сил»[295])[296].

Структурное принуждение среды оказывает б*о*льшее влияние, чем характеристики отдельных элементов, в связи с чем распределение материальных возможностей формирует систему, в рамках которой действуют государства[297]. Сторонники наступательного реализма говорят о том, что государства в условиях анархии стремятся к достижению безопасности посредством доминирования и гегемонии, для чего необходимо наращивание

---

[292] Ashworth L.M. Interdisciplinarity and international relations. // European political science. – 2009. – Vol. 8. – No. 1. – P. 19-20.

[293] Waltz K.N. Structural realism after the Cold War. // International security. – 2000. – Vol. 25. – No. 1. - P. 5-10.

[294] Mearsheimer J.J. Structural realism. // International relations theories: Discipline and diversity. – 2007. – Vol. 83. – P. 77-80.

[295] Богаутров А.Д. использует «соотношение сил» как синоним слову «баланс сил», подразумевая соотношение возможностей (военных, политических, экономических и иных) отдельных мировых держав в тот или иной конкретный исторический период // Богатуров А. Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание / М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. - С. 16-17.

[296] Lobell S.E. Structural realism/offensive and defensive realism. – Текст: электронный. // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. 01 March 2010. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304 (дата обращения: 12.09.2023).

[297] Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. / Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – 2-е изд., испр. и перераб. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – С. 54-55.

мощи[298]. Безопасность – основная цель государства в теории неореализма. В классическом реализме такой целью была – сила/мощь, аккумулирование которой являлось самоцелью. В неореализме «сила/мощь» – это лишь инструмент государства для поддержания своей безопасности[299].

Дж. Миршаймер делал больший акцент не на стремлении государств обезопасить свои интересы, а на их желании аккумулировать максимально возможный объем мощи ("a sophisticated power maximizer"[300]), чтобы не дать оппоненту посягнуть на свои интересы:*«гегемония - лучший способ для любого государства гарантировать собственное выживание»* [301]. Представители оборонительного реализма, напротив, утверждают, что анархическая структура международной системы побуждает государства проводить умеренную и сдержанную политику для достижения безопасности во избежание нарушить сложившийся баланс сил[302].

В рамках теории неоклассического реализма работали следующие исследователи: Гидеон Роуз[303], Уильям Уолфорт[304], Рэндалл Л. Швеллер[305], Колин Дуек [306], Джеффри Талиаферро [307], Норрин Рипсман [308], Фарид

---

[298] Mearsheimer J. J. Structural realism // International relations theories: Discipline and diversity. – 2007. – Vol. 83. - P. 74-76.

[299] Это является одним из способов решения «дилеммы безопасности», в условиях которой и при отсутствии глобального арбитра, государства не могут правильно интерпретировать намерения других стран и определить, стремятся ли они к поддержанию статус-кво или проведению ревизионистской внешней политики. Waltz K.N. Realist thought and neorealist theory // Journal of International Affairs, Theory, Values And Practice In International Relations: Essays In Honor Of William T.R. Fox. 1990 - Vol. 44. - No. 1. - P. 35-36.

[300] Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics // University of Chicago, W. W. Nanon & Company. 2001. - P.40.

[301] Там же. P. 2-5

[302] Waltz K. N. Realist thought and neorealist theory // Journal of International Affairs, Theory, Values And Practice In International Relations: Essays In Honor Of William T.R. Fox. - Vol. 44. - 1990. - No. 1. - P. 35-37.

[303] Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // World politics. – 1998. – Vol. 51. – No. 1. P. 144-172.

[304] Wohlforth W. C. Realism and foreign policy // Foreign policy: Theories, actors, cases. – 2008. - P.35.

[305] Schweller R. L. Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. – Princeton University Press, 2006. - 110 p .

[306] Dueck C. Neoclassical realism and the national interest // The Realism Reader, 2014. - P.3.

[307] Taliaferro J.W. State building for future wars: Neoclassical realism and the resource-extractive state //Security Studies. – 2006. – Vol. 15. – No.3. - P. 464-495.

[308] Ripsman N. M. Neoclassical realism – Текст: электронный. // Oxford research encyclopedia of international studies. 13 June 2011. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.36 (дата обращения: 13.10.2023).

Закария[309], Томас Дж. Кристенсен[310], Брайан Рэтбан[311]. Положения работ разных авторов, посвященные неоклассическому реализму, были систематизированы в 2010-х гг. с выходом монографии Н. Рипсмана, Д. Талиаферро и С. Лобелла[312].

Появление неоклассического реализма было обусловлено попытками объяснить реакцию национальных правительств на происходящие вовне структурные изменения системы с учетом влияния комплекса внутренних факторов и интересов отдельных национальных игроков. Важность разработки неоклассического реализма, как самостоятельного направления в изучении теории международных отношений, была связана с неспособностью других ведущих школ – неореализма, неолиберализма и конструктивизма – в полной мере объяснять взаимосвязь вопросов внешней и международной политики[313].

Innenpolitik объясняет внешнюю политику прежде всего с точки зрения внутренних характеристик государств и внутриполитических процессов, а также отдельных лиц, партий и коалиций, которые ими руководят[314].

Б. Рэтбан подчеркивает, что неоклассический реализм является логическим продолжением развития неореализма и утверждает, что когда внешняя политика неожиданно изменяется, то согласно положениям неоклассического реализма – причиной являются именно внутриполитические факторы[315]. У. Волфорт обращал внимание на то, что неоклассический

---

[309] Zakaria F. Realism and domestic politics: a review essay // International Security. – 1992. – Vol. 17. – No. 1. - P. 177-198.

[310] Christensen T.J. Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947-1958. – Princeton University Press, 1996. – 179 p.

[311] Rathbun B. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism //Security Studies. – 2008. – Vol. 17. – No. 2. - P. 294-321.

[312] Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. / NY: Oxford University Press. 2016. – 208 p.

[313] Романова, Т. О неоклассическом реализме и современной России. // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10 - №3. – С. 8-21.

[314] Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. / NY: Oxford University Press. 2016. - P. 29-34.

[315] Rathbun B. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism //Security Studies. – 2008. – Vol. 17. – No. 2. – P. 294

реализм является своего рода ответом на неспособность неореализма описать процессы, протекающие в международных отношениях в разные периоды их развития[316]. Он отмечал влияние внутриполитических факторов стран на конкуренцию между ними[317].

Основоположником неоклассического реализма принято считать Г. Роуза, который впервые ввел данный термин, объединив подходы реализма, неореализма и политической теории, которая фокусируется на внутренней политике (Innenpolitik). Он называл неоклассический реализм теорией, которая включает как внешние (внешнеполитические), так и внутренние (внутриполитические) переменные, систематизируя идеи классического реализма и неореализма[318]. Г. Роуз отмечает, что реакция на посылаемые международной системой сигналы в адрес государств проявляется только после прохождения воспринимаемой информации через внутриполитические институты и ее преломления сквозь мировоззрение политического руководства[319]. Неклассический реализм, следуя неореализму, принимает во внимание характер устройства системы международных отношений, в рамках которой взаимодействуют государства. Государства п реагируют в значительной степени на структурные ограничения международной системы, включая угрозы и возможности[320].

---

[316] Wohlforth W. C. Realism and foreign policy // Foreign policy: Theories, actors, cases. 2008. – P. 35-53.

[317] Активная деятельность СССР в странах Третьего мира была обусловлена стремлением руководства страны поддерживать статус соизмеримый с США, несмотря на сопровождавшие подобную интенсивную конкуренцию определенные риски и высокие затраты. Wohlforth W. C. Unipolarity, status competition, and great power war // World politics. – 2009. – Vol. 61. – No. 1. – P. 58.

[318] Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // World politics. – 1998. – Vol. 51. – No. 1. – P. 144-172.

[319] Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // World politics. – 1998. – Vol. 51. – No. 1. P. 146-147.

[320] Взаимодействие внешней политики государств и структуры внешней среды в представлении неоклассических реалистов осуществляется по схеме: поступление внешнего стимула – его восприятие (принятие) системой – процесс принятия решения в ответ на стимул – имплементация решения – ответ на стимул – последствия для внешней среды. Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. / NY: Oxford University Press. 2016. - P. 34-35.

О влиянии мировоззрения лидеров и значимости поступающей к ним информации говорит и Д. Талиаферро[321]. Он вводит понятие «мобилизации ресурсов» (‘resource-extraction’) внутри государства и общества для ответа на внешнее давление[322]. Т. Кристенсен связывет трансформацию американо-китайских отношений в разгар Холодной войны (от вражды в 1950-х гг. к сотрудничеству в 1972 г.) с внутриполитическими процессами идеологической и политической борьбы (в частности, в периоды Вьетнамской войны США и Культурой революции в Китае)[323]. К. Дуек отмечает, что хотя внутренняя политика США и не выступала первопричиной иностранных интервенций, которые были обусловлены реакцией на внешний вызовы, она оказывала огромное влияние на их характер, масштаб, продолжительность и специфику[324].

Нововведение неоклассического реализма состоит в том, что он учитывает ряд дополнительных переменных, находящихся вне исследовательского поля неореализма[325]. Существующие внутригосударственные особенности ограничивают эффективность, с которой государства могут реагировать на внешнее системное воздействие. Такая эффективность заключается в способности государственной власти извлекать и мобилизовать ресурсы общества так, чтобы сохранялась внутренняя стабильность[326]. Ф. Закария критикует исследователей, которые

---

[321] Taliaferro J.W. Balancing Risks: Great Power Intervention in the Periphery. // Ithaca: Cornell University Press. 2004. – 304 p.

[322] Taliaferro J.W. State building for future wars: Neoclassical realism and the resource-extractive state //Security Studies. – 2006. – Vol. 15. – No. 3. – P. 467

[323] Christensen T. J. Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947-1958. – Princeton University Press, 1996. – 179 p.

[324] Dueck C. Neoclassical realism and the national interest // The Realism Reader. 2014. – P. 272-273.

[325] При принятии внешнеполитических решений (ответов на структурные стимулы) ключевую роль играют такие факторы, как мировоззрение лидеров стран, стратегическая культура государства (опыт участия в международных вопросах и т.п.), взаимоотношения общества и государства, а также внутриполитические ограничения (конкуренция разных органов исполнительной власти за влияние на внешнеполитический процесс и пр.). Ripsman N. M. Neoclassical realism – Текст: электронный. // Oxford research encyclopedia of international studies. 13 June 2011. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.36 (дата обращения: 13.10.2023).

[326] Историческим примером воплощения подобной концепции Д. Талиаферро считает Китай и Японию в середине XIX в., когда, столкнувшись с западным империализмом – в 1830 г. Цинская империя не

классифицируют поведения государств, как производные от их «хороших» или «плохих» качеств (на примере «хороших» США и «плохого» СССР)[327].

Иными словами, неоклассический реализм отличается от структурного тем, что он добавляет более широкий спектр переменных, которые могут влиять на реакцию государства на структурные стимулы системы. Государства не всегда воспринимают системные стимулы правильно (это обусловлено особенностями личности и поведением лидера). Сами же лидеры не всегда принимают рациональные и оптимальные решения в ответ на системные стимулы. Международная система также не предоставляет однозначные сигналы как об угрозах, так и возможностях[328].

Применение положений неоклассического реализма в данной работе позволяет с точки зрения структурных факторов:

Во-первых, проанализировать сложившийся баланс сил на глобальном уровне и оценить то, как положение ведущих держав в нем влияет на их внешнеполитическую стратегию.

Во-вторых, определить устройство международного порядка на уровне всей мировой системы и оценить его влияние на регион Южной Азии и АТР.

В-третьих, в работе приводится характеристика влияния внутриполитических факторов на внешнюю политику Китая и Индии.

Говоря о первом пункте, необходимо отметить, что сегодня баланс сил на глобальном уровне характеризуется наличием следующих ведущих

смогла мобилизовать внутренний потенциал для отпора агрессии во время двух Опиумных войн, что в итоге привело к закату империи в 1911 г. Узнав о поражении Цинского Китая, что совпало с попытками США восстановить торговые связи с Японией в 1853 г. – Япония смогла преодолеть внутренние кризисы и встать на путь модернизации европейского образца под девизом правления Мэйдзи (1868 – 1912 гг.). Taliaferro J. W. State building for future wars: Neoclassical realism and the resource-extractive state //Security Studies. – 2006. – Vol. 15. – No. 3. – P. 464-466

[327] Он подчеркивает, что лидеры при принятии тех или иных внешнеполитических решений находятся в неведении относительно реальных последствий проводимой ими внешней политики. Zakaria F. Realism and domestic politics: a review essay // International Security. – 1992. – Vol. 17. – No. 1. – P. 177-198.

[328] Ripsman N. M. Neoclassical realism – Текст: электронный. // Oxford research encyclopedia of international studies. 13 June 2011. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.36 (дата обращения: 13.10.2023).

игроков, представленных великими державами: США[329], Китай и Россия. На региональном уровне выделяются свои ведущие игроки, представленные региональными державами, такими как, например, Индия и Пакистан в Южной Азии и пр. (Более подробно про различия великих и региональных держав, а также переходный статус Индии рассмотрено в Главе 1.4).

Переходя ко второму пункту, следует отметить, что отличительной чертой современного международного порядка является усиление великодержавной конкуренции и ее тяготение к более жесткой или даже силовой конфронтации. Подобного рода перемены внутри международного порядка оказывают непосредственное влияние и на внешнюю политику великих и региональных держав. В частности, Кашин В.Б. отмечает изменение китайской внешней политики в ответ на эскалацию соперничества с США и усиление санкционного давления на Китай в 2020 г. Тогда риторика Пекина стала более жесткой, появилась так называемая «дипломатии воина-волка», когда Пекин начал более резко реагировать на внешнюю критику[330]. Лукин А.В. обращает внимание на усилившуюся в американо-китайских отношениях конфронтацию, которая сконцентрирована прежде всего в Азии, где Пекин старается позиционировать себя лидером Глобального Юга, в ответ на что Соединённые Штаты воспринимают данные попытки как вызов собственным интересам[331].

Важно отметить, что в данной работе учитывается влияние на макрорегиональные процессы в Южной Азии и АТР характера международного порядка, который характеризуется в представленном исследовании как полицентричный. Полицентричность не тождественна

---

[329] Роль США в мировой системекак самой могущественной великой державы определяется во многом благодаря системе союзов со странами Европы (НАТО) и Азии (Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины, Таиланд).

[330] Кашин В.Б. Китай: великий разворот внутрь себя. — Текст: электронный. // Россия в глобальной политике. 26.01.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-vnutr-sebya/ (дата обращения: 25.07.2023).

[331] Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике. - 2023. - №1 – С. 118-137.

понятию многополярность[332]. Основная разница в том, что многополярность предполагает примерно сопоставимые по своему потенциалу великие державы. Полицентричность же учитывает не только великие державы, но и другие центры силы, в особенности региональные державы. Например, по определению Богатурова А.Д., многополярность предполагает *«существование в мире, как минимум, нескольких ведущих государств, сопоставимых по совокупности своих военных, политических, экономических возможностей и культурно-идеологическому влиянию»*.

В разные исторические периоды мировая система международных отношений тяготела к однополярности (например, «античная однополярность») или многополярности (например, 1918-1945 гг.)[333]. Ч. Купчан предложил концепцию «региональной однополярности» («мягкой однополярности» в противовес «агрессивной однополярности» США), согласно которой в основе мирового устройства находятся три региона, в каждом из которых доминирует один единственный полюс силы. (США в Северной Америки, Германия и Франция в Европе, и Китай и Япония – в Восточной Азии)[334]. Под «биполярностью» Богаутров А.Д., в частности, понимает ситуацию, при которой существует значительный отрыв только двух государств от всех остальных членов международного сообщества по совокупности своих военных, политических, экономических возможностей и культурно-идеологическому влиянию[335].

Шаклеина Т.А. под полицентричностью подразумевает такой характер межгосударственных отношений, при котором иерархия среди

---

[332] Куприянов А.В. Возвращение системной полицентричности // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 4 (104). - С. 96-110.

[333] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий, 2002. - С. 302.

[334] Kupchan C.A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. 1998. - Vol. 23. - No. 2. - P. 49-55.

[335] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. – С. 28.

государственных игроков не имеет жесткости, количество негосударственных игроков увеличивается; институциональная основа является фрагментированной, появляются структуры менее жесткие и юридически слабо оформленные (G20, «Давосский форум» и т.п.); международные нормы имеют амбивалентный характер, их соблюдение не строго обязательно, часто прибегают к двойным стандартам[336].

Если исходить из того, что мировой порядок является своего рода «живым» организмом, формирующимся и развивающимся под влиянием различных мировых трендов и мегатрендов и зависящим от амбиций и действий ведущих мировых держав [337] , то стоит отметить, что такое объяснение представляется в равной степени применимым и к анализу динамики регионального порядка. Некоторые специалисты отмечают, что новизна формирования полицентричного миропорядка состоит в наборе претендентов на лидерство в формирующейся системе, причем в глобальном масштабе в их числе впервые нет европейских стран. Кроме того, в формирующемся полицентричном миропорядке существенную роль играют не только государства, но и негосударственные акторы[338].

Войтоловский Ф.Г. подчеркивает, что в основе процесса формирования полицентричного мирового порядка лежит *«укрепление новых региональных и глобальных центров мировой экономики и политики и развитие сложной многовекторной системы сотрудничества и конкуренции между ними, а также прежними лидерами международной системы, которые всеми средствами стремятся сохранить за собой доминирующие позиции»*. При этом, именно страны Индо-Тихоокеанского региона становятся

---

[336] Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2011. - № 3. - С. 35–58.

[337] Шаклеина Т.А. Мегатренды и глобальные проблемы: константы и новеллы предметного поля / Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова. - М.: Аспект Пресс, 2013. С. 17-18.

[338] Россия в полицентричном мире. Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., Весь Мир, 2011. – С. 159.

«экономическим и политическим локомотивом формирования полицентричного миропорядка»[339].

Конкуренция ведущих держав за лидерство в условиях формирующейся в мире полицентричности приводит к схожим процессам и на региональном уровне в Южной Азии и АТР. Примером усиления конкуренции за региональное лидерство могут служить соперничающие курсы Китая и Индии по отношению к странам Южной Азии, или постепенно нарастающее соперничество Пекина и Вашингтона. Хотя США и предпринимают попытки по вовлечению региональных азиатских игроков в сдерживание КНР, не все выражают желание отказываться от взаимодействия с Пекином. Есть игроки, которые выбирают политику неприсоединения (в частности, Индия) или балансирования (государства АСЕАН) между Китаем и США, что способствует тяготению регионального порядка к большей полицентричности.

Третий пункт с теоретической точки зрения, указывает на то, что в данной работе применение неоклассического реализма позволяет определить влияние внутренней политики Китая и Индии на их внешнюю политику. Амбициозные экономические и стратегические цели развития Китая и Индии, сформулированные при действующих руководителях Си Цзиньпине и Н. Моди и направленные на укрепление комплексной мощи обеих стран, изменили и их внешнеполитические курсы, которые стали более проактивными. Видимым последствием этого стало расширение военного и стратегического присутствия Китая в Южной Азии и Индии в АТР. Это является одним из факторов, способствующих росту региональной конкуренции Китая и Индии за лидерство.

Активизация роли Китая в регионе Южной Азии проистекает из его растущей мощи и расширяющихся экономических интересов, связанных с

---

[339] Войтоловский Ф.Г. Трансформация внешних условий обеспечения национальной безопасности России. // Вестник российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 4. - С. 395-396.

реализацией масштабных целей национального развития, определенных действующим руководством страны, а также с заявкой на лидерство в мировой системе. В этой связи в последние годы Китай предпринимает активные шаги, направленные на расширение сотрудничества с рядом стран региона Южной Азии[340]. Среди ключевых региональных задач Пекина Дж. Миршаймер, в частности, выделяет: стремление урегулировать пограничный спор с Индией на выгодных условиях, реинтегрировать Тайвань, вернуть острова Дяоюйдао (Сэнкаку), а также обеспечить контроль над большей частью Южно-Китайского моря[341]. А.А Киреева отмечает сохранение приоритета региона Восточной Азии для Пекина с точки зрения расширения его регионального влияния[342]. Е.В. Колдунова констатирует, что, регион Юго-Восточной Азии исторически всегда находился под сильным влиянием Китая и традиционно занимал центральное место в китайской внешней политике[343]. В. Каллахан в свою очередь подчеркивает, что Пекин через такие концепции, как «Китайская мечта», «Азиатская мечта», а также проекты регионального развития («ОПОП») и созданные под них финансовые структуры (АБИИ) стремится реализовать концепцию «сообщества единой судьбы» [344], с тем чтобы объединить соседние государства под своей эгидой, а в последствии сформировать выгодный для себя региональный порядок[345].

---

[340] Непал, Бутан, Бангладеш и Шри-Ланка.

[341] Mearsheimer J.J. The inevitable rivalry: America, China, and the tragedy of great-power politics // Foreign Affairs – 2021. – Vol. 100. – 48 p.

[342] Киреева А.А. Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Торкунов А.В.,. Дьячков И.В, Киреева А.А. [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – С. 212-213.

[343] Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка. // Сравнительная политика. – 2019 – Т. 10. - №4. - С. 54.

[344] Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – №. 2. – С. 6-20.

[345] Callahan W.A. China's "Asia Dream" the belt road initiative and the new regional order // Asian Journal of Comparative Politics. – 2016. – Vol. 1. – No. 3. – P. 226-243.

В акватории Индийского океана[346] Пекин начиная с 2010-х гг. более активно наращивает присутствие своего ВМФ и развивает портовую инфраструктуру в рамках проектов инициативы «Один пояс – Один путь» (ОПОП). Индия рассматривает их как часть так называемой стратегии «нить жемчуга»[347]. Обеспокоенность Индии вызывает и усиление экономической зависимости ряда стран-соседей от Китая, что связано с увеличением количества «проблемных должников» в рамках ОПОП. Индия также критикует флагманскую часть ОПОП – Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), который проходит через спорный регион Кашмира, на суверенитет над которым претендуют и Индия, и Пакистан.

Аналогично, в работе учитывается влияние внутриполитических факторов Индии на активизацию ее внешнеполитической и экономической деятельности по отношению к Южной Азии и АТР, что также связано с ее комплексным возвышением и стремлением к статусу великой державы. Лунев С.И. отмечает, что сохранение независимого внешнеполитического курса остается важным основанием для дальнейшего повышения статуса страны и перехода в разряд держав мирового уровня[348]. При этом, в постбиполярный период дипломатия Индии стала смещать фокус на ближайшее окружение и, в частности, регион Восточной Азии, в связи с чем был провозглашен курс «Смотреть на Восток», а позднее – «Действуй на Вотсоке». Курс «Смотри на Восток» был обусловлен слабым прогрессом в рамках Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества – СААРК и связан с попытками

---

[346] Нью-Дели отдельно выделяет регион Индийского океана, который шире Южной Азии, но который также попадает в сферу интересов Индии. / Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния. // Сравнительная политика. - 2012. - № 2 (8). - С. 92.

[347] Стратегия «нити жемчуга» была предложена исследователями США в 2004 г. Она описывает создание сети китайских военных и инфраструктурных объектов вдоль морских путей от материковой части Китая до Порт-Судана на Африканском Роге и проходят через Баб-эль-Мандебский, Малаккский, Ормузский и Ломбокский проливы, а также через стратегические морские порты в Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш, Мальдивах и Сомали. Китай отрицает существование данной стратегии. Строительство инфраструктуры в рамках ОПОП не отражает практику создания портовой инфраструктуры «двойного назначения».

[348] Воскресенский А.Д., Лунев С.И. Индийский фактор в мировой политике. / Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. Учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014. - С. 211-221.

Индии подключиться к другим интеграционным процессам, включая «АСЕАН + 1», «АСЕАН + 3» и др.[349]

Более активная внешняя политика Индии как следствие ее политики по реализации амбициозных целей национального развития, сформулированных руководством страны, вызывает усиление опасений со стороны Китая. Пекин обвиняет Нью-Дели в проведении антикитайского внешнеполитического курса, что выражается в активизировавшимся сотрудничестве Индии с Австралией, США и Японией в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) «Quad» и регулярных многосторонних («Malabar» и «RIMPAC») и двусторонних (Индия-Филиппины, Индия-Вьетнам, Индия-Сингапур и др.) военно-морских учений, проводимых в зоне стратегических интересов Пекина, включая акваторию Южно-Китайского моря (ЮКМ). Более активное вовлечение Индии в вопросы ЮКМ в период руководства страной Н. Моди взывает все более растущую обеспокоенность Китая[350].

1.2. Международная политэкономия

В XVIII-XIX вв. термин политэкономия в основном использовался в странах Западной Европы для объяснения процессов развития стран, и поиска ответов на вопрос, почему некоторые страны остаются бедными, а другие становятся богатыми. С. Стрэндж отмечает, что лишь в 1960-х гг. на фоне ускорения процессов глобализации появилась потребность в анализе сложных политико-экономических явлений, связанных, в частности, с усилением роли негосударственных акторов[351].

---

[349] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. – 2020. - №1. – С. 197.

[350] Peng N. India’s Growing Involvement in the South China Sea Disputes. — Текст: электронный // The Diplomat. 10 November 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/11/indias-growing-involvement-in-the-south-china-sea-disputes/. (дата обращения: 21.02.2023).

[351] Strange S. States and markets. // Bloomsbury Publishing. 2015. - P. 21-23.

Международная политическая экономия сформировалась как обособленное научное направление анализа международных отношений и мировой экономики после энергетического кризиса 1973 г., поражения США в войне во Вьетнаме (1964-1975) и осознания того, что военная сила или дипломатия (то есть «высокая политика») не всегда способны объяснить внешнеполитические ошибки государств [352] . Сторонник неолиберального направления Дж. Най критиковал неореалистов, которые, по его мнению, игнорируют международные экономические процессы и институты, оказывающие сильное влияние на поведение государств[353].

Р. Кохейн и Д. Най связывали рост популярности МПЭ с тем, что в современном мире, вслед за снижением роли военной силы, развитые государства стали больше прибегать к экономическим инструментам для достижения своих целей[354]. В связи с усилением процессов глобализации и развития транснационального бизнеса (в 1980-х гг.) мировая экономика («низкая политика») и торговля стали играть более заметную роль [355] . Р. Кохейн также выделял тренды нового тысячелетия, связанные с особенностью развития мировой экономики и усилением ТНК, которые оказали значительное влияние на возросшее внимание к МПЭ как самостоятельной дисциплине[356].

---

[352] Milner H.V. International political economy: beyond hegemonic stability // Foreign Policy. – 1998. – P. 112-113.

[353] Nye J. S. Neorealism and neoliberalism // World politics. – 1988. – Vol. 40. – No. 2. – P. 241.

[354] Васильева Н.А. Современные теории международных отношений: учебник / Н.А. Васильева, С.М. Виноградова, В.Н. Конышев, А.А. Сергунин. – М.: РГ-Пресс, 2013. С.128-129.

[355] Gilpin R. Global political economy // Global Political Economy. – Princeton university press, 2011. - P.3-10.

[356] 1) параллельное экономическое развитие большей части населения мира; 2) Китай превратился в центр мирового производства; 3) возросла волатильность на финансовых и энергетических рынках; 4) глобальные акторы (ТНК, неправительственные акторы) стали играть более важную роль в мировой политике; 5) увеличилась скорость глобальных коммуникаций и, следовательно, ускорилась координация различных участников международных отношений.

Ключевые положения данного направления были сформулированы в 1970-е гг. в работах Р. Кохейна[357], Дж. Найя[358], С. Стрэндж[359], С. Краснера[360], П. Катценштейна[361] и Р. Гилпина[362]. Позднее, теоретическая и эмпирическая база дисциплины была существенно расширены в трудах, Б. Коэна[363], Х. Милнер[364] Т. Оатли[365] и других.

Р. Гилпин определяет политэкономию, как *«взаимодействие рынка и таких влиятельных акторов международных отношений, как государства, многонациональные фирмы и международные организации»*. По мнению Р. Гилпина, политика находится под гораздо бо́льшим влиянием экономического развития, чем считали политологи, в то время как экономика сильнее зависит от социального и политического развития, чем признают экономисты[366].

Похожую позицию занимает и Т. Оатли, отмечая, что МПЭ изучает *«то, как политика формирует изменения, происходящие в глобальной экономике, и наоборот – как глобальная экономика влияет на политику…»*. Т. Оатли также подчеркивает тесную взаимосвязь политики и экономики, определяя международную политэкономию как *«политическую борьбу между победителями и проигравшими от результатов международного экономического обмена»*[367]. С. Стрэндж объясняет смысл МПЭ с точки зрения

---

[357] Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. - Princeton University Press, 1984. – 281 p.

[358] Nye J.S. Neorealism and neoliberalism // World politics. – 1988. – Vol. 40. – No. 2. – P. 235-251.

[359] Strange S. Paths to International Political Economy. – Winchester, Mass.: George Allen & Unwin, 1984. – 209 p.

[360] Krasner S.D. International political economy: abiding discord. // Review of International Political Economy. 1994. - Vol. 1. – No.1, – P. 13-19.

[361] Katzenstein P. J. Introduction: domestic and international forces and strategies of foreign economic policy // International organization. – 1977. – Vol. 31. – No. 4. – P. 587-606.

[362] Gilpin R. The Political Economy of International Relations. - Princeton University Press, New Jersey. – 1987. – 437 p.

[363] Cohen B.J. International political economy. – Princeton University Press / Princeton and Oxford, 2008. – 199 p.

[364] Milner H.V. International political economy: beyond hegemonic stability // Foreign Policy. 1998. - P. 112-123.

[365] Oatley T. Toward a political economy of complex interdependence //European Journal of International Relations. – 2019. – Vol. 25. – No. 4. – P. 957-978.

[366] Там же. P.25.

[367] Oatley T. International political economy. // Longman. 2012. - P.2-3.

семантики слово «экономика», что с древнегреческого «oikonomia» переводится как *«правила ведения домашнего хозяйства»*, что предполагает сложную систему управления небольшим поселением, включая, помимо финансов, и обеспечение обороны, а также планирование деятельности. Иными словами, всегда наблюдалась тесная связь вопросов управления (т.е. политики) с экономикой[368]. Х. Милнер, в отличие от С. Стрэндж и Р. Кохейна, связывает рост внимания к МПЭ не только с ускорением глобализации, но и с последствиями энергетического кризиса 1973 г.[369] Б. Коэн вслед за С. Стрэндж и Р. Гилпиным говорит не только о существовании неразрывной связи между политикой и экономикой, но и подчеркивает, что она каждый день оказывает непосредственное влияние на жизнь отдельного человека[370].

Олейнов А.Г. тоже определяет МПЭ, как *«науку о взаимодействии экономики и политики на мировой арене»,* уточняя, что она изучает как политические предпосылки международных экономических процессов, так и экономические предпосылки политических процессов в мире[371]. Так как МПЭ находится на стыке теории международных отношений и экономической теории, то в МПЭ соответственно могут использоваться различные парадигмы теории международных отношений. В данном исследовании применяется неореалистское направление МПЭ[372]. Афонцев С.А. фокусирует внимание на политических и экономических факторах, влияющих на процесс выработки решений в сфере регулирования внешней торговли[373]. Исследователь также

---

[368] Strange S. States and markets. // Bloomsbury Publishing. 2015. - P. 19-20.

[369] Milner H.V. International political economy: beyond hegemonic stability // Foreign Policy. – 1998. – P. 112-123.

[370] Cohen B.J. International political economy. – Princeton University Press // Princeton and Oxford. 2008. - P. 2-3

[371] Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. - Т. 61. - № 2. - С. 57-58.

[372] Так как МПЭ находится на стыке теории международных отношений и экономической теории (в части ее раздела, касающегося мировой экономики), то она естественным способ может заимствовать ряд парадигм теории международных отношений. Это, в частности, неореалистское направление (например, теория гегемонистской стабильности), неолиберальное (теория транснационализации и теория международных режимов) и конструктивистское направление.

[373] Афонцев С.А. Политико-экономический анализ внешнеторговой политики. // Экономическая школа, 2011. - № 7. С. 31-42.

подробно анализировал политические механизмы выработки экономической политики в современном мире[374].

Р. Кохейн приходит к выводу, что существует определенная взаимосвязь между экономической деятельностью транснациональных компаний США в других странах и протекающими в них внутриполитическими процессами. Была выявлена зависимость растущего недовольства политических элит отдельных стран ЕС от активной инвестиционно-экономической деятельности американских компаний [375] . Р. Кохейн и Дж. Най разработали и популяризовали концепцию «комплексной взаимозависимости» (complex interdependence)[376]. Она отражала развитие транснациональных отношений между различными неправительственными акторами, что интерпретировалось как постепенное снижение значимости жесткой иерархии международной системы. При этом, П. Катценштейн, например, утверждает, что рост глобальной взаимозависимости является одной из ключевых проблем, с которой столкнулись ведущие промышленные государства в послевоенный период международной политэкономии[377].

Даже в неореалистском направлении МПЭ, однако, при использовании ряда терминов школы реализма, акцент в анализе смещается в сторону большей экономической составляющей. Ведущие державы устанавливают правила, согласно которым должны действовать все акторы международной экономической системы. Эти правила в целом отражают политические и экономические интересы наиболее крупных и сильных государств. Однако, экономические факторы (прежде всего технологии) также оказывают сильное влияния на политику и интересы отдельных стран и, как следствие, на

---

[374] Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. Москва, Ленанд, 2015. - 384 с.

[375] Keohane R.O. et al. The multinational enterprise and world political economy // International Organization. – 1972. – Vol. 26. – No. 1. – P. 86-88.

[376] Keohane R.O. The old IPE and the new //Review of International Political Economy. – 2009. – Vol. 16. – No. 1. – P. 35-37.

[377] Katzenstein P. J. Introduction: domestic and international forces and strategies of foreign economic policy // International organization. – 1977. – Vol. 31. – No. 4. – P. 587-606.

взаимоотношения между ними, что делает экономику и политику взаимозависимыми факторами в рамках МПЭ[378].

Таким образом, предметное поле МПЭ можно очертить как выявление взаимосвязи между национальной экономической политикой стран и глобальной системой, в которой разворачивается конкуренция за получение наиболее выгодного положения, обеспечивающего необходимые условия для экономического процветания, а также взаимосвязь между политикой и экономикой. Применяя МПЭ к теме диссертационного исследования, можно сделать ряд важных замечаний. Во-первых, Китай выступает не только ведущей мировой экономикой по показателям на основе расчета Внутреннего валового продукта (ВВП) по паритету покупательной способности (ППС) (приложение 1), но и, обладая статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, играет важную роль в принятии значимых решений в вопросах мировой политики, а также в сферах безопасности и глобального управления. Индия же в свою очередь является третьей экономикой мира по объему ВВП по ППС (приложение 1), претендует на статус великой державы и наравне с Китаем выступает одним из ключевых акторов всех происходящих в Азии региональных политэкономических процессов, включающих и вопросы безопасности.

Во-вторых, применение МПЭ в данном исследовании помогает объяснить взаимосвязь внешней политики и внешнеэкономической деятельности Китая и Индии. Так, Киреева А.А. и Куприянов А.В. говорят об усилении позиций Китая в регионе Южной Азии, отмечая, что Пекин активизирует экономическое сотрудничество с региональными государствами (в рамках ОПОП), а по мере расширения зоны своих стратегических интересов и экономического влияния значительно возрастает и военно-морское

[378] Gilpin R. Global political economy: understanding the international economic order // Robert Gilpin with the assistance of Jean M. Gilpin. // Princeton University Press, 2001. - P.23.

присутствие КНР в регионе[379]. Киреева А.А. подчеркивает, что реализация китайской инициативы ОПОП является одним из приоритетов внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии КНР[380].

Ларин А.Г. также подчеркивает важную роль ОПОП в создании благоприятных внешнеэкономических условий для развития КНР [381] . Галищева Н.В. и Рещикова М.С. уточняют, что КНР благодаря своим экономическим инициативам в странах Южной Азии не только стала постепенно вытеснять Индию, но и получает определенные привилегии, включая доступ к их стратегическим ресурсам, что вызывает сильное беспокойство Нью-Дели[382]. Среди тенденций последних лет в региональной политике Индии Шаумян Т.Л. выделяет то, что с приходом к власти Н. Моди руководство страны стало отдавать более заметный приоритет обеспечению поступательного экономического роста. В связи с этим экономические интересы стали формировать основные направления внешнеполитического вектора[383].

В-третьих, МПЭ позволяет выявить соотношение экономических и внешнеполитических интересов Пекина и Нью-Дели при реализации курса на усиление сотрудничества со странами Южной Азии (для Китая) и для Индии – в регионе, который она определяет, как Индо-Тихоокеанский. В частности, Киреева А.А. отмечает, что особую важность для реализации Морского

---

[379] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. - P. 195-226.

[380] Киреева А.А. Инициатива «Один пояс, один путь»: содержание, причины выдвижения, значение // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». — М.: Стратегические изыскания, 2019. - С. 551-580.

[381] Ларин А.Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2015. - №20. –С. 39.

[382] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 133–154.

[383] Шаумян Т.Л. Индия на глобальных перекрестках // Свободная мысль. - 2022. - №2 (1692).- С. 145-155.

шелкового пути XXI представляют именно регионы Юго-Восточной и Южной Азии[384]. В первом расположены ключевые для Китая торговые маршруты, ресурсы и рынки[385]. Второй характеризуется большой плотностью населения, быстро растущими темпами ВВП и доходами, при слабой взаимосвязанности и слабо развитой инфраструктуре[386].

Лунев С.И. среди приоритетов экономической политики Индии выделяет сохранение фокуса Нью-Дели преимущественно на стимулировании внутриэкономического развития, в то время как ее внешнеэкономические отношения с регионами Южной и Восточной Азии остаются недостаточно развитыми[387]. Одним из приоритетных внешнеэкономических направлений при Н. Моди стало развитие торговых отношений со странами Восточной Азии в рамках курса «Действуй на Востоке». Это также обусловлено и внутренними задачами экономического развития Индии, которые среди прочего связаны со стимулированием экспорта индийской продукции в рамках стратегии “Make in India” (более подробно она рассматривается в Главе 2.2). Страны Восточной Азии в отличие от государств Южной Азии обладают более диверсифицированной структурой национальных экономик и лучше встроены в региональные и глобальные цепочки добавленной стоимости.

В-четвертых, МПЭ позволяет провести более глубокий анализ сложного характера китайско-индийских отношений. То есть за счет использования МПЭ с акцентом на экономическую составляющую двусторонних отношений и ее связь с внешней политикой в данном исследовании расширяется инструментарий неоклассического реализма (как направления теории

---

[384] Киреева А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д.Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». — М.: Стратегические изыскания, 2019. - С. 609-642.

[385] Там же. С. 611.

[386] Там же. С. 629.

[387] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. 2020. - №1. – С. 198.

международных отношений) с его фокусом на вопросы баланса сил, безопасности, международного порядка и внешней политики. Именно такое комплексное использование МПЭ и неоклассического реализма позволяет провести многоплановый политэкономический анализ сложного характера китайско-индийских отношений.

Взаимоотношения Китая и Индии представлены сочетанием сотрудничества по экономическим вопросам, и конкуренции по внешнеполитическим. Куприянов А.В. отмечает, что Нью-Дели, учитывая свой исторический опыт противоречивых отношений с Китаем, привержен политике, одновременно направленной как на сдерживание Пекина, так и на развитие сотрудничества с ним (в том числе по экономическим вопросам)[388]. Уянаев С.В. также говорит о сочетании как положительных, так и негативных тенденций в китайско-индийских отношениях, отмечая при этом и заинтересованность обеих сторон во взаимовыгодном сотрудничестве[389]. Исследователь приходит к выводу, что в связи с эскалацией пограничного конфликта в 2020 г. был утрачен позитивный импульс, заданный встречами Си Цзиньпина и Н. Моди в 2018-2019 гг.[390] Однако, к концу 2022 г. – началу 2023 г. вновь наметился тренд на стабилизацию пограничного конфликта и активизацию двусторонних контактов[391]. Значимым прогрессом в этом направлении стала встреча лидеров Китая и Индии на полях саммита глав государств БРИКС в г. Казани в октябре 2024 г. и достигнутая в преддверии данной встречи договоренность о взаимном отводе войск (подробнее об этом – Глава 2.1).

---

[388] Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой. Мировая экономика и международные отношения. – 2020. - Т. 64. - № 6. - С. 133-141.

[389] Уянаев С. В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2014. – Т. 19. - №19. - С. 135-153.

[390] Уянаев С.В. Диалог "Пекин - Дели": внутренние императивы и внешние факторы. // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 4. – С. 28.

[391] Уянаев С. В. Китай и Индия в 2022 году. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. 2023. – С. 388-393.

МПЭ подчеркивает, что политические и экономические факторы при анализе политики любого государства должны совокупно учитываться, так как именно в комплексе они влияют на поведение государств. Так, Ф. Годеман характеризуют современное состояние китайско-индийских отношений как «горячий мир», сочетающий периодическую эскалацию пограничного конфликта с сохранением высокой интенсивности экономического сотрудничества [392] . С. Кумар предлагает описывать китайско-индийские отношения формулой «конкурентного сосуществования»[393].

Таким образом, использование неореалистского направления МПЭ, которое подчеркивает взаимовлияние политических и экономических факторов при взаимодействии государств, дополненное теоретическим инструментарием неоклассического направления теории международных отношений, позволяет охарактеризовать отношения Китая и Индии как содержащие, с одной стороны, черты стратегического соперничества (пограничный спор, конкуренция за региональное лидерство), а с другой – сотрудничества в сферах экономики, противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам, а также реформирования системы глобального управления (включая международные финансовые институты) с учетом интересов развивающихся стран Юга.

1.3. Мировое комплексное регионоведение как теоретическая рамка для анализа регионального уровня международных отношений

В данном исследовании много внимания уделяется влиянию китайско-индийских отношений на структурирование регионального порядка, в связи с чем необходимо ввести инструментарий анализа регионального уровня

[392] Godement F. The hot peace between China and India. – Текст электронный. // The Diplomat. 12 April 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/04/the-hot-peace-between-china-and-india/ (дата обращения 14.04.2024).

[393] Sudeep K. India-China Competitive Coexistence: A New Era of Strategic Partnership. // Journal of Social and Political Sciences. - 2020. - Vol.3. - No.1. - P. 13- 22.

международных отношений. Как отмечал А.Д. Воскресенский, для отдельных регионов характерна определенная географическая, территориально-экономическая, цивилизационная, культурная и этноконфессиональная и пр. специфика[394]. А. Ачария в свою очередь отмечает, что изучение региональных порядков, включая конструирование самих регионов, их культурных, политических, экономических и стратегических взаимодействий, а также понимание взаимосвязи между этими взаимодействиями и международной системой важны для понимания мироустройства в целом[395]. В частности, именно изучение региональных особенностей современного мира помогает анализировать текущий тренд на фрагментацию мирового пространства и де-глобализацию.

Ряд специалистов связывают актуализацию региональных исследований с появлением теории «нового регионализма» (Б. Хеттне, Ф. Содербаум), возникшей в 1980-х гг. в рамках осмысления проблем глобализации и взаимодействия региональных факторов. Данная теория рассматривает главным образом роль не только государственных, но и негосударственных акторов в процессах регионализации[396].

Теоретические основы анализа регионального уровня международных отношений.

Внимание к процессу формирования регионов, структурированию регионального порядка и роли региональных акторов стало усиливаться в период 1990-2000-х гг. Это было связано с ускорением взаимосвязанных процессов глобализации и регионализации. С одной стороны, подобные процессы дополняют друг друга, а с другой, регионализация может выступать

---

[394] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. - С. 31-32.

[395] Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 4. – P. 629-652.

[396] Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness. // New Political Economy, — 2000. Vol 5, No. 3 — P. 457-473.

в противоположной глобализации форме и усиливать фрагментацию мира. Одним из промежуточных вариантов глобализации является стяжение классических («старых») регионов в макрорегионы [397] . Проблематика макрорегионализации внутри регионоведческих исследований в разное время привлекала широкое внимание специалистов.

Среди наиболее заметных авторов работ по регионализации можно выделить труды Б. Бузана и О. Вевера[398], П. Катценштайна[399], А. Ачарии[400], Б. Хеттне[401], Ф. Содербаума[402]. В российских исследованиях отмечаются работы Воскресенского А.Д., который является основоположником отечественной школы мирового комплексного регионоведения[403]. Теоретически выделение регионального уровня анализа связывают с концом XX в. (1990-е гг.), когда ряд теоретиков международных отношений заявили о необходимости разграничить проблемы различных уровней в рамках системы международных отношений. Среди геополитических факторов, влияющих на региональные и макрорегиональные процессы, можно выделить усиление

---

[397] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. – С. 3-4.

[398] Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. – Cambridge University Press, 2003. – p 598.

[399] Katzenstein P. J. A world of regions: America, Europe, and East Asia // Ind. J. Global Legal Stud. – 1993. – Vol. 1. – P. 65-82.

[400] Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 4. – P. 629-652.

[401] Hettne B., Soderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. - 1998. - Vol. 17. - No. 3. - P. 6-21.

Hettne B., Soderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. - December 2000. - Vol. 5. - No. 3. - P. 457-473.

Hettne B. Beyond the ‘New’ Regionalism. // New Political Economy. - 2005. - Vol. 10. - No. 4. - P. 543-571.

[402] Söderbaum F. Rethinking the links between micro-regions and macro-regions / Nadalutti E., Kallscheuer O. // Region-making and cross-border cooperation: New evidence from four continents. – Routledge, 2019 – P. 30-44.

Hettne B., Soderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. - 1998. - Vol. 17. - No. 3. - P. 6-21.

Hettne B., Soderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. - December 2000. - Vol. 5. - No. 3. - P. 457-473.

[403] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. - 416 с.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. - С. 30-58.

роли вопросов безопасности, которое происходило на фоне ускорения процессов регионализации.

В начале 1990-х гг. Б. Бузан выделил тенденцию на появление в рамках отдельных региональных пространств взаимообусловленных проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию «региональных комплексов безопасности» (РКБ)[404]. Позднее эта концепция воплотилась в совместное исследование Б. Бузана и О. Вевера, посвященное теории РКБ. В нем, в частности, подчеркивалось, что после окончания Холодной войны различные процессы на региональном уровне стали проявляться гораздо более отчетливо, в связи с чем возникла объективная необходимость их отдельного теоретического анализа[405].

В России в период 1990-2000-х гг. стали заниматься теоретизацией региональной проблематики. Воскресенский А.Д. заложил основы мирового комплексного регионоведения (МКР) как научно-образовательной синтетической дисциплины. Данное междисциплинарное направление (известное также как «зарубежное (комплексное) регионоведение», оформившееся в России в 1990-х гг.) основано на теории международных отношений.

Специфика МКР заключается в том, что данный подход с помощью методов регионального политического и политико-экономического анализа изучает пространственно-временную проекцию международных отношений и развития мирового сообщества в эволюционирующих региональных сегментах мира. На основе изучения взаимосвязей регионализации и глобализации и, опираясь на методы политического и политико-

---

[404] Buzan B. New patterns of global security in the twenty-first century // International affairs. – 1991. – Vol. 67. – No. 3. – P. 431-451.

[405] Buzan, B., Waever, O. Regions and Powers // The structure of international security. Cambridge, 2003. P. 30-37.

экономического анализа в сфере мирополитического взаимодействия, МКР позволяет проводить сравнительные исследования ключевых региональных аспектов мировой политики (перераспределение влияния в мире, подъем и упадок государств и прочее)[406].

Согласно определению Воскресенского А.Д., регион представляет собой *«сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию»*[407].

Международно-политический регион – *это «привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой…»*[408]. Для международно-политического региона важна специфика присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений[409].

А.Д. Воскресенский говорит о том, что современный мир можно охарактеризовать как разноуровневую систему, состоящую из разнообразных акторов, взаимосвязей между ними и подсистем, которые организуют эти взаимосвязи. Фактически это является сложной системой, в рамках которой

---

[406] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. С. 22-24.

[407] Там же.

[408] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. - 2012. - №2 (8). - С. 46.

[409] Там же.

взаимодействия элементов как внутри, так и вне ее, со средой, функционально упорядочены, изменчивы и обладают пространственно-временным измерением[410].

Помимо глобальной, выделяют региональные (европейская, азиатско-тихоокеанская и т.п.) и субрегиональные (например, Бенилюкс) международные системы[411]. Глобальная система международных отношений состоит из отдельных подсистем, в каждой из которых отношения между государствами в силу определенных природно-географических и экономических факторов оказываются наиболее сильно развитыми (например, Евроатлантическая, Азиатско-Тихоокеанская, Ближневосточная, Латиноамериканская и др. подсистемы МО)[412]. Региональная подсистема международных отношений - это *«совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность»*[413].

Воскресенский А.Д. отмечает важность процесса макрорегионализации, выражающегося в виде постепенного стяжения «старых» регионов в более крупные макрорегионы[414]. Начальным этапом формирования макрорегиона обычно является региональная интеграция (экономическая, а возможно

---

[410] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. - 2012. - №2 (8). - С. 30-58.

[411] Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – №. 5. - С. 4.

[412] Богатуров А. Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание / М.: Издательство «Аспект Пресс». 2017. С. 12.

[413] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. - 2012. - №2 (8). - С. 48.

[414] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. - 2012. – Т.8. - №2. - С. 40-41.

впоследствии и политическая), которая может протекать в разных формах и с различной степенью интенсивности[415].

Макрорегион – *это совокупность нескольких географически близких регионов. Он образуется в ходе эволюционного развития на основе экономических характеристик, политических союзов, военных альянсов и интеграционных организаций и связан высокой интенсивностью политических, экономических, культурных и военно-политических связей*[416].

Макрорегионы могут быть подразделены в соответствии с определенными характеристиками на: географические, историко-культурные, международно-политические, а также геоэкономические и геополитические макрорегионы. Последние характеризуются высокой интенсивностью политических, экономических, культурных и военно-политических связей, а также часто не имеют политического единства, развитых форм интеграции и могут быть разрозненными по своему характеру по причине разногласий, выраженных конфликтным противостоянием стран внутри макрорегиона[417].

Ф. Содербаум определял макрорегионы («мировые регионы» или «международные регионы»), как некие крупные территориальные единицы или подсистемы, находящиеся между «государственным» и «глобальным» уровнями. Причем, их развитию способствуют процессы регионализации на более низком уровне. Например, микрорегионы благодаря усилению всего комплекса связей между ними укрупняются сначала в регионы, а затем уже в макрорегионы[418].

---

[415] Макрорегионализация также может сопровождаться развитием интеграционных экономических процессов, расширением экономического сотрудничества (в различных форматах, например, партнерство по диалогу АСЕАН, МЕРКОСУР, БРИКС, ШОС и др.), а также протекать на основе определенной культурно-цивилизационной близости стран макрорегиона, формирования региональной общей идентичности и др. Там же. С. 42-43.

[416] Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы) // Восток – Запад – Россия. Сборник статей. – М.: Прогресс – Традиция, 2002. - С. 139-142.

[417] Там же.

[418] Söderbaum F. Rethinking the links between micro-regions and macro-regions // Region-making and cross-border cooperation: New evidence from four continents. – 2004. – P. 30-44.

Воскресенский А.Д. отмечает, что значимой характеристикой макрорегионов является то, что на их структурирование достаточно сильное воздействие оказывают различные геополитические, цивилизационные, культурные, этноконфессиональные и этнополитические факторы, которые не всегда имеют непосредственное сопряжение с физико-географическими границами. Это происходит на фоне экономической гомогенизации, «уплощения» макрорегионального политического пространства, а также постепенного «стирания» физических и политических границ. При этом сохраняется фрагментированное мировое пространство. Отмечается также и тенденция на «стирание» физических и политических границ как внутри макрорегионов, так и между ними[419].

Макрорегионализация на пространстве Южной Азии и АТР

В представленном исследовании говорится о макрорегионализации, как одном из важных трендов современного этапа мирового развития. Применительно к данной работе, МКР позволяет исследовать процессы макрорегионализации на пространстве Южной Азии и АТР. Воскресенский А.Д., в частности отмечает, что многоформатность и взаимосвязанность проблематики международных и региональных отношений требует анализировать регионы не изолировано, а вместе с «сопряженными» территориями, вследствие чего возникают новые геоэкономические и геополитические макрорегиональные концепции: «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большая Восточная Азия»[420].

Процесс конструирования таких макрорегионов может отличаться как по скорости и степени глубины «стяжения» (формировать более устойчивые и

---

[419] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. - С. 38-41.

[420] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. // Сравнительная политика. - 2012. - №2 (8). - С. 45.

институционализированные региональные подсистемы, как, например, североамериканская или европейская [421]), так и по формирующейся конфигурации внутренней структуры[422]. Применительно к Южной Азии и АТР речь идет о «стяжении» этих двух регионов на основе сближения протекающих в них политических, экономических и гуманитарных процессов, а также вопросов безопасности. Это выражается в дискурсивных процессах многих ведущих держав, сформулировавших стратегии для Индо-Тихоокеанского региона, что фактически подразумевает конструирование новой географической, геополитической и экономической данности.

Ряд объективных политэкономических факторов способствует усилению взаимосвязанности протекающих в Южной Азии и АТР процессов (детальному анализу данных процессов посвящена Глава 3.2). Они включают укрепление торгово-экономических связей стран Южной и Восточной Азии в последние десятилетия; интенсификацию китайско-американской конкуренции; активную роль США в регионе и их попытки выстраивать различные региональные партнерства на антикитайской основе; комплексное усиление Китая и расширение его присутствия в регионе Южной Азии; постепенный рост военно-политического и экономического веса Индии и активизацию ее контактов со странами АТР; а также выдвижение рядом региональных игроков стратегий, направленных на конструирование ИТР как единого стратегического пространства.

---

[421] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. // Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс. - 2017. - С. 47.

[422] Геополитические и геоэкономические макрорегионы хотя и отличаются интенсивностью экономических и военно-политических взаимосвязей, часто лишены политического единства и интеграции, а также обладают большим конфликтным потенциалом. Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы) // В кн.: Восток – Запад – Россия. Сборник статей. – М.: Прогресс – Традиция. - 2002. – 526 с.

В этой связи, необходимо учитывать методологию конструктивизма, в рамках которого работали такие исследователи, как: Н. Онуф[423], А. Вендт[424], П. Каценштейн[425], К. Сиккинк и М.Кек[426], а также М. Финнемор[427]. А. Вендт, в частности, подчеркивает, что, во-первых, совместно разделяемые идеи сильнее влияют на структуру человеческого сообщества, чем материальные факторы. Во-вторых, идентичность и интересы акторов в б*о*льшей мере конструируются идеями, чем существуют сами по себе как некая данность[428].

Дж. Эгнью задавался вопросом о том, насколько формулирование какого-либо региона в конкретных географических границах отражает сложившуюся действительность или является лишь умозрительной моделью конкретного исследователя, то есть, исходя из положений конструктивизма, отражает интерсубъективную идею о себе. Фактически, понятие региона объединяет оба этих аспекта, так как, с одной стороны, действительно отражает представления людей об определенных регионах, что помогает им лучше понять структуру мира, а с другой – данные умозрительные представления основываются на реально существующих различиях между отдельными частями мира[429]. А. Ачария делает важное уточнение: хотя регионы отчасти действительно представляют собой социальный конструкт, т.е. результат концептуализации и дискурса, а, следовательно, зависят от позиции и взглядов формирующих их субъектов – материальные факторы

---

[423] Onuf N. World of our making: Rules and rule in social theory and international relations. – Routledge, 2012. – 328 p.

Onuf N. Making sense, making worlds: Constructivism in social theory and international relations. – Routledge, London, 2013. – 256 p.

[424] Wendt A. Social Theory of International Relations. Cambridge University Press, 1999. – 420 p.

[425] Katzenstein P. J. The culture of national security: norms and identity in world politics. Columbia University Press, 1996. – 436 p.

[426] Keck M.E., Sikkink K.A. Activists beyond borders: Advocacy networks in international politics. Cornell University Press, 1998. – 240 p.

[427] Finnemore M. National interests in international society. Cornell University Press, 1996. – 176 p.

[428] Wendt A. Social Theory of International Relations. Cambridge University Press, 1999. – P. 1.

[429] Agnew J. Regions on the mind does not equal regions of the mind // Progress in Human Geography. 1999. - Vol. 23. – No.1. - P. 91-96.

(мощь государств, баланс сил и пр. – Д.Б.) являются столь же значимым основанием и не могут быть проигнорированы[430].

Примечательно, что об относительности понятия региона и гибкости пространства, на котором он формируется неоднократно писали ранее. В частности, авторы монографии «Regional orders and regional powers» (Региональные державы и региональные порядки)[431] отмечают на примере Азии, что само определение данного региона состоит из совокупности географических «пространств» (spaces), которые обретают единый смысл только в привязке к конкретному «месту» (place). Однако, расположение разрозненных пространств в границах конкретного географического положения на карте мира (placing of these spaces) зависит от восприятия пространства субъектом данного процесса, который фактически конструирует регион на основе своих представлений о нем[432].

Иными словами, структурирование любого региона, будь то Азиатского, Азиатско-Тихоокеанского или Индо-Тихоокеанского и пр., непосредственно может быть связано с конкретными политическими решениями и процессами. Так, например, ряд аналитиков склоны включать в состав АТР и субрегион Южной Азии (государства Центральной и Южной Азии – в частности, Индию и Пакистан). Это связано с тем, что очень сложно определить точные географические рамки АТР (как и Восточной Азии) или других регионов, так как на их границы помимо географических, сильное влияние оказывают и геополитические, и экономические факторы, которые меняются со временем, приводя в свою очередь и к изменениям границ самих регионов. В самом широком смысле АТР включает все пространство Тихого океана,

---

[430] Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 4. – P. 634-635.

[431] Godehardt N., Nabers D. Introduaction / Godehardt N., Nabers D. Regional orders and regional powers. – Routledge, Abingdon, 2011. – P. 2-3.

[432] Godehardt N. China and the definition of the Asian region // Regional Powers and Regional Orders. – 2011. – P. 114-116.

ограниченное западным побережьем Северной и Южной Америки, восточным побережьем Азии и Австралией [433]. В данном исследовании под АТР понимается определение, приведенное во введении, согласно которому в АТР входят три субрегиона: Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, а также Южная часть Тихого океана.

В данном исследовании применение МКР как теоретической рамки для анализа регионального уровня международных отношений важно не только благодаря тому, что она предоставляет теоретико-методологический инструментарий для анализа регионального уровня международных отношений, но и потому, что данное направление носит междисциплинарный характер и подходит к анализу регионов и макрорегионов комплексно, с учетом протекающих в них военно-политических, экономических и культурно-цивилизационных процессов.

Похожим образом происходит интенсификация всего комплекса многоплановых взаимосвязей между регионами Южной Азии (где роль ведущей региональной державы играет Индия при наличии региональной конкуренции с Пакистаном) и АТР (где Китай, США и Япония ведут борьбу за региональное лидерство). Взаимное военно-политическое и экономическое проникновение Китая и Индии в регионы, где каждый из них претендует на лидерство (Индия в Южной Азии, Китай – в АТР), а также углубление их связей с другими региональными участниками (страны АСЕАН и государства Южной Азии) еще больше способствует процессу макрорегионализации.

Наблюдается также и активное участие Китая и Индии в макрорегиональных процессах[434]. Китай продвигает инициативу «Один пояс –

---

[433] Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.В.Торкунов, А.Д. Воскресенский, В.И. Денисов, Ю.А.Дубинин, Е.В. Колдунова, А.В. Лукин, Д.В. Стрельцов, В.В. Сумский// Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017. - С.268.

[434] Damayanti A. Indo-Pacific Connectivity: Toward Competition or Cooperation // Asian Studies International Journal. – 2019. – Vol. 1. – No. 1. – P.1-7.

Один путь» (ОПОП)[435]. Ее морская компонента – «Морской Шелковый путь XXI в.» призвана связать Китай и Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан, в связи с чем большой акцент в ней сделан на страны Юго-Восточной и Южной Азии. Активное вовлечение стран Южной Азии и Юго-Восточной Азии в ОПОП приводит к объективному усилению взаимосвязанности макрорегионального пространства Южной Азии и АТР.

В 2014 году премьер-министром Н. Моди был предложен курс «Действуй на Востоке» (Act East Policy), который пришел на смену политике «Смотри на Восток» (Look East policy), запущенной в 1992 г.[436] В своей стратегии в ИТР Индия опирается на инклюзивность, открытость и центральную роль АСЕАН[437]. Индия также реализует другие региональные инициативы[438], такие как «Безопасность и развитие для всего региона» (SAGAR)[439] и «Индо-Тихоокеанскую инициативу» (IPOI)[440], а также «Соседи прежде всего» (Neighbourhood First)[441]. В сентябре 2023 г. в рамках 18-го Восточноазиатского саммита Индия согласилась подключиться к

---

[435] Li M. The Belt and Road Initiative: geo-economics and Indo-Pacific security competition // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 1-20.

ОПОП фактичсеки стала первой китайской внешнеполитической стратегией глобального масштаба. Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – №. 2. – С. 6-20.

[436] Kesavan K.V. India's 'Act East' policy and regional cooperation. — Текст: электронный // Observer Research Foundation. 14 Feb 2020. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375/ (дата обращения: 21.02.2023).

[437] Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue. — Текст: электронный // Ministry of External Affairs (MEA), Government of India. June 01, 2018. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018 (дата обращения: 22.12.2023).

[438] Baruah D.M. India's answer to the belt and road: A road map for South Asia. — Текст: электронный // Carnegie India. 21 August 2018 2022. URL: https://carnegieindia.org/2018/08/21/india-s-answer-to-belt-and-road-road-map-for-south-asia-pub-77071. (дата обращения: 21.04.2023).

[439] Куприянов А.В. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие // Сравнительная политика. 2021. - № 4. - С. 68-81.

[440] IPOI - Indo-Pacific Oceans Initiative. Towards a Sustainable and Prosperous Indo-Pacific Region. — Текст: электронный // Indian Council of World Affairs. 2022. URL: https://www.icwa.in/pdfs/IndoPacificOceansInitiative.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

[441] Neighbourhood First Policy. — Текст: электронный // Ministry of External Affairs (MEA), Government of India. URL: https://fsi.mea.gov.in/Images/CPV/LS97_00.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

совместному развитию международного мультимодального транспортного коридора АСЕАН-Индия-Западная Азия-Европа[442].

Концепция Индо-Тихоокеанского региона.

О процессах макрорегионализации в Азии были проведены обширные исследования. Регион Большой Восточной Азии стал привлекать интерес отечественных специалистов на рубеже 2010-х гг. в силу усиления экономической взаимозависимости Индийского и Тихого океанов, вызванной ростом экономик развивающихся стран региона[443]. Вопрос о важности укрепления устойчивых логистических и экономических связей на едином макрорегиональном пространстве Индийского и Тихого океанов поставил индийский исследователь Гурприт С. Кхурана в 2007 г. Он отмечал формирование к югу и юго-востоку от Евразии нового политэкономического пространства с крепнущими экономическими связями по линии Япония – Юго-Восточная Азия – Индия и общей озабоченностью по поводу усиления Китая[444].

Эволюция концепта ИТР прослеживается в двух областях – в политической и научно-исследовательской[445].

В политическом значении термин ИТР был предложен Премьер-министром Японии Синдзо Абэ в 2007 г. в Парламенте Индии, где он выступал

---

[442] Данная инициатива в перспективе могла бы дополнить анонсированный в ходе саммита Группы двадцати в 2023 г. экономический коридор Индия — Ближний Восток — Европа (IMEC), который развивает идею укрепления экономического сотрудничества группы I2U2 (Индия, Израиль, США и ОАЭ), созданной в 2021 г.

[443] Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под общ. ред. А.Д. Воскресенского; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

[444] Khurana G. Security of sea lines: Prospects for India–Japan cooperation. // Strategic analysis. – 2007. – Vol. 31. – No. 1. – P. 139-153.

[445] Использование ИТР в историческом контексте произошло благодаря работам Карла Хаусхофера (1869–1946), который впервые в 1924 г. ввел понятие Индо-Тихоокеанского региона в книге «Геополитика Индийского океана» (Geopolitics of the Pacific Ocean). Вклад в разъяснение концепции ИТР К. Хаусхофера внес Хансон Ли, уточнив, что «Индо-Тихоокеанская» теория Хаусхофера зародилась в 1920–1930-х гг., как попытка Германии объединить Индийский и Тихий океаны в единое геополитическое пространство с целью формирования антиколониальных настроений в британских, американских и западноевропейских колониях в Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Li H. The “Indo-Pacific”: Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts // Modern Intellectual History. – 2021. – С. 1-27.

с речью о «Слиянии двух морей» (“Confluence of the Two Seas”)[446]. При этом именно Япония при втором кабинете С. Абэ первой в 2016 г. предложила Стратегию Свободного и открытого ИТР[447]. В международной академической дискуссии особо выделяются исследования авторов: Ричарда Джавада Хейдаряна[448], а также М. Малика[449], А.Медкалфа[450] и Г.Кхураны[451].

Занимая центральное место в вопросах глобального развития и безопасности, ИТР, по мнению Р. Медкалфа, является регионом, борьба за доминирование в котором формирует контуры мирового порядка в XXI в.[452] Это подтверждают и прогнозы относительно мирового экономического развития. По оценкам Г. Кхураны, динамичный экономический рост стран ИТР и смещение сюда центра мировой экономики свидетельствует о важности анализа, как более репрезентативного, политэкономических процессов именно в более обширном Индо-Тихоокеанском, а не Азиатско-Тихоокеанском регионе[453]. Р. Медкалф также отмечал, что ИТР стал данностью региональной политэкономической подсистемы, формирующейся вследствие сближающихся связей в области экономики и безопасности между западной частью Тихого океана и регионом Индийского океана[454].

---

[446] "Confluence of the Two Seas". Speech by H.E.Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. – Текст электронный. //Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 22, 2007. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html (дата обращения: 04.05.2022).

[447] Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development. – Текст электронный. //Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 27, 2016. URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (дата обращения: 04.05.2022).

[448] Heydarian R.J. The Indo-Pacific: Trump, China, and the new struggle for global mastery. // Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. – 362 p.

[449] Malik M. (ed.). Maritime Security in the Indo-Pacific: Perspectives from China, India, and the United States. // Rowman & Littlefield. 2014. – 287 p.

[450] Medcalf R. Indo-Pacific Empire: China, America and the contest for the world's pivotal region. // Manchester University Press. - 2020. - P. 320.

Medcalf R. Contest for the Indo-Pacific: Why China Won't Map the Future. // La Trobe University Press. – 2020. P. 324.

[451] Khurana G. S. What is the Indo-Pacific? The new geopolitics of the Asia-Centred rim land //Geopolitics by other means: The Indo-Pacific reality. – 2019. – P. 13-32.

[452] Medcalf R. Indo-Pacific Empire: China, America and the contest for the world's pivotal region. // Manchester University Press. - 2020. - P. 10-12.

[453] Khurana G.S. The “Indo-Pacific” idea: origins, conceptualizations and the way ahead //Journal of Indian Ocean Rim Studies. – 2019. – Vol. 2. – No. 2. - P. 58-60.

[454] Medcalf R. In defence of the Indo-Pacific: Australia's new strategic map // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 68. – No. 4. – P. 471.

Подчеркивая взаимосвязанность пространств АТР и ИТР, Р. Медкалф даже предложил такое образное название, как «Индо-Тихоокеанская Азия» (“Indo-Pacific Asia”)[455].

Важно подчеркнуть, что с точки зрения динамики развития и становления концепции ИТР, ошибочно придавать ей исключительно узкий геополитический смысл в трактовках США. У ее истоков практически одновременно находились Индия, Япония и Австралия. Примерно с конца 2010-х гг. внимание со стороны АСЕАН к региональным процессам стало постепенно расширяться от рамок Азиатско-Тихоокеанского региона до Индо-Тихоокеанского[456]. Х. Вада, в частности, говорит о том, что так называемый «Индо-Тихоокеанский регион» является не столько объединением пространств двух океанов, сколько совокупностью уже существующих регионов — Азиатско-Тихоокеанского и региона Индийского океана[457]. Вместе с тем, со временем в концепции ИТР все же стала усиливаться геополитическая составляющая.

Взгляд Индии на Индо-Тихоокеанский регион.

Выступая на Азиатском саммите по безопасности «Диалог Шангри-Ла» в 2018 г., Н. Моди впервые официально сформулировал подход[458] Нью-Дели к Индо-Тихоокеанскому региону, который до этого в основном использовался в академической, нежели политической среде Индии[459]. Индия, в частности,

---

[455] Medcalf R. Defence White Paper 2013: Treading Water in the Indo-Pacific. – Текст электронный. // The Interpreter. 27 Feb. 2017. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/defence-white-paper-2013-treading-water-indo-pacific (дата обращения: 04.11.2023).

[456] Yoshimatsu H. ASEAN and great power rivalry in regionalism: From East Asia to the Indo-Pacific // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2023. – Vol. 42. – No. 1. – P. 25-44.

[457] Wada H. The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. — Текст: электронный // RSIS Working Paper, No. 326. Singapore: Nanyang Technological University. 2020. URL: https://hdl.handle.net/10356/143604 (дата обращения: 22.04.2023).

[458] Индия никогда не публиковала отдельную официальную стратегию в Индо-Тихоокеанском регионе. У нее также отсутствуют специально опубликованные стратегии национальной безопасности или белая книга по обороне. / Ladwig W. The Indo-Pacific in Indian Foreign Policy. — Текст: электронный // Royal United Services Institute for Defence and Security Studies | RUSI. 30 April 2024. URL: https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/policy-briefs/indo-pacific-indian-foreign-policy (дата обращения: 05.10.2024).

[459] Prime Minister’s Keynote Address at Shangri La Dialogue. — Текст: электронный // Ministry of External Affairs (MEA), Government of India. June 01, 2018. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-

относит к ИТР два важнейших субрегиона: на восточном направлении – Юго-Восточную Азию и на южном – регион Индийского океана[460]. При этом представляется, что определение ИТР Нью-Дели наиболее широкое, так как оно охватывает все пространство от азиатской части Тихого океана до восточного побережья Африки и Ближнего Востока[461]. Выступая на «Шангри-Ла» в 2018 г. Н. Моди отмечал, что ИТР простирается от побережья Африки до берегов обеих Америк[462].

П. Чакко в исследованиях 2012 и 2014 гг. отмечала тенденцию на участившееся использование Индией концепции ИТР на официальном уровне начиная уже с 2011 г., что отражало усиление внимания Индии к вопросам, выходящим за рамки ее «домашнего» региона Южной Азии[463]. Р. Рой-Чоудхури и К. Салливан де Эстрада разделяют мнение П. Чакко об историческом неприятии Индией многосторонних соглашений союзнического характера[464]. Ч.Р. Мохан отмечает экономические предпосылки активной политики Индии макрорегионе[465]. Д. Скотт, соглашаясь с Р. Моханом, подчеркивает, что в Нью-Дели концепция ИТР в первую очередь ассоциировалась с перспективами экономической выгоды от регионализации[466].

Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018 (дата обращения: 22.12.2023).

[460] Куприянов А.В. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. - Т. 65 – № 5. - С. 52.

[461] Bhaskar N.J. India's developing economic ties with the Indo-Pacific. - Текст: электронный // Observer Research Foundation. / Raisina Debates. April 26, 2021. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/india-developing-economic-ties-indo-pacific (дата обращения: 12.05.2023).

[462] Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue. — Текст: электронный // Ministry of External Affairs (MEA), Government of India. June 01, 2018. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018 (дата обращения: 22.12.2023).

[463] Chacko P. India and the Indo-Pacific: An emerging regional vision. // The University of Adelaide. Indo-Pacific Governance Research Centre – Policy Brief/ November 2012. – No. 5. - P. 1-7.

[464] Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. India, the Indo-Pacific and the Quad // Survival. – 2018. – Vol. 60. – No. 3. – P. 183-184.

[465] Mohan C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. // Brookings Institution Press. 2012. - 330 p.

[466] Scott D. India and the Allure of the 'Indo-Pacific' // International Studies. – 2012. – Vol. 49. – No. 3-4. – P. 165-188.

Р. Медкалф соглашается с Р. Моханом и Д. Скоттом относительно экономических мотивов Индии в ИТР, добавляя, что в отличие от 2007-2008 гг., когда термин ИТР только входил в оборот, на рубеже 2020-х гг. из-за усиления Китая возросла также и конкуренция за региональное лидерство[467]. Аналогично, Х.В. Пант и А. Рей связывают усиление внимания к ИТР со стороны руководства Индии с ростом совокупной мощи Китая[468]. Д.М. Баруа отмечает стратегические ограничения совокупных способностей Индии проецировать свое влияние на весь Индо-Тихоокеанский регион[469].

Для Индии ИТР воплощает важность обеспечения своего доминирования во всей акватории Индийского океана, а не только в регионе Южной Азии; недопущение доминирования КНР в ИТР; поддержание политики «стратегической автономии», а также упор на развитие экономических связей с АСЕАН, поддержание динамичной торговли с КНР, а также более активное привлечение ПИИ и встраивание в региональные цепочки добавленной стоимости с привлечением технологий из Японии и Южной Кореи. [470].

Взгляд Китая на ИТР.

В силу того, что концепция ИТР, в связи с ее различным толкованием в разных национальных стратегиях, в ряде из них носит открыто антикитайский характер, необходимо проанализировать отношение к ней со стороны одного из ключевых региональных игроков – Китая. В общем плане, на официальном и исследовательском уровнях она также воспринимается негативно и подвергается разнообразной критике. Но стоит отметить, что, хотя и в

---

[467] Medcalf R. Indo-Pacific Visions // Asia policy. – 2019. – Vol. 14. – No. 3. – P. P. 85.

[468] Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // The Washington Quarterly. – 2018. – Vol. 41. – No. 2. – P. 47-61.

[469] Baruah D.M. India in the Indo-Pacific: New Delhi′s Theater of Opportunity. // Carnegie Endowment for International Peace. June 2020. 42 p. (Организация была внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов).

[470] Scott D. India and the Allure of the ‘Indo-Pacific’ // International Studies. – 2012. – Vol. 49. – No. 3-4. – P. 165-188.

отрицательном ключе, но она так или иначе присутствует в академической дискуссии в Китае.

В Пекине продвигаемая США и их союзниками стратегия ИТР рассматривается главным образом как попытка подорвать ОПОП и сдержать экономическое и военно-политическое усиление Китая[471]. Пекин официально критикует стратегии ИТР, как направленные на его комплексное сдерживание. Министр иностранных дел КНР Ван И подчеркивал, что ИТР в интерпретации США является *«стратегией, сеющей раздор»* (*制造分裂的战略* «чжицзао фэньледэ чжаньлюэ»), которая направлена на *«изменение внешней среды вокруг Китая, с целью его окружения и превращение стран АТР в лакеев американской гегемонии»*[472].

Китайские исследователи отмечают, что «Индо-Тихоокеанские стратегии» (*印太战略*«иньтай чжаньлюэ») западных государств призваны усилить развертывание военной инфраструктуры и вмешательство в вопросы региональной безопасности, а также активизировать экспансию своих экономических интересов и расширить геополитическое влияние[473]. Чжао Хуашэн отмечает, что ИТР как самостоятельная концепция, в широком смысле показала свою жизнеспособность и потенциал дальнейшего усиления, так как факторы, *«способствующие ее продвижению…, явно сильнее, чем ограничения»*[474].

---

[471] Amane Y. The PRC's Cautious Stance on the US Indo-Pacific Strategy // China Brief. The Jamestown Foundation – 2020. – Vol. 20. – No. 4. - P. 18. (Генпрокуратура признала Джеймстаунский фонд нежелательной организацией).

[472] Ван И: мэйго иньтай чжаньлюэ бижань ши игэ шибайдэ чжаньлюэ [Ван И: «Индо-Тихоокеанская стратегия США» обречена на провал]. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 22.05.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202205/t20220522_10690865.shtml. (дата обращения: 01.05.2024).

[473] Цзэн Сянъюй. Оучжоу даго цзежу иньдуян: тэдянь, дунзци цзи инсян [Европейские державы вторгаются в Индийский океан: характеристики, мотивы и последствия]. // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань [Шанхайская академия международных исследований]. 2022. – №. 3. С. 91-95.

[474] Zhao H. Assessing the Trend of the Indo-Pacific Strategy. – Текст электронный. // RIAC. 31.09.2021. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/assessing-the-trend-of-the-indo-pacific-strategy/ (дата обращения: 10.04.2024).

В 2013-2014 гг. в китайских и международных научных изданиях были опубликованы работы по ИТР ряда авторов из КНР, среди которых можно выделить публикации Вэй Цзуню, Чжао Цинхая, Чжана Ли и Лю Цзуни. Исследователи обращали значительное внимание на вопросы геополитической стабильности в регионе и рост напряжённости между США и Китаем. Вэй Цзуню подчеркивал, что ИТР является своеобразной *«игровой/шахматной ареной»* (*博弈场所* «бои чансо»), где разворачивается борьба ведущих держав – Китая, Индии, США и Японии – за региональное лидерство. Автор подчеркивает, что интерпретация ИТР Вашингтоном направлена против Китая[475].

Чжао Цинхай отмечал широкое применение Вашингтоном концепции ИТР в контексте геополитики и экономики, а также стратегическом планировании. Он отмечает, что США намеренно преувеличивают военно-морские амбиции КНР в ИТР, чтобы обвинить Пекин в военно-политической экспансии. Сами же США, как подчеркивает исследователь, стремятся создать сеть региональных союзов, «втягивая» в них как можно больше стран с особым фокусом именно на Индию, аргументируя это амбициями Пекина окружить Индию военными объектами[476].

Чжан Ли вслед за Вэй Цзуню и Чжао Цинхаем подчеркивает, что в американской интерпретации ИТР Вашингтон рассматривает Китай как ключевого противника, а его сдерживание лежит в основе продвижения

---

[475] США развивают азиатскую стратегию за счет укрепления политических и военных отношений с Индией, Австралией и другими ведущими державами региона, а также расширяют военное присутствие с целью формирования благоприятного регионального порядка и обеспечения собственного лидерства. Вэй Цзуню. Мэйго цзай иньтай дицюй дэ чжаньлюэ тяочжэн цзи ци диюань чжаньлюэ инсян [Стратегическая адаптация США в Индо-Тихоокеанском регионе и ее геостратегическое влияние] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. – 2013. – Т. 10. – С. 140-155.

[476] Чжао Цинхай. Иньтай гайнянь цзи ци дуй Чжунго дэ ханьи [Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» и ее значение для Китая] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. – 2013. – №. 7. – С. 14-22.

данной концепции[477]. Чэнсинь Пань связывал возникновение концепции ИТР с широко обсуждаемой в западных исследовательских кругах «китайской угрозой». При этом, по его мнению, ИТР является искусственно созданным мегарегионом, где США и их союзники стремятся обезопасить свои интересы от Китая[478]. Лю Цзуни замечает, что Индо-Тихоокеанская геостратегическая концепция США связана с вопросами геополитики и изолированием Китая и не отражает идеи экономической интеграции. При этом в индийской интерпретации помимо вопросов геополитики, присутствует важное экономическое содержание, в связи с чем страны Юго-Восточной и Южной Азии больше тяготеют к индийской интерпретации с ее более сильным экономическим акцентом[479].

Выделяются также и работы по ИТР других авторов: Кая Хэ, Баогана Хэ, Уильяма Чуна, Вэйсина Ху и Вэйчжань Мэн, Сюэ Гуна, Фэня Лю, Цзянь Чжана.

Баоган Хэ с позиций неоклассического реализма отмечет эволюцию взглядов КНР на ИТР. Изменение позиционирования Китая в вопросах региональной безопасности произошло в 2014 г., когда Си Цзиньпин ввел понятие *«коллективной безопасности»* в Азии. Исследователь подчеркивает, что ИТР в пространном видении Китая является своеобразным объединением Атлантического, Тихого и Индийского океанов в единую геостратегическую общность[480].

---

[477] Чжан Ли. Иньтай гоусян дуй ятай дицюй добянь гэцзюй дэ инсян [Влияние концепции «Индо-Тихоокеанского региона» на многостороннюю структуру в Азиатско-Тихоокеанском регионе] // Нанья яньцзю цзикань [South Asia Studies Quarterly]. – 2013. – №. 4. – С. 1-7.

[478] Pan C. The ‘Indo-Pacific’and geopolitical anxieties about China's rise in the Asian regional order // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 68. – No. 4. – P. 453-469.

[479] Лю Цзуни. Чунту хайши хэцзо? - Иньтай дицюй дэ диюань чжэнчжи хэ диюань цзинцзи сюаньцзэ [Конфликт или сотрудничество? — Геополитический и геоэкономический выбор в «Индо-Тихоокеанском» регионе] // Иньдуян цзинцзити яньцзю [Исследование экономик Индийского океана]. – 2014. – №. 4. – С. 4-20.

[480] He B. Chinese expanded perceptions of the region and its changing attitudes toward the Indo-Pacific: A hybrid vision of the institutionalization of the Indo-Pacific //East Asia. – 2018. – Vol. 35. – No. 2. – P. 122-123.

Вэйсин Ху замечает, что ИТР является ключевым регионом, где происходит стратегическое соперничество между США и Китаем, а Индо-Тихоокеанская стратегия США является основным инструментом Вашингтона для сдерживания растущей мощи и влияния Китая[481]. Совместно с Вэйчжань Мэн исследователи подчеркивают, что в отличие от политики Б. Обамы по возвращению США в АТР, администрация Д. Трампа приняла стратегию ИТР в качестве более прямого ответа на вызовы со стороны Китая и ОПОП[482].

Сюэ Гун обращает внимание, что Китай, в ответ на стратегию США в ИТР, а также новые вызовы в регионе начал разрабатывать собственные политические и экономические инициативы[483]. Вместе с тем, как отмечает Цзянь Чжан, в условиях возрастающей конкуренции в АТР после прихода к власти Си Цзиньпина возможности Пекина формировать региональную повестку в своих интересах стали снижаться[484]. Фэн Лю, однако, замечает, что Китай и США как в экономическом плане, так и в сфере безопасности на равных пытаются формировать региональный порядок в своих интересах. При этом, впервые после окончания Холодной войны Азия стала центром конкуренции ведущих державой за лидерство. Если интенсивное соперничестве между США и Китаем сохранится, другим государствам региона придется делать выбор между США и Китаем[485]

---

[481] Hu W. The United States, China, and the Indo-Pacific Strategy // China Review. – 2020. – Т. 20. – №. 3. – P. 127-142., Pp. 127-128.

[482] Hu W., Meng W. The US Indo-Pacific Strategy and China’s response // China Review. – 2020. – Vol. 20. – No. 3. – P. 154-156.

[483] Китай стал постепенно предпринимать попытки улучшить свое стратегическое положение в ИТР. Пекин пытался улучшить отношения с Японией, провести стратегическую разрядку с Индией и ускорить процессы региональной экономической интеграции за счет участия во ВРЭП и Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнерстве. Gong X. Non-traditional security cooperation between China and Southeast Asia: implications for Indo-Pacific geopolitics // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. –P. 29-30.

[484] Zhang J. China's new foreign policy under Xi Jinping: towards ‘Peaceful Rise 2.0’? // Global Change, Peace & Security. – 2015. – Vol. 27. – No. 1. – P. 5-19.

[485] Liu F. The recalibration of Chinese assertiveness: China's responses to the Indo-Pacific challenge // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 9-27.

Кай Хэ писал, что с позиции теории реализма и силового балансирования (balancing of power), стратегические опасения, вызванные подъемом Китая, являются очевидной причиной для Австралии, Индии, Японии и Соединенных Штатов способствовать продвижению ИТР. При этом, несмотря на внешнее единство США и их союзников в вопросе противостояния Китаю в рамках ИТР – у них отсутствует практическая слаженность по данному вопросу[486]. Например, Уильям Чун отмечал различия в определении позиций Китая в ИТР со стороны союзников США. Индия, в частности, подчеркивает цивилизационные и исторические связи с Китаем и избегает отождествления своей позиции с противостоянием Пекину[487].

Взгляд России на ИТР.

На официальном уровне в России, как и в Китае, концепция ИТР не получила одобрения и воспринимается как попытка США подменить инклюзивную идею Азиатско-Тихоокеанского региона и вовлечь Индию в американские региональные военно-политические структуры[488]. Министр иностранных дел России Лавров С.В. отмечал, что продвигаемая США концепция Индо-Тихоокеанского региона не предполагает равноправия и открытости, а призвана сдерживать Китай, *«создавая постоянные раздражители для КНР»*[489]. Кроме того, по словам Лаврова С.В., Запад "повсюду насаждает разделительные линии в духе блоковой конфронтации… Под лозунгом "Индо-Тихоокеанских стратегий" создаются закрытые

---

[486] He K. Three faces of the Indo-Pacific: Understanding the “Indo-Pacific” from an IR theory perspective // East Asia. – 2018. – Vol. 35. – No. 2. –P. 152-153.

[487] Choong W. The return of the Indo-Pacific strategy: an assessment //Australian Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 73. – No. 5. –P. 421-422.

[488] Лавров обвинил США и НАТО в попытке милитаризовать Азиатско-Тихоокеанский регион. — Текст: электронный // Газета.ру. 13.11.2022. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/11/13/19022401.shtml (дата обращения: 15.04.2023).

[489] Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова программе «Большая игра» на «Первом канале». – Текст электронный. // МИД России. 1 апреля 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/1418821/ (дата обращения: 21.05.2022).

форматы, подрывающие всю создававшуюся десятилетиями вокруг АСЕАН открытую и инклюзивную региональную архитектуру"[490].

Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион.

АСЕАН сформулировала свое видение Индо-Тихоокеанского региона [491]. Колдунова Е.В. отмечает, что введение в международный политический оборот данного термина в интерпретации АСЕАН было обусловлено кризисом политической самоидентификации стран Ассоциации на фоне роста стратегической напряженности в районе Южно-Китайского моря, начиная с 2010-2012-х гг., а также постепенного усиления КНР[492].

Основной документ объединения «Взгляд АСЕАН на ИТР» подчеркивает *«рассмотрение Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Индийского океана не как сопредельных территориальных пространств, а как тесно интегрированного и взаимосвязанного региона, в котором АСЕАН играет центральную и стратегическую роль»*[493]. Такой подход разделяют в Нью-Дели. Пекин же, хотя на словах и поддерживает центральную роль АСЕАН в региональной архитектуре [494], фактически заинтересован в продвижении собственных инициатив (в частности, по Глобальной

---

[490] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на общеполитической дискуссии 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 24 сентября 2022 года. – Текст электронный. // МИД России. 25 сентября 2022. URL: https://mid.ru/1831211/ (дата обращения: 21.05.2024).

[491] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный // The ASEAN Secretariat. 23 June 2019. URL: https://asean.org/speechandstatement/asean-outlook-on-the-indo-pacific/ (дата обращения: 25.06.2022).

[492] Геополитическая конкуренция Китая и США фактически поставила АСЕАН перед выбором приоритетного вектора их общей внешней политики. Отсутствие консенсуса по данному вопросу привело к внутреннему кризису, для преодоления которого в 2013 г. Индонезия предложила новый расширенный вариант договора о сотрудничестве в ЮВА, который должен был называться Индо-Тихоокеанским договором о дружбе и сотрудничестве. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2019 – Т. 43. - №1 (2). – С. 45-49.

[493] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст: электронный. // The ASEAN Secretariat. 23 June 2019. URL: https://asean.org/speechandstatement/asean-outlook-on-the-indo-pacific/ (дата обращения: 25.06.2022).

[494] "The ASEAN Outlook on the Indo-Pacific (AOIP), as **ASEAN's independent initiative**, upholds openness and inclusiveness, and aims to enhance ASEAN Community building process instead of creating new mechanisms or replacing the existing ones. China is ready to work with ASEAN to uphold openness…" // Position Paper of the People's Republic of China on Supporting ASEAN Centrality in the Evolving Regional Architecture. – Текст: электронный. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 04.08.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/2649_665393/202208/t20220804_10734029.html (дата обращения: 02.06.2024).

безопасности, ОПОП и пр.), а также укреплении своих региональных позиций в качестве неоспоримого лидера.

АСЕАН рассматривается ведущими региональными участниками (включая, США, Индию, Японию, самих государств Ассоциации) не только как центр Юго-Восточной Азии, но и как ядро всего Индо-Тихоокеанского региона[495]. АСЕАН в целом придерживается инклюзивного и нейтрального подхода к ИТР, развивая взаимодействие как с США, так и с Китаем, Японией, Россией, а также Индией. Такой подход позволяет извлекать выгоду от сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами, избегая конфронтации и необходимости выбора между ними[496].

ИТР в стратегиях США и их ключевых партнеров.

На данный момент у разных стран существуют отличные интерпретации границ ИТР в зависимости как от их региональных стратегий, так и от позиций отдельных исследователей[497]. Некоторые эксперты стали даже выделять конкуренцию ведущих держав в ИТР в качестве *«наиболее важной проблемы современных международных отношений»*[498]. Хилари Клинтон в 2011 г. говорила о том, что регион АТР стал главным драйвером глобальной политики, так как он простирается от Индийского субконтинента до западного побережья США через Индийский и Тихий океаны, которые становятся все более связаны с благодаря активизации морских перевозок и со стратегической точки зрения[499]. Вплоть до 2017 г. на официальном уровне в США продолжали использовать термин АТР. Президент США Д. Трамп на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в

---

[495] Thuong N.L.T., Oanh N.T. Vietnam in the Indo-Pacific Region: Perception, position and perspectives // India Quarterly. – 2021. – Vol. 77. – No. 2. – P. 5-6.

[496] Anwar D.F. Indonesia and the ASEAN outlook on the Indo-Pacific // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 113-114.

[497] Medcalf R. Indo-Pacific Visions // Asia policy. – 2019. – Vol. 14. – No. 3. – P. 79-96.

[498] Begley J. Winning Strategic Competition in the Indo-Pacific. // Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. September, 2020. - P. 1-5.

[499] Clinton H. 'America's Pacific century'. – Текст электронный. // Foreign Policy. 11 Oct. 2011. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (дата обращения: 04.05.2022).

Дананге (Вьетнам) 10 ноября 2017 г. впервые официально использовал концепцию свободного и открытого ИТР, позаимствовав термин у Японии[500], а потом администрация выпустила соответствующую стратегию, как и администрация Дж. Байдена впоследствии.

Сформулированная при администрации Д. Трампа стратегия «Свободного и открытого ИТР»[501] была направлена на сдерживание Китая, как и последующая «Индо-Тихоокеанская стратегия Соединенных Штатов» при Дж. Байдене [502], а также созданная позднее Индо-Тихоокеанская экономическая структура. США в своей Индо-Тихоокеанской стратегии акцентируют внимание на Северо-Восточную, Юго-Восточную и Южную Азию, а также Океанию. Они включают острова Тихого океана, географически ограничивая регион на востоке самими США и на западе Индией, тем самым не включая в его границы побережье Африки (приложение 8)[503]. Можно предположить, что в свой второй президентский срок, начавшийся в 2025 г., Д. Трамп также продолжит ранее намеченный курс на усиление позиций США в ИТР. Об этом свидетельствуют и первые международные контакты новой администрации по внешнеполитической линии, которые прошли со всеми официальными представителями стран Quad[504].

У Японии есть собственная концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»[505]. Приоритеты стратегии ИТР Японии, как замечает

---

[500] Stokes D. ‘Trump, American hegemony and the future of the liberal international order’. // International Affairs. Jan. 2018. – Vol. 94. – No.1. - P. 133–150.

[501] Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. — Текст: электронный // U.S. Department of State. November 4, 2019. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[502] Indo- Pacific Strategy of the United States. — Текст: электронный // White House. February 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[503] Indo- Pacific Strategy of the United States. — Текст: электронный // White House. February 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[504] Lee M. Rubio kicks off Trump foreign policy engagements in meetings with Indo-Pacific ‘Quad’. – Текст электронный. // AP News. January 22, 2025. URL: https://apnews.com/article/rubio-us-india-australia-japan-china-abdf5309860466ec978efa2d82217b8a (дата обращения: 22.01.2025).

[505] Free and Open Indo-Pacific. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 16 May 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/page25e_000278.html (дата обращения: 04.11.2023).

Киреева А.А., состоят, во-первых, в укреплении отношений с партнерами (“like-minded countries”) с опорой на японо-американский альянс как краеугольный камень внешней политики. Во-вторых, это стимулирование экономического развития за счет создания новых производственных сетей и реализации инфраструктурных проектов в ИТР. В-третьих, это поддержка принципов свободы судоходства, и укрепление береговой охраны и т.п.[506] Токио также предложил развитие «Партнерства в целях качественной инфраструктуры»[507]. Помимо этого, совместно с Индией в 2016 г. стороны договорились о формировании «Азиатско-африканского коридор роста», который, однако, так и не стал эффективно действующим механизмом[508]. В интерпретации Японии ИТР традиционно охватывает пространство Тихого и Индийского океанов, включающее Восточную и Южную Азию и простирающееся вплоть до Восточной Африки [509], тем самым исключая побережье Америки и соответственно США.

Свои стратегии для ИТР есть также у Австралии[510], Южной Кореи[511] и Бангладеш[512].

В интерпретации Австралии границы региона определены от северо-восточной части Индийского океана через Юго-Восточную Азию до Тихого

---

[506] Киреева А.А. "Япония и Индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве" // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. – 2020ю - №7. - С. 96.

[507] Announcement of "Partnership for Quality Infrastructure : Investment for Asia's Future". — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 21 May 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (дата обращения: 04.11.2023).

[508] Chan L.H. Can China remake regional order? Contestation with India over the Belt and Road Initiative // Global Change, Peace & Security. – 2020. – Vol. 32. – No. 2. – P. 199-217.

[509] Kireeva A. The Indo-Pacific in the strategies of the U.S. and Japan // Russia in Global Affairs. 2020. №3 (71). P. 103.

[510] Chapter three: A stable and prosperous Indo–Pacific. — Текст: электронный // 2017 Foreign Policy White Paper. Australian Government. 23 November 2017. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/minisite/static/4ca0813c-585e-4fe1-86eb-de665e65001a/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper/chapter-three-stable-and-prosperous-indo-pacific.html (дата обращения: 05.11.2023).

[511] Introducing the Indo-Pacific Strategy. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. December 2022. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

[512] Indo-Pacific Outlook of Bangladesh. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Bangladesh. 24 April 2023. URL: https://mofa.gov.bd/site/press_release/d8d7189a-7695-4ff5-9e2b-903fe0070ec9 (дата обращения: 05.11.2023).

океана[513], что фактически охватывает пространство Южной Азии и АТР без учета Африки. Интерпретация же ИТР Австралией ближе к Индо-Тихоокеанской стратегии США. Канберра аналогично определяет агрессию со стороны Китая в качестве одной из основных угроз региональной стабильности и безопасности[514]. Интересы Австралии в ИТР сосредоточены на развитии комплексного сотрудничества, затрагивающего сферы экономики и безопасности, а также гуманитарные вопросы с ключевыми демократиями региона – Японией, Индией, Республикой Корея и Индонезией[515].

Из внерегиональных акторов свои стратегии для ИТР также предложили: Франция [516], Германия [517], Нидерланды [518], ЕС [519], Великобритания[520], Канада[521], Чехия[522] и Литва[523].

---

[513] National Defence: Defence Strategic Review 2023 // Australian Government. Defence. 2023. URL: https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review (дата обращения: 16.10.2023).

[514] Fact Sheet: Indo-Pacific Strategy of the United States. // White House. 11 February 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/11/fact-sheet-indo-pacific-strategy-of-the-united-states/ (дата обращения: 05.11.2023).

[515] Indo–Pacific partnerships. 2017 Foreign Policy White Paper. – Текст электронный. // Australian Government. November 2017. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/minisite/static/4ca0813c-585e-4fe1-86eb-de665e65001a/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper/chapter-three-stable-and-prosperous-indo-pacific/indo-pacific.html (дата обращения: 21.05.2024).

[516] Indo-Pacific: Questions and answers on France's regional strategy. — Текст: электронный // Ministry for Europe and Foreign Affairs. 12 August 2022. URL: https://pg.ambafrance.org/Indo-Pacific-Questions-and-answers-on-France-s-regional-strategy (дата обращения: 22.12.2023).

[517] Policy guidelines for the Indo-Pacific. Germany – Europe - Asia— Текст: электронный // Federal Foreign Office. August 2020. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2380514/f9784f7e3b3fa1bd7c5446d274a4169e/200901-indo-pazifik-leitlinien--1--data.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

[518] Indo-Pacific: Guidelines for strengthening Dutch and EU cooperation with partners in Asia. — Текст: электронный // Government of the Netherlands. 13 November 2020. URL: https://www.government.nl/documents/publications/2020/11/13/indo-pacific-guidelines (дата обращения: 22.12.2023).

[519] EU-Indo Pacific Strategy. - Текст: электронный // The Diplomatic Service of the European Union. 30 January 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indo-pacific-strategy_en (дата обращения: 22.12.2023).

[520] UK Defence and the Indo-Pacific – Report Summary. - Текст: электронный // Defence Committee. UK Parliament. 24 October 2023. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmdfence/183/summary.html (дата обращения: 22.12.2023).

[521] Canada's Indo-Pacific Strategy. - Текст: электронный // Government of Canada. 03 September 2024. URL: https://www.international.gc.ca/transparency-transparence/indo-pacific-indo-pacifique/index.aspx?lang=eng(дата обращения: 22.09.2024).

[522] The Czech Republic's Strategy For Cooperation With The Indo-Pacific. - Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. October 2022. URL: https://mzv.gov.cz/file/4922486/CZ_Strategy_Indo_Pacific_2022.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

[523] Lithuania's cooperation with the Indo-Pacific. - Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Lithuania. 2023. URL: https://www.urm.lt/storage/main/public/uploads/2024/02/eng-strategy.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

Индо-Тихоокеанский регион в отечественной академической дискуссии.

Воскресенский А.Д., отмечает, что неотъемлемой частью мировых трендов являются процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и *«той его части, получившей название «Большая Восточная Азия», «внутри» которой постулируется необходимость формирования региона «Индо-Пацифика» как арены сотрудничества и соперничества региональных государств в условиях комплексной трансформации Китая…»* [524] . Макрорегиональные трансформации такого масштаба, как те, что происходят в ИТР, не только усиливают геоэкономическую взаимосвязанность, но также могут вызывать серьезные макрорегиональные и глобальные последствия[525]. Стрельцов Д.В. видит в формировании ИТР объективные причины, которые представляют собой *«глубоко взаимосвязанные экономические, международно-политические и военные процессы»*, которые все более динамично протекают в бассейнах обоих океанов – Тихого и Индийского, что говорит о формировании совершенно иной региональной общности[526].

Лунев С.И. подчеркивает, что концепция ИТР *«отражает кардинальные перемены, происходящие в Азии: резкий подъем не только Китая, но и других акторов, прежде всего Индии»*[527]. Исследователь отмечает, что с культурно-цивилизационной и экономической позиций, ИТР совпадает с предложенной в МГИМО МИД России идеей формирования макрорегиона «Большая Восточная Азия» [528] . Лунев С.И. также замечает, что Индо-Тихоокеанский регион обладает комплементарной взаимозависимостью, перевешивающей конфликтное взаимодействие, и имеет почти полную

---

[524] Воскресенский А.Д. Что такое для нас Китай? // Сравнительная политика. - 2020. - №2. - С. 5-8.

[525] Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. - № 3. - С. 10-13.

[526] Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. // Международная жизнь. - 2018. - №9. — С. 65–67.

[527] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. - 2020. - №1. С. 184.

[528] Включает Юго-Восточную, Северо-Восточную, Южную и Центральную Азию.

взаимодополняемость стран в экономической сфере благодаря разнообразию их экономических моделей (сырьевая, индустриальная и постиндустриальная) [529] . Вопросу положительного восприятия Индией концепции «Индо-Тихоокеанского региона» посвящена Глава 7 «Проблемы безопасности в Южной Азии» монографии «Политика безопасности стран современного Востока»[530]. В ней Лунев С.И., в частности, отмечает, что Индия в будущем будет стремиться расширить рамки ИТР с включением в нее помимо Южной Азии и большей части Индийского океана.

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. отмечают, что возникающие политические и экономические вызовы последнего времени активизировали разного рода трансрегиональные и мегарегиональные проекты в мировой системе. В этой связи, концепция Индо-Тихоокеанского пространства с позиции США и их союзников как раз и рассматривает макрорегион Индийского и Тихого океанов в качестве единого геополитического и геоэкономического пространства[531].

Киреева А.А. подчеркивает, что США заинтересованы в дальнейшем расширении региональных связей с союзниками и партнерами как на двустороннем, так и многостороннем уровнях, с тем чтобы противостоять Китаю [532] . Кроме того, автор указывает и на активную роль США в региональных процессах в ИТР, отмечая важную роль формата «Quad» в региональной политике Вашингтона [533] . Истомин И.А. подчеркивает, что

---

[529] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. – 2020. - №1. – С. 185.

[530] Политика безопасности стран современного Востока. / под ред. Д. В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – 281 с.

[531] Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. – 2017. – № 2. - С. 37-40.

[532] Bochkov D. Chapter 12. Russia's Foreign Policy Objectives and the Outlook on the Indo-Pacific / I. Denisov, D. Bochkov // In Indo-Pacific and ASEAN. New Balances and New Challenges for Asian Integration and Stability. Ed. by Thi-Liên T.C., Chirathivat S., De P. 2024, Routledge India. – P. 159-172.

[533] Kireeva A. The Indo-Pacific in the Strategies of the U.S. and Japan. Common and Distinctive Features, Implications for Russia // Russia in Global Affairs. — July-September 2020. — Vol. 18. – No. 3. — P. 98-127.

Вашингтон стремится наращивать военно-морское присутствие в ИТР и постепенно отходит от системы вертикальных союзов «оси и спиц», которая направлена на укрепление горизонтальных связей со странами, разделяющими опасения по поводу роста Китая[534].

Сумский В.В. подчеркивает активный экономический динамизм АТР и региона Индийского океана[535]. Куприянов А.В. отмечает, что, начиная с 2000 г. Индия все более активно заявляет о себе как о потенциальном гегемоне в регионе Южной Азии и Индийского океана[536]. Торопчин Г.В. на основе компаративного анализа проводит сравнение содержательного наполнения макрорегионов АТР и ИТР и отмечает, что существует частичное совпадение их понятийных полей, так как в обоих случаях в рассматриваемое понятие включены Тихий океан и прилежащие территории. При этом к ИТР относятся также и государства Индийского океана[537].

В 2018 г. коллектив авторов (Бордачев Т.В., Кашин В.Б., Куприянов А.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Королев А.С.) опубликовали доклад Международного Дискуссионного клуба "Валдай", в котором, хотя и допускаются различные толкования ИТР разными акторами, признается объективная реальность появления концепта: *«борьба ведущих игроков за Индию (как и за Европу) может стать одной из примет нового мира»*[538]. Об усилении веса Индии в ИТР в монографии ИМЭМО РАН «Новая реальность Индо-Тихоокеанского пространства» пишет и Федоровский А.Н.[539].

---

[534] Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь. РСМД № 49. 2019. – 44 с.

[535] Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий. // Международная жизнь. – 2021 - №4. – С. 74-90.

[536] Там же. С. 60-61.

[537] Торопчин Г. В. АТР или ИТР? Территориальные рамки и смысловое наполнение // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. –№5 - С. 89-103.

[538] Бордачев Т., Кашин В., Куприянов А., Лукьянов Ф., Суслов Д., Королев А. Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура. // Международный Дискуссионный клуб "Валдай". - 2018. - С. 1-3.

[539] Новая реальность Индо-Тихоокеанского пространства / под общей ред. В.В. Михеева; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва: ИМЭМО РАН, 2023. – 155 с.

Коллектив авторов из ИМИ МГИМО Университета в исследовании «Россия, Китай и концепция Индо-Пацифика» отмечает, что в долгосрочной перспективе неприятие ИТР со стороны Москвы и Пекина может измениться, и это будет зависеть от эволюции отношения к данной концепции со стороны других региональных акторов. Если им удастся объединиться вокруг идеи ИТР на основе ее инклюзивности то она перестанет ассоциироваться с геополитическими амбициями США [540] . Например, это может быть в интерпретации Видения ИТР АСЕАН.

Соотношение процессов «регионализма» и «регионализации» в Южной Азии и АТР,

При анализе процессов макрорегионализации на пространстве Южной Азии и АТР, или то, что ряд региональных игроков определяет, как «Индо-Тихоокеанский регион», важно учитывать и соотношение процессов «регионализма» и «регионализации». Понятие «регионализация» стало постепенно входить в научный оборот еще в 1970-1980-х гг. в зарубежной литературе для описания процессов межгосударственного сближения в Юго-Восточной Азии. «Регионализация» в Юго-Восточной Азии применялась как альтернатива термину «интеграция», характерному для аналогичных процессов внутри ЕС[541]. Регионализация фокусируется непосредственно на понятии региона и представляет собой *«объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически в единую группу»*[542].

Различия между понятиями «регионализм» и «регионализация» состоят в том, что первое инициируется преимущественно «сверху-вниз» со стороны

---

[540] Denisov I., Paramonov O., Arapova E., Safranchuk I. Russia, China, and the concept of Indo-Pacific. // Journal of Eurasian Studies. - 2021 - Vol. 12. – No.1. - P. 72-85.

[541] Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 4. - №10. – С. 44.

[542] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. - С. 38-39.

государств и нацелено в основном на структурирование определенного политического порядка за счет формализации отношений и создания региональных организаций, заключения преференциальных экономических соглашений, оформления зон свободной торговли и пр. Тогда как ключевыми акторами второго являются негосударственные игроки (прежде всего – бизнес), и процесс развивается как бы от них, т.е. «снизу-вверх» за счет интеграции цепочек добавленной стоимости, налаживания внутри-региональных производственных сетей, углубления взаимосвязи между обществами и пр.[543].

Представляется, что в ситуации с формирующимся макрорегионом Южной Азии и АТР наблюдается сочетание сразу обоих процессов. Так, существуют сознательные попытки отдельных региональных участников по конструированию нового макрорегиона. Это проявляется, в частности, в уже упомянутых ранее стратегиях ряда ведущих игроков для Индо-Тихоокеанского региона. Кроме того, в разное время появлялись различные форматы и инициативы для развития многостороннего экономического сотрудничества в Южной Азии и АТР, такие как, например, «Азиатско-африканский коридор роста» Индии и Японии, «Индо-Тихоокеанская инициатива» Индии (IPOI), «Транстихоокеанское партнёрство» (ТТП, а после 2018 г. – Всеобъемлющее и прогрессивно соглашение о Транстихоокеанском партнерстве), Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» США, и др.

Примечательно, что согласно докладу ORF о перспективах региональной интеграции, именно три последних механизма буду играть решающую роль в дальнейшей экономической интеграции и развитии инвестиционных связей рамках Индо-Тихоокеанского региона [544] . Это

[543] Fawn R. «Regions» and their study: where from, what for and where to? // Review of International Studies. 2009. - Vol.35. - P. 331-358.

[544] Prakash A. Regional Integration in the Indo-Pacific: Connectivity, Cooperation, and New Supply-Chain Linkages. // Observer Research Foundation. Feb 23, 2024. – 84 p.

приводит к конструированию нового макрорегиона за счет дискурсивных попыток его ведущих участников развивать более тесное сотрудничество в рамках единых экономических инициатив между странами как Южной Азии и Индийского океана, так и АТР.

С другой стороны, наблюдаются и более спонтанные процессы, инициированные «снизу» - со стороны негосударственных акторов, которые направляются заинтересованностью деловых кругов региональных игроков. Так, компании экономически развитых стран, отмечая смещение экономического центра мира в более динамичный Индо-Тихоокеанский регион, заинтересованы в более выгодном приложении своих инвестиций в новые страны.

Аналогичным образом поступает и Китай, который через свою Инициативу «Один пояс – Один путь» также ищет новые возможности для приложения капитала и строительства инфраструктуры. В связи с этим Индия, страны АСЕАН и государства Южной Азии стремятся привлекать ПИИ из разных стран. Упомянутый доклад ORF как раз и подчеркивает, что именно улучшение деловой среды также будет играть важную роль в структурировании торговых отношений в Индо-Тихоокеанском регионе[545]. Так по разным оценкам, суммарная доля объема мировой торговли, проходящей через пространство Тихого и Индийского океанов, составляет порядка 50%, что свидетельствует о значимом весе данного региона в мировой экономике[546].

Как отмечает Киреева А.А., центр экономического роста постепенно смещается в более обширный Индо-Тихоокеанский регион. Именно из такой логики экономического развития мира и региона исходит японская стратегия

---

[545] Там же.

[546] Bhaskar N.J. India’s developing economic ties with the Indo-Pacific. - Текст: электронный // Observer Research Foundation. / Raisina Debates. April 26, 2021. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/india-developing-economic-ties-indo-pacific (дата обращения: 12.05.2023).

в ИТР, которая в первую очередь основана на интересах частного сектора, заинтересованного в расширении своего присутствия в ИТР, вслед за чем уже следует поддержка со стороны государственных органов[547].

Данные проекты, основанные на государственно-частном партнерстве, реализуются Токио на пространстве ИТР в том числе рамках «Партнерства в целях качественной инфраструктуры». Кроме того, прогнозируется, что экономически страны ИТР в перспективе столкнутся с необходимостью дальнейшего расширения уже существующих производственных цепочек, например, тех, что налажены между АСЕАН и Китаем. Это будет происходить за счет вовлечения в них других стран макрорегиона[548].

В последнее время ряд региональных игроков, например, Австралия, начали обращать внимание и на важность консолидации деятельности некоммерческого сектора в Индо-Тихоокеанском регионе[549]. Все это как раз и отражает то, что наряду с развитием регионализма в ИТР также наблюдаются параллельно протекающие процессы регионализации.

Таким образом, благодаря подходу МКР, позволяющему анализировать региональный уровень международных отношений и мировой экономики, фиксируется усиление комплексной взаимосвязанности регионов Южной Азии и АТР, которое приводит к формированию нового макрорегиона. Как для формирующегося макрорегиона, для Южной Азии и АТР характерно повышение степени комплексной взаимозависимости процессов политического, экономического, культурно-исторического характера, а также

---

[547] Kireeva A. The Indo-Pacific in the Strategies of the U.S. and Japan. — Текст: электронный // Common and Distinctive Features, Implications for Russia // Russia in Global Affairs. — July-September 2020. — Vol. 18. №3. — P. 106.

[548] Announcement of "Partnership for Quality Infrastructure : Investment for Asia's Future". — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 21 May 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (дата обращения: 04.11.2023).

[549] Senator the Hon Penny Wong. Innovative Indo-Pacific NGO Accelerator to boost development projects – Текст: электронный. // Australian Minister for Foreign Affairs. 08 November 2024. URL: https://www.foreignminister.gov.au/minister/penny-wong/media-release/innovative-indo-pacific-ngo-accelerator-boost-development-projects (дата обращения: 10.05.2024).

более активное вовлечение в вопросы безопасности акторов из обоих сопредельных регионов.

В этой связи, в последние десятилетия активизировалось академическая дискуссия в России, Китае и мире по поводу так называемой «Индо-Пацифики». Более того, в практической плоскости многие ведущие региональные участники (великие и региональные державы) сформулировали свои стратегии для Индо-Тихоокеанского региона. Это отражает де-факто признаваемый ими объективный процесс макрорегионализации, выражающийся в постепенном «стяжении» традиционных регионов Южной Азии и АТР на основе усиливающейся между ними комплексной взаимосвязанности вопросов политики, экономики и безопасности. В процессе же формирования данного макрорегиона также наблюдается и сочетание таких процессов, как регионализации, и регионализм.

1.4. Теория региональных комплексов безопасности и теоретические подходы к устройству регионального порядка

Для анализа структуры регионального комплекса безопасности в Южной Азии и АТР, а также оценки спектра угроз, который формулируют для себя Китай и Индия в ходе соответствующих дискурсивных процессов секьюритизации, в исследовании применяется теория региональных комплексов безопасности.

Теория РКБ разрабатывалась в работах Б. Бузана и О. Вевера[550]. Теория РКБ основана на неореализме с добавлениями положений из конструктивизма. Она постулирует, что в рамках отдельных региональных пространств существуют взаимообусловленные проблемы безопасности и связанные с ними политико-экономические процессы, которые приводят к формированию «региональных комплексов безопасности». Значимую роль при конструировании определенного РКБ в свою очередь играет и процесс

[550] Авторы считаются основателями Копенгагенской школы теории международных отношений.

секьюритизации, при котором посредством политических речевых актов какая-либо проблема безопасности постулируется как угроза выживанию государства (то есть секьюритизируется)[551].

Потребность в изучении взаимоотношений государств по вопросам безопасности через призму РКБ возникла по той причине, что большинство других известных теорий международных отношений фокусируют внимание в основном на глобальном уровне, приуменьшая значимость региональных процессов[552]. Б. Бузан и О. Вевер концентрируют внимание на государствах как основных акторах международных отношений. Вопросы безопасности рассматриваются авторами как краеугольный камень выживания государств. Авторы разделяют анализ процессов безопасности на глобальном, межрегиональном, региональном и локальном (национальном) уровнях, уделяя б*о*льшее внимание региональному уровню, так как угрозы безопасности в нем проявляются намного нагляднее [553].

РКБ состоят из географически сгруппированных составных суверенных единиц (государств). Затем такие региональные структуры, состоящие из суверенных государств, образуют глобальную структуру более высокого порядка. Иными словами, РКБ представляет собой группу государств, интересы которых по вопросам безопасности настолько взаимосвязаны, что их целесообразно рассматривать вместе, а не по отдельности. Б. Бузан и О. Вевер отмечают, что *«все государства в системе взаимосвязаны глобальной паутиной безопасности»,* которая становится более заметной внутри каждого отдельного РКБ, нежели между странами вне его рамок[554].

Предметным полем теории РКБ является исследование взаимосвязанности государственных интересов в вопросах безопасности на

---

[551] Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. – Cambridge University Press, 2003. – P. 71-72.

[552] Там же. P. 27-31.

[553] Там же. P. 4.

[554] Buzan B. Regional Security Complex Theory in the Post-Cold War World. // Theories of New Regionalism. 2003. - P. 140–159.

региональном уровне анализа. В частности, в интерпретации Воскресенского А.Д., разработанное им понятие регионального комплекса по своей сути шире РКБ, так как отражает не только проблематику безопасности, но и охватывает политико-экономическую структуру того или иного макрорегиона и процессы его экономического развития. В частности, в его интерпретации для формирующей РКБ группы государств характерна именно высокая степень структурно-пространственной (политическая, экономическая, культурно-историческая и пр.) взаимозависимости в области безопасности[555].

Великие державы (или государства-лидеры) способны влиять на региональные комплексы за счет определения динамики их безопасности. При структурировании региональных комплексов помимо непосредственно вопросов безопасности, также учитываются такие факторы, как влияние экономических и новых политических процессов (включая активизацию роли негосударственных акторов), а также новые вызовы и угрозы[556].

Б. Бузан и О. Вевер среди ключевых структурных параметров РКБ выделяют: полярность, анархическую структуру (каждый РКБ должен состоять из более чем дух автономных политических единиц), границы (внешние пространственные границы отделяют различные РКБ друг от друга) и взаимоотношения стран по шкале «сотрудничество-соперничество». Полярность, по определению Б. Бузана и О. Вевера представляет собой соотношение распределения силы (баланс сил) между элементами системы. На системном уровне полярность выражается в количестве великих держав в системе. Аналогично полярность отдельного РКБ определяется количеством присутствующих в нем великих и региональных держав. Ее подразделяют на биполярность, многополярность, однополярность и бесполярность. Также

---

[555] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. - С. 53-54.

[556] Там же. С. 53-54.

выделяются еще и неструктурированные РКБ, где у региональных игроков настолько слабый потенциал, что они и вовсе не могут проецировать силу в масштабах всего региона[557].

А.Д. Воскресенский подчеркивает, что региональные и субрегиональные подсистемы являются совокупностью специфических международных взаимодействий, имеющих общую географическую и культурно-цивилизационную (пространственную в широком смысле) принадлежность. При этом, способом организации внутренней структуры такой региональной подсистемы является региональный порядок[558]. Именно определению характера регионального порядка в формирующемся макрорегионе регионе Южной Азии и АТР и посвящена данная работа.

Региональный порядок – это «*способ организации внутренней структуры региональной подсистемы и/или регионального комплекса»*[559]. Региональный порядок зависит от соотношения количества великих и региональных держав. В целом, описание международного порядка Б. Бузан и О. Вевер предлагают в четырех моделях: 1+х (однополярный), 2+х (биполярный) и многополярный, где сверхдержав нет, а есть только х количество великих держав (не менее 3). В модели бесполярного порядка 0+х (не имеющего еще прецедентов) взаимодействие происходит на уровне отдельных регионов и региональных подсистем[560], что напоминает идею Воскресенского А.Д. о взаимоотношениях будущих макрорегиональных комплексов, как прообразов центров формирующейся полицентричной

---

[557] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 62-70.

[558] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. - 2012. - №2 (8). - С. 30-58.

[559] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. - С. 192-193.

[560] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 33-70.

мировой системы[561]. Если ранее в данной главе речь шла о полицентричности мирового порядка, основанной на определенном балансе сил между различными центрами силы, то в отношении же устройства регионального порядка на основе полицентричности, речь также идет об определенном соотношении сил между державами разного уровня (великими, региональными и средними) только уже в привязке к конкретному региону или макрорегиону.

Взаимоотношения стран по шкале «сотрудничество-соперничество» отражают специфическое восприятие государств друг другом на основе симпатий и страхов с опорой на их исторический опыт, а также культурные и религиозные особенности и материальные условия. Исходя из этого, региональный порядок подразделяется на «конфликтное образование» (conflict formation – высокая степень вероятности конфликтов), «режим безопасности» (security regime - угроза войны сохраняется, но ограничена наличием общих норм) и «сообщество безопасности» (security community - возможность применения насилия исключена)[562]. Вместе с тем, между этими крайними положениями региональный порядок может приобретать форму более конкурентного (сохраняется высокая степень соперничества) и кооперативного (помимо соперничества, страны находят возможности для сотрудничества).

А. Ачария соглашается с предложенным Б. Бузаном и О. Вевером подходом к определению структуры регионального порядка в зависимости от количества и соотношения потенциалов держав разного уровня, но делает важное дополнение. Он отмечает, что, хотя сила/мощь держав, а также их роль в построении регионов имеют определенное значение, но реакция изнутри

---

[561] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. - Т.8. - №2. - С. 42.

[562] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 53-54.

самого региона может еще сильнее влиять на формирование региональных порядков. Это приводит к важному заключению, что *«регионы конструируются скорее изнутри, чем снаружи»*[563].

С помощью теории РКБ в данной работе, во-первых, на основе приведенных параметров анализируется структура формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР. Для этого выделяются находящиеся в нем великие, региональные и средние державы, проводится анализ их взаимоотношений и определяется полярность формирующегося макрорегиона. С точки зрения Б. Бузана и О. Вевера, Китай входит в РКБ Восточной Азии, а ключевыми игроками в РКБ Южной Азии являются Индия и Пакистан. РКБ Южной Азии и РКБ Восточной Азии вместе образуют Азиатский суперкомплекс[564]. РКБ позволяет оценить положение Китая и Индии как в региональном соотношении сил, так и относительно других центров силы и определить характер регионального порядка в формирующемся макрорегионе.

Во-вторых, в работе анализируются дискурсивные процессы секьюритизации, связанные с реакцией Китая и Индии на их взаимное проникновение в соседние регионы. Констатируется, что Индия воспринимает усиление Пекина в регионе Южной Азии как угрозу своим региональным интересам. Аналогично, активизация Индии в АТР отрицательно воспринимается Китаем.

В-третьих, с учетом того, что важной задачей любой страны-лидера внутри своего РКБ является поддержание его безопасности, что соответствует интересам внутреннего развития самого лидера, Китай заинтересован в стабильности РКБ Восточной Азии, а Индия – Южной Азии. Иными словами, при анализе китайско-индийских отношений необходимо учитывать, что несмотря на усиление конкуренции между ними за региональное лидерство,

---

[563] «Regions are constructed more from within than from without». // Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 4. – P. 630-631.

[564] Там же. P. 97.

обе страны хотели бы избежать крупного регионального конфликта или эскалации напряженности как в своих собственных РКБ, так и во всем Азиатском суперкомпелксе безопасности. В противном случае, их интересы долгосрочного экономического развития и внутриполитической стабильности в случае горячего конфликта были бы под угрозой.

Великие и региональные державы определяют полярность соответствующего РКБ в зависимости от их количества в нем и, как следствие, степени своего влияния[565]. При этом, некоторые РКБ могут структурироваться вокруг не только региональных держав, но и великих держав или сверхдержав (как РКБ СНГ во главе с Россией или РКБ Северной Америки с центральной ролью США). Часто великие державы начинают активно проникать в соседние комплексы безопасности как это делает, например, Китай. Первоначально Пекин был сконцентрирован на РКБ Восточной Азии, а затем стал расширять влияние на весь Азиатский суперкомплекс безопасности, состоящий из РКБ Южной и Восточной Азии.

Великая держава —*это государство, сохраняющее очень высокую степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, не только обеспечивающей национальные интересы, но и оказывающей существенное (в разной степени, вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность), и обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров великой державы*[566].

---

[565] Например, Южноафриканский РКБ может рассматриваться, как однополярный. РКБ Восточной Азии считается многополярным, в то время как порядок в Южно-Азиатском РКБ из-за неприятия лидирующей роли Индии Пакистаном традиционно считался биполярным. Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. – Cambridge University Press, 2003. – P. 71-73.

[566] Территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциалы, научно-технический, иногда отдельно выделяется информационный потенциал. / Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023.

К. Уолтц выделяет пять критериев великой державы: 1) численность населения и размеры территории; 2) обеспеченность ресурсами; 3) экономическая мощь; 4) военная сила; 5) политическая стабильность и компетенция. Б. Бузан и О. Уэвер утверждают, что статус великой державы включает помимо материальных ресурсов, формальное признание этого статуса другими участниками международных отношений, а также характекр действий державы на глобальном уровне[567]. Шаклеина Т.А. отмечает, что в современных исследованиях все чаще вместо «великой державы» стали использовать термин «ведущая мировая держава», которая определяется экономическим потенциалом соответствующей страны в мировой экономике и способностью оказывать преобразующее влияние на мировое развитие сразу в нескольких сферах[568]. К великим державам можно отнести: Китай, США, Россию.

Региональная держава – *это держава со значительным влиянием в регионе, в котором она определяет количество полюсов, но при этом ее влияние в основном и ограничивается рамками конкретного региона*[569]. Д. Нолте добавляет, что такая держава помимо того, что входит в данный регион, также имеет претензии на лидерство в нем, оказывает значительное влияние на его геополитику и политическое конструирование, обладает рядом материальных (военные, экономические), организационных (политические) и идеологических ресурсов, что дает ей возможность проецировать влияние на весь регион и определять его повестку в области безопасности, а также чье лидерство признается другими державами[570]. Важно, что, хотя великие

---

[567] Там же. С. 103.

[568] Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. - 2011. – Т. 9. - № 2. - С. 30-31.

[569] Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 37.

[570] Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Reserch Topic // GIGA German Institute of Global and Area Studies, Hamburg. Paper prepared for delivwry at the ECPR Joint Session on Workshops, Helsinki 7-12 May 2007. P. 15.

державы и сверхдержавы вынуждены учитывать влияние региональных держав в регионе, тем не менее региональные державы редко принимаются в расчет при формировании глобального уровня системы международных отношений[571]. К региональным державам можно отнести: Японию, Бразилию, Южную Африку, Пакистан (в Южной Азии) и т.п.

Держава среднего уровня (Австралия, Республика Корея, Индонезия) – *государство, которое с точки зрения комплексной мощи и его влияния нельзя отнести ни к разряду великих держав, ни малых стран*[572]. Они обладают уровнем мощи, который оценочно может считаться средним, однако, что именно считать средним уровнем мощи является дискуссионным вопросом. В отличие от региональных, средние державы хотя сами не могут оказывать решающее влияние на процессы структурирования регионального пространства, но могут это делать через активное участие в институтах или при помощи коалиций[573].

Р. Кохейн определяет державу среднего уровня, как *«государство, лидеры которого полагают, что оно не может действовать эффективно в одиночку, но может иметь систематическое влияние на небольшую группу стран или через какие-либо международные институты»*[574]. Некоторые исследователи подразделяют средние державы на традиционные и новые (зарождающиеся / поднимающиеся)[575]. К ним относятся Малайзия, Вьетнам, иногда фигурируют Филиппины. Представляется, что особенностью внешнеполитического поведения таких держав является то, что они проводят

---

[571] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. – С. 104.

[572] Jordaan E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon, - November 2003 - Vol. 30. - No 2. – P. 165-181.

[573] Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама) : дис. – 2021. - С. 56.

[574] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. Е.В.Колдунова, С.И.Лунев, А.А.Киреева. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. – С. 105.

[575] Jordaan E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon, - November 2003 - Vol. 30. - No 2. – P. 165-181.

многовекторную политику и выступают за принцип консенсуса, так как это соответствует их долгосрочным интересам. Данные странны выстраивают такой особый тип поведения, при котором они подстраиваются под определенные исторические и международные условия. Держава среднего уровня представляет собой социально сконструированную идентичность через диалог между политиками и учёными в отношении как самовосприятия, так и ее внешнеполитического поведения[576].

По определению статуса Индии в научном дискурсе до сих пор идут споры. Шаумян Т.Л. говорит о региональном лидерстве Нью-Дели, признавая ее глобальные амбиции: *«Индия сегодня — это самодостаточная великая региональная держава, которая семимильными шагами движется в сторону признания ее великой глобальной державой»*[577]. Ряд российских ученых отмечает, что стратегическая целью внешней политики Индии с самого момента обретения ею независимости стало превращение в державу мирового уровня[578]. Некоторые относят Индию к разряду зарождающихся держав[579].

Однако, в связи с усилением экономического веса Индии можно встретить исследования, относящие Нью-Дели к разряду великих держав. Лунев С.И., в частности, отмечает, что, хотя мировое сообщество пока не признает статус Индии как великой державы, однако, она уже является глобальным центром влияния[580]. Причем сегодня политический авторитет Индии на мировой арене продолжает расти, и ее считают одним из наиболее вероятных кандидатов в постоянные члены Совета Безопасности ООН и

---

[576] Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама) : дис. – 2021. - С. 65-67.

[577] Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. – 2013. – №. 3 (13). – С. 62.

[578] Воскресенский А.Д., Лунев С.И. Индийский фактор в мировой политике (вместе с // Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. Учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014, с. 211-221.

[579] Pattnayak S.R India as an emerging power // India quarterly. New Delhi, 2007. – Vol. 63. - No. 1. – P. 79–110.

[580] Лунев С.И. Индия как глобальная держава и ее участие в региональных организациях Азии // 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ. Том 2. Россия и современный мир: политика и безопасность. Часть 1. — 2017. — С. 337-356.

«Большую восьмерку»[581]. Б. Бузан отмечал потенциал Индии для перехода от статуса региональной державы к великой, причем подчеркивая, что она может этого добиться не только через противостояние с Китаем, но и сотрудничество с ним[582]. Аналогично о постепенном движении Индии к статусу великой державы говорит и Д. Скотт, связывая это также с соперничеством Нью-Дели и Китая за региональное лидерство в новой «Большой игре»[583]. М. Пардеси, однако, заявляет, что интересы и возможности Индии в области политики, безопасности и экономики вышли далеко за пределы ее домашнего региона – Южной Азии, в связи с чем страна уже перешла в разряд великих держав[584].

Представляется, что сегодня Индия действительно находится на стадии перехода от региональной державы к разряду держав мирового уровня – то есть великой державы. Однако, преждевременно говорить о том, что такой транзит уже состоялся, так как в соответствии с представленными выше определениями и критериями К. Уолтца, совокупный потенциал и материальные возможности Индии пока не позволяют ей в полной мере проецировать свою мощь за пределы региона Южной Азии и АТР, а ее ограниченное влияние в глобальном масштабе и отсутствие всеобщего признания в качестве великой державы также пока не позволяют однозначно идентифицировать Индию как великую державу.

Вместе с тем, помимо великих, региональных и ведущих держав, Шаклеина Т.А., в частности, выделяет проблему лидерства (государств-лидеров) в современном мире, что связано с увеличением числа ведущих держав, и, как следствие, обострением разногласий между ними по основным

---

[581] Воскресенский А.Д., Лунев С.И. Индийский фактор в мировой политике (вместе с // Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. Учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014, с. 211-221.

[582] Buzan B. South Asia moving towards transformation: emergence of India as a great power //International Studies. – 2002. – Vol. 39. – No. 1. – P. 16.

[583] Scott D. The great power ‘great game’ between India and China:‘The logic of geography’ //Geopolitics. – 2008. – Vol. 13. – No. 1. – C. 1-26.

[584] Pardesi M.S. Is India a great power? Understanding great power status in contemporary international relations // Asian Security. – 2015. – Vol. 11. – No. 1. – P. 1-30.

параметрам конструирования мирового порядка [585]. Богатуров А.Д. под «типичным лидером» понимает: *«государство, обнаруживающее объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве»*[586].

Исследователь исходит из того, что под региональным пространством понимается *«совокупность как основных, так и второстепенных участников межгосударственных отношений в рамках того или иного фрагмента мировой системы».* Далее он вводит иерархию лидерства, отмечая, что разница между «лидером» и «аутсайдером» или малыми странами состоит в соотношении «фонового» и «творческого» начала в их внешней политике. У лидеров преобладает второе, тогда как множество разрозненных аутсайдеров лишь образует окружение, которое можно называть «фоном», пространством или «средой» для лидера[587].

Ситуация в том или ином регионе зависит не только от данных импульсов, но и также от того, как эти импульсы преломляются самой региональной средой, через которую они проходят. Так, Богатуров А.Д. на основе типа отношений противопоставляет «лидеров» со «средой» (или «пространством») [588]. Исходя из этого, структура системы отношений в

---

[585] Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок: нужен ли миру лидер? // Международные процессы. 2015. — №4. — С. 6-19.

[586] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. – С. 7.

[587] Там же. С. 40.

[588] Противопоставление лидеров пространству носит во многом условный характер, так как под «региональным пространством» понимается совокупность всех: как основных, так и второстепенных участников межгосударственных отношений в рамках конкретного фрагмента мировой системы. Богатуров А.Д. Глава 14. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии. // в «Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений». Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. - М.: НОФМО, 2002. - С. 5-10.

конкретном регионе может быть: лидерской, когда одна или несколько ведущих держав играют ключевую роль, проявляя лидерское поведение, тогда как вес остальных региональных игроков менее ощутим, или фоновой (пространственной), при которой другие игроки играют более значительную роль в структурировании порядка и как бы «гасят» импульсы, посылаемые лидерами, за счет чего последние не могут полностью реализовать свои амбиции.

В разных регионах превалируют разные типы устройства с б*о*льшим преобладанием либо лидерского, либо фонового (пространственного) типа. В частности, страны АСЕАН в первые послевоенные десятилетия не оказывали даже слабого воздействия на импульсы между державами, и лишь к началу 1990-х стали претендовать на роль регионального пространства такой плотности, при которой его сопротивление способно блокировать общерегиональные стратегические начинания[589].

На пространстве формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР до обострения американо-китайской конкуренции, что стало более заметно наблюдаться при администрации Б. Обамы и усилилось при Д. Трампе и Дж. Байдене, характер структурирования отношений внутри региональной подсистемы в Восточной Азии больше тяготел к фоновому типу. Сегодня, представляется, что тип является скорее лидерским, но при этом заметна и более выраженная роль других игроков (в частности, государств АСЕАН и стран Южной Азии), поддержка которых для лидеров имеет большое значение, так как позволяет более активно реализовывать свои региональные планы.

На консолидацию стран вокруг своего лидерства в противовес КНР во многом направлены усилия США по продвижению различных региональных

---

[589] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. – С. 42-44.

форматов антикитайского характера. Дж. Айкенберри обращал внимание на влияние роста китайского экономического и военного потенциала на изменение регионального баланса сил, при котором произошла активизация конкуренции Пекина с Вашингтоном за лидерство в Азии[590]. При этом, усиление китайско-американского противостояния, при котором США также стремятся привлекать на свою сторону как можно больше региональных игроков, должно способствовать укреплению биполярности. Многие региональные акторы (Индия, страны Южной Азии и АСЕАН, Австралия и Япония) также обеспокоены усилением мощи Пекина и постепенным расширением его влияния в соседних регионах. Л. Джейкобсон отмечал, что достаточно проактивная модель поведения Китая в АТР многими региональными государствами воспринимается негативно, в связи с тем, что она основана на расширении влияния Пекина на различные региональные процессы[591].

Здесь, однако, важно отличать взаимодействие между странами региона по вопросам, имеющим общий интерес для них, от формальных отношений союзнического характера, в категории которых, в частности, неверно описывать контакты Индии с другими региональными участниками, например, США, Японией и Австралией. Так, в данном исследовании под международными альянсами (союзами) понимаются соглашения между государствами, регламентирующие их военно-политическое взаимодействие в случае вооруженного конфликта, а также определенные сложившиеся процедуры сотрудничества на основе данных договоренностей [592]. В

---

[590] Ikenberry G. J. Between the eagle and the dragon: America, China, and middle state strategies in East Asia // Political science quarterly. – 2016. – Vol. 131. – No. 1. – P. 9-43.

[591] Jakobson L. Reflections from China on Xi Jinping's “Asia for Asians” // Asian Politics & Policy. – 2016. – Vol. 8. – No. 1. – P. 219-223.

[592] Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе. Мировая экономика и международные отношения, 2019. - Т. 63. - № 1. - С. 35-36.

определении союзов внимание акцентируется именно на военно-политический аспект взаимодействия.

Официальные альянсы военно-политического характера США поддерживает с рядом стран региона. В научной литературе такого рода система двусторонних альянсов в АТР, созданная еще во времена Холодной войны, носит название системы «оси и спиц» (hub-and-spoke system) [593]. Она состоит из альянсов между США и их союзниками на основе соответствующих соглашений в Северо-Восточной Азии (с Южной Кореей – 1953 г., Японией – 1960 г.) и Юго-Восточной Азии (с Филиппинами – 1951 г., Таиландом – 1954 г.), а также южной части Тихого океана (с Австралией и Новой Зеландией в 1951 г.).

При этом как отмечает ряд специалистов, основным недостатком такой системы альянсов является ее антикитайская направленность. В силу экономической зависимости стран Восточной Азии, в том числе союзников США, от торговли и инвестиционного сотрудничества с Китаем, они в меньшей степени заинтересованы в объединении усилий с США по сдерживанию Пекина[594]. Отношения же Индии с США и другими акторами не попадают под определение формального альянса, так как официально не закреплены никакими официальными соглашениями по взаимодействию в случае вооруженного конфликта.

Сегодня, хотя Индия еще сохраняет статус региональной державы, увеличение ее комплексной мощи демонстрируют переход к великодержавности[595]. В связи с этим в отличие от всех других центров силы и региональных игроков, являющихся союзниками и партнерами США в регионе (Япония, Австралия, Южная Корея и др.), только Индия, которая

---

[593] Канаев Е.А., Лю Синтао. Азиатско-тихоокеанские системы безопасности: динамика и факторы развития // ЮгоВосточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022. – Т. 2. - № 2 (55). - С. 11–25.

[594] Там же.

[595] Bochkov D. China–India relations in Eurasia: Historical legacy and the changing global context / I. Denisov, I. Safranchuk, D. Bochkov // Human Affairs. – 2020. – Vol. 30. – No. 2. – P. 224-238.

обладает сопоставимым с ними весом и влиянием, продолжает придерживаться политике неприсоединения, а также напрямую не аффилирована ни с одним из центров силы, не состоит в каких-либо альянсах и является полностью самостоятельным участником системы международных отношений в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР[596].

Кроме того, в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР то, что Богатуров А.Д. называет «типичным лидерским поведением» демонстрирует только ряд стран, в числе которых помимо Китая, США и Японии как раз находится Индия. Основными характеристиками такого поведения, среди прочего, являются: тяготение к принятию односторонних решений при минимальном согласовании с партнерами; инициативный, наступательный курс в области военно-политической стратегии и дипломатии, а также стремление расширить участие и повысить влияние в микрополитических процессах, убедить международное сообщество «считаться с собой»[597]. При этом, на фоне других региональных участников отдельно выделяется именно роль Индии, которая следует политике неприсоединения и с учетом сложного характера своих двусторонних отношений с Китаем придерживается полностью самостоятельной позиции по ключевым региональным вопросам.

Колдунова Е.В. отмечает, что теория РКБ Б. Бузана и О. Вевера была в основном нацелена на анализ военно-стратегических процессов в регионах и не отражала возникшие в результате трансформации мировой системы нетрадиционные угрозы. В связи с этим исследователь предпринимает попытку на примере региона Восточной Азии (с фокусом на Юго-Восточной Азии) проанализировать возникновение и динамику региональных

---

[596] Бочков Д.А. Роль китайско- индийских отношений в форматировании регионального порядка в Индо- Тихоокеанском регионе // Вестник учёных-международников. 2023 – №1 (23). – С. 177.

[597] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. – С.40.

комплексов с учетом новых угроз и нетрадиционных аспектов безопасности[598].

Новые вызовы и угрозы – *также «нетрадиционные угрозы/аспекты безопасности», представляют собой аспекты безопасности, характеризующиеся транснациональными чертами, которые носят достаточно комплексный характер и являются взаимообусловленными.* Их источники разнообразны: это могут быть новые акторы международных отношений, внутренние проблемы государств, современная политическая и экономическая системы, невоенные угрозы или иные негосударственные виды военных угроз, а также международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и внутренние вооруженные конфликты, пиратство, организованная преступность, наркотрафик, последствия стихийных бедствий[599].

Никитина Ю.А. применяет теорию РКБ для анализа дискурсивных процессов секьюритизации на постсоветском и евразийском пространствах на примерах ОДКБ и ШОС. Исследователь отмечает, что, если для ОДКБ были характерны ярко выраженные процессы секьюритизации, когда организация превращается одновременно в военный блок и структуру по борьбе с новыми вызовами, то для ШОС, напротив, была характерна десекьюритизация, так как акцент работы организации переносится с вопросов безопасности на координацию и углубление региональной интеграции[600].

Таким образом, применение теории РКБ позволяет проанализировать полярность регионального порядка Южной Азии и АТР на основании выделения ключевых центров силы. С помощью теории РКБ было показано, что с учетом регионального баланса сил, в котором превалируют державы разного уровня, региональный порядок является полицентричным. При этом,

---

[598] Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. — М.: Навона, 2010. — С. 87-89.
[599] Там же. С. 60-65.
[600] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности / Ю.А. Никитина. – М.: Навона, 2009. С. 170-173.

активизация конкуренции между великими и региональными державами в формирующемся макрорегионе придает ему конкурентный тип.

Протекающие внутри Азиатского суперкомплекса процессы секьюритизации, при которых Китай опасается усиления позиций Индии в АТР, а Индия негативно воспринимает усиление Китая в Южной Азии, приводят к усилению стратегического соперничества в китайско-индийских отношениях [601]. Однако, взаимная заинтересованность Китая и Индии в поддержании стабильности в своих региональных комплексах безопасности, избегании усиления конфликтности двусторонних отношений, развитии экономического сотрудничества, а также противодействии новым вызовам и угрозам – являются стабилизирующими факторами китайско-индийских отношений.

Выводы к Главе I.

В данном междисциплинарном исследовании используются положения неоклассического реализма, неореалистского направления международной политэкономии и теоретическое осмысление специфики регионального уровня анализа международных отношений и мировой экономики на основе дисциплины мирового комплексного регионоведения и теории региональных комплексов безопасности.

Неоклассический реализм, основанный на положениях неореализма, учитывает характер устройства системы международных отношений. Государства реагируют в значительной степени на структурные ограничения международной системы, выражающиеся соотношением великих держав и балансом сил между ними. Нововведение неоклассического реализма по сравнению с неореализмом состоит в учете того, что при проведении внешней политики государств важную роль играют также внутриполитические факторы, такие как позиция руководства страны, стратегическая культура,

[601] Bochkov D. China–India relations in Eurasia: Historical legacy and the changing global context / I. Denisov, I. Safranchuk, D. Bochkov // Human Affairs. – 2020. – Vol. 30. – No. 2. – P. 224-238.

взаимоотношения общества и государства, а также иные внутриполитические переменные.

Неоклассический реализм применительно к данной работе позволяет:

Во-первых, проанализировать сложившийся глобальный баланс сил и оценить то, как положение ведущих держав в нем влияет на их внешнеполитическую стратегию.

Во-вторых, определить то, определить устройство международного порядка на уровне всей мировой системы и оценить его влияние на регион Южной Азии и АТР.

В-третьих, в работе приводится характеристика влияния внутриполитических факторов на внешнюю политику Китая и Индии.

Неореалистское направление МПЭ подчеркивает взаимовлияние политических и экономических факторов, как при взаимодействии государств на двустороннем, так и на глобальном уровнях. При этом, основные структурные параметры, заимствованные из реализма, влияющие на поведение государств (соотношение сил, национальные интересы и т.п.), продолжают играть ведущую роль, а важнейшим интересом государств становится обеспечение наиболее выгодного для себя положения в экономической системе.

Применение МПЭ в данном исследовании дает возможность проанализировать, как экономические интересы Китая и Индии влияют на расширение их стратегического присутствия регионах Южной Азии и АТР соответственно. Кроме того, с помощью МПЭ объясняется сложный характер китайско-индийских отношений, при котором внешнеполитическая конкуренция не исключает динамичное взаимное сотрудничество в области экономике. В целом, именно благодаря расширению теоретического инструментария данной работы, которая не ограничивается только использованием неоклассическим реализма с фокусом на вопросы баланса сил, безопасности, международного порядка и внутриполитических факторов внешней политики, за счет привлечения МПЭ с ее акцентом на экономическую

составляющую двусторонних отношений и связь с внешней политикой в данном исследовании стало возможным проведение комплексного анализа сложного характера китайско-индийских отношений.

Протекающие процессы глобализации и регионализации усиливают комплексную взаимосвязанность отдельных регионов, за счет чего происходит формирование образований более высокого уровня – макрорегионов. Изучение процессов макрорегионализации в данном исследовании проводится на основе положений мирового комплексного регионоведения, что позволяет на региональном уровне международных отношений с учетом междисциплинарного характера работы провести комплексный анализ регионов Южной Азии и АТР и формирующегося на их основе единого макрорегиона. Важность и актуальность протекающего в Южной Азии и АТР процесса макрорегионализации выражается в принятии большинством ведущих региональных игроков собственных стратегий для ИТР, содержание которых, как правило, носит комплексный характер, затрагивая как экономическую сферу, торговлю, логистику, производственные цепочки, культурные и гуманитарные обмены, так и военно-политические вопросы, и аспекты безопасности.

Исследуемое макрорегиональное пространство Южной Азии и АТР, находящееся в процессе формирования, характеризуется как усилением взаимосвязанности вопросов региональной безопасности, так и активизацией конкуренции великих и региональных держав. В данной работе применятся теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Вевера. Первостепенное внимание уделяется балансу сил между державами, а также процессам секьюритизации. С помощью теории РКБ в работе анализируется устройство формирующегося регионально порядка Южной Азии и АТР.

В исследовании отмечается, что важнейшее влияние на складывающийся порядок в Южной Азии и АТР оказывают ведущие центры силы, в числе которых одними из наиболее значимых участников являются великие (США и Китай), региональные (Япония), а также средние державы и

малые страны (Южная Корея, Австралия, ряд стран АСЕАН и Южной Азии) и малые страны. Индия в этой связи занимает особое положение, так как, являясь еще по совокупности формальных критериев региональной державой, она стремится к великодержавности, что проявляется в ее лидерских амбициях как на региональном, так и глобальном уровнях.

Исходя из положений теории РКБ, два соседствующих региональных комплекса безопасности Южной Азии и Восточной Азии (приложение 7), формируют единый Азиатский суперкомплекс. Внутри него Китай усиливает присутствие в Южной Азии, а Индия – в АТР, в результате чего обе стороны в своих дискурсивных процессах секьюритизации начинают воспринимать усиление позиций друг друга в их «домашних» регионах в качестве угрозы национальной безопасности. С другой стороны, общие вызовы безопасности, включая безопасность морских путей сообщения и нетрадиционные угрозы, подталкивают Китай и Индию к обоюдной заинтересованности в поддержании стабильности в Южной Азии и АТР в угоду поступательного национального и регионального развития.

Таким образом, описанные в данной главе теории и подходы, а также приведенные примеры их практического применения отвечают первой поставленной в работе задаче, посвященной характеристике использования российских и зарубежных теорий и подходов к концептуализации процессов формирования макрорегиона, а также анализу характера китайско-индийских двусторонних отношений в Южной Азии и АТР.

Глава II. Основные структурные характеристики китайско-индийских отношений в сферах политики, безопасности и экономики.

Отношения Китая и Индии являются одними из наиболее важных отношений как в регионе, так и мире в целом, так как они представляют собой контакты не только между двумя крупнейшими по численности населения странами, но и одними из крупнейших экономик мира[602]. Ещё Дэн Сяопин говорил, что век Азии может по-настоящему наступить только тогда, когда Индия и Китай станут развитыми странами[603].

С помощью метода исторического описания, позволяющего оценить исторические процессы посредством их анализа на основе информации источников, можно проследить эволюцию китайско-индийских отношений, начиная с момента установления официальных контактов. Так, Индия, получившая независимость в 1947 г., была одним из первых государств, признавших в 1949 г. именно КНР, а не Китайскую республику на Тайване[604]. Тогда китайско-индийские отношения развивались по самому благоприятному сценарию[605]. Как отмечает Лунев С.И., основными задачами на первоначальном этапе для Индии были стремление избежать вовлечения в возможную новую войну, а также достижение внешнеполитической независимости и налаживание внешней торговли[606].

Лозунг ‘Hindi-Chini Bhai Bhai’ (Индийцы и китайцы - братья), инспирированный Д. Неру был воплощен 29 апреля 1954 г. в виде подписания в Пекине Соглашения между Индией и КНР о торговле и связях с Тибетским

---

[602] 2017 Fastest growing economies // Global Macro Monitor. 2 Jan. 2017. URL: https://global-macro-monitor.com/2017/01/02/2017-fastest-growing-economies/ (дата обращения: 25.11.2022).

[603] Madhav R. Two suns in the East. – Текст электронный. // The Indian Express. 14 May 2015. URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/two-suns-in-the-east/ (дата обращения: 22.06.2023).

[604] Keshava D.G. Sino-Indian Relations: History, Problems and Prospects. // Harvard International Review. – 2012 - Vol. 34. - No. 2. - P. 26–29.

[605] Radchenko S. The Rise and Fall of Hindi Chini Bhai Bhai. – Текст электронный // Foreign Policy. 14 Sep, 2014. URL: https://foreignpolicy.com/2014/09/18/the-rise-and-fall-of-hindi-chini-bhai-bhai/ (дата обращения: 15.05.2022).

[606] Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – №. 1. – С. 189-201.

районом Китая, в котором были провозглашены пять принципов мирного существования «Панча-шила»: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование[607]. Соглашение символизировало также и признание Индией Тибета как неотъемлемой части КНР[608]. Ранее еще до заключения Соглашения 1954 г. Д. Неру настаивал на том, что *«граница является устойчивой, всем хорошо известной и неоспоримой, и здесь нет места для споров вне зависимости от того, существуют карты или нет»*[609].

В июне 1954 г. прошел успешный визит в Индию премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньлая[610]. 19 октября 1954 г. в Пекине состоялась встреча Д. Неру и Мао Цзэдуна, в ходе которой лидеры пытались выработать новую внешнюю политику для послевоенного периода[611]. Однако позитивный этап отношений резко сменился негативным. В 1959 г. было жестоко подавлено восстание в Тибете, а сторонники Далай Ламы вместе с ним бежали в Индию [612] . Китай опасался подрывной деятельности в приграничье, в связи с чем начал наращивать численность военного контингента на границе с Индией. Последовали эпизодичные столкновения. Стороны стали поднимать наиболее острые вопросы – территориальные споры за районы Аксай Чин (первоначально занят Китаем в 1955–1959 гг. и по итогам войны 1962 г. НОАК закрепилась на 38 тыс. кв. км района Аксай-Чин) и

---

[607] Agreement (with exchange of notes) on trade and intercourse between Tibet. Region of China and India. // Treaty Series. Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. 1958. – P. 57. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf

[608] Keshava D.G. Sino-Indian Relations: History, Problems and Prospects. // Harvard International Review. – 2012 - Vol. 34. - No. 2. - P. 26–29.

[609] Sikri R. The Tibet Factor in India-China Relations // Journal of International Affairs. – 2011. – P. 59-60.

[610] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 863.

[611] Baruah A. When Neru and Mao met. – Текст электронный. // The Hindu. 14.05.2015. URL: http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/comment-piece-on-the-maonehru-conversation/article7202352.ece (дата обращения: 15.03.2022).

[612] До сегодняшнего дня тибетский первосвященник находится в изгнании в Дхарамсале, на севере Индии. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 868.

Аруначал-Прадеш (приложение 3). Важно подчеркнуть, что война 1962 г. заложила существующее по сей день недоверие в Индии по отношению к Китаю, которое негативно отражается на двухсторонних отношениях в целом и на динамике территориального спора в частности. Индия воспринимает КНР как главного союзника Пакистана и по-прежнему в долгосрочной перспективе рассматривает Китай в качестве основного стратегического противника в Азии[613].

Территориальный спор и его влияние на отношения Китая и Индии.

Исторические истоки пограничного конфликта прослеживаются, начиная с начала XX в., когда Индия была британской колонией, а Китай фактически полуколонией европейских держав. В 1913 г., после британского вторжения в Тибет (1904 г.) и Синьхайской революции (1911 г.), большая часть территории современного Тибетского автономного района фактически стала автономным от остальной части современного Китая образованием под британским протекторатом и управлением Далай-ламы[614].

Контроль над западным участком границы – Аксай Чин, по мнению индийской стороны, был установлен целым рядом международных договоров, в первую очередь Тибето-Ладакхским договором, подписанным в 1684 году[615]. Китай считает претензии Индии на Аксай Чин лишенными оснований, так как вступление НОАК в Тибет в 1950 г. произошло именно через территорию Аксай Чин, что говорит о его принадлежности Пекину[616]. После этого

---

[613] Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – №. 1. – С. 7.

[614] Тибет не получил международного признания и в период своей де-факто независимости тибетское правительство, за некоторыми исключениями (Индия, США, Великобритания) находилось в дипломатической изоляции. Guha K. D. Sino-Indian relations: History, problems and prospects // Harvard International Review. – 2012. – Vol. 34. – No. 2. – P. 20-22.

[615] Британский консул в Кашгаре Дж. Маккартни предложил часть Аксай Чина к северу от линии холмов Лак Цанг считать китайской, а находящееся к югу – включить во владения Британской империи. В марте 1899 г. китайскому МИД была направлена нота британским послом в Пекине К. Макдональдом. Предложенная линия получила название линии Дж. Маккартни — К. Макдональда. Китайские власти не высказали возражений. В период конфликта 1959–1962 г. Пекин ссылался на ноту К. Макдональда. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 101-110.

[616] Там же. С. 112-115.

закономерно встал вопрос о сохранении действия англо-тибетского договора о границе между Тибетом и Индией по линии Макмагона, которая была границей между Тибетом и Индией, утвержденной Великобританией и Тибетом в 1914 году, как часть Симлской конвенции. Линия Макмагона признается Индией в качестве официальной границы, однако Китай не признал Симлскую конвенцию и, следовательно, данную Линию, считая, что Тибет не имел суверенитета и права подписывать договоры. В этой связи на китайских картах вся территория к югу от Линии помечена как часть Тибетского автономного района, также известного как Южный Тибет. [617]. По завершении же войны 1962 г. роль фактической границы стала выполнять так называемая Линия фактического контроля (ЛФК)[618].

В 1956–1957 г. Китай начал осваивать новые территории, а к 1958 г. в Аксай Чин была сооружена масштабная Синьцзян-Тибетская шоссейная дорога, которая соединила Тибет и Синьцзян[619]. В ответ на это в 1959 г. Индия предоставила убежище IV Далай-ламе, который покинул Тибет после неудавшегося антикитайского восстания[620].

Уровень напряженности рос, и в 1962 г. кульминацией противостояния стал вооруженный конфликт между Китаем и Индией, в котором первый одержал победу. По итогам войны Аксай Чин остался под фактическим

---

[617] Юридически контроль над Тибетом официально перешел к Пекину в 1951 г., когда было подписано «Соглашение из 17 пунктов» между Центральным народным правительством Китая и местным тибетским правительством. Чжоу Эньлай считал, что Великобритания воспользовалась революцией 1911 года, чтобы попытаться отторгнуть Тибет от Китая, и на этом фоне была созвана Симлская конференция 1913–1914 гг., устанавливавшая восточный участок границы между де-факто независимым Тибетом и Британской Индией по «линии Мак-Магона». Китай настаивает, что Симлская конвенция не имеет юридической силы. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 122.

[618] Уянаев С.В. Индийско-китайский пограничный спор: возможен ли свет в конце тоннеля? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. №26. С. 63-78.

[619] С середины 1950-х годов в Китае начали публиковаться географические карты, на которых часть территории Индии, а также Сикким, Бутан, Непал, часть Монголии, СССР были обозначены как китайские. Индия считала публикации такого рода «картографической агрессией», однако, Пекин пояснял, что это лишь перепечатка устаревших карт. / Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 112-115.

[620] Guha K. D. Sino-Indian relations: History, problems and prospects // Harvard International Review. – 2012. – Vol. 34. – No. 2. – P. 26.

контролем Китая[621]. В 1963 г. Пакистан подписал соглашение с Китаем, по которому передавал ему часть территории, являющейся частью бывшего индийского штата Джамму и Кашмир (участок границы Кашмира к западу от Каракорумского перевала, ныне – часть Аксай Чина) [622] . Несмотря на недовольство Индии, формально пребывание китайских войск, находившихся там после конфликта 1962 г., было узаконено китайско-пакистанскими договоренностями.

Новым этапом в отношениях двух стран стало восстановление дипломатических отношений, озвученное 15 апреля 1976 г. Индией, а затем в июле – Пекином. Одновременно с этом происходило и восстановление контактов в области культуры и спорта, проведение торгово-промышленных ярмарок и выставок. При этом, взаимное недоверие сохранялось, и, в частности, в КНР продолжились публикации критических материалов по вопросам внутренней и внешней политики Индии. В начале 1979 г. состоялся визит министра иностранных дел Индии А.Б. Ваджпаи в Пекин. Пекин выражал понимание озабоченности Индии в связи с особым характером его отношений с Пакистаном, однако гарантий уменьшения их масштабов (включая, прекращение строительства Каракорумской дороги) не предоставил[623].

В 1980-е гг. стороны продолжали придерживаться своих позиций в территориальном вопросе. Китай стал выступать за развитие двусторонних отношений, невзирая на пограничный вопрос, что по сей день является предлагаемой Пекином основой взаимоотношений с Индией. В это период Дэн Сяопин предлагал вернуться к обсуждению компромиссного решения

---

[621] Шикин В. Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война – Текст электронный. // РСМД. 11.09.2014. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-kitay-vzryvoopasnyy-mir-ili-kholodnaya-voyna/ (дата обращения: 10.04.2022).

[622] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 116-117.

[623] Там же. С. 877-879.

территориального вопроса, так называемой «комплексной сделки», согласно которой Индия признает статус-кво в Аксай Чине, а Китай — линию Макмагона в качестве международной границы[624].

В начале 1990 г. было значительно сокращено число войск по обе стороны индийско-китайской границы, в особенности в Аруначал-Прадеш. Важным этапом процесса нормализации отношений стал визит в КНР премьер-министра Индии Н. Рао в сентябре 1993 г. Тогда же было подписано Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль ЛФК, которое стало первым соглашением о мерах доверия и контролю над вооружениями.

В ноябре — декабре 1996 г. во время официального визита в Индию председателя КНР Цзян Цзэминя стороны подписали Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль ЛФК, которое стало шагом в дальнейшем развитии документа, подписанного в 1993 г. Индия и Китай зафиксировали готовность решать территориальный вопрос путем мирных переговоров[625]. Соглашения 1993 и 1996 гг. имели положительное влияние на активизацию двусторонних контактов Китая и Индии. Об этом говорит то, что примерно 2/3 всех соглашений, подписанных между странами с момента начала официальных дипломатических контактов, выпадает на период начиная с 2000-х гг. Отмечается и приверженность обоих государств к концепции *«развития сотрудничества по широкому спектру областей при параллельном решении оставшихся в наследство проблем»*[626].

Фактором стабилизации ситуации на границе стало внимание обеих сторон к расширению экономического сотрудничества и возобновлению приграничной торговли. Вопросу ее развития была посвящена встреча премьер-министров Индии и Китая в Пекине в июне 2003 года, где стороны

---

[624] Там же. С. 122.
[625] Там же. С. 118-125.
[626] Уянаев С.В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2014. - Т. 19. - № 19. - С. 135-153.

подписали соответствующее соглашение. Уже в 2004 г. товарооборот в годовом исчислении вырос на 79%. А по результатам 2005 г. Китай стал третьим по величине торговым партнером Индии. В 2006 г. прошло торжественное открытие горного перевала Нату Ла на китайско-сиккимской границе, закрытого во время пограничного конфликта 1962 г.[627]

На рубеже 2000-2010-х гг. перед приходом к власти Си Цзиньпина и Н. Моди вопрос кардинального улучшения отношений по-прежнему не стоял на повестке дня, а среди основных нерешенных проблем оставалось отсутствие демаркации общей границы и сохранение взаимного недоверия. При этом, благодаря поддержанию договоренностей о мерах доверия на границе обстановка на индийско-китайской границе оставалась стабильной, хотя Китай периодически и предъявлял претензии на территорию индийского штата Аруначал Прадеш. Серьезным раздражителем в двусторонних отношениях по-прежнему оставалась тибетская проблема, в связи с которой Нью-Дели по причине близости к границе беспокоило строительство на территории Тибета дорог, связывающих Лхасу с внутренними районами КНР, и направлением туда различных вооружений. Сохранялась в 2010-х гг. и большая озабоченность Индии по отношению к расширяющемуся военно-политическому сотрудничеству КНР с Пакистаном, несмотря на заявления Пекина о том, что она рассматривает взаимодействие с Индией и Пакистаном параллельно и независимо друг от друга[628].

Современный этап китайско-индийских отношений.

Благодаря применению историко-генетического и историко-интерпретационного методов становится возможным более детально проследить современный этап взаимоотношений Пекина и Нью-Дели. В

---

[627] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – Сс. 887-888.

[628] Шаумян Т.Л. Независимая внешняя политика в условиях глобальной взаимозависимости: опыт Индии // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. №1. С. 114-118.

период наиболее активных контактов, направленных на нормализацию двусторонних отношений (2013/2014 гг. – 2020 г.) Си Цзиньпин и Н. Моди провели 18 личных встреч[629]. Свой первый официальный зарубежный визит с момента вступления в должность премьера Госсовета КНР Ли Кэцян провел именно в Индию, что стало свидетельством важности двусторонних отношений для обеих сторон[630]. Тогда Китай и Индия подтвердили курс на *«дальнейшее укрепление стратегического сотрудничества во имя мира и процветания на основе пяти принципов мирного сосуществования …»*[631]. В январе 2017 г. КНР опубликовала Белую книгу о «Политике Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В ней рассматривается роль Китая в многосторонних региональных механизмах, политика КНР в отношении «горячих точек», а также взаимодействие со странами региона. Третья глава посвящена сотрудничеству с ведущими региональными участниками, включая Индию, которой, в документе отводится третье место – сразу после США и России. В тексте отмечается, что с 2015 г. стороны углубили китайско-индийское стратегическое партнерство по вопросам мира и процветания, провели регулярные обмены визитами на самом высоком уровне и усилили взаимодоверие на площадках ООН, БРИКС, РИК и G20[632].

Тенденция к интенсификации двусторонних контактов на высшем и высоком уровнях была обусловлена приходом к власти в обеих странах нынешних руководителей Си Цзиньпина (2013 г.) и Н. Моди (2014 г.), которые взяли курс на усиление веса своих стран на глобальном и региональном

---

[629] Уянаев С.В. Диалог "Пекин - Дели": внутренние императивы и внешние факторы. // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 4. – С. 24-41.

[630] Madan T. Premier Li Keqiang of China goes to India. – Текст электронный. // Brookings. 18 May 2013. URL: https://www.brookings.edu/articles/premier-li-keqiang-of-china-goes-to-india/htm (дата обращения: 17.04.2023).

[631] Уянаев С.В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2014. - Т. 19. - № 19. - С. 135-153.

[632] China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. – Текст: электронный. // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. 11 Jan. 2017. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 17.04.2024).

уровнях, в том числе за счет выстраивания партнерских отношений с соседними государствами. Позитивную динамику прервала эскалация пограничного конфликта в 2017 г. плато Доклам на границе Китая, Индии и Бутана.

На этом фоне в апреле 2018 г. с целью преодоления взаимной напряженности прошел неофициальный визит Н. Моди в китайский город Ухань, в ходе которого Си Цзиньпин отметил, что руководство обеих стран смогло достичь понимания по многим вопросам: *«Хорошее сотрудничество между нашими двумя великими державами имеет глобальное значение»*. Н. Моди в свою очередь заметил, что данный визит носит «историческое значение», и оба государства стремятся к повышению уровня двусторонних отношений[633]. В октябре 2019 г. стороны провели неформальный саммит в индийском городе Ченнаи, в ходе которого также высказались за активизацию двусторонних отношений по всем ключевым направлениям. Причем в Ченнаи речь шла о налаживании специальных механизмов межправительственного взаимодействия с целью выравнивания торгового и инвестиционного сотрудничества, развития совместных производств, а также укрепления взаимодействия по вопросам безопасности, совместного противодействия международному терроризму[634].

В июне 2020 г. в долине реки Галван в Ладакхе впервые с конфликта 1962 г. между военными Индии и Китая произошло столкновение, повлекшее жертвы. В сентябре 2020 г. Вэй Фэнхэ (2018-2023 гг.) встретился с министром обороны Индии М. Сингхом в Москве в ходе совместного заседания министров обороны государств-членов Шанхайской организации

---

[633] Си Цзиньпин хуэйцзянь иньду цзунли Моди [Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Индии Нарендрой Моди]. // Жэньминь жибао. 27.04.2018. URL: http://politics.people.com.cn/n1/2018/0428/c1024-29955535.html (дата обращения: 17.04.2024).

[634] 2nd India-China Informal Summit. – Текст: электронный. // Ministry of External Affairs, Government of India. October 12, 2019. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31938/2nd_IndiaChina_Informal_Summit (дата обращения: 17.04.2023).

сотрудничества[635]. Очередной виток эскалации на спорном участке границы в 2020 г., а также последующая пандемия, серьезно изменили намеченную динамику и не дали возможности ни укрепиться «духу Уханя», ни реализоваться «видению Ченнаи»[636]. Хотя, как замечает ряд российских специалистов, сам факт проведения подобных встреч на высшем уровне можно признать вполне показательным примером того, как Китай и Индия могут умело выходить из кризисной ситуации в случае, если это имеет обоюдную важность и необходимость[637].

Анализируя через призму теории региональных комплексов безопасности изменения последних лет в региональной архитектуре безопасности (активизация американо-китайского противостояния, продвижение США различных форматов сотрудничества, таких как Quad и AUKUS, а также эскалация территориальных споров в ЮКМ и на китайско-индийской границе), можно заметить ухудшение отношений между Китаем и Индией. В 2023 г. директор Центра международных отношений Китайского университета иностранных дел Лин Шэнли отмечал, что в последние годы вопросы безопасности в АТР серьезно обострились. Исследователь подчеркивал, что стратегическая конкуренция между Китаем и Соединенными Штатами усилилась, в то время как Япония и Индия стали более заметно следовать в фарватере США. При этом, снизилась координирующая роль АСЕАН, что в совокупности с другими факторами

---

[635] Чжунго тунъ иньду дэ гуаньси [Китайско-индийские двусторонние отношения]. – Текст: электронный. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 01.01.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения: 17.04.2024).

[636] Цунъ Ухань цзиншэнь дао Цзиньнай юаньцзин - чжунъинь гуаньси майчу синьбуфа. [От «духа Уханя» к «видению Ченнаи»: китайско-индийские отношения делают новые шаги]. – Текст: электронный. // Жэньминь хуабао [журнал "Китай"]. 05.11.2019. URL: http://www.rmhb.com.cn/zt/ydyl/201911/t20191105_800183808.html (дата обращения: 17.04.2023).

[637] Уянаев С.В. Диалог "Пекин - Дели": внутренние императивы и внешние факторы. // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 4. – С. 31-32.

привело к осложнению отношений между ведущими державами и формированию тенденции на противостояние различных лагерей[638].

К концу 2022 г. – началу 2023 г. наметилась достаточно заметная тенденция на стабилизацию пограничной напряженности и активизацию взаимных дипломатических контактов[639]. В марте 2022 г. глава МИД КНР отметил важность достижения *«устойчивого мира и согласия с Индией»,* после чего в конце месяца состоялся его первый с момента пограничного обострения визит в Нью-Дели[640]. Среди шагов для укрепления двустороннего доверия было предложено более тесно сотрудничать в поддержании многосторонности и улучшения системы глобального управления[641]. Это как раз отражает совпадение интересов двух стран по вопросам реформирования глобальных институтов.

В августе 2022 г. Посол Китая в Индии Сунь Вэйдун отмечал, что *«только если Китай и Индия будут говорить в один голос, тогда весь мир прислушается»*. Дипломат также подчеркнул, что лидеры двух стран достигли важного консенсуса о том, что *«Китай и Индия не представляют угрозы друг для друга»,* а напротив, *«являются партнерами по сотрудничеству, а не конкурентами»*[642]. После долгой паузы состоялась встреча Си Цзиньпина и Н. Моди на полях саммита G20 на Бали в ноябре 2022 г. Следующая встреча

---

[638] Автор выделяет три механизма безопасности: эксклюзивные альянсы США, открытая структура Регионального форума АСЕАН, а также ШОС. / Лин Ш. Ятай дицюй аньцюань цзичжи гоуцзянь юй чжунго фанъань. [Создание механизмов безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и план Китая]. – Текст: электронный. // Жэньминь жибао. 06.09.2023. URL: http://www.rmlt.com.cn/2023/0906/682182.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

[639] Уянаев С. В. Китай и Индия в 2022 году. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. 2023. – С. 388-393.

[640] Wang Yi Holds Talks with Indian External Affairs Minister Subrahmanyam Jaishankar. — Текст: электронный // Embassy of The People's Republic of China in Myanmar. 25.03.2022. URL: http://mm.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/202203/t20220326_10656097.htm (дата обращения: 17.04.2024).

[641] Тогда же он отметил, что Китаю и Индии следует объединять усилия во имя защиты мира и стабильности не только в регионе, но и во всем мире. Chinese FM calls for long-term vision, win-win cooperation in ties with India. — Текст: электронный // Xinhua. 26 March 2022. URL: https://english.news.cn/20220326/28670e46970e47a88fd5e269553e89c1/c.html (дата обращения: 17.04.2024).

[642] Чжунго тунъ иньду дэ гуаньси [Китайско-индийские двусторонние отношения]. – Текст: электронный. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 01.01.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения: 17.04.2024).

прошла в августе 2023 г. на полях саммита глав государств БРИКС в Йоханнесбурге, на которой стороны договорились придерживаться обоюдного стремления к деэскалации на границе[643].

В целом, на уровне официальной риторики подчеркивается наличие сфер сотрудничества. МИД КНР, давая оценку двусторонним контактам, отмечает, что Китай и Индия поддерживают координацию в рамках таких международных структур, как ООН, ВТО, БРИКС, «Большая двадцатка», ШОС, РИК, а также сотрудничают по вопросам изменения климата, энергетической и продовольственной безопасности, реформы международных финансовых институтов и системы глобального управления, совместно работают в различных областях с целью отстаивания общих интересов развивающихся стран[644]. МИД Китая отмечает также и положительную динамику развития двусторонних обменов по вопросам безопасности[645].

Посольство Индии в Пекине отмечает, что между Индией и Китаем действует более тридцати диалоговых механизмов различного уровня[646]. В марте 2024 г. глава МИД Индии С. Джайшанкар отмечал, что Нью-Дели

---

[643] Sharma A. India’s Modi and Chinese President Xi Jinping agree on efforts to de-escalate border tensions. — Текст: электронный // Associated Press. 25 August 2023. URL: https://apnews.com/article/india-china-xi-modi-8491c234c15ab3457f2fc60fcac6ab66 (дата обращения: 17.04.2024).

[644] В августе 2018 г. министр обороны КНР Вэй Фэнхэ (2018-2023 гг.) посетил Индию. В октябре того же года состоялся визит в Индию Министра общественной безопасности Чжао Кэчжи. / Чжунго тунъ иньду дэ гуаньси [Китайско-индийские двусторонние отношения]. – Текст: электронный. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 01.01.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения: 17.04.2024).

[645] Всего по данным на 1 января 2024 г. стороны провели 9 консультаций по вопросам обороны и безопасности, а также 8 совместных антитеррористических учений. Чжунго тунъ иньду дэ гуаньси [Китайско-индийские двусторонние отношения]. – Текст: электронный. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 01.01.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения: 17.04.2024).

[646] Они охватывают двусторонние политические, экономические, культурные и дипломатические контакты, а также вопросы регионального и глобального характера. На регулярной основе проводятся встречи министров иностранных дел, проходят двусторонние обмены по вопросам обороны и безопасности, поддерживается механизм диалога на высоком уровне по борьбе с терроризмом, развивается сотрудничество в области водных ресурсов. India-China Political Relations. — Текст: электронный // Embassy of India, Beijing. 30 January 2023. URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjM (дата обращения: 17.04.2024).

продолжает вести переговоры с Пекином, а руководители и представители дипломатических и военных ведомств проводят регулярные встречи[647].

Из официальных заявлений следует, что в целом Китай и Индия стремятся к укреплению диалоговых механизмов, развитию сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес, а также избеганию эскалации пограничного спора. При этом, коренным фактором, препятствующим переходу двусторонних отношений на качественно новый уровень, остается высокая степень взаимного недоверия, а также нерешенность пограничного вопроса и его периодическая эскалация. Ряд иностранных экспертов обращает внимание на то, что встреча Си Цзиньпина и Н. Моди в г. Ухань в 2018 г. после острого кризиса на плато Доклам «перезагрузила» двусторонние отношения[648]. В целом в 2023 – 2024 гг. наметилась вполне устойчивая тенденция на постепенную стабилизацию двусторонних отношений, чему во многом способствовала активизация взаимных контактов на высоком и высшем уровнях[649].

В июне 2024 г. после прошедших в Индии парламентских выборов в газете «Чжунго жибао» вышла редакционная статья с многообещающим заголовком: *«Являясь крупными развивающимися странами, Индии и Китаю важно сотрудничать для достижения взаимовыгодных результатов»*[650]. В июле 2024 г. на полях саммита глав государств ШОС в Астане прошла

---

[647] Было акцентировано внимание на вопросе поддержания мира вдоль ЛФК, а также важности соблюдения соглашений (1993, 1996, 2005, 2013 гг.) и традиции размещения войск за пределами ЛФК. 'Won't compromise': Jaishankar on boundary issue with China. — Текст: электронный // Times of India. Mar 27, 2024. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/wont-compromise-jaishankar-on-boundary-issue-with-china/articleshow/108826964.cms#:~:text=For%20reasons%20which%20are%20still,can%20never%20compromise%20on%20that. (дата обращения: 17.04.2024).

[648] Liu F., He K. China’s Bilateral Relations, Order Transition, and the Indo-Pacific Dynamics. // China Review. – 2023. – Vol. 23. – No. 1. – P. 11-43.

[649] Уянаев С. В. Китай и Индия в 2022 году. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2023. – С. 388-393.

[650] Китай и Индия имеют больше общих интересов, чем различий, а процветание является обоюдным стремлением. Выражается надежда на то, что не возникнет разжигания территориального спора. Хэпин ли. Тунвэй фачжаньчжун даго Иньду инъ юй Чжунго хэцзо гунъин. [Комментарий | Являясь крупными развивающимися странами, Индии и Китаю важно сотрудничать для достижения взаимовыгодных результатов]. — Текст: электронный // Чжунго жибао [China Daily]. 05.06.2024. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202406/05/WS665feb19a3109f7860de0ae7.html (дата обращения: 07.06.2024).

знаковая встреча министров иностранных дел Китая и Индии С. Джайшанкара и Ван И, в ходе которой стороны условились активизировать встречи дипломатических и военных представителей. В официальном заявлении индийского МИД подчеркивается важность проведения в дальнейшем двусторонних встреч под эгидой рабочего механизма консультаций и координации действий по вопросам поддержания безопасности на границе (Working Mechanism for Consultation and Coordination on India-China Border Affairs / WMCC)[651]. В рамках данного механизма Китай и Индия в дополнение к прямому диалогу лидеров государств и регулярным дипломатическим контактам осуществляют взаимодействие по пограничным вопросам[652].

В пресс-релизе МИД КНР говорится, что в год 70-летнего юбилея обнародования «Пяти принципов мирного сосуществования» Китай и Индия несут ответственность и обязанность развивать их дух и привносить новые оттенки времени[653]. Из заявления становится понятно, что, во-первых, стороны считают эффективными имеющиеся механизмы поддержания доверия на границе, а во-вторых, придают большое значение двустороннему сотрудничеству именно как представителей развивающегося мира, Глобального Юга, отстаивающих интересы не-западных государств.

---

[651] External Affairs Minister's meeting with Member of the Communist Party of China (CPC) Political Bureau and Foreign Minister, H.E. Mr. Wang Yi on the sidelines of SCO Council of Heads of State Meeting. — Текст: электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. July 04, 2024. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/37922/External_Affairs_Ministers_meeting_with_Member_of_the_Communist_Party_of_China_CPC_Political_Bureau_and_Foreign_Minister_HE_Mr_Wang_Yi_on_the_sideline (дата обращения: 08.07.2024).

[652] Правовой основой выступает договор от 23 октября 2013 г., который вобрал в себя основные положения предыдущих соглашений (1993 – 2012 гг.). Соглашение подразумевает проведение консультаций между официальными лицами соответствующих военных округов и министерств обороны, а также организацию заседаний Рабочего механизма для координации вопросов индийско-китайской границы. Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Border Defence Cooperation. — Текст: электронный // United Nations Peacemaker. 23 October, 2013.URL: https://peacemaker.un.org/china-india-border-cooperation2013 (дата обращения 14.04.2024).

[653] Оба государства являются странами «Глобального Юга» и должны объединиться во имя противостояния одностороннему запугиванию и блоковому мышлению, а также защиты общих интересов развивающихся стран. Ван И хуэйцзянь Иньду вайчжан Суцзешэн. [Ван И встретился с министром иностранных дел Индии Субрахманьямом Джайшанкаром]. — Текст: электронный // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 04.07.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjdt_674879/gjldrhd_674881/202407/t20240704_11448249.shtml (дата обращения: 07.07.2024).

Первая с 2019 г. полноформатная двусторонняя встреча Си Цзиньпина и Н. Моди прошла в г. Казани в октябре 2024 г. на полях саммита лидеров стран-участниц БРИКС. Предварительно Пекин и Нью-Дели достигли важного соглашения о патрулировании вдоль линии фактического контроля в Восточном Ладакхе и разведении войск с целью преодоления возникших в 2020 г. в результате пограничного конфликта разногласий. После переговоров Си и Моди состоялись две важные встречи: между министрами иностранных дел и между специальными представителями.

С. Джайшанкар в декабре 2024 г. отметил, что постоянное дипломатическое взаимодействие в последние время (вслед за договоренностями, объявленными в преддверии встречи лидеров на саммите БРИКС в Казани) отражает определенное улучшение двусторонних отношений Китая и Индии[654]. Подобные активные контакты на высоком и высшем уровнях является важным шагом на пути к постепенной нормализации двусторонних отношений.

Таким образом, Китай и Индия после чреды приграничных столкновений в 2017 и 2020 гг. вынужденно снизили темпы двустороннего взаимодействия. Нарастание пограничной напряженности привело к необходимости ее оперативного купирования, чему были посвящены две неофициальные встречи лидеров в 2018 и 2019 гг. Хотя они и были в целом признаны успешными, однако придать новый импульс нормализации отношений так и не смогли по причине сохранения политического недоверия и повторения инцидентов на спорных участках границы. Китай и Индия в период 2022-2023 гг. стали прикладывать активные усилия на высоком и высшем уровнях по преодолению взаимного недоверия. В последнее время со

[654] Statement by External Affairs Minister, Dr. S. Jaishankar in Lok Sabha. - – Текст электронный. Ministry of External Affairs, Government of India. December 03, 2024. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/38665/Statement_by_External_Affairs_Minister_Dr_S_Jaishankar_in_Lok_Sabha (дата обращения: 28.12.2024).

стороны руководства обеих стран все более отчетливо звучат призывы к необходимости пересмотра текущего «ненормального» состояния двусторонних контактов, когда, отягощенные пограничным спором, отношения Китая и Индии не могут в полной мере раскрыть свой обширный потенциал[655].

2.1. Структурные характеристики китайско-индийских отношений в области политики и безопасности.

Китайско-индийские отношения имеют достаточно сложный характер, так как представляют совокупность сотрудничества по одним вопросам и одновременно соперничества – по другим [656] . На эту особенность двусторонних отношений обращает внимание и бывший советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Ш. Менон, который отмечает, что, фактически отношения Китая и Индии сочетают в себе как элементы сотрудничества, так и конкуренции [657] . Несмотря на существующие противоречия и даже соперничество по ряду вопросов регионального характера между Китаем и Индией, в целом их походы к глобальным вопросам остаются весьма близкими.

Как отмечал Лунев С.И., Пекин и Нью-Дели во многом сходятся в оценках текущих мировых процессов: они не приемлют гегемонию стран коллективного Запада как по политическим, так и по экономическим и цивилизационным мотивам, выступают за независимый внешнеполитический курс и не разделяют правила игры, навязываемые развитыми странами[658]. Некоторые китайские эксперты отмечают, что более тесное торгово-

[655] India, China should urgently address 'prolonged situation' on borders, Modi says. – Текст электронный. // Reuters. April 10, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/india/india-china-should-urgently-address-prolonged-situation-borders-modi-says-2024-04-10/ (дата обращения: 17.04.2024).

[656] Бочков Д.А. Как китайско-индийское экономическое сотрудничество влияет на конфликтный потенциал двусторонних отношений? // Международная жизнь. – Июль, 2023. – С. 28.

[657] Menon S. China, the world and India // China Report. – 2016. – Vol. 52. – No. 2. – P. 129-137.

[658] Лунев С.И. Азиатские гиганты и украинский вопрос. Запад – Восток – Россия. 2015. - С. 87-91

экономическое и политическое сотрудничество Пекина и Нью-Дели не только служит интересам обеих сторон и способствует избеганию «дилеммы безопасности» («安全困境», аньцюань куньцзин), но и имеет большое значение для стабильного и мирного глобального развития[659]. Индия была одной из стран со-основателей таких международных финансовых организаций, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР).

Ряд исследователей характеризует китайско-индийские отношения, как «горячий мир» в противовес «холодному миру» в отношениях Пекина и Токио, когда любая эскалация конфликтности сразу негативно отражается на снижении торгово-экономической динамики[660]. Другие описывают их при помощи формулы «конкурентного сосуществования», подразумевая усиление конкуренции Пекина и Нью-Дели на региональном уровне и прежде всего в регионе Южной Азии и Индийского океана[661]. Шаумян Т.Л. характеризует отношения между Индией и Китаем как «соперничество—сотрудничество», когда обе стороны с одной стороны обвиняют друг друга в поддержании напряженности, а с другой говорят о важности нормализации отношений, подчеркивая, однако, что подобная инициатива по урегулированию конфликта должна исходить от противоположной стороны[662]. Ряд китайских исследователей отмечают негативную тенденцию китайско-индийских отношений, вызванную столкновением на плато Доклам в 2017 г. и повторным

---

[659] Цай Т., Дин Ц. Чжунъинь чжаньлюэ хэцзо ючжуюй шицзе хэпин юй фачжань [Китайско-индийское стратегическое сотрудничество способствует миру и развитию во всем мире] – Текст электронный. // Чжунгован. 06.04.2022. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2022-04/06/content_78150078.shtml (дата обращения 14.04.2024).

[660] Godement F. The hot peace between China and India. – Текст электронный. // The Diplomat. 12 April 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/04/the-hot-peace-between-china-and-india/ (дата обращения 14.04.2024).

[661] Sudeep K. India-China Competitive Coexistence: A New Era of Strategic Partnership. // Journal of Social and Political Sciences. - 2020. - Vol. 3. - No.1. - P. 13- 22.

[662] Шаумян Т.Л. Индия на глобальных перекрестках // Свободная мысль. - 2022. - №2 (1692). - С. 145-155.

инцидентом в районе долины Галван в 2020 г., и говорят об их трансформации от «кооперативного партнерства» (cooperative partnership) к «конкурентному соперничеству» (competitive rivals). Авторы подчеркивают, что до эскалации на плато Доклам сотрудничество сторон было более активным[663].

В более обширном плане отношения Китая и Индии можно сложить из трех составляющих: сотрудничество, конкуренция и конфликтность[664]. Например, на глобальном (мировом) уровне Китай и Индия разделяют общие подходы к вопросам мирового развития, имеют схожие интересы по отстаиванию статуса великих держав, обладают близким видением способов решения ключевых глобальных проблем (например, изменения климата, построения многополярного мироустройства и пр.), а также сотрудничают в рамках глобальных и региональных площадок – БРИКС, ШОС, Большая Двадцатка. Однако, на региональном уровне стратегические интересы двух стран пересекаются в регионе Южной Азии, что повышает вероятность усиления стратегической конкуренции между обеими державами. При этом, на двустороннем уровне перспективы углубления сотрудничества осложняются в первую очередь нерешенностью пограничного конфликта и сохраняющимися дисбалансами в торговле.

Далее будут выделены основные сферы соперничества и сотрудничества Индии и Китая.

Касательно соперничества Китая и Индии политическое руководство обеих стран отмечает, что любое улучшение общего характера китайско-индийских отношений может произойти лишь вследствие стабилизации пограничного вопроса и продолжительного сохранения мира на границе[665].

---

[663] Liu F., He K. China's Bilateral Relations, Order Transition, and the Indo-Pacific Dynamics. // China Review. – 2023. – Vol. 23. – No. 1. – P. 11-43.

[664] Xueyong Y.U., Kee C.P., Nie K.S. Classifying China-India Relationships: Cooperation, Competition and Conflict // Higher Education and Oriental Studies. – 2022. – Vol. 2. – No. 6.- P. 16-23.

[665] Resolving border issue 'in common interest' of China and India: Chinese FM. – Текст электронный. // Global Times. 13 March 13 2024. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202403/1308757.shtml (дата обращения 14.04.2024).

Однако, до сих пор сохраняются факторы, лежащие в основе двусторонней напряженности.

Во-первых, это взаимные территориальные претензии, относящиеся к участкам Южного Тибета (Аруначал-Прадеш) и Кашмира (Аксай Чин)[666]. Осложняют отношения и вопросы, связанные с отсутствием юридически закрепленного регулирования совместного использования общих водных ресурсов. При этом не стоит преувеличивать влияние пограничного спора на весь спектр китайско-индийских отношений. Несмотря на то, что он, безусловно, влияет на сдерживание их потенциала, есть и другие факторы, оказывающие более сильное негативное воздействие. Это, в частности, общий фон недоверия в двусторонних отношениях, что обусловливается как отголосками войны 1962 г. и отсутствием демаркации границы, так и беспокойством Индии относительно активных китайско-пакистанских связей, особенно в военно-политической сфере.

Так, во-вторых, отношения Китая и Пакистана, которые продолжают развиваться за счет заинтересованности в тесном военно-политическом сотрудничестве и реализации совместного проекта Китайско-Пакистанского экономического коридора (КПЭК) в рамках ОПОП, который Нью-Дели рассматривает как антииндийскую коалицию и угрозу ее национальной безопасности.

В-третьих, наблюдается тренд на усиление конкуренции за региональное, а в перспективе и глобальное лидерство. Первоначально это было вызвано расширением совокупного политического, военного (приложение 5) и экономического потенциала Китая и Индии, а также усилением присутствия и более активном сотрудничестве КНР с государствами Южной Азии, а Индии – с Восточной Азией (включая страны АСЕАН и Японию). В последствии более активную роль в китайско-

---

[666] Velloor R. Troubled borders testing limits of China-India ties. –– Текст электронный. // The Straits Times. 4 April 2024. URL: https://www.straitstimes.com/opinion/troubled-borders-testing-limits-of-china-india-ties (дата обращения 14.04.2024).

индийской конкуренции стало играть углубление сотрудничества между США и Индией.

В-четвертых, усиливается конкуренция Китая и Индии за влияние на страны Глобального Юга.

Примечательно, что нерешенность территориальных споров и важность отношений с региональными государствами (с отсылкой в том числе к Пакистану) фигурируют в различных китайских документах стратегического планирования. В их числе стоит выделить: Закон о национальной обороне (в редакции от 2020 года)[667], Военную стратегию КНР (2015 г.)[668] и Белую книгу «Национальная оборона в новую эпоху» (2019 г.)[669]. Последняя, в частности, к вызовам и угрозам безопасности страны относит как ситуацию нестабильности на границах КНР, так и сохраняющуюся неразрешенность территориальных споров с государствами-соседями. Это указывает и на китайско-индийский пограничный спор. Кроме того, в Белой книге подчеркивается возрастающая роль НОАК и повышение возможностей китайской армии по проведению операций за пределами страны.

Закон о национальной обороне дает наиболее общее представление об основном направлении развития и использования ВС КНР. Похожую роль выполняет и Военная стратегия 2015 г., в которой говорится о приверженности Китая мирному развитию и стратегии «активной обороны», а также подчеркивается, что Китай не намерен нападать первым, но при этом готов ответить в случае агрессии. Кроме того, в документе отмечается, что Пекин

---

[667] Law of the People's Republic of China on National Defense. – Текст: электронный // National People's Congress of the People's Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202109/t20210914_384857.html (дата обращения: 05.06.2023).

[668] China's Military Strategy. . – Текст: электронный // The State Council Information Office of the People's Republic of China. May 2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/Publications/WhitePapers/4887928.html (дата обращения: 05.06.2023).

[669] Full Text: China’s National Defense in the New Era. – Текст: электронный // The State Council of the People's Republic of China. July 24, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 17.04.2024).

намерен активно расширять военное и оборонное сотрудничество и углублять военные отношения с крупными державами (в тексте напрямую говорится о связях с Россией), а также соседними и развивающимися странами(Пакистан)[670].

Если говорить о взаимных территориальных претензиях Китая и Индии, то это территории: Аксай Чин (Индия относит его к части Ладакха, союзная территория на севере Индии – Джамму и Кашмир)[671] и Аруначал-Прадеш (приложение 3).

Географически Аксай Чин является юго-западным продолжением Тибетского нагорья. Территория перешла под контроль Китая после войны 1962 г. и приросла в 1963 г. частью к западу от Каракорумского перевала, переданной Пакистаном (сейчас там проходит Каракорумское шоссе)[672]. Аксай Чин расположен в основном в самой южной части Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и небольшой частью в районе крайней западной границы Тибетского автономного района. Данный высокогорный район ограничен на западе и юго-западе хребтом Каракорум и на севере и северо-востоке горами Куньлунь.

Аксай Чин не представляет экономической выгоды и является цепью ледников необитаемой соляной пустыни, но имеет стратегическое значение, так как через нее проходит трасса Годао 219 (G219), соединяющая Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с Тибетом. Здесь также проходит построенное в 1966-1986 гг. Каракорумское шоссе (республиканская трасса

---

[670] China's Military Strategy. . – Текст: электронный // The State Council Information Office of the People's Republic of China. May 2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/Publications/WhitePapers/4887928.html (дата обращения: 05.06.2023).

[671] Сегодня Кашмир – спорная территория и исторически бывшее княжество в Гималаях – де-факто разделен на: во-первых две индийские союзные территории Джамму и Кашмир и Ладакх; во-вторых, самоуправляемую территорию Азад-Кашмир («свободный Кашмир») под де-факто контролем Пакистана, область Гилгит-Балтистан («северные территории») также под контролем Пакистана; и, в-третьих, непосредственно сам район Аксай Чин площадью 38 000 км², находящийся под юрисдикцией КНР.

[672] Лунев С. И. Пакистан или Индия: выбор для России //Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – №. 2. – С. 112-120.

Годао 314), связывающая Кашгар (город в СУАР Китая) и Исламабад через главный водораздел горной системы Каракорум – перевал Хунджераб.

Восточный участок спорной китайско-индийской границы – это граница индийского штата Аруначал-Прадеш (с 1987 г. — официально штат Индии), проходящая в основном по так называемой линии Мак-Магона между границами с Мьянмой и Бутаном. Китай называет Аруначал-Прадеш «Южным Тибетом» и претендует на всю территорию индийского штата. Причинами периодических витков напряженности в китайско-индийских отношений являются визиты Далай-ламы в Аруначал-Прадеш и находящийся там г. Таванг.

Линия фактического контроля является де-факто демаркационной линией между Индией и Китаем[673]. Термин «линия фактического контроля» был закреплен в соответствующих китайско-индийских соглашениях 1993 и 1996 гг. Важность спорных районов заключается в их геостратегической роли. В 2022 г. было объявлено о планах Китая построить вторую скоростную автомагистраль (G695) через Аксай Чин, которая будет прилегать еще ближе к ЛФК (чем, например, G219) – всего в 10-15 км.[674] Кроме того, в 2023 г. появились сообщения о завершающихся работах на еще одном инфраструктурном проекте – магистрали G216, которая является альтернативным для G219 маршрутом на случай эскалации ситуации с Индией и возможного блокирования ей G219[675].

---

[673] Она состоит из трех участков: на западе (проходит через союзную территорию Ладакх); в центральной части (ограничивает с северо-востока индийские штаты Химачал-Прадеш и Уттаракханд); на восточном участке (служит фактической северной границей штатов Сикким и Аруначал-Прадеш). Singh S. Line of Actual Control (LAC): Where it is located, and where India and China differ. – Текст: электронный. // The Indian Express. June 1, 2020. URL: https://indianexpress.com/article/explained/line-of-actual-control-where-it-is-located-and-where-india-and-china-differ-6436436/ (дата обращения: 20.09.2024).

[674] Krishnan A. China plans another highway in Aksai Chin. – Текст электронный. // Hindu. 20 July 2022. URL: https://www.thehindu.com/news/international/china-plans-another-aksai-chin-highway/article65663018.ece. (дата обращения: 10.04.2024).

[675] Brar A. China Builds New Highway near India to Move Troops for Border Standoff – Текст электронный. // Newsweek. 19 Dec 2023. URL: https://www.newsweek.com/china-india-lac-highway-border-dispute-territory-conflict-1853576 (дата обращения: 10.04.2024).

Нью-Дели с настороженностью воспринимает масштабные планы Пекина по всесторонней модернизации не только дорожной сети в регионе (что позволит ему иметь доступ для оперативной переброски сил к границе в случае прямого конфликта с Индией), но и его более комплексного развития в целом. Например, в январе 2024 г. Китай объявил о планах к 2035 г. инвестировать 11 млрд долл. США в развитие всего спектра инфраструктуры в Тибетском автономном районе (TAP), включая строительство аэропортов, железных дорог и автомагистралей[676].

Страны, начиная с пограничного конфликта 2020-2022 гг., серьезным образом интенсифицировали инфраструктурное строительство объектов как гражданского, так и военного назначения в приграничных районах. Пекин с конца 1980-х гг. приступил к ускоренному строительству современной транспортно-логистической инфраструктуры в Тибете и китайско-индийских приграничных районах[677]. В июне 2017 г. строительные работы Пекина на плато Доклам практически поставили Китай и Индию на грань вооруженного столкновения[678].

Правительству Индии лишь в последние 10–15 лет удалось приступить к расширению инфраструктурных сетей и улучшению дорожного покрытия вдоль Линии фактического контроля. В сентябре 2023 г. Нью-Дели объявил о планах дополнительного сооружения 90 новых проектов в том числе

---

[676] К 2035 г. проекты (в том числе по модернизации транспортной инфраструктуры военного назначения в TAP) завершатся, Пекин будет готов к любому развитию событий вдоль всей западной границы,. Younten T. With an Eye Toward India, China Bolsters Military Infrastructure Development in Tibet. – Текст электронный. // The Diplomat. 19 January 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/with-an-eye-toward-india-china-bolsters-military-infrastructure-development-in-tibet/ (дата обращения: 10.04.2024).

[677] Rajagopalan R.P. Sino-Indian Border Infrastructure in the Indian Defense Ministry's Year End Review. -– Текст электронный. // The Diplomat. 28 December 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/12/sino-indian-border-infrastructure-in-the-indian-defense-ministrys-year-end-review/ (дата обращения 14.04.2024).

[678] Китай значительно модернизировал всю приграничную с Индией инфраструктуру. Это касается бункеров, подземных укрытий, артиллерийских позиций, зенитно-ракетных комплексов, радиолокационных установок и хранилищ для боеприпасов. Была обновлена и расширена разветвленная дорожная сеть, построены мосты, туннели и вертолетные площадки, модернизированы авиабазы. Пекин также неоднократно заявлял о переименовании названий населенных пунктов в районе Аруначал-Прадеш. Swartz J. Tracking India's Infrastructure Development Near the Line of Actual Control. -– Текст электронный. // ORF. 17 Oct 2023. URL: https://www.orfonline.org/research/tracking-indias-infrastructure-development-near-the-lac (дата обращения 14.04.2024).

фортификационного назначения (это аэродромы, вертолетные площадки, дороги и мосты) на разных участках спорной границы с КНР. Среди них: 36 запланировано для строительства в Аруначал-Прадеш, 26 – в Ладакхе и 11 — в штате Джамму и Кашмир. Они призваны дополнить уже реализованные 103 проекта в 2022 г. и 102 проекта – в 2021 г.[679]

Индийский специалист М. Джоши дает пессимистическую оценку, что режим мер по укреплению доверия уже был разрушен, а для его восстановления необходимо возвращение к статус-кво в восточном секторе Ладакха [680] . В январе 2024 г. начальника штаба Сухопутных войск Вооруженных сил Индии генерал Манодж Панде назвал ситуацию на границе *«стабильной, но чувствительной»*[681]. Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар в то же время заявил, что, если ситуация на границе не будет разрешена, то нельзя *«ожидать, что двусторонние отношения продолжат нормально развиваться»*[682].

С начала столкновений в 2020 г. стороны в дополнение к переговорам на уровне военного командования всего осуществили 1450 контактов по «линиям экстренной связи». Проверенные на практике механизмы экстренной коммуникации между командованием и официальными лицами обеих стран помогли оперативно перейти к деэскалации во время столкновения в 2022 г. на ЛФК в районе Янцзы округа Таванг на западе индийского штата Аруначал-Прадеш[683]. В 2021 г. по итогам конфликта в районе реки Галван (союзной

---

[679] India unveils 90 key border projects worth Rs 3,000 cr to counter heavily-fortified Chinese military posts. –– Текст электронный. // Economic Times. 13 Sep 2023. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-unveils-90-key-border-projects-worth-rs-3000-cr-to-counter-heavily-fortified-chinese-military-posts/articleshow/103629372.cms (дата обращения 14.04.2024).

[680] Joshi M. India-China border issue: Stable yet sensitive. – Текст электронный // Observer Research Foundation. 23 Jan 2024. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/india-china-border-issue-stable-yet-sensitive (дата обращения: 17.04.2024).

[681] Agnipath scheme was brought after consultations: Army chief. – Текст электронный // The Hindu Bureau. 11 January 2024. URL: https://www.thehindu.com/news/national/situation-is-sensitive-but-stable-along-northern-border-army-chief-pande/article67729737.ece (дата обращения: 17.04.2024).

[682] 'Normal relations with China impossible if…': EAM S Jaishankar on India-China ties. – Текст электронный // Livemint. 13 Jan 2024. URL: https://www.livemint.com/news/india/normal-relations-with-china-impossible-if-eam-s-jaishankar-on-india-china-ties-11705142640054.html (дата обращения: 17.04.2024).

[683] Lidarev I. The True Significance of the China-India Yangtse Clash. – Текст электронный // The Diplomat Magazine. 21 January 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/01/the-true-significance-of-the-china-india-yangtse-clash/ (дата обращения: 17.04.2024).

территории Ладакх спорного региона Аксай Чин), который продолжался с 5 мая 2020 г. по 11 февр. 2021 г.– в общей сложности было создано 6 линий экстренной связи. Последним нововведением стало также задействование нового механизма – линии экстренной связи между МИД двух стран в дополнение к уже существующим похожим контактам между военным руководством.

Вместе с тем, в последние годы стороны несколько изменили подходы к переговорам: Индия решила не активизировать двусторонние официальные контакты (на уровне лидеров стран, как это было в 2018-2019 гг., когда прошел ряд неформальных саммитов на высшем уровне) до тех пор, пока Китай не пойдет на серьезные уступки по пограничному вопросу, в то время как Пекин начал наращивать давление на границе (например, инцидент в районе Янцзы округа Таванг 2022 г.), одновременно поддерживая взаимодействие с Индией полагая, что растущее давление вынудит ее перейти к нормализации отношений[684].

Осложняет двусторонние отношения и нерешенность вопроса распределения водных ресурсов пограничных рек (Инд, Сатледж, Брахмапутра). Например, р. Брахмапутра исторически используется Индией и Китаем, однако у Пекина, который находится на ее верхнем течении, имеются рычаги влияния на геополитические процессы в регионе Южной Азии. Индия, обладая сильным региональным влиянием, исторически решала вопросы распределения водных ресурсов со своими южно-азиатскими соседями самостоятельно. Однако, в последние десятилетия КНР активно приступила к строительству плотин в руслах рек общего пользования с другими странами Южной Азии, прежде всего, с Индией. Первым проектом Китая в бассейне р. Брахмапутра стала гидроэлектростанция, построенная в 1998 г., после чего, по

[684] Там же.

некоторым данным, Пекин дополнительно построил 18 плотин на основных притоках реки[685].

Вопрос совместного использования водных ресурсов в отношениях Китая и Индии стоит особенно остро. Китай и Индия входят в число стран с самой низкой обеспеченностью пресной водой на душу населения, при этом примерно 44% общего гидроэнергетического потенциала Индии приходится исключительно на бассейн р. Брахмапутры. В то время как Индия имеет действующие соглашения о совместном использовании бассейнов рек с большинством своих соседей, включая Пакистан (Договор по водам Инда) и Бангладеш (Договор по водам Ганга), отсутствие аналогичного договора с Китаем препятствует решению основных вопросов совместного управления водными ресурсами. Двусторонние инициативы по данному вопросу не принесли значительных результатов. Индия расположена ниже по течению, в этой связи ее интересы заключаются в установлении в перспективе официально обязывающих принципов распределения и совместного использования водных ресурсов, которые сильно зависят от инфраструктурной деятельности Китая в верхнем течении[686].

Еще одной из важнейших причин сохранения напряженности в отношениях Китая и Индии является расширение связей Пекина с Пакистаном. Это касается как углубления «всепогодного стратегического партнерства» Китая и Пакистана, так и усиления их военно-технических связей. Во время исторического визита в Пакистан в апреле 2015 г. Председателя КНР Си Цзиньпина китайско-пакистанские отношения были повышены до уровня «всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества». Было

---

[685] Giordano M., Wahal A. The Water Wars Myth: India, China and the Brahmaputra. – Текст электронный. // The United States Institute of Peace. 8 December 2022. URL: https://www.usip.org/publications/2022/12/water-wars-myth-india-china-and-brahmaputra (дата обращения: 10.04.2024).

[686] Suri M. Transboundary Water Challenges Are Impacting Sino-Indian Relations. – Текст электронный. // Stimson Center. South Asian Voices. 29 September 2023. URL: https://southasianvoices.org/transboundary-water-challenges/ (дата обращения: 10.04.2024).

опубликовано Совместное заявление об установлении всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества[687]. Такой тип партнерства подчеркивает особые отношения Китая и Пакистана, демонстрирует что дружба между ними не подвержена внешним изменениями на международной арене или переменами внутри самих стран, а остается неизменно стабильной и устойчивой[688].

Развитие отношений Китая и Пакистана всегда так или иначе было связано с эволюцией китайско-индийских контактов. Как отмечал Посол Индии в Китае (2017-2018 гг.) Гаутам Бамбавале, после образования Пакистана в 1947 г. и на протяжении 1950-х гг., отношения между Индией и Китаем были намного крепче, чем между Пакистаном и Китаем[689]. В 1948 г. началась первая индийско-пакистанская война. По ее итогам северо-западный Кашмир оказался под контролем Пакистана, где впоследствии был создан Азад Кашмир, являющийся формально свободной зоной. Вместе с тем, две трети Кашмира оказались под контролем Индии (в прошлом – штат Джамму и Кашмир)[690].

В конце 1950-х — начале 1960-х г. ситуация в регионе осложнилась в результате активизации политики Китая в Южно-Азиатском регионе и явной смены ее акцентов. Обострение индийско-китайских отношений происходило параллельно с формированием качественно нового уровня двустороннего сотрудничества между Китаем и Пакистаном[691]. На протяжении 1952–1963 гг.

---

[687] Joint Statement. – Текст: электронный. // Ministry of Foreign Affairs (Pakistan). 20 April 2014. URL: https://mofa.gov.pk/joint-statement-between-the-islamic-republic-of-pakistan-and-the-peoples-republic-of-china-on-establishing-the-all-weather-strategic-cooperative-partnership (дата обращения: 21.11.2023).

[688] Li Qingyan. China-Pakistan “Iron Brotherhood”: 70 Years Hand in Hand. – Текст: электронный. // China Institute of International Studies. 08.09.2021. URL: https://www.ciis.org.cn/english/COMMENTARIES/202109/t20210908_8122.html (дата обращения: 21.11.2023).

[689] Bambawale G., Madan T. How India Sees China’s Ties with Pakistan and Bhutan. – Текст электронный // Brookings. 1 November 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/how-india-sees-chinas-ties-with-pakistan-and-bhutan/ (дата обращения: 10.04.2024).

[690] Лунев С. И. Пакистан или Индия: выбор для России //Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – №. 2. – С. 112-120.

[691] Начиная с 1958 г., китайско-индийские контакты пошли по нисходящей на фоне эскалации пограничного вопроса и военного конфликта 1962 г., отношения Пекина с Пакистаном, напротив, стали улучшаться.

Пакистан и Индия добились определенного успеха в разрешении спорных ситуаций, осложнявших в 1947–1951 гг. их двусторонние связи.

Однако, последующее обострение отношений между Индией и Пакистаном к началу 1965 г. привело к вооруженному конфликту. Как подчеркивает Лунев С.И., после индийско-пакистанской войны 1971 г., которая закончилась крупным поражением Пакистана и образованием Бангладеш, Индия стала полностью доминирующей силой в Южной Азии, а в 1980-е гг. она превратилась уже в одну из основных региональных держав Азии, в то время как ее армия по качественному и количественному показателю стала реальной военной силой[692]. При этом, последующий конфликт 1999 г. показал, что ядерное оружие не повлияло на сущность взаимоотношений Индии и Пакистана, так как конвенциональный конфликт в итоге не перерос в ядерное столкновение [693] . В 1990-х годах КНР даже пыталась проводить курс на постепенное «выравнивание» отношений с Нью-Дели и Исламабадом. Во время китайско-индийской встречи на высшем уровне в 1991 г. Пекин признал, что кашмирский вопрос является двусторонней проблемой и поэтому ее надо решать на основе Симлских соглашений, а не резолюций ООН[694].

Пакистан остается основной угрозой для Индии. С учетом упомянутых военных конфликтов Индии и Пакистана, Нью-Дели, соответственно, движет и геополитическая логика о том, что Китай близкий партнер главной внешней угрозы страны. Китай исторически оказывал Пакистану всестороннюю поддержку, что негативно воспринималось в Нью-Дели. При этом ключевые документы военного планирования Индии прямо или косвенно указывают на Пакистан как основную угрозу безопасности страны.

---

[692] Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния //Сравнительная политика. – 2012. – Т.8. - №. 2. – С. 90-104.

[693] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 915-919.

[694] Лунев С. И. Пакистан или Индия: выбор для России // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – №. 2. – С. 112-120.

С учетом отсутствия у Индии официального общего документа ее военную стратегию можно рассматривать как совокупность ряда доктрин: ядерной 2003 г.[695], военной (2004 г. и 2017 г.) и сухопутных войск (последняя редакция 2018 г.), а также военно-морской в редакциях 2007 и 2015 гг.[696] Две последние военные стратегии Нью-Дели - доктрины «Сундарджи» (1980-1990-е гг.) и «холодный старт» (первые упоминания о ней появились в 2004 г.) – определяют в первую очередь Пакистан основным потенциальным противником[697]. Однако, уже при подготовке доктрины 2004 г. помимо Пакистана индийские стратеги также учитывали потенциальные угрозы, исходящие от Китая и террористических организаций[698]. Согласно «Сундарджи», ключевой задачей было сдерживание потенциального наступления ВС Пакистана[699].

В целом Индия подразделяет потенциальные конфликты на «малые» (low-level conlict) и «большие» (full-scale conventional conlict), при этом с учетом наличия ядерного потенциала в регионе сценарий «большой» войны Нью-Дели считает маловероятным[700]. В 2004 г. была разработана так называемая доктрина «холодный старт» («cold-start strategy», «горячий старт» подразумевает применение ядерного оружия)[701]. Целью является нанесение массированного ответного удара обычным вооружением по противнику на

---

[695] Cabinet Committee on Security Reviews Progress in Operationalizing India's Nuclear Doctrine. – Текст: электронный // Prime Minister's Office. 4th January, 2003. URL: https://archive.pib.gov.in/release02/lyr2003/rjan2003/04012003/r040120033.html (дата обращения: 17.04.2024).

[696] Военно-морская доктрина Индии более подробно рассмотрена в Главе 3, где проводится анализ интересы Индии в регионе Южной Азии, акватории Индийского океана и АТР.

[697] Зайцев М.С. О военной стратегии Индии. // Вестник МГИМО-Университета. 2017. – Т. 2. - №53. – С. 54-55.

[698] Kapoor V.K. Indian Army – A Perspective on Future Challenges, Force Development, and Doctrine // USI Journal. 2004. - Vol. 134. - No. 3 (July–September). - P. 79-87.

[699] «Сундарджи» не доказала эффективность против нетрадиционных способов нападения и прокси-операций (нападении террористов на парламент Индии в декабре 2001 г.). Ladwig III W.C. An Overview and Assessment of the Indian Army's Cold Start Strategy // Merton College. University of Oxford. 2008. – 15 p.

[700] Kapur S.P. India and Pakistan's unstable peace: Why nuclear South Asia is not like cold war Europe // International Security. – 2005. – Vol. 30. – No. 2. – P. 127-152.

[701] What is India's Cold Start doctrine? – Текст: электронный // The India Express. September 21, 2017. URL: https://indianexpress.com/article/what-is/what-is-india-cold-start-doctrine-military-strategy-india-pakistan-indian-armed-forces-4854019/ (дата обращения: 17.04.2024).

западном участке границы (преимущественно Пакистану) [702] . Ключевая особенность доктрины – это обеспечение оперативности действий, контроль стратегической инициативы и сковывание возможностей противника по ведению боевых действий[703]. В 2017 г. появилась информация о том, что Пакистан готов даже в качестве ответной меры на реализацию Индией «холодного старта» нанести ядерный удар по ней[704].

В 2017 г. Объединенным штабом обороны Индии [705] была впервые публично опубликовала новая Объединенная доктрина вооруженных сил страны [706]. В отсутствии единого документа или «белой книги» о военной стратегии, данный документ позволяет сформировать представление стратегических подходах Индии к ведению современных боевых действий[707].

Данная доктрина, во-первых, включила возможность нанесения так называемых «хирургических атак» (“surgical strikes”) против террористических угроз, исходящих с территорий соседних стран. Во-вторых, в вопросе ядерного вооружения подчеркивается приверженность принципу «достаточного сдерживания» (“credible deterrence”) и неприменения ядерного оружия первой. Более характерная для индийской ядерной стратегии фраза «минимального достаточного сдерживания» (“credible minimum deterrence”) в доктрине 2017 г.

---

[702] Pandit R. Army's wargames to test reflexes against nuke, bio attacks. – Текст: электронный // Times of India. Apr 6, 2007. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/1862708.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 17.04.2024).

[703] Зайцев М.С. О военной стратегии Индии. // Вестник МГИМО-Университета. 2017. – Т. 2. - №53. – С. 56-58.

[704] Stacey K. Indian GDP growth overtakes China. – Текст: электронный // Financial Times. 28.02.2018. URL: https://www.ft.com/content/889ebb80-dc9b-11e6-9d7c-be108f1c1dce (дата обращения: 17.04.2024).

[705] Объединенный штаб обороны Индии (ОШО) существовал в структуре Министерства обороны страны до 2019 г. На базе ОШО балы создана новая структура - штаб обороны с более широкими полномочиями по осуществлению оперативного управления ВС и планирования межвидовых боевых операций и т. п.

[706] Joint doctrine for the Indian armed forces. – Текст: электронный // Headquarters Integrated Defense Staff. Ministry of Defense. April 2017. – 84 p. URL: https://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (дата обращения: 17.08.2024).

[707] Rej A., Shashank J. India’s joint doctrine: A lost opportunity. – Текст: электронный // Observer Research Foundation. Jan 03, 2018. URL: https://www.orfonline.org/research/indias-joint-doctrine-a-lost-opportunity1 (дата обращения: 17.04.2024).

лишилась слова «минимальный», что может свидетельствовать о признании Индией увеличившегося масштаба ядерной угрозы в регионе. В-третьих, доктрина 2017 г. подчеркивает сдвиг современных предпочтений индийских ВС в сторону экспедиционных и зарубежных операций[708].

В 2018 г. была опубликована военная доктрина Сухопутных войск Индии, которая более подробно раскрывает отдельные положения военной доктрины 2017 г. [709] В основном, данный документ фокусируется на модернизации вооруженных сил Индии[710]. Вместе с тем, она отличается от предыдущих, поскольку подчеркивает намерение Индии использовать военную силу для достижения стратегических целей. При этом, в случае потенциальной военной угрозы индийская армия делает упор на ведении войны сразу на два фронта – против Китая и Пакистана. Однако, именно Пакистан остается ключевой целью обновленной стратегии[711].

На современном этапе Пакистан все больше полагается на военную помощь Китая, который является крупнейшим поставщиком вооружения и военной техники для Исламабада[712]. Исламабад заинтересован в развитии сотрудничества в области космических технологий (в 2020 г. Китайское управление спутниковой навигации создало в Пакистане постоянно

---

[708] Panda A. India’s 2017 Joint Armed Forces Doctrine: First Takeaways. India’s latest joint military doctrinal document offers new insight. – Текст: электронный // The Diplomat Magazine. April 28, 2017. URL: https://thediplomat.com/2017/04/indias-2017-joint-armed-forces-doctrine-first-takeaways/ (дата обращения: 12.08.2024).

[709] Lt General P.C. Katoch (Retd). Indian Army Land Warfare Doctrine 2018. – Текст электронный // SP's Land Forces. 2018. – Vol. 16. URL; https://www.spslandforces.com/story/?id=570&h=Indian-Army-Land-Warfare-Doctrine-2018 (дата обращения: 12.08.2024).

[710] Yadav M. An Assessment of India’s Land Warfare Doctrine. – Текст: электронный // The Centre for Land Warfare Studies (CLAWS), New Delhi. May 19, 2021. URL: https://www.claws.in/an-assessment-of-indias-land-warfare-doctrine/. (дата обращения: 12.08.2024).

[711] Al-Saba, M.K., Fatima D.N. Doctrinal Shift In The Indian Army After 2018: Implications For Pakistan. // NDU Journal. 2023 – No. 37. P. 16–24.

[712] Aamir A. China and Pakistan ink military MOU to counter US-India pact. – Текст электронный // Nikkei Asia. 8 December 2020. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Pakistan-ink-military-MOU-to-counter-US-India-pact (дата обращения: 17.04.2024).

действующую опорную станцию системы Бэйдоу)[713]. В индийских СМИ периодически появляются публикации о китайско-пакистанском сотрудничестве в области ракетных исследований и разработок[714]. В апреле 2024 г. США ввели санкции против трех китайских предприятий, которых подозревают в передаче Пакистану ракетных технологий[715]. Сообщалось о китайских поставках Пакистану мощной системы слежения за ракетами с разделяющейся головной частью (РГЧ)[716]. Индия также реагирует усилением собственного военного потенциала. По данным Международного института по изучению проблем мира в Стокгольме в период 2019-2023 гг. Индия занимала первое место в мире по импорту вооружений с общемировой долей 9,8%, причем за период с 2014-2018 гг. по 2019-2023 гг. объем совокупного импорта вооружений Индией увеличился (приложение 5) на 4,7%[717].

Подобно Индии Пакистан также не имеет специальной военной доктрины в форме единого концептуального документа. Основным ориентиром в данном вопросе является «Пакистанская оборонная политика», принятая в 1992 г., которая в качестве основных задач определяет: укрепление обороноспособности вдоль границы с Индией, учет близости нестабильного Афганистана и развитие «всепогодного» стратегического партнерства с КНР.

---

[713] Bommakanti K. The collusive threat: Chinese and Pakistani cooperation in strategic capabilities. – Текст электронный // ORF. 13 Jun 2023. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-collusive-threat (дата обращения: 17.04.2024).

[714] Dasguptal S. China said to plan joint production of ballistic missiles with Pakistan. – Текст электронный // Times of India. 17 Mar. 2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-said-to-plan-joint-production-of-ballistic-missiles-with-pakistan/articleshow/57695407.cms (дата обращения: 17.04.2024).

[715] U.S. Imposes Sanctions on Suppliers to Pakistan's Ballistic Missile Program. – Текст электронный // U.S. Department of State. 19 April 2024. URL: https://www.state.gov/u-s-imposes-sanctions-on-suppliers-to-pakistans-ballistic-missile-program/ (дата обращения: 17.04.2024).

[716] Chen S. China provides tracking system for Pakistan's missile program. – Текст электронный // South China Morning Post. 22 Mar 2018. URL: https://www.scmp.com/news/china/society/article/2137643/china-provides-tracking-system-pakistans-missile-programme (дата обращения: 17.04.2024).

[717] Wezeman P.D., Djokic K. Trends in international arms transfers, 2023. – Текст электронный. // SIPRI Fact Sheet. March 2024. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

В 2007 г. Пакистан взял курс на подготовку к отражению возможного индийского вторжения в рамках реализации ей концепции «холодного старта»[718]. Для предотвращения возможной атаки Индии в рамках «холодного старта» ВС Пакистана в период 2009-2013 гг. регулярно проводили на границе комплексные военные маневры «Азм-э-Нау» (Azm-e-Nau). В 2013 г. это вылилось в принятие так называемой Новой концепции ведения войны (a new concept of war fighting), которая подразумевает укрепление обороноспособности страны, с тем чтобы не дать Индии реализовать планы по оперативному разгрому ВС Пакистана в случае вооруженной эскалации[719]. Исламабад учитывает фактор Китая как потенциального союзника, однако, с оговоркой, что помощь КНР, несмотря на активное военно-техническое сотрудничество двух стран, скорее будет носить ограниченный характер[720].

В вопросе же ядерного потенциала Пакистана развитие его ядерной программы Пакистана стало возможной благодаря значительной поддержке со стороны Китая[721]. Как отмечает Лунев С.И., особое беспокойство в Индии всегда вызывали военно-политические контакты Китая и Пакистана именно в области создания ядерного оружия в Пакистане[722]. В 2017 г. Пакистан заявлял, что может нанести ядерный удар по Индии в случае острого регионального конфликта[723]. В октябре 2023 г. Пакистан первым среди стран Южной Азии провел второй испытательный пуск баллистической ракеты средней дальности

---

[718] Зайцев М.С. сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана. // Сравнительная политика. 2018 – Т. 9. - №3. – С. 14-25.

[719] Baig M.A. Pakistan’s new war strategy. – Текст электронный // Daily Times. February 26, 2018. URL: https://dailytimes.com.pk/207360/pakistans-new-war-strategy/ (дата обращения: 17.04.2024).

[720] Зайцев М.С. сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана. // Сравнительная политика. 2018 – Т. 9. - №3. – С. 21.

[721] Считается, что, начиная с 1970-х гг., КНР оказывала Пакистану консультации по технологии создания ядерных боеголовок, осуществляла техническую экспертизу. / Micallef J.V. The other bomb: Pakistan’s dangerous nuclear strategy. – Текст электронный // Huffpost. 2 Jun. 2016. URL: https://www.huffpost.com/entry/the-other-bomb-pakistans_b_9180504 (дата обращения: 17.04.2024).

[722] Лунев С. И. Пакистан или Индия: выбор для России //Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – №. 2. – С. 112-120.

[723] Stacey K. Indian GDP growth overtakes China. . – Текст электронный // Financial Times. 28.02.2018. URL: https://www.ft.com/content/889ebb80-dc9b-11e6-9d7c-be108f1c1dce (дата обращения: 17.04.2024).

Ababeel, обладающей РГЧ с блоками индивидуального наведения. В пуске 2023 г. была предположительно задействована поставленная КНР новая транспортно-монтажная пусковая установка[724].

Нью-Дели также критикует инициативу ОПОП, так как ее флагманская часть – Китайско-Пакистанский экономический коридор – проходит через спорный регион Кашмира, суверенитет над которым оспаривают и Индия, и Пакистан. Обе страны претендуют на полный контроль над регионом, которой был причиной трех войн (1947 г., 1965 г., 1999 г.) между Нью-Дели и Исламабадом[725]. Индия фактически контролирует 45% территории Джамму и Кашмир, где сосредоточена основная часть населения региона, Пакистан – 35%. Оставшиеся 20% - это пустынное плато Аксай Чин, которое находятся под контролем КНР. Индия же в свою очередь рассматривает Аксай Чин как часть исторической области Ладакх - восточной части Джамму и Кашмир. Нью-Дели претендует на участок и на севере Кашмира (северо-восток Ладакха), который Пакистан передал под суверенитет КНР в рамках договора о границе 1963 г.[726] Определенную значимость региону придает и его роль в распределении водных ресурсов бассейна реки Инд.

В индийских СМИ периодически появляется информация о том, что Пекин оказывает давление на Исламабад в вопросе строительства военных объектов под предлогом защиты китайских граждан, задействованных на проектах КПЭК[727]. В стратегическом аспекте Индия опасается, во-первых,

---

[724] Levesques A. Pakistan missile test confirms its MIRV ambitions. – Текст электронный // International Institute for Strategic Studies. 7 November 2023. URL: https://www.iiss.org/online-analysis/missile-dialogue-initiative/2023/10/pakistan-missile-test-confirms-its-mirv-ambitions/ (дата обращения: 17.04.2024).

[725] Joshi A. India Has Handed China a Way to Interfere in Kashmir. . – Текст электронный // Foreign Policy. June 16, 2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/06/16/china-kashmir-himalayas-pakistan-conflict/ https://foreignpolicy.com/2020/06/16/china-kashmir-himalayas-pakistan-conflict/ (дата обращения: 17.11.2023).

[726] Guy J. Why Kashmir means so much to both India and Pakistan. – Текст электронный. // CNN. February 28, 2019. URL: https://edition.cnn.com/2016/09/30/asia/kashmir-explainer/index.html (дата обращения: 20.03.2024).

[727] Krishnasai C. China looking to construct military outposts in Pakistan: Report. – Текст электронный. // Wion. 20.05.2022. URL: https://www.wionews.com/south-asia/china-looking-to-construct-military-bases-in-pakistan-report-480699 (дата обращения: 20.03.2024).

усиления через совместные с Китаем инфраструктурные проекты экономического и военного потенциала Пакистана, и, во-вторых, появления в Гвадаре, где Китай помог в строительстве глубоководного порта и получил права на его управление, полноценной китайской военно-морской базы. Ожидается, что отношения Китая и Пакистана могут укрепиться при новом премьер-министре страны Шахбазе Шарифе, который вступил в должность в марте 2024 г.[728] Китай остается крупнейшим торговым партнером Пакистана, а также главным источником прямых иностранных инвестиций в страну[729].

На современном этапе китайско-пакистанское партнерство продолжает во многом зависеть от индийского фактора во внешней политике обоих государств. Более тесное сотрудничество Пакистана с Китаем уравновешивает усиление партнерства между Индией и США[730]. Укрепление американо-индийского сотрудничества также играет важную роль в усилении региональной конкуренции Китая и Индии. Между Индией и США наблюдается укрепление военных связей. Так, в 2016 г. Соединенные Штаты повысили статус Индии до «ведущего оборонного партнера» (Major Defense Partner). Благодаря этому уже в 2018 г. Индия получила возможность безлицензионного доступа к широкому спектру военных технологий и технологий двойного назначения, находящихся под регулирование Министерства торговли США.

Сотрудничество США и Индии в сфере оборонной торговли расширяется и по сей день благодаря вступившим в силу соглашениям: Меморандуму о согласии по логистическим обменам (LEMOA от 2016 г.,

---

[728] Он резко критиковал правительство предыдущего лидера Имран Хана. Noor S. How will Pakistan’s new government manage the US-China rivalry? – Текст электронный // Al Jazeera. 14 Mar 2024. URL: https://www.aljazeera.com/opinions/2024/3/14/how-will-pakistans-new-government-manage-the-us-china-rivalry (дата обращения: 17.04.2024).

[729] China emerges as top trading partner for Pakistan as exports to high-priced western markets decline. – Текст электронный // CPEC Portal. 13 February 2024. URL: https://cpecinfo.com/china-emerges-as-top-trading-partner-for-pakistan-as-exports-to-high-priced-western-markets-decline/#:~:text=Pakistan's%20exports%20to%20high%2Dpriced,(TDAP)%20showed%20on%20Monday. (дата обращения: 17.04.2024).

[730] Maqsood A. China-Pakistan Strategic Partnership and India’s Regional Ambitions in South Asia. // Strategic Studies. - 2021. Vol. 41. – No.3. - P. 48–65.

которое предоставляет военным кораблям Индии и США право на использование военных баз обеих стран), Соглашение о совместимости средств связи и безопасности (COMCASA от 2018 г., которое позволило Нью-Дели приобретать американское высокотехнологичное оборудование для высокозащищенных систем связи) и Соглашению о промышленной безопасности (ISA от 2021 г. позволило министерствам обороны Индии и США прорабатывать вопросы обмена секретной информацией в сфере военных технологий и технической координацией между предприятиями военно-промышленного комплекса).

Кроме того, согласно данным Госдепартамента США, в последние десятилетия наблюдалось увеличение общего объема оборонной торговли с Индией с практически нулевого уровня в 2008 г. до более чем 20 млрд долл. в 2020 г.[731] Помимо этого, в октябре 2020 г. Индия и США заключили соглашение об обмене и развитии сотрудничества в сфере обороны. В декабре 2020 г. в ответ на этот шаг Китай подписал меморандум о взаимопонимании по расширению оборонного сотрудничества с Пакистаном[732]. В ноябре 2023 г. прошли самые масштабные военно-морские учения Китая и Пакистана «Морские стражи» в северной части Аравийского моря[733].

Обеспокоенность Индии возрастает вслед за расширением китайского присутствия в зоне ее непосредственных интересов: в акватории Индийского океана и регионе Южной Азии. Нью-Дели опасается так называемой концепции «нити жемчуга», существование которой Пекин отрицает. Однако Индия позиционирует ее, как направленную на обеспечение безопасности

---

[731] U.S. Security Cooperation With India. – Текст электронный // U.S. Department of State. January 20, 2025. URL: https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-india/ (дата обращения: 01.02.2025).

[732] Aamir A. China and Pakistan ink military MOU to counter US-India pact. – Текст электронный // Nikkei Asia. 8 December 2020. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Pakistan-ink-military-MOU-to-counter-US-India-pact (дата обращения: 17.04.2024).

[733] Ansari U. China, Pakistan wrap up naval drill featuring sub, high-tech destroyer. – Текст электронный // Defence News. 17 Nov 2023. URL: https://www.defensenews.com/training-sim/2023/11/17/china-pakistan-wrap-up-naval-drill-featuring-sub-high-tech-destroyer/ (дата обращения: 17.11.2023).

морских путей необходимых Китая для транспортировки нефтегазовых ресурсов из Персидского Залива и Африки через Индийский океан[734]. С учетом активизации конкуренции за региональное лидерство, усилия как Пекина, так и Нью-Дели все больше направлены на повышение статуса и качества их отношений с государствами Южной Азии и АСЕАН (подробнее – Глава 3).

Как отмечает Лунев С.И., Индия в целом начиная с 2010-х гг. поддерживает расширение присутствия США в ИТР, так как рассматривает Вашингтон как фактор сдерживания Китая. На усиление опасений Индии относительно «китайской угрозы» и, как следствие, сближение с США, повлияли и такие факторы, как расширение присутствия КНР в регионе, поддержка Пекином Пакистана, постепенное увеличение оборонного бюджета Китая, а также модернизация вооруженных сил КНР и пр.[735]

Начиная с 2000-х гг., Китай проводит активную модернизацию своих вооруженных сил включая ВМФ, который сегодня является крупнейшим по тоннажу в мире, насчитывая 350 судов и подводных лодок, а также обладает крупнейшей по объему тоннажа судостроительной отраслью[736]. В июле 2016 г. в совместном индийско-филиппинском заявлении по итогам переговоров глав МИД Нью-Дели де-факто отказался от политики нейтралитета по территориальным спорам в ЮКМ и поддержал Манилу [737], признав правомерность решения Постоянной палаты Третейского суда в Гааге от 2016 г. по иску Филиппин[738].

---

[734] В числе интересных для КНР портов в регионе входят: Гвадар в Пакистане, Хамбантота на Шри-Ланке, а также Читтагонг в Бангладеш и Ситуэ, Чаупхью и Янгон в Мьянме. Mohan C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. Brookings Institution Press. - 2012. - P. 2-5.

[735] Лунев С. И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США //Актуальные проблемы Европы. – 2020. – №. 1. – С. 182-212.

[736] Shambaugh D. International Relations of Asia. // 3d ed. - Rowman & Littlefield - 2022. - P. 369-370.

[737] В 2016 г. по иску Филиппин к Китаю в Гааге прошел Международный арбитраж, в котором оспаривались притязания КНР на более 80% акватории Южно-Китайского моря в соответствии с «девяти пунктирной линией». По мнению судей, претензии КНР безосновательны, так как основаны на карте от 1947 г. В 2012 г. Китай захватил контроль над отмелью Скарборо у Филиппин, в этой связи они подали иск в 2013 г.

[738] Zhou L. Is India Abandoning South China Sea Stance by Backing Manila on Hague Ruling? . – Текст электронный // South China Morning Post. 11 July 2023. URL:

Индия стала активно усиливать свое сотрудничество на море не только с США, но и другими странами региона в ответ на более уверенные действия Китая. После столкновений 2020 г. в районе Ладахка, Индия активизировала военно-политическое сотрудничество со странами-партнерами по «Quad». В 2017 г. формат был восстановлен при администрации Д. Трампа (инициированный в 2007 г., в 2008 г. он прекратил деятельность в связи с выходом из него Австралии). В марте 2021 г. главы США, Австралии, Японии и Индии в виртуальном режиме провели первую в истории неформального объединения встречу на высшем уровне[739]. Вместе с тем, Quad не является военно-политическим альянсом, а Индия подчеркивает отсутствие в нем какого-либо военного сотрудничества.

С 2014 г. Индия (тогда же впервые участвовал и Китай, Россия – в 2012 г.) принимает участие в военных учениях стран Азиатско-Тихоокеанского региона – RIMPAC, целью которых является потенциала оперативного взаимодействия между военно-морскими силами в регионе. Постоянными участниками являются США, Канада и Австралия. Последние учения прошли в июле 2024 г., Китай на них приглашен не был из-за своей позиции по территориальным спорам в ЮКМ.

Продолжается и практика проведения ежегодных военно-морских учений «Malabar». Примечательно, что в 2015 г. к участию в них присоединилась Япония, а в 2020 г. на фоне обострения пограничного спора Индии с Китаем к участию также пригласили Австралию С 1992 г. учения носили двусторонний характер между США и Индией с периодическим приглашением третьих стран. В августе 2023 г. и октябре 2024 г. военно-морские силы Австралии, Индии, Японии и США провели соответственно 27-й и 28-й раунды военно-морских учений «Malabar».В мае 2019 г. ВМС Индии

---

https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3227027/south-china-sea-india-abandoning-neutrality-backing-manila-hague-ruling (дата обращения: 17.04.2024).

[739] Вторая прошла в мае 2022 г. в Токио (Япония), третья – в мае 2023 г. в Хиросиме (Япония). Четвертая встреча, прошла в сентябре 2024 г. в США. Появление практики регулярных встреч лидеров Quad может говорить о повышении значимости этого объединения.

впервые провели совместные учения с ВМС США, Японии и Филиппин в Южно-Китайском море. В августе 2021 г. ВМС Индии провели военные учения с Вьетнамом, Филиппинам, Малайзией, Австралией и Индонезией. В мае 2023 г. Индия впервые направила военные корабли для участия в двухдневных совместных учениях в ЮКМ с ВМС семи государств-членов АСЕАН. На фоне роста напряженности вокруг территориального спора Китая и Филиппин в ЮКМ в ноябре 2023 г. Индия предлагала Маниле предоставить вертолеты для береговой охраны страны. Нью-Дели в последние годы значительно расширил взаимодействие с Филиппинами и Вьетнамом – оппонентами Китая по территориальным спорам в ЮКМ.[740]

Китай также активизирует практику участия в многосторонних учениях с Ираном и Пакистаном в акватории Индийского океана. Это отражает упомянутый ранее тренд на активизацию конкуренции в Южной Азии и АТР. В 2024 г. Россия, Иран и Китай провели четвертые совместные военно-морские учения «Морской пояс безопасности» в северной части Индийского океана. Ранее аналогичные трехсторонние учения проходили в 2019 г., 2022 г. и 2023 г. В 2021 г. КНР не приняла участия в маневрах, хотя сообщалось, что вместе с Пекином изначально планировалось, что к ним также присоединится Индия, которая отказалась от участия в последний момент из-за эскалации пограничного спора[741].

В свою очередь США стремятся поместить Индию в центр своей Индо-Тихоокеанской стратегии, направленной на сдерживание Пекина. Роль Индии серьезно возросла в политических кругах США и их европейских и азиатских союзников в связи с усилением Китая и появлением необходимости создания

---

[740] India offers 7 helicopters for Philippines rescue operations. – Текст электронный // The Times of India. Nov 6, 2023. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-offers-7-helicopters-for-philippines-rescue-operations/articleshow/104995580.cms (дата обращения: 17.04.2024).

[741] Zafar M.S. Why India skipped Iran-Russia drill at last minute. – Текст электронный // Anadolu Agency. 20 February 2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/why-india-skipped-iran-russia-drill-at-last-minute/2151092 (дата обращения: 17.04.2024).

уравновешивающих центров силы («countervailing power centres»). Причем в Азии такими центрами США приоритетно считают две региональные державы – Индию и Японию[742]. Китайские эксперты полагают, что Индия старается воспользоваться стратегической конкуренцией между Соединенными Штатами и Китаем, с тем чтобы наладить тесное сотрудничество с Вашингтоном для сдерживания КНР[743].

Объявление Китая при администрации Д. Трампа «страной-ревизионистом», угрожающей позициям США в ИТР и принятие Индо-Тихоокеанских стратегий при Д. Трампе и Дж. Байдене, а также в 2020 г. Тихоокеанской инициативы сдерживания (Pacific Deterrence Initiative, PDI) отражает политику Вашингтона по комплексному военно-стратегическому сдерживанию роста Китая.

В апреле 2024 г. Индо-Тихоокеанское командование США обвиняло Китай в применении так называемой стратегии «лягушки в кипятке», при которой Пекин постепенно накаляет обстановку, повышая градус напряженности, в связи с чем другие страны *«недооценивают опасность до последнего момента, пока не станет слишком поздно»*[744]. США стали все чаще высказывать свои позиции, которые ранее старались обсуждать непублично (например, в вопросах Тайваня) во избежание негативной реакции

---

[742] В 2016 г. Индия получила статус «основного оборонного партнера» США в сфере торговли оборонной продукцией и обмена технологиями. Но не стоит ожидать перехода американо-индийских отношений в формат патрон-клиентских, скорее они сохранятся в рамках ограниченного сотрудничества с целью «мягкого балансирования» КНР. / Paul T.V. India’s Role in South Asia; A Regional Power with global Ambitions // in David Shambaugh ed., International Relations of Asia. 3d ed. - Rowman & Littlefield - 2022. - P.161-170.

[743] Лоу Чуньхао. Иньду дэ чжаньлюэ упань имэй канхуа ляньмэй чж хуа чжихуэй дяожу мэйго сяньцзин [Стратегическая ошибка Индии: Полагаясь на Соединенные Штаты в сопротивлении Китаю и сотрудничая с Соединенными Штатами в сдерживании Китая, можно только попасть в американскую ловушку]. – Текст электронный // Чжунго жибао [Чайна дейли]. 03.08.2023. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202308/03/WS64cbae6ba3109d7585e47d50.html (дата обращения: 17.04.2024).

[744] Sevastopulo D. US Pacific commander says China is pursuing ‘boiling frog’ strategy. – Текст электронный // Financial Times. 28 April 2024. URL: https://www.ft.com/content/f926f540-d5c2-43f2-bd8f-c83c0d52bcda (дата обращения: 30.04.2024).

Пекина. Причем активное вовлечение США в региональные вопросы, включая китайско-индийский пограничный спор, вероятно будет усиливаться[745].

Примечательно, что столкновение 2022 г. на границе Индии и Китая в районе города Таванг (Аруначал-Прадеш) произошло спустя несколько дней после проведения военных маневров Индии и США («Yudhabhyas»). В марте 2024 г. Пекин резко отреагировал на заявление Государственного департамента США о признании Аруначал-Прадеш суверенной территорией Индии[746]. Ранее Вашингтон избегал оценок территориальных споров Индии. Китай же традиционно исходит из принципа о том, что региональные вопросы в Азии должны решаться без участия внешних игроков на основе «азиатских ценностей» (*亚洲价值观* «ячжоу цзячжигуань»)[747].

Индия опасается расширения числа стран-соседей в Южной Азии, столкнувшихся с долговыми проблемами в отношениях с Пекином, при которой государства не могут вернуть КНР заемные средства, полученные в рамках проектов под эгидой ОПОП. В 2017 г. Шри-Ланка официально передала Китаю в аренду сроком на 99 лет глубоководный порт Хамбантота, с тем чтобы погасить часть своего внешнего долга перед Пекином[748].

Индия и США предпринимают ответные шаги по противодействию китайскому экономическому влиянию в Южной Азии. В начале ноября 2023

---

[745] Sharma K. U.S. wades into India-China spat, says border state belongs to New Delhi. – Текст электронный // Nikkei Asia. 21 March 2024. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/U.S.-wades-into-India-China-spat-says-border-state-belongs-to-New-Delhi (дата обращения: 17.04.2024).

[746] McCarthy S. A high-altitude tunnel is latest flashpoint in India-China border tensions. – Текст электронный. // CNN. 22 March 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/03/21/india/china-india-sela-tunnel-border-dispute-intl-hnk/index.html (дата обращения 14.04.2024).

[747] Концепция «азиатских ценностей» была предложена в 1990-е гг. тогдашними лидерами Сингапура Ли Куан Ю и Малайзии Махатхира Мохамада, которые выступали за то, чтобы азиатские народы направляли свое развитие в соответствии с традициями азиатских стран, избегая переориентации на страны Западного мира. Сян Хао Юй. Ячжоу цзячжигуань чжэн бэй фуюй синьдэ шидай нэйхань [«Азиатским ценностям» придаются новые коннотации времени]. – Текст электронный // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань ятай яньцзюсо [Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований при Шанхайской академии международных исследований]. 07.07.2023. URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/sspl/202307/t20230707_9005.html (дата обращения: 17.04.2024).

[748] Нью-Дели ссылался на прецеденты, когда в порт заходили китайские разведывательные суда для мониторинга испытательных пусков индийских баллистических ракет.

г. Вашингтон объявил о предоставлении кредита в размере 553 млн долл. США на развитие контейнерного терминала порта Коломбо на Шри-Ланке [749] (экономические проекты Индии в регионе подробно рассмотрены в Главе 3). В противовес Китаю Нью-Дели продвигает свои проекты сотрудничества в регионе, как в рамках инициатив «Действуй на Востоке» (Act East), «Дорожной карты для Южной Азии» (Road Map for South Asia), «Безопасность и развитие для всего региона» (SAGAR), «Инициативы для Индийского и Тихого океанов» (Indo-Pacific Oceans Initiative (IPOI) и «Главное — добрососедство» (Neighbourhood First), так и на многостороннем уровне в сотрудничестве, в частности, с Японией.

Китай в свою очередь обвиняет Нью-Дели в попытках противодействия его мирному возвышению. Китайские специалисты подчеркивают, что после инцидента в долине Галван в 2020 г. Индия стала постепенно отходить от своей традиционной дипломатии неприсоединения и совместно с Соединенными Штатами нацелилась на сдерживание Китая на основе так называемых «разнонаправленных союзов» (*多向结盟* «досян цземэн»)[750]. Это выражается, в частности, в ее сотрудничестве как с «Quad», так и участия в регулярных многосторонних («Malabar» и «RIMPAC») и двусторонних (Индия-Филиппины, Индия-Вьетнам, Индия-Сингапур) военно-морских учениях.

Готовность Индии принимать поддержку со стороны США в противостоянии с КНР усложнила и без того чувствительные вопросы между Китаем и Индией. Эксперты КНР признают, что с учетом имеющихся проблем в китайско-индийских отношенияхИндия все больше склоняется именно в

---

[749] US plans to build a $553 million terminal at Sri Lanka's Colombo port in rivalry with China. – Текст электронный. // AP News. November 9, 2023. URL: https://apnews.com/article/us-sri-lanka-port-china-bri-debt-d39cdd2446e8c5ab95f4181960f7958a (дата обращения: 17.04.2024).

[750] Лань Цзянь Сюэ. Чжунъинь гуаньси шаньбянь цзичулу [Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации]. – Текст электронный // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань ятай яньцзюсо [Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований при Шанхайской академии международных исследований]. 30.08.2023. URL: https://www.aisixiang.com/data/145770.html (дата обращения: 17.04.2024).

сторону поддержки США. Вместе с тем, существует определенный лимит стратегического сближения Нью-Дели и Вашингтона, ограниченный расхождениями по ряду вопросов регионального и глобального характера. Во-первых, Нью-Дели не стремится к союзническим отношениям с США, так как ценит свою внешнеполитическую автономность и не приемлет подчиненное положение. Во-вторых, Пекин и Нью-Дели заинтересованы в содействии процессам трансформации международного порядка и отстаивании интересов развивающихся стран, а также развитии сотрудничества в формате Юг-Юг[751].

Относительно интересов Китая и Индии по отношению к странам Глобального Юга существуют и негативные оценки, отражающие скорее в целом усиливающуюся конкуренцию Пекина и Нью-Дели. Ряд индийских экспертов замечают, что трения между Индией и Китаем выходят за рамки региона, в связи с чем стороны все активнее конкурируют за влияние на страны Глобального Юга. Отличаются и их подходы. Пекин на смену западноцентричного международного порядка стремится продвигать свою альтернативу, в то время как Индия хочет стать «мостом» между странами Глобального Юга и развитым миром[752]. Ярким примером соперничества за влияния на страны Глобального Юга называют неприятие Нью-Дели китайской инициативы ОПОП, которую в Индии считают *«флагманской экономической стратегией по привлечению союзников на Глобальном Юге»*. Пекин подчеркивает, что в его понимании Глобальный Юг – это *«семья развивающихся рынков и поднимающихся стран»* [753].

---

[751] Лоу Чуньхао. Иньду дэ чжаньлюэ упань имэй канхуа ляньмэй чж хуа чжихуэй дяожу мэйго сяньцзин [Стратегическая ошибка Индии: Полагаясь на Соединенные Штаты в сопротивлении Китаю и сотрудничая с Соединенными Штатами в сдерживании Китая, можно только попасть в американскую ловушку]. – Текст электронный // Чжунго жибао [Чайна дейли]. 03.08.2023. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202308/03/WS64cbae6ba3109d7585e47d50.html (дата обращения: 17.04.2024).

[752] Jacob H. How to Thwart China’s Bid to Lead the Global South. – Текст электронный // Foreign Affairs. 25 December 2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/how-thwart-chinas-bid-lead-global-south (дата обращения: 17.04.2024).

[753] Palit A. India and China: Close Rivals in the G20 and in the Global South. – Текст электронный // ISPI. 5 Sep 2023. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/india-and-china-close-rivals-in-the-g20-and-in-the-global-south-139661 (дата обращения: 17.04.2024).

Хотя Индия официально и не критикует концепцию «сообщества единой судьбы человечества» КНР, представляется, что содержащийся в ней акцент на глобальное сотрудничество и мирное сосуществование, а также взаимную выгоду с учетом напряженного пограничного спора в китайско-индийских отношениях и расплывчатости самих формулировок подталкивает Нью-Дели относиться к подобным идеям с определенным скепсисом, если не настороженностью. Так, некоторые индийские специалисты отмечают, что такого рода концепции Пекина отражают также и его стремление к усилению своего глобального влияния, в связи с чем требуется более детальная оценка их соответствия интересам самой Индии[754].

Некоторые китайские специалисты подчеркивают, что Индия стремится усиливать голос в многосторонних форматах и пытается ослабить влияние Китая на Глобальном Юге, одновременно укрепляя отношения с Вашингтоном[755]. Эксперты КНР указывают на то, что в краткосрочной перспективе Индии скорее всего будет трудно составить конкуренцию Китаю в сфере глобального развития и управления, но в долгосрочной перспективе она имеет больше шансов на успех[756]. Об усиливающемся интересе Индии к странам Глобального Юга говорит и инициатива проведения саммитов «Голос Глобального Юга» в январе и ноябре 2023 г. в рамках ее председательства в Группе Двадцати. Мероприятия прошли с участием более 120 развивающихся стран мира, при этом индийская сторона критиковала КНР за отсутствие на

---

[754] Akbaruddin S. Beijing likes to talk about “community of shared future of mankind”. What exactly does it mean? – Текст электронный // Times of India. July 9, 2020. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/toi-edit-page/beijing-likes-to-talk-about-community-of-shared-future-of-mankind-what-exactly-does-it-mean/ (дата обращения: 17.04.2024).

[755] Чжан Цзе. Иньду цянхуа юй цюаньцю наньфан гуаньси: чжаньлюэ сюнсинь юй чжиюэ [Укрепление отношений Индии с «Глобальным Югом»: стратегические амбиции и ограничения]. – Текст электронный // Гоцзи вэньти яньцзю [«Исследование международных проблем»]. 2024 - №1 - С. 91-109. URL: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202403/P020240312353675174719.pdf.

[756] Е Вэй. Иньду дэ цюаньцю наньфан вайцзяо цзи чжунго дэ индуй [Дипломатия Индии на Глобальном Юге и ответ Китая]. – Текст электронный // Цяньхай гоцзи шиу яньцзююань [Цяньхайский институт международных отношений]. 26.10.2023. URL: https://www.qiia.org/zh-hans/node/1175 (дата обращения: 17.04.2024).

нем[757], в то время как Пекин отмечал, что не получил приглашения со стороны Индии[758]. Китай в свою очередь в 2022 и 2023 гг. без участия Индии провел два форума развития и сотрудничества Китая и региона Индийского океана.

Ещё одним препятствием в китайско-индийский отношениях стало постоянное блокирование Китаем вступления страны в Группу ядерных поставщиков (ГЯП[759], Nuclear Suppliers Group). Это продолжается, начиная с июня 2016 г., когда Нью-Дели была впервые подана заявка[760]. КНР настаивает на том, что Индия не может стать участником данного объединения до тех пор, пока не подпишет Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Более того в случае, если Индия станет членом ГЯП, Китай настаивает на одновременном включении в Группу и Пакистана, объясняя это существующей необходимостью поддерживать баланс сил в регионе Южной Азии[761]. Некоторые эксперты указывали, что решение Китая блокировать участие Индии в ГЯП первоначально было сигналом недовольства относительно активизации ее связей с США против КНР[762].

Если переходить к основным сферам сотрудничества Китая и Индии, следует отметить, что обе стороны не заинтересованы в разжигании горячего

---

[757] S Jaishankar says Global South believes in India, China does not participate in voicing their concerns. // Indian Express. March 8, 2024. URL: https://indianexpress.com/article/world/s-jaishankar-in-japan-global-south-believes-in-india-china-9202728/ (дата обращения: 17.04.2024).

[758] A 'Global South' without China is a pseudo-proposition: Global Times editorial. – Текст электронный // Global Times. Sep 20, 2023. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298494.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

[759] ГЯП является объединением стран – ядерных поставщиков, содействующих нераспространению ядерного оружия через использование сводов Руководящих принципов и обмена информацией. Не является международной организацией. Все решения ГЯП принимаются консенсусом. О Группе ядерных поставщиков (ГЯП) – Текст электронный // МИД России. 07.02.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/eksportnyy_kontrol/1424257/ (дата обращения: 17.04.2024).

[760] Thakker A. Beyond Wuhan: India Should Establish A New Framework for Engagement with China. – Текст электронный // Diplomat Magazine. 1 May 2018. URL: https://thediplomat.com/2018/05/beyond-wuhan-india-should-establish-a-new-framework-for-engagement-with-china/ (дата обращения: 17.04.2024).

[761] Thomas C. India’s Failed NSG Bid: Unlearn, Learn, and Proceed. – Текст электронный // Centre for Public Policy Research. 3 August 2016. URL: https://www.cppr.in/articles/indias-failed-nsg-bid-unlearn-learn-and-proceed (дата обращения: 17.04.2024).

[762] Mourdoukoutas P. Will India spoil China’s South China Sea ambitions? – Текст электронный // Forbes. 9 Nov. 2016. URL: https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2016/11/09/will-india-spoil-chinas-south-china-sea-ambitions/?sh=5fe9e90e2db3 (дата обращения: 17.04.2024).

конфликта[763]. На официальном уровне руководство Китая и Индии заявляет о «ненормальности/аномалии» (abnormality) сохранения напряженности двусторонних отношений и эскалации пограничного опроса[764]. *«Пограничный вопрос не является исчерпывающим аспектом китайско-индийских отношений, и его следует надлежащим образом решать и контролировать»,* — заявлял китайский МИД в апреле 2024 г.[765] В том же месяце Н. Моди отмечал, что *«[Индии и Китаю] необходимо срочно разрешить затянувшуюся ситуацию на наших границах, чтобы аномалию наших двусторонних отношений можно было оставить позади»*[766]. Таким образом, долгосрочные стратегические интересы Китая и Индии, а также их усилия по пограничному урегулированию[767] указывают на то, что в перспективе стороны скорее всего будут стремиться избегать повторения эскалации аналогичной 2020 г. Так, в частности, произошло при двух эпизодах эскалации конфликта в 2022 г., о которых стало публично известно только в 2024 г. в связи с тем, что они не переросли в более масштабные столкновения подобные тому, которое произошло в 2020 г.[768] .

---

[763] Цай Т., Дин Ц. Чжунъинь чжаньлюэ хэцзо ючжуюй шицзе хэпин юй фачжань [Китайско-индийское стратегическое сотрудничество способствует миру и развитию во всем мире]. – Текст электронный // Чжунгован. 06.04.2022. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2022-04/06/content_78150078.shtml (дата обращения: 17.04.2024)

[764] Chen M. China says India border conflict ‘not the entirety’ of relations, steady ties benefit both. – Текст электронный // South China Morning Post. 11 Apr 2024. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3258694/china-says-india-border-conflict-not-entirety-relations-steady-ties-benefit-both (дата обращения: 17.04.2024).

[765] Sound and stable China-India relations serve interests of both countries: FM spokesperson. – Текст электронный // Xinhua. 11.04.2024. URL: https://english.news.cn/20240411/acdf1e3490e744f5ab0ebb5217d98106/c.html (дата обращения: 17.04.2024).

[766] India, China should urgently address 'prolonged situation' on borders, Modi says. – Текст электронный // Reuters. April 10, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/india/india-china-should-urgently-address-prolonged-situation-borders-modi-says-2024-04-10/ (дата обращения: 17.04.2024).

[767] В том числе в рамках достаточно эффективного и действенного механизма индийско-китайских переговоров на уровне командующих корпусами. India, China share ‘perspectives’ on ‘complete disengagement’ in 21st Corps Commander talks. – Текст электронный // The Hindu. 21 February 2024. URL: https://www.thehindu.com/news/national/india-china-share-perspectives-on-complete-disengagement-in-21st-corps-commander-talks/article67871607.ece (дата обращения: 17.04.2024).

[768] Kaushik K. Indian, Chinese troops clashed twice in 2022 even as peace talks were on. – Текст электронный // Reuters. January 17, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indian-chinese-troops-clashed-twice-2022-even-peace-talks-were-2024-01-17/ (дата обращения: 17.04.2024).

В целом сферы сотрудничества двух стран в политической плоскости можно обозначить, как:

Во-первых, продвижение многополярного мира и реформы институтов глобального управления.

Во-вторых, противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности.

На многосторонних площадках Китай и Индия взаимодействуют в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), расширенного в 2024 г. формата БРИКС, более узкого формата Россия-Индия-Китай (РИК)[769], многосторонних площадок и форумов, а также Группы Двадцати. Несмотря на существующие разногласия и усиление стратегической конкуренции Китай и Индия продолжают участие в БРИКС[770]. Причем, после саммитов на высшем уровне в 2018 и 2019 гг. регулярные встречи лидеров стран проходили именно на площадке данного объединения. Для Китая БРИКС является одной из площадок развития многостороннего сотрудничества для участия в формировании альтернативной от западно-либеральной международной системы. Для Индии же БРИКС – это не столько инструмент борьбы с коллективным Западом, сколько возможность сохранения внешнеполитической автономии в условиях нарастания глобальной конфликтности и дополнительный инструмент для выстраивания отношений со странами Глобального Юга, в том числе с Китаем.

С точки зрения совпадающих интересов Пекина и Нью-Дели, БРИКС – это символ реформы институтов глобального управления с тем, чтобы они стали отражать точку зрения незападных стран. Такие форматы, как РИК, БРИКС и ШОС служат дополнительными платформами обсуждения

---

[769] Володин А.Г. «Треугольник» Москва–Дели–Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 15. – №. 6. – С. 6-27.

[770] Chaulia S. In spite of the spite: An Indian view of China and India in BRICS // Global policy. – 2021. – Vol. 12. – No. 4. – P. 519-523.

разногласий между Индией, Россией и Китаем. Россия часто выступает в качестве посредника в сглаживании китайско-индийской конфронтации[771]. Москва в качестве председателя в ШОС и БРИКС фактически выступила посредником при урегулировании эскалации в долине Галван в 2020 г.[772]. Кроме того, можно утверждать, что Москва в октябре 2024 г. в рамках организации встречи лидеров Китая и Индии на полях саммита БРИКС в г. Казани еще раз продемонстрировала свои посреднические усилия по развитию отношений Китая и Индии, что дополнительно подчеркивает и значимость таких форматов, как РИК.

Китай и Индия поддерживают продвижение многополярного мироустройства и принципа мультилатерализма в международном и региональном сотрудничестве [773] . С учетом постепенного смещения глобального лидерства с Запада на Восток и наступления в перспективе «века Азии», Китай и Индия – несмотря на свой пограничный вопрос – рассматриваются в качестве двух основных сил, участвующих в формировании нового многополярного миропорядка[774].

Как отмечает Лунев С.И., Индия исторически и с цивилизационных соображений отвергает гегемонию Запада и считает независимый внешнеполитический курс своей главной целью. Несмотря на существование конкуренции между Индией и Китаем, позиции стран по глобальным вопросам весьма близки, что подтверждается при анализе частоты совпадений голосований Генеральной ассамблеи ООН по всему комплексу мировых

---

[771] O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia–India–China (RIC) triangle // International Affairs. – 2021. – Vol. 97. – No. 3. – P. 801-822.

[772] Lukin A. How Russia emerged as key mediator in the China–India dispute. – Текст электронный // East Asia Forum. 23 October 2020. URL: https://eastasiaforum.org/2020/10/23/how-russia-emerged-as-key-mediator-in-the-china-india-dispute/ (дата обращения: 20.12.2023).

[773] Володин А.Г. «Треугольник» Москва–Дели–Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 15. – №. 6. – С. 6-27.

Бочков Д.А. Роль китайско- индийских отношений в форматировании регионального порядка в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник учёных-международников. 2023 – №1 (23). – С. 183.

[774] Bhaya A.G. China-India cooperation vital for multipolar world, to benefit Global South. – Текст электронный // CGTN. 08 March, 2021. URL: https://news.cgtn.com/news/2021-03-08/China-India-cooperation-vital-for-multipolar-world-YeijnTprGw/index.html (дата обращения: 17.04.2024).

проблем. Так, Индия входит в тройку стран с наименьшим процентом расхождения при голосовании с позициями Китая[775].

Китай и Индия едины и в стремлении реформирования международных финансовых институтов глобального управления – структур Бреттон-Вудской системы, прежде всего Всемирного Банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ). Пекин и Нью-Дели поддерживают координацию по данным вопросам в рамках G20 и БРИКС. Китайские и индийские власти отмечают, что страны БРИКС должны укреплять сотрудничество и способствовать дальнейшему совершенствованию механизма многостороннего взаимодействия[776].

Сохраняется и достаточно оптимистический взгляд на потенциал сотрудничества Китая и Индии по совместному отстаиванию интересов Глобального Юга[777]. Это связано с тем, что Китай и Индия, сыгравшие важную роль на Бандунгской конференции 1955 г. и в борьбе с колониализмом, продолжают сегодня заявлять об отличном от остальных мировых держав чувстве ответственности за глобальное развитие[778]. Ряд экспертов обращает внимание на то, что политика Индии по отношению к Китаю также выстраивается в рамках ее традиции неприсоединения и стратегической автономии. Обе страны в равной степени заинтересованы в поиске совместных ответов на преодоление последствий глобальных вызовов, таких как

---

[775] Лунев С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – Т. 17. – №. 17. – С. 112-139.

[776] Иньду чжуаньцзя: сянью синши сюйяо цзиньибу туйдун хэ кода цзиньчжуаниоцзя чжицзянь дэ хэцзо [Индийский эксперт: Сложившаяся ситуация требует дальнейшего продвижения и расширения сотрудничества стран БРИКС] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжумэнмай цзунлин шигуань [Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Мумбаи]. 22.06.2022. URL: http://mumbai.china-consulate.gov.cn/chn/zxhd/202206/t20220622_10707696.htm (дата обращения: 20.12.2023).

[777] Kulkarni S. China, India could co-lead Global South. - Текст электронный // China Daily. 01 May 2024. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202401/05/WS65973beaa3105f21a507aa3f.html (дата обращения: 17.04.2024).

[778] Cooper A.F. China, India and the pattern of G20/BRICS engagement: differentiated ambivalence between ‘rising’power status and solidarity with the Global South // Third World Quarterly. – 2021. – Vol. 42. – No. 9. – P. 1945-1962.

изменение климата, энергетическая безопасность, борьба с терроризмом, реформирование международных институтов глобального управления[779].

Страны взаимодействуют в форматах «BASIC Countries» и «Like Minded Group of Developing countries»[780]. Первый представляет собой блок четырех крупных новых индустриальных стран — Бразилии, Южной Африки, Индии и Китая, — образованный в 2009 г., с целью согласования совместных действий на Копенгагенском саммите по климату. В 2010 году страны заявили о расширении сотрудничества и на другие области, в том числе было объявлено о совместной программе разработки спутников. Пекин и Нью-Дели сотрудничают и по таким новым вызовам и угрозам, как изменение климата. Они разделяют позиции по сокращению объемов выбросов парниковых газов[781].

В контексте борьбы с нетрадиционными вызовами и угрозами безопасности, важное значение имеет как раз углубление трехстороннего сотрудничества в формате РИК и особенно с акцентом на борьбе с международным терроризмом. Лунев С.И. отмечает, что Китай, Индия и Россия имеют абсолютно совпадающие подходы к терроризму, сепаратизму и экстремизму, что наряду с отказом принимать однополярное устройство мировой системы является основополагающим условием реального существования треугольника[782]. Важное значение данному направлению сотрудничества придала встреча глав России, Индии и Китая в 2018 г. в Буэнос-Айресе. Как заявлял Министр иностранных дел России С.В. Лавров в

---

[779] Sudeep K. India-China Competitive Coexistence: A New Era of Strategic Partnership. // Journal of Social and Political Sciences. - 2020. - Vol.3 - No.1. - P. 13- 22.

[780] «Like Minded Group of Developing countries» – является инструментом кооперации развивающихся стран на международных площадках, с целью продвижения собственных интересов в области мировой торговли. Страныъ координируют свои действия в таких международных организациях, как ООН и ВТО.

[781] В мае 2023 г. Индия при поддержке Китая в рамках председательства в Большой Двадцатке продвигала инициативу разрешения странам самостоятельно выбирать подходящую «дорожную карту» по сокращению выбросов углекислого газа. Singh S.C. Exclusive: India, China propose 'multiple pathways' on cutting use of fossil fuels. – Текст электронный // Reuters. 2 May 2023. URL: https://www.reuters.com/world/india-china-propose-multiple-pathways-cutting-use-fossil-fuels-sources-2023-05-02/ (дата обращения: 20.12.2023).

[782] Лунев С.И. Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай. Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. - №.2. – С. 76-88.

марте 2023 г.: *«РИК служит платформой для индийско-китайского сотрудничества при участии России… Площадка РИК призвана дать им больше точек соприкосновения»*[783].

С географической точки зрения, ключевые нетрадиционные угрозы безопасности как для Китая, так и для Индии преимущественно исходят от деятельности международных террористических группировок в Пакистане (целями террористов периодически становятся и граждане КНР, работающие в Пакистане на китайских проектах) и Афганистане. Китай и Индия также усиливают свои контакты со странами Центральной Азии по вопросам региональной безопасности [784] . Представляется, что совместная заинтересованность в борьбе с нетрадиционными угрозами – наравне с неприятием однополярного международного порядка [785] – способны и в дальнейшем играть положительную роль в сближении китайско-индийских двусторонних отношений.

Важным шагом к углублению двустороннего сотрудничества по вопросам безопасности и противодействия новым вызовам стало подписание в 2018 г. Соглашения о сотрудничестве по вопросам внутренней безопасности, которое сконцентрировано на обмене разведданными и взаимодействии по борьбе со стихийными бедствиями, терроризмом и наркотрафиком [786] . На многостороннем уровне по вопросам противодействия нетрадиционным вызовам китайско-индийское сотрудничество осуществляется в рамках

---

[783] Ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 3 марта 2023 года. – Текст электронный // МИД России. 03.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1856843/ (дата обращения: 20.12.2023)

[784] Balazs D. China vs India: Evolving Security Footprints in Central Asia. – Текст электронный // Diplomat Magazine. February 05, 2025. URL: https://thediplomat.com/2025/02/china-vs-india-evolving-security-footprints-in-central-asia/ (дата обращения: 06.02.2025).

[785] Как отмечают некоторые специалисты, «неприятие гегемонии Запада». Володин, А. Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире // Вестник ученых-международников. – 2023. – Т. 26. - № 4. – С. 215-216.

[786] China, India vow to strengthen cooperation on law enforcement, security. – Текст электронный // The State Council. The People's Republic Of China. Oct 23, 2018. URL: http://english.www.gov.cn/state_council/state_councilors/2018/10/23/content_281476358959608.htm (дата обращения: 17.04.2024).

Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС), Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и в рамках функционирования Контртеррористической рабочей группы БРИКС [787]. Вместе с тем, в вопросе антитеррористического сотрудничества Китая и Индии также существуют определенные сложности [788]. Пекин регулярно блокирует предложения представителей Индии на площадке ООН о внесении лидеров базирующейся в Пакистане антииндийской группировки «Лашкар-и-Тайба»[789] (запрещена в России) в список международных террористов под эгидой Контртеррористического комитета СБ ООН[790].

Несмотря на ряд негативных факторов, приводящих к периодическому возрастанию напряженности и сохранению стратегической конкуренции в отношениях Китая и Индии, представляется, что признание как на официальном, так и экспертно-академическом уровне обеими сторонами важности обеспечения предсказуемости двусторонних отношений, поддержания региональной стабильности и безопасности должно способствовать сохранению конструктивного диалога и снижению интенсивности пограничной конфронтации.

---

[787] В сентябре 2021 года в Оренбургской области прошли учениях стран - членов ШОС «Мирная миссия» с участием Китая и Индии. В декабре 2023 г. Индия в рамках РАТС приняла представителей всех стран-членов ШОС, включая Китай. Bagchi D. India holds 2 anti-terrorism meetings with SCO members, highlights misuse of internet by extremists. – Текст электронный // The Print. 16 December 2023. URL: https://theprint.in/diplomacy/india-holds-2-anti-terrorism-meetings-with-sco-members-highlights-misuse-of-internet-by-extremists/1888609/ (дата обращения: 17.04.2024).

[788] Rajagopalan R.P. India-China Relations Are Unlikely to See Much Progress. – Текст электронный // Center for Strategic and International Studies. 15 February 2024. URL: https://chinapower.csis.org/analysis/rajagopalan-india-china-relations// (дата обращения: 17.04.2024).

[789] Деятельность осуществляется в основном в Пакистане и состоит в организации террористических актов против Индии с целью освобождения Кашмира от Индии.

[790] Harsh V. Pant. Evolving Trajectory of the SCO and Indian Dilemmas. – Текст электронный // ORF. 07 Jul 2023. URL: https://www.orfonline.org/research/evolving-trajectory-of-the-sco-and-indian-dilemmas (дата обращения: 17.04.2024).

2.2. Основные направления и черты развития экономических взаимоотношений Китая и Индии.

С позиции МПЭ, помимо влияния политических факторов большую роль также играет экономическая деятельность государств, включая внешнеэкономическую политику. Усиление экономического потенциала Китая и Индии было во многом обусловлено происходящими в мировой экономике глобальными процессами либерализации и глобализации, а также усилением международного сотрудничества. Китай стал активным участником экономической глобализации и главным ее бенефициаром, извлекшим выгоды из либерализации мировой торговли. Пекин вступил в ВТО в 2001 г. (Индия – в 1995 г.)[791]. Индия же традиционно считалась слабо интегрированной в мировую экономику, полузакрытой и непривлекательной для иностранных инвесторов[792]. Она традиционно придерживалась модели импортозамещения с высокой степенью протекционизма, хотя и стремилась к расширению доступа к современным технологиям и внешним рынкам[793]. Индия с целью дальнейшего укрепления собственного промышленного потенциала с сентября 2014 г. по инициативе Н. Моди воплощает свой флагманский проект всестороннего развития экономики «Делай в Индии» (“Make in India”), основными целями которого являются повышение доли производственного сектора страны и расширение экспорта, а также создание благоприятных условий для привлечения инвесторов[794]. Н. Моди говорил местным производителям: *«Эта страна – ваша… Нет никакой*

---

[791] Passi R. India and China in multilateral economic governance: Worldviews, approaches, and IFIs. // ORF. 06 Sep, 2019. – 60 p.

[792] Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния //Сравнительная политика. – 2012. – Т.8. - №. 2. – С. 90-104.

[793] Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов //Вестник МГИМО Университета. – 2010. – №. 1. – С. 189-201.

[794] Kadekodi G.K. Make in India: Policy Drives and Challenges. / Annigeri V., Deshpande R., Dholakia R. (eds). Issues in Indian Public Policies. India Studies in Business and Economics. Springer, Singapore. - 2018. P. 83-105.

необходимости уезжать отсюда. Мы хотим, чтобы индийские компании превратились в компании транснациональные!»[795].

В 2000-2010 х гг. процесс Индии в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) был сильно ограничен и значительно отставал от активного включения в них стран АСЕАН и Китая. Однако, в последнее время на фоне общей реструктуризации глобальных цепочек стоимости, связанной с негативным влиянием пандемии COVID-19 и «торговой войной» США и КНР, все чаще стали звучать предложения западных ТНК о диверсификации их производственных цепочек за счет расширения присутствия не только в странах ЮВА, но и в Индии взамен, например, КНР. При этом, исторически торговая политика Нью-Дели всегда была протекционистской. Это напрямую связано с ее тарифной политикой, в рамках которой средний тариф на несельскохозяйственные товары значительно выше, чем у стран-конкурентов с формирующейся рыночной экономикой. В законодательстве страны предусмотрены такие правила происхождения, которые серьезно ограничивают преференциальный доступ к местному рынку. В этой связи у Индии достаточно мало соглашений о свободной торговле с развитыми странами.

Нью-Дели также не участвует в мегарегиональных торговых соглашениях. В целом Индия признает эти проблемы и в последние годы предпринимает шаги по трансформации своей торговой и промышленной политики с целью привлечения ТНК к производству в составе ГЦСС. Принимаемые меры подразумевают: стимулирование экспортных производств (включая в рамках политики “Make in India”), снижение корпоративных налогов, реформу трудового законодательства и пересмотр тарифной системы. Это уже привело к тому, что привлечение иностранного

[795] Пахомов Е. Следуй Моди – делай в Индии. — Текст: электронный. // BRICS Business Magazine. 2014. URL: https://www.bricsmagazine.com/ru/articles/sleduy-modi-delay-v-indii (дата обращения: 17.04.2021).

капитала в Индию стало более активным, а его входящие потоки по отношению к ВВП значительно возросли[796].

Важность Китая и Индии в мировой экономике сложно переоценить. По номинальному объему ВВП, согласно данным Всемирного Банка, Китай и Индия входят в список 5 ведущих стран мира, занимая соответственно первое и третье места (приложение 1). Прибегая к сравнительно-экономическому анализу с использованием метода динамического сравнения, можно заметить, что рост экономик обеих стран в годовом выражении в период 2013-2022 гг. превышал среднемировые темпы в 5% (приложение 2). В 2020-2021 гг., однако, наблюдался спад роста экономик Китая и Индии (приложение 2), что было обусловлено негативными последствиями ограничений, введенных в период пандемии Covid-19.

Согласно прогнозам, Китай и Индия останутся главными драйверами мировой экономики в обозримом будущем, однако, возможны некоторые изменения их ролей. К концу текущего десятилетия темпы роста экономики Индии могут ускориться до 9%, тогда как у Китая – замедлятся до 3,5%[797]. Р.П. Раджагопалан из ORF отмечает, что, хотя в отношениях Китая и Индии существует ряд проблемных моментов, одним из главных положительных факторов остается видимое укрепление экономических связей. Индия является для Китая важным направлением расширения экономических и инвестиционных возможностей. В 2008–2009 гг., когда рынки западных стран, которые сильнее пострадали вследствие мирового финансового кризиса, стали

[796] Ноздрев С.В. Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции. Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 52–54.

[797] Strumpf D., Roy A., Gupta A. How India Can Take China's Growth Crown. If India hits all the right economic notes it could lead global growth by 2028. – Текст электронный. // Bloomberg Economics. 8 April 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2024-04-07/can-india-overtake-china-as-world-s-growth-engine-it-could-happen-by-2028 (дата обращения: 05.05.2024).

временно менее привлекательны для Китая, он начал более активно переориентироваться на азиатские экономики, в том числе Индию[798].

Эксперты британского The Economist отмечают, что наблюдаемое замедление экономики Китая дополнительно подчеркивает растущую важность емкого внутреннего рынка Индии для китайских экспортеров и даже связывают с этим более сдержанную реакцию Пекина на некоторые пограничные инциденты последнего времени[799].

Далее будут рассмотрены торговые отношения Китая и Индии, инвестиционное сотрудничество и подходы к реформированию международных финансовых институтов.

В плане двустороннего сотрудничества наиболее динамичное взаимодействие Китая и Индия наблюдается в торговой сфере, свидетельством чему служит ежегодное увеличение показателей объема двустороннего товарооборота. В 2000 г. его объем составил всего около 3 млрд долл., к 2015 г. он вырос до более чем 70 млрд долл.[800] Очередной рекорд товарооборота был установлен в 2023 г., когда объем двусторонней торговли превысил 136,2 млрд долл. (приложение 4). По итогам 2024 г. товарооборот двух стран вырос до 138,5 млрд долл., опередив аналогичный показатель индийско-американской двусторонней торговли, что вновь сделало Китай крупнейшим торговым партнером Индии[801]. Примечательно, что за последние 25 лет экспорт Китая в Индию ежегодно рос в среднем на 18,5%[802]. Это

---

[798] Rajagopalan R.P. India–China relations: A new turn under Xi Jinping? // Chinese Foreign Policy under Xi. // Routledge. 2017. – P. 95-106.

[799] What the China-India detente means for the West. – Текст электронный // The Economist. 20 July 2023. URL: https://www.economist.com/leaders/2023/07/20/what-the-china-india-detente-means-for-the-west (дата обращения: 17.04.2024).

[800] Trade and Economic Relations. – Текст электронный // Embassy of India in Beijing, China. URL https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/Mjg (дата обращения: 17.04.2024).

[801] China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2024 (in USD). – Текст электронный // General Administrator of Customs of the People's Republic of China. 13.01.2025. URL http://english.customs.gov.cn/Statics/80ab1a29-cd9a-4fca-b8ca-8e373ef88308.html (дата обращения: 20.01.2024).

[802] China (CHN) and India (IND) Trade. – Текст электронный // Observatory of Economic Complexity (OEC). February 2024. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/ind (дата обращения: 17.04.2024).

превосходит средние темпы роста торговли с другим ключевым партнером Индии – США (в тот же период по экспорту в Индию они составляли 8.47% и 8.97% в обратном направлении)[803].

Индия являлась 6-м крупнейшим торговым партнером Китая по импорту его продукции в 2023 г. (поднявшись с 8-го места годом ранее)[804], в то время как Китай начиная с 2008 г. и вплоть до 2022 г. занимал 1-е место среди ведущих торговых партнеров Индии. Однако, вследствие расширения экономического и инвестиционного сотрудничества Индии и США после пандемии и относительно медленного восстановления в Китае [805], товарооборот Индии с США достиг рекорда в 157 млрд долл., в 2022 г., обогнав показатели китайско-индийской торговли[806]. Однако, по итогам 2024 г. Пекин снова вышел на первое место среди крупнейших торговых партнеров Нью-Дели[807].

Пекин долгое время остается одним из ведущих торговых партнеров Индии, что, однако имеет и оборотную сторону для внешней торговли Нью-Дели, которая страдает от хронического дефицита торгового баланса с КНР. Например, в 2022 г. он составил 101.2 млрд долл., увеличившись в годовом выражении на 21%[808]. Индийские издания отмечают растущую зависимость экономики страны от импорта высокотехнологичной продукции КНР. Важно,

---

[803] Там же.

[804] Workman D. China’s Top Trading Partners. – Текст электронный // World's Top Exports. URL: https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/ (дата обращения: 17.04.2024).

[805] О важной роли торгово-экономического сотрудничества в двусторонних отношениях Китая и Индии свидетельствует и тот факт, что на уровне официальных политических заявлений Пекин стремится поддерживать свой статус в качестве ведущего торгового партнера Индии. China claims it is still India's top trade partner as per its data, not US. – Текст электронный. // Economic Times. 31 May 2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/china-claims-it-is-still-indias-top-trade-partner-as-per-its-data-not-us/articleshow/91924816.cms?from=mdr (дата обращения: 17.04.2024).

[806] Here's why 2022 became a historic year for India-US relations. – Текст электронный. // Economic Times. 28 Dec 2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/heres-how-2022-became-a-historic-year-for-india-us-relations/articleshow/96563646.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 17.04.2024).

[807] Annual Report 2023-24. // Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce. Government of India. P. 33.

[808] Trade and Economic Relations. – Текст: электронный. // Embassy of India, Beijing, China. URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjQ, (дата обращения: 17.04.2024).

однако, что аналогичное увеличение торгового дефицита по отношению к Китаю по схожей с индийско-китайской товарной номенклатуре наблюдается и в торговле как стран-соседей Индии, так и государств-участников БРИКС[809].

Ежегодное увеличение дефицита торгового баланса с КНР связано с двумя основными факторами: во-первых, это ограниченная номенклатура экспорта, представленная в основном сырьевыми товарами, и, во-вторых, сохраняющиеся препятствия для доступа на рынок Китая индийской продукции из наиболее конкурентных секторов национальной экономики - сельского хозяйства, фармацевтики и сферы услуг[810]. Сектор услуг является одной из ключевых статей экспорта Индии, и по итогам 2023 г. по темпам роста он обогнал даже аналогичные показатели Китая и составил 345 млрд долл.[811]

Дополнительными препятствиями являются нетарифные ограничения (например, таможенные требования, стандарты, сертификация и пр.), которые применяет китайская сторона. Вводимые ограничения не дают закрепиться индийским компаниям в секторе ИТ-услуг на китайском рынке. Объясняется это тем, что китайские поставщики ИТ-решений, 95% выручки которых приходится на внутренний рынок страны, пытаются вытеснить потенциальных конкурентов из отрасли[812].

Важнее даже не тарифные меры, попадающие под регулирование ВТО, а нетарифные ограничения, к числу которых относятся, сложные таможенные процедуры, требования соответствия, длительные и запутанные процедуры

---

[809] Nihalani J. Data from 5% to 15%, China’s share in India’s imports tripled in last two decades. – Текст электронный. // Hindu. URL: https://www.thehindu.com/data/data-from-5-to-15-chinas-share-in-indias-imports-tripled-in-last-two-decades/article66429612.ece (дата обращения: 17.04.2024).

[810] Trade and Economic Relations. – Текст электронный // Embassy of India (Beijing, China). URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/Mjg, (дата обращения: 17.04.2024).

[811] India's services exports grow 11.4% in 2023: UNCTAD report. – Текст электронный // The Economic Times. 26 Apr 2024. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/indias-services-exports-grow-11-4-in-2023-unctad-report/articleshow/109602819.cms?from=mdr (дата обращения: 17.04.2024).

[812] Rathee K. Chinese firms may be allowed in high-tech electronics in JV with Indian companies. – Текст электронный // The Economic Times. 02 Nov 2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/chinese-firms-may-be-allowed-in-high-tech-electronics-in-jv-with-indian-companies/articleshow/95240348.cms (дата обращения: 17.04.2024).

сертификации[813]. Именно они часто фигурируют в жалобах индийских производителей, связанных с ограниченным доступом на китайский рынок. Например, время на получение разрешения для регистрации фармацевтического товара в Национальным управлением медицинской продукции Китая может занять от трех до пяти лет (общепринятый срок составляет около года)[814]. При этом, как отмечает Лунев С.И., значительная часть индийского бизнеса (как крупного, так и мелкого) традиционно также активно противодействует либерализации доступа иностранного капитала, опасаясь конкуренции со стороны более развитых экономик и других азиатских держав[815].

Нью-Дели периодически поднимает вопрос манипулирования антидемпинговыми нормами со стороны китайских предприятий, в связи с чем Индия угрожает ввести ограничения, направленные на сокращение импорта некоторых товаров из КНР (включая продукцию электроники). При этом, в начале 2024 г. антидемпинговые расследования индийскими регуляторами были сосредоточены в основном на таких продуктах микроэлектроники, поставляемых из КНР, как печатные платы[816]. Сама же Индия также остается государством с одними из наиболее высоких среди крупных экономик торговых барьеров[817]. Одновременно с этим Индия прибегает к

---

[813] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийско-китайская торговля: история, современное состояние и перспективы развития. // Экономический журнал Высшей школы экономики. - 2022. - 26 (2). - С. 324-325.

[814] Agarwal A. India wants to loosen import reliance on China, but it's 'becoming worse'. – Текст электронный // South China Morning Post. 2 Nov 2022. URL: https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3198145/india-wants-loosen-import-reliance-china-its-becoming-worse (дата обращения: 17.04.2024).

[815] Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов //Вестник МГИМО Университета. – 2010. – №. 1. – С. 189-201.

[816] Batra S. India plans measures to curb Chinese imports as trade gap concerns mount -sources. – Текст электронный // Reuters. 31 January 2024. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/india-plans-measures-curb-chinese-imports-trade-gap-concerns-mount-sources-2023-01-30/ (дата обращения: 17.04.2024).

[817] Средний применяемый тариф на условиях режима наибольшего благоприятствования в 2021 г. в Индии составлял 18,3%, что было значительно выше показателей 2014 г. и стало прямым результатом усилий Н. Моди по поддержке отечественных и иностранных компаний в рамках программы «Делай в Индии». / Ip G. India, Wary of China, Expands Trade Ties with the West. – Текст электронный // The Wall Street Journal. 6 March 2023. URL: https://www.wsj.com/articles/india-wary-of-china-expands-trade-ties-with-the-west-7fda506e (дата обращения: 17.04.2024).

протекционистской политике повышения таможенных пошлин, ужесточения ценового контроля и усиления различных проверок, с тем чтобы достичь амбициозной цели расширения доли промышленного производства во внутренней экономике с 15% в 2014 г. до 25% к 2025 г., на что также нацелена программа Make in India[818].

Галищева Н.В. и Рещикова М.С. подчеркивают, что несмотря на китайско-индийское стратегическое соперничество, экономическое сотрудничество обеих стран в краткосрочной и среднесрочной перспективе, скорее всего продолжит углубляться. Для двусторонней торговли Китая и Индии характерна относительно высокая степень торговой комплементарности, при которой Китай экспортирует в Индию продукцию высокотехнологичного производства и импортирует товары с относительно невысокой добавленной стоимостью[819]. Ряд специалистов Индии утверждает, что с учетом такой особенности торговли экономические отношения Китая и Индии находятся в состоянии, фактически приближенном к промежуточному положению между идеальными партнерами и конкурентами. Это связано с тем, что индекс взаимодополняемости торговли для них составляет 50, в то время, когда отметка в 100 пунктов характерна для максимально возможного совпадения компонентов экспортно-импортной структуры торговли[820].

На основе метода структурного сравнительно-экономического анализа можно заметить, что особенность структуры торговли Китая и Индии заключается в том, что Нью-Дели в основном экспортирует в КНР сырье и продукцию с относительно невысокой добавленной стоимостью (товары нефтяной, химической и сталелитейной промышленности, сельского

---

[818] Manral V. How is India emerging in the global manufacturing sector. – Текст электронный // Times of India. November 14, 2022. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/voices/how-is-india-emerging-in-the-global-manufacturing-sector/ (дата обращения: 17.04.2024).

[819] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийско-китайская торговля: история, современное состояние и перспективы развития. // Экономический журнал Высшей школы экономики. - 2022. - 26 (2) – С. 307-332. Сс. 317-318.

[820] Archana V. The potential impact of China-India free trade agreement on Chinese and Indian industries // China Economic Journal. – 2019. – Vol. 12. – No. 3. –P. 300-305.

хозяйства и рыбоперерабатывающей отрасли). Традиционно превалирующие в экспорте Индии в Китай позиции включают: хлопок, медь, железную руду и органические химикаты. Индия много лет сохраняла второе место по экспорту алмазов в Китай. Китай, в свою очередь поставляет в Индию более высокотехнологичную группу товаров, которая представлена электрическими машинами, компьютерами, оборудованием и его компонентами, энергетическим оборудованием (например, ядерные реакторы, котлы и др.), телекоммуникационной техникой и электроприборами[821].

На электрические машины, оборудование и органические химические соединения[822] приходится более 60% общего импорта Индии из Китая[823]. Примечательно, что в каждой из трех упомянутых позиций доля Китая в общем объеме импорта Индии в среднем начиная с 2010-х гг. колебалась в районе 40-50%[824]. При этом, если изобразить их двустороннюю торговлю в стоимостном выражении (доллар США) в долях от их общей внешней торговли, на КНР будет приходиться 5% экспорта Индии и 14% ее совокупного импорта, а экспорт из Китая в Индию будет составлять 3% от общего объема экспорта Китая, в то время как импорт – менее 1%[825]. Более того, в 2023 г. доля Китая в экспортной корзине Индии снизилась еще больше – до 3,4% с 5,04% в 2022 г.[826]

---

[821] Trade and Economic Relations. – Текст: электронный. // Embassy of India, Beijing, China. URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjQ, (дата обращения: 17.04.2024).

[822] Электрические машины и оборудование, включая мобильные телефоны и полупроводники различных типов; оборудование и механические устройства; органические химические соединения, включая фармацевтические препараты и органические химикаты.

[823] Pal P., Ray P. India’s trade dilemma with China. — Текст: электронный // Hindu. Business line. 21 June 2023. URL: https://www.thehindubusinessline.com/opinion/indias-trade-dilemma-with-china/article66990763.ece (дата обращения: 17.04.2024).

[824] Там же.

[825] Misra U. Explained: Why China trade ban will hurt India more. – Текст электронный // The Indian Express. 22 June 2020. URL: https://indianexpress.com/article/explained/india-china-trade-ban-explained-6465949/ (дата обращения: 17.04.2024).

[826] Pal P., Ray P. India’s trade dilemma with China. — Текст: электронный // Hindu. Business line. 21 June 2023. URL: https://www.thehindubusinessline.com/opinion/indias-trade-dilemma-with-china/article66990763.ece (дата обращения: 17.04.2024).

Подобные различия в товарной структуре обусловлены объективно сложившимися историческими предпосылками развития экономик Китая и Индии. С 1990-х гг. в результате бурного роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и привлечения технологий, китайский экспорт по сравнению с индийским в целом стал более технологичным. Доля высокотехнологичного экспорта у Китая (от общего объема экспорта) составляет около 30%, а у Индии – всего 7%[827]. О чрезмерной зависимости Индии от импорта из КНР свидетельствует и то, что некоторые индийские производители ощутили негативное влияние ограничений, введенных в КНР в период пандемии[828]. В 2018–2019 гг. в Индию ввозилось 375 категорий товаров с 70-процентной долей электронной продукции[829]. В 2022 г. на производителей мобильных устройств из КНР приходилось 63% всего рынка Индии[830]. Индия производит 20% всех дженериков в мире, 70% активных компонентов для них поставляет Китай[831]. Серьезная зависимость индийского рынка от Китая заметна и в автомобилестроительной отрасли[832].

---

[827] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийско-китайская торговля: история, современное состояние и перспективы развития. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2022. 26 (2). Сс. 318.

[828] Цянь Сяоянь. Цюйнянь чжун инь маои э цзай чуан синьгао, чжуаньцзя: иньду мэй бияо “динчжэ нича бу фан” [В прошлом году объем торговли между Китаем и Индией достиг нового максимума. Эксперты: Индии не нужно «зацикливаться на дефиците»]. – Текст электронный // Ди и цайцзин [Китайские деловые новости]. 15.01.2023. URL: https://m.yicai.com/news/101650812.html (дата обращения: 17.04.2024).

[829] Krzysztof I. In Trade, China Has a Sharp Edge Over India, and Sharp Things Can Be Weaponized. – Текст электронный // The Diplomat. 28.03.2022. URL: https://thediplomat.com/2022/03/in-trade-china-has-a-sharp-edge-over-india-and-sharp-things-can-be-weaponized/ (дата обращения: 17.04.2024).

[830] Чжунъинь нэнфоу цзян+хоа6+цюаньцю гунъинлянъong шэнти? Чжунго цзайцы чэн иньду цзуйда маои хобань [Могут ли Китай и Индия создать симбиоз глобальных цепочек поставок G2+ или A6+? Китай снова стал крупнейшим торговым партнером Индии]. – Текст электронный // Чжанлянь. 17.04.2022. URL: https://www.163.com/dy/article/H56A58DK0512AE4K.html (дата обращения: 17.04.2024).

[831] Panda S. 70-80% of APIs are imported from China; we are working towards filling this gap: Dr. Sanjay Chaturvedi, CEO, IOL Chemicals and Pharmaceuticals. – Текст электронный // Financial Express. 15 October 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.financialexpress.com/healthcare/pharma-healthcare/70-80-of-the-apis-are-imported-from-china-we-are-working-towards-changing-this-sanjay-chaturvedi-ceo-iol-chemicals-and-pharmaceuticals/2713038/ (дата обращения: 17.04.2024).

[832] В 2020 г. вследствие эскалации пограничной напряженности, Индия приступила к проработке мер против импорта КНР. Однако, ввести их без ущерба внутреннему рынку не удалось, так как в стране практически отсутствует собственное производство. Shah A., Arora N., Siddiqui Z. India's auto and pharma sectors not ready to wean off China – Текст электронный // Reuters. 26 June 2020. URL: https://www.reuters.com/article/india-china-business-idUSL8N2E257E (дата обращения: 17.04.2024).

Развитие торговли между Индией и Китаем сталкивается со многими преградами, включая языковой барьер, ограничения на перемещение рабочей силы и повышенные визовые требования. К более глубинным проблемам улучшения качественного состояния двусторонних экономических отношений китайские эксперты относят три основные причины («демоны» индийской политической элиты – *印度政界的心魔* «иньду чжэнцзе синьмо»): восприятие Китая в качестве стратегического конкурента (*战略竞争者* «чжаньлюэ цзинчжэнчжэ»); преувеличение роли торгового дефицита; попытки Индии через углубления связей с США заменить Пекин в качестве «фабрики мира»[833].

Ряд китайских экспертов подчеркивает, что Индия, напротив, выигрывает от импорта из КНР, так как за счет «перелива технологий» она получает доступ к китайским разработкам [834]. Ведущие китайские производители, включая Xiaomi, OnePlus и Oppo, в частности, выпускают свою продукцию у местных лицензированных производителей, а в случае с Xiaomi, процент локализации по ряду товарных позиций, в том числе смартфонов и телевизоров, составляет от 75% до 100% соответственно[835]. Периодически появляется информация о готовности Индии разрешить китайским фирмам расширить присутствие в секторе высокотехнологичной электроники через создание партнерств с местными компаниями[836].

---

[833] Ван Л. Цзяньшао дуй хуа нича, иньду мо цзоу фаньлэ фансян [Чтобы сократить дефицит с Китаем, Индия не должна идти в неправильном направлении]. – Текст электронный // Хуаньцю шибао. 02.03.2023. URL: https://opinion.huanqiu.com/article/4BXkuJkifVu (дата обращения: 17.04.2024).

[834] Цянь Сяоянь. Цюйнянь чжун инь маои э цзай чуан синьгао, чжуаньцзя: иньду мэй бияо “динчжэ нича бу фан” [В прошлом году объем торговли между Китаем и Индией достиг нового максимума. Эксперты: Индии не нужно «зацикливаться на дефиците»]. – Текст электронный // Ди и цайцзин [Китайские деловые новости]. 15.01.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://m.yicai.com/news/101650812.html (дата обращения: 17.04.2024).

[835] Singh S. Xiaomi ramps up India manufacturing, says more than 99% of its smartphones, 100% of Mi TVs now ‘Made in India’. – Текст электронный // Financial Express. 25 February 2021. URL: https://www.financialexpress.com/life/technology-xiaomi-ramps-up-india-manufacturing-says-more-than-99-of-its-smartphones-100-of-mi-tvs-now-made-in-india-2201751/ (дата обращения: 17.04.2023).

[836] India to allow Chinese investment? Curbs may be eased in hi-tech electronics sector. – Текст электронный // Times of India. 2 May 2024. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-

Китайскими экспертами отмечается, что Индия получает из Китая большое количество разнообразной промежуточной продукции, которая в дальнейшем в виде уже готовых товаров экспортируется в страны Европы и США, что также отражает выгоду от увеличения объемов торговли с КНР для Индии[837]. С учетом большой численности населения, размеров рынка и быстрых темпов социально-экономического развития Китая и Индии, их товарооборот потенциально мог бы достигать 300 млрд долл.[838]

Обе стороны ранее уже предпринимали попытки решения проблемы торгового дисбаланса. В 2003 г. Китай и Индия создали совместный межгосударственный диалоговый механизм – Группу (Joint Study Group (JSG) по расширению торгово-экономического сотрудничества. В 2006 г. начал работу трансграничный торговый коридор через перевал Нату-Ла (соединяет индийский штат Сикким с Тибетским автономным районом), на который сегодня приходится 80% всего объема приграничной торговли[839]. После создания JSG Китай и Индия постепенно двигались в сторону б*о*льшей открытости своих экономик[840]. Однако, взаимное недоверие и периодические эскалации на границе препятствуют раскрытию всего потенциала двусторонних экономических связей, что выражается в том числе в отсутствии обоюдного стремления к заключению ЗСТ.

---

business/india-to-allow-chinese-investment-curbs-may-be-eased-hi-tech-electronics-sector/articleshow/109770286.cms (дата обращения: 17.05.2024).

[837] Цянь Сяоянь. Цюйнянь чжун инь маои э цзай чуан синьгао, чжуаньцзя: иньду мэй бияо “динчжэ нича бу фан” [В прошлом году объем торговли между Китаем и Индией достиг нового максимума. Эксперты: Индии не нужно «зацикливаться на дефиците»]. – Текст электронный // Ди и цайцзин. 15.01.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://m.yicai.com/news/101650812.html (дата обращения: 17.04.2024).

[838] Чжан Ядун. Хутун ю у ди чжун инь шанпинь маои [Китайско-индийская торговля товарами]. – Текст электронный // “Цзоу чуцюй” даохан ван [Интернет-портал «Выход» Китайского международного центра электронной коммерции Министерства торговли КНР]. 09.06.2022. URL: https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202206/607122.html (дата обращения: 17.04.2024).

[839] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийско-китайская торговля: история, современное состояние и перспективы развития. // Экономический журнал Высшей школы экономики. - 2022. Т. 26. - № 2. - С. 316.

[840] В отчете JSG 2005 г. содержались рекомендации о целесообразности заключения торгового соглашения между Китаем и Индией. На встрече JSG в 2006 г. было согласовано техническое задание по расширению двустороннего сотрудничества. В 2007 г. JSG подготовила технико-экономическое обоснование о том, что китайско-индийское региональное торговое сотрудничество станет взаимовыгодным. Bhattacharya S.K., Bhattacharyay B.N. Free Trade Agreement between People’s Republic of China and India: Likely Impact and Its Implications to Asian Economic Community // ADB Institute Discussion Paper No. 59. November. 2006. - P. 8-9.

Пекин и Нью-Дели периодически возвращаются к обсуждению проблемы дефицита торгового баланса, в том числе и по линии межминистерской площадки развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества – Совместной индийско-китайской группы по экономическим связям, торговле, науке и технике[841]. В 2019 г. на фоне улучшения отношений по итогам двух неформальных саммитов глав государств в 2018 и 2019 гг. Китай согласился расширить доступ на рынок для сельскохозяйственных товаров из Индии, а также рыбной продукции и табака, в связи с чем были подписаны соответствующие протоколы[842]. Одной из попыток подойти к решению проблемы несбалансированной торговли были обсуждения по увеличению импорта со стороны Китая индийских товаров и услуг в фармацевтической и ИТ отраслях.

В 2018 г. после встречи лидеров двух государств начались переговоры о возможном освобождении от тарифного регулирования 28 видов индийских медицинских препаратов[843]. В феврале 2024 г. сообщалось, что китайские производители смартфонов и автомобилей, в том числе электронных, продолжают активно развивать совместные производственные проекты с местными индийскими партнерами по локализации части производственного процесса[844].

---

[841] На 11-м заседании Совместной группы 26 марта 2018 г. в Нью-Дели обе стороны подтвердили позитивные результаты двустороннего экономического сотрудничества, включая увеличение торгового оборота и заметный рост инвестиций китайский предприятий в индийскую экономику. Archana V. The potential impact of China-India free trade agreement on Chinese and Indian industries // China Economic Journal. - 2019. - Vol. 12. - No. 3. - P. 297-300.

[842] Sharma K. India keeps pushing to cut trade deficit with China. – Текст электронный // Nikkei Asia. 26 July 2019. URL: URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/India-keeps-pushing-to-cut-trade-deficit-with-China (дата обращения: 17.04.2023).

[843] Daniel E. China to exempt 28 drugs imported from India from tariffs. — Текст: электронный. // Pharmaceutical Technology. 8 May 2018. URL: https://www.pharmaceutical-technology.com/uncategorized/china-india-import-tariffs/ (дата обращения: 17.04.2023).

[844] Partnership pays: Many Chinese firms are forming joint ventures with Indian players—that’s the way to go. — Текст: электронный // The Financial Express. February 27, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.financialexpress.com/opinion/partnership-pays-many-chinese-firms-are-forming-joint-venturesnbspwith-indian-playersthats-the-way-to-go/3405887/ (дата обращения: 17.04.2023).

Однако, последовавшая серия пограничных конфликтов в 2020-2022 гг. оказала негативное влияние на наметившуюся положительную динамику переговорного процесса. В ответ на события в Ладакхе в 2020 г. Индия начала ужесточать регулирование импорта некоторых товарных позиций, включая медицинские компоненты для производства дженериков[845]. Тогда же Н. Моди заявил о планах сделать индийскую экономику полностью самодостаточной[846]. Индия совместно с Японией и Австралией запустила Инициативу по обеспечению надежности цепочек поставок (Supply Chain Reliance Initiative) с целью наращивания взаимного экспорта. Фактически это отражает более долгосрочные планы Индии по созданию сильной промышленности и переориентации экспорта для снижения зависимости от Китая[847].

Ранее в 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин дал старт инициативе «Один пояс – Один путь»[848]. Киреева А.А. выделяет три взаимосвязанные группы целей Пекина в реализации ОПОП: во-первых, это поддержание экономического развития самого Китая за счет перехода к высокотехнологическому развитию, обеспечению производства полного цикла и пр.; во-вторых, Китаю важно найти новые не только внутренние, но и внешние источники роста с целью повышения конкурентоспособности собственной экономической модели благодаря реализации инфраструктурных проектов китайскими компаниями, которые обеспечат спрос для китайской промышленности; в-третьих, геополитические интересы Китая выражаются в

---

[845] Бочков Д.А. Как китайско-индийское экономическое сотрудничество влияет на конфликтный потенциал двусторонних отношений? // Международная жизнь. – Июль, 2023. – С. 28-45.

[846] Dasgupta S. PM Modi's Push for Self-reliance Is a Step in The Right Direction. – Текст электронный.// Outlook. 13 May 2020. URL: https://www.outlookindia.com/website/story/news-analysis-pm-modis-push-for-self-reliance-is-a-step-in-the-right-direction/352643 (дата обращения: 17.04.2023).

[847] Dar A.A., Mehta S. A study of India China trade relations. // International Journal of Political Science and Governance. – 2020 – Vol. 2. – No.2 – P. 10-14.

[848] Си Цзиньпин. Идай илу чанъи муди ши чуанцзао гэндо гунтун фачжань цзиюй. [Си Цзиньпин: Цель инициативы «Пояс и путь» — создать больше возможностей для общего развития]. — Текст: электронный. // Чжунго чжэнфу ван [Портал Правительства КНР]. 05.07.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-07/05/content_5622609.htm (дата обращения: 17.04.2023).

обеспечении его преобладающего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе за счет вытеснения США[849].

Эксперты ОЭСР в 2018 г. отмечали, что, так как целью ОПОП является создание условий, благоприятствующих более тесной ориентации стран-соседей Китая на его экономику, то Пекин получает определенные стратегические и геополитические преимущества[850]. Это позволяет расширять возможности для внутреннего рынка за счет углубления взаимных связей с другими странами и регионами[851]. Иными словами, для Пекина в рамках реализации ОПОП большую значимость играет упрочение позиций национальных предприятий на зарубежных рынках.

Таким образом получается, что в то время, как Пекин заинтересован в расширении доступа своей готовой продукции на внешние рынки, в том числе и рынок Индии, Нью-Дели, напротив, на данном этапе ставит своей среднесрочной целью укрепление производственного и промышленного потенциала национальной экономики с постепенным расширением своих экспортных направлений. В соответствии со своей последовательной позицией по критике инициативы ОПОП Индия отказалась подписать параграф в ее поддержку в рамках Нью-Делийской декларации по итогам Саммита лидеров стран – членов ШОС в июле 2023 г.[852]

Переговоры по вступлению Индии во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство начались в 2013 г. и первоначально были нацелены на повышение уровня ее интеграции в экономику АТР. Выступая на

---

[849] Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение // Сравнительная политика. — 2018. — Т. 9. — №3. — С. 61-74.

[850] OECD. The Belt and Road Initiative in the global trade, investment and finance landscape. // OECD Business and Finance Outlook. 2018. URL https://doi.org/10.1787/bus_fin_out-2018-6-en. (дата обращения: 17.04.2023).

[851] Jie Y. Wallace J. What is China’s Belt and Road Initiative (BRI)? – Текст электронный // Chatham House. 13.09.2021. URL: https://www.chathamhouse.org/2021/09/what-chinas-belt-and-road-initiative-bri (дата обращения: 17.04.2023).

[852] Harsh V. Pant. Evolving Trajectory of the SCO And Indian Dilemmas. – Текст электронный // ORF. 07 Jul 2023. URL: https://www.orfonline.org/research/evolving-trajectory-of-the-sco-and-indian-dilemmas (дата обращения: 17.04.2024).

«Диалоге Шангри-Ла» в 2018 г., премьер-министр Индии Н. Моди заявил, что его страна рассматривает ВРЭП как экономический базис Индо-Пацифики. Однако, учитывая торговый дефицит с большинством стран ВРЭП, Нью-Дели в 2019 г. отказалась от участия в нем[853]. Аналогично, опасаясь влияния более жестких стандартов регулирования, например, в сфере рынка труда, охраны окружающей среды и пр., Индия не проявляет интереса и ко вступлению во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП).

Таким образом, исходя из сложившейся структуры торговли, Индия поставляет в Китай главным образом продукцию с относительно невысокой добавленной стоимостью, а также сырьевые ресурсы, в то время как сама остается зависимой от более высокотехнологичных товаров, импортируемых из КНР, включая продукцию микроэлектроники и фармацевтики. Представляется, что по причине сильной зависимости Индии от импорта товаров с более высокой добавленной стоимостью из Китая, Нью-Дели для не заинтересована в подрыве экономических связей с КНР. В дополнение к этому, стремление Пекина не только сохранить, но и расширить доступ на достаточно емкий благодаря большому количеству населения индийский рынок, также подталкивает Китай к поиску более стабильных отношений с Индией. Однако, необходимо учитывать, что проблема дефицита торгового баланса для Индии стоит очень остро.

Если говорить о проблемах и перспективах инвестиционного сотрудничества, стоит отметить, что взаимные инвестиции КНР и Индии остаются не столь значительными в сравнении как с их торговым сотрудничеством, так и размером и потенциалом экономик обеих стран. Приток ПИИ из Китая в Индию в период 2014-2021 гг. варьировался в среднем

[853] КуприяновА. В. В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2022. - Т. 22. - № 1. - С. 153—165.

примерно от 200 до 300 млн долл. в год.[854] По причине негативного влияния экономических последствий пандемии Covid-19, в 2020–2021 гг. объемы упали до 200 млн долл., что стало самым низким уровнем за несколько предыдущих лет[855]. Накопленные ПИИ Китая в Индию на конец 2021 г. составили 5,4 млрд долл., а индийские в Китае – 943,9 млн долл.[856] Очевидно, что с учетом масштаба экономик обеих стран, подобные показатели взаимных инвестиций является незначительными и не отражают реальный потенциал двустороннего сотрудничества в данном направлении.

Пиковые значения притока ПИИ из Китая в Индию были зафиксированы в 2015 г. и 2019 г., и составляли 705 млн долл. и 534 млн долл. соответственно, при этом в 2020 г. они снизились до 205 млн долл., а уже в 2021 г. вновь увеличились и составили 279 млн долл.[857] Аналогичные данные приводит и официальный сайт Министерства коммерции КНР. В 2021 г. ПИИ из КНР в Индию составляли 280 млн долл.[858] В 2022 г. объем китайских ПИИ в Индию вырос до 330 млн долл., при этом стоимость новых проектных контрактов, подписанных китайскими компаниями с индийскими партнерами, на инженерно-строительные работы составила 1,43 млрд долл., а объем уже завершенных контрактов – 2,02 млрд долл.[859]

---

[854] Textor C. Annual FDI flows from China to India 2011-2021. — Текст: электронный. // Statista. 21 Nov 2023. URL: https://www.statista.com/statistics/720254/china-outward-fdi-flows-to-india/ (дата обращения: 17.04.2024).

[855] Fox J. How is India Treating FDI Proposals Involving Chinese Entities? — Текст: электронный. // India Briefing. 18 August 2022. URL: https://www.india-briefing.com/news/india-fdi-policy-china-companies-associated-entities-security-concerns-approvals-25534.html/ (дата обращения: 17.04.2023).

[856] Trade and Economic Relations. — Текст: электронный. // Embassy of India in China. URL: URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjQ, (дата обращения: 17.04.2023).

[857] Textor C. Annual FDI flows from China to India 2011-2021. — Текст: электронный. // Statista. Nov 21, 2023. URL: https://www.statista.com/statistics/720254/china-outward-fdi-flows-to-india/ (дата обращения: 17.04.2024).

[858] 2021 нянь чжунго иньду цзинмао хэцзо цзянькуан [Краткий обзор китайско-индийского торгово-экономического сотрудничества в 2021 году] — Текст: электронный. // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанъубу [Министерство коммерции Китайской Народной Республики]. 19.09.2023. URL: http://file.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/yzzggb/202203/20220303287048.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

[859] 2022 нянь чжунго иньду цзинмао хэцзо цзянькуан [Краткий обзор китайско-индийского торгово-экономического сотрудничества в 2022 году]. — Текст: электронный. // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанъубу [Министерство коммерции Китайской Народной Республики]. 28.12.2023. URL:

Тренд на усиление инвестиционного сотрудничества наблюдался в период 2014 – 2017 гг., когда был зафиксирован заметный прирост объема частных инвестиций в индийские предприятия со стороны китайских компаний [860] Эксперты КНР, также отмечали ощутимые темпы прироста китайских ПИИ в Индию с 2014 г. и вплоть до 2019 гг., когда совокупный прирост составил 11%, а основными инвестиционными направлениями были вложения в создание новых предприятий (33,7%), сектор потребительских услуг (30%) и энергетику (21%)[861].

Слабая динамика в инвестициях объясняется как сохранением политической напряженности по причине периодической эскалации пограничного спора, так и политикой Нью-Дели в отношении усиления контроля за инвестициями со стороны ближайших соседей, принятой в апреле 2020 г. [862] Усиление контроля за ПИИ в Индию со стороны соседних государств было связано как с ослаблением индийских компаний вследствие ограничений Covid-19, так и с эскалацией пограничного конфликта на плато Доклам в 2017 г.[863]

Тренд на усиление контроля за китайским экспортом услуг в Индию сохранился и в 2022 г., когда Нью-Дели инициировала дисциплинарные разбирательства против более чем 400 руководителей финансово-бухгалтерских и правовых подразделений компаний за их предполагаемое

---

http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/yzzggb/202312/20231203463479.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

[860] Krishnan A. Following the money: China Inc's growing stake in India-China relations. — Текст: электронный. // Brookings. 30 March 2020. URL: https://www.brookings.edu/research/following-the-money-china-incs-growing-stake-in-india-china-relations/ (дата обращения: 17.04.2024).

[861] Жэнь Цзэпин. Чжунго цие фу иньду тоуцзы дэ кэгуань пингу [Объективная оценка китайских предприятий, инвестирующих в Индию]. — Текст: электронный. // Синьлан синьвэнь [Sina]. 28.07.2022. URL: https://finance.sina.cn/zl/2022-07-28/zl-imizirav5685483.d.html?from=wap (дата обращения: 12.06.2023).

[862] Fox J. How is India Treating FDI Proposals Involving Chinese Entities? — Текст: электронный. // India Briefing. 18 August 2022. URL: https://www.india-briefing.com/news/india-fdi-policy-china-companies-associated-entities-security-concerns-approvals-25534.html/ (дата обращения: 17.04.2023).

[863] Хотя ужесточение мер затронуло целый ряд стран, включая Афганистан, Бутан, Мьянму, Непал, Пакистан и Бангладеш, в первую очередь данная мера была направлена против китайских компаний. India clears 80 FDI proposals involving Chinese entities. — Текст: электронный. // ET Now Digital. 06.07.2022. URL: https://www.timesnownews.com/business-economy/economy/india-clears-80-fdi-proposals-involving-chinese-entities-article-92689187 (дата обращения: 17.02.2023).

участие в регистрации подставных китайских компаний для ухода от исполнения регламентирующих норм [864] . Китайские компании в Индии обвинялись в сборе личных данных индийских пользователей для их последующей передачи властям КНР[865].

Начиная с 2020 г., Индия также продолжает расширять «черный список» китайских приложений, которые попадают под блокировку на территории страны. С первоначальных 59 из них, включая TikTok от компании ByteDance и некоторые программы Tencent, ограничения коснулись более чем 300 подобных приложений в 2022 г., а в 2023 г. к ним было добавлено еще 232 программы и веб-сайта[866]. Таким образом, вследствие роста напряженности самих китайско-индийских отношений стала наблюдаться секьюритизации экономического взаимодействия между ними.

Хотя подобные ограничения и могут рассматриваться в качестве усилий Индии по снижению влияния китайского капитала (особенно после инцидента 2020 г. в районе Ладакха), они также отражают и часть более масштабной инициативы Индии по защите национального рынка от чрезмерного контроля со стороны иностранных инвесторов, а также создания более прозрачной процедуры привлечения ПИИ. Это стало необходимым после скандала вокруг Adani Group, связанного с обвинениями в адрес компании в манипулировании рынком и бухгалтерском мошенничестве. [867] Все это непосредственно

---

[864] Singh V. 400 chartered accountants, company secretaries under scanner for flouting norms to incorporate Chinese shell companies. — Текст: электронный. // Hindu. 18 June 2022. URL: https://www.thehindu.com/news/national/400-chartered-accountants-company-secretaries-under-scanner-for-helping-chinese-firms/article65540449.ece?homepage=true (дата обращения: 17.04.2023).

[865] Chinese govt-linked companies harnessing personal data of Indians under govt lens. – Текст электронный // ET Now Digital. 5 Jun 2022. URL: https://www.timesnownews.com/business-economy/chinese-govt-linked-companies-harnessing-personal-data-of-indians-under-govt-lens-article-92021564 (дата обращения: 17.04.2023).

[866] Phartiyal S. India Bans 200-Plus Chinese Mobile Apps in Boon for Paytm. – Текст электронный // Bloomberg. 7 Feb 2023 г. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-07/ant-backed-paytm-soars-after-report-india-banned-chinese-rivals?leadSource=uverify%20wall (дата обращения: 17.04.2023).

[867] Cornish C. India tightens foreign investor rules after Hindenburg report on Adani. — Текст: электронный // Financial Times. 1 November 2023. URL: https://www.ft.com/content/9ce76d67-73d7-492b-a812-378bc7cceb35 (дата обращения: 17.12.2023).

сказывается и на снижении общей инвестиционной привлекательности страны[868].

Примечательно, что несмотря на увеличение ограничений за иностранными инвестициями со стороны Индии, китайские компании все равно продолжают активно осваивать индийский рынок. Новым трендом китайско-индийского инвестиционного сотрудничества является усиление присутствия Китая в высокотехнологичном секторе индийской экономики, включая такие отрасли, как электронная коммерция, финансовые технологии, медиа и социальные сети, логистические услуги и различные агрегаторы.

В последние годы Китай сконцентрировался на инвестициях в ИТ-отрасль Индии, куда в 2018 г. было направлено порядка 3,5 млрд долл. вложений в виде венчурного капитала (не ПИИ) со стороны китайских инвесторов[869]. Всего в период с 2016 по 2019 гг. в Индии наблюдался 12-кратный рост китайских венчурных инвестиций в технологичные стартапы: такие вложения в отрасль увеличились с 381 млн долл. в 2016 г. до 4,6 млрд долл. в 2019 г. При этом, 17 из 24 индийских «единорогов» поддерживаются корпорациями или инвесткомпаниями из Китая. Возглавляют список ведущих китайских инвесторов Alibaba, ByteDance и Tencent, которые, по данным на 2023 г., профинансировали 92 индийских стартапа, включая таких единорогов, как Paytm, Byju’s, Oyo и Ola[870].

Снижение ПИИ из КНР в Индию в 2020 г. совпало с общем трендом на падение потока привлеченных Нью-Дели иностранных инвестиций, которые

---

[868] Согласно Индексу экономической свободы за 2023 год, Индия находилась на 131-м месте в мире. Общемировая доля Индии в привлечении ПИИ 2019-2021 гг. упала с 3,4% до 2,8. / Basha S. Is India ready to take China’s place in the global economy? That’s just wishful thinking. — Текст: электронный // South China Morning Post. 15 Mar 2023. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/32023/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 17.12.2023).

[869] Parkin B. US and China investors battle over Indian digital payments boom. — Текст: электронный // Financial Times. 04.08.2019. URL: https://www.ft.com/content/47e2208a-b2a6-11e9-8cb2-799a3a8cf37b (дата обращения: 17.12.2023).

[870] Choudhury R.N. Capturing the Growth of Chinese Investment in India // The Indian Economic Journal. Sage Publications. – 2023. – Vol. 71. – No. 3. – P. 548-560.

упали с 82 млрд долл. в 2020-2021 гг. до 71 млрд долл. в 2022-2023 гг.[871] В 2020 г. Индия занимала 18 место в списке 20 стран, где Китай открывал зарубежные представительства своих предприятий[872]. Исходя из указанных сведений, можно заметить, что несмотря на общий тренд на снижение притока ПИИ в Индию в период 2020-2023 гг., инвестиции из КНР, напротив, демонстрировали восстановительный рост.

В мае 2024 г. индийские СМИ сообщали, что Нью-Дели несмотря на сохранение настороженности по территориальному вопросу, рассматривает возможность разрешить китайским компаниям из сферы высокотехнологичной электроники (включая производство дисплеев и полупроводников) расширить инвестиции в Индию[873]. Примечательно, что лоббированием разрешения для расширения китайских инвестиций и создания совместных предприятий занимается индийский бизнес из сферы электроники и мобильных телефонов[874]. Он также настаивает на либерализации визовых ограничений для ключевых китайских специалистов. Если раньше в китайских ПИИ в основном доминировали государственные предприятия, то в последнее время частные компании КНР все чаще становятся мажоритарными акционерами в индийские стартапы, особенно в технологическом секторе[875].

В силу того, что экономическое сотрудничество секьюритизируется индийской стороной в контексте усиления опасений относительной общей деградации китайско-индийских отношений, а также усиления китайского экономического присутствия в Южной Азии, для активизации взаимных

---

[871] Srivastava S. India Seeks $100 Billion a Year in FDI as It Woos China Hedgers. — Текст: электронный. // Bloomberg. 6 April 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-06/india-seeks-100-billion-a-year-in-fdi-as-it-woos-china-hedgers (дата обращения: 17.04.2024).

[872] Цай Т., Дин Ц. Чжунъинь чжаньлюэ хэцзо ючжуюй шицзе хэпин юй фачжань [Китайско-индийское стратегическое сотрудничество способствует миру и развитию во всем мире]. // Чжунгован. 06.04.2022. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2022-04/06/content_78150078.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

[873] Mukherjee W. India could allow a tiny window in the Chinese wall. — Текст: электронный. // The Economic Times. 02 May 2024. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/cons-products/durables/summer-product-sales-surge-40-50-in-april-as-appliance-makers-worry-about-shortages/articleshow/109704124.cms (дата обращения: 17.04.2024).

[874] Там же.

[875] Choudhury R.N. Capturing the Growth of Chinese Investment in India // The Indian Economic Journal. – 2023. – Vol. 71. – No. 3. – P. 548-560.

инвестиций необходимо более масштабное улучшение общего состояния индийско-китайских отношений. При этом, несмотря на сохраняющееся взаимное недоверие, ПИИ из КНР продолжают постепенно увеличиваться, осваивая новые отрасли.

Относительно сотрудничества Китая и Индии по вопросу реформирования международных финансовых институтов, стоит отметить, что Индия и Китай долгое время были выгодоприобретателями Бреттон-Вудской системы, являясь одними из крупнейших заемщиков Всемирного банка. Однако, по мере роста их экономик более заметной стала асимметрия представительства развитых и развивающихся стран в международных финансовых институтах, а связанный с этим процесс их реформирования шел медленно[876]. Лунев С.И. отмечает, что Китай и Индия проявляют наибольшее неприятие по отношению к попыткам Запада обеспечить свою экономическую монополию в международных финансах. В частности, Пекин не идет на серьезные уступки в отношении изменения курса юаня, несмотря на давление со стороны США[877].

Вслед за прогнозируемым становлением Индии и Китая к 2050 г. в качестве ведущих экономик мира по абсолютным показателям должно возрасти и влияние таких институтов, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития БРИКС (НБР). Ожидается, что они станут двумя ключевыми международными финансовыми организациями с участием Китая и Индии[878]. Индия является одним из крупнейших заемщиков АБИИ и НБР, привлекая средства в том числе на обновление и развитие инфраструктуры. В 2020 г. на Индию приходилось 25% всех выданных АБИИ

[876] Там же.

[877] Лунев С. И. Страны БРИКС в процессах глобализации // Сравнительная политика. – 2014. – Т.16. - №. 3. – С. 81-108.

[878] Choudhury R.N. Capturing the Growth of Chinese Investment in India // The Indian Economic Journal. – 2023. – Vol. 71. – No. 3. – P. 548-560.

займов[879]. Выделение финансирования на какие-либо проекты, в частности, в рамках АБИИ не представляется возможным без поддержки Китая, который является крупнейшим держателем голосующих акций, составляющих 27%, в то время как доля Индии – второго по величине портфеля акционера – насчитывает 8% (в 2023 г., Индия оставалась крупнейшим заемщиком организации)[880]. В том же году сообщалось, что с учетом быстрых темпов развития страны АБИИ выделил средства на инфраструктурные проекты Индии на общую сумму 10 млрд долл., что составляет более чем 20% от совокупного финансирования всех проектов под эгидой Банка[881].

Ожидается, что сотрудничество в рамках АБИИ и НБР позволит обеим странам проявлять б*о*льшую гибкость друг к другу. Уже сегодня АБИИ и НБР меняют режим глобального экономического управления. Они представляют отход от западных моделей, основанных на использовании институциональной силы в угоду собственных интересов[882]. НБР был создан в 2014 г., после чего в 2015 г. первым в истории президентом Банка был назначен видный индийский предприниматель, председатель Infosys Limited (второй по величине индийской компании в секторе IT-индустрии) Кундапур Ваман Камат.

В 2016 г. Банк впервые стал осуществлять операции по финансированию проектов инфраструктурного развития. В том же году Индия среди всех пяти членов получила самый значительный объем финансирования в размере 500

---

[879] AIIB to step up lending in India; plans to approve loans worth USD 3 billion in next 12 months. – Текст электронный // Economic Times. 30.07.2020 URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/finance/aiib-to-step-up-lending-in-india-plans-to-approve-loans-worth-usd-3-billion-in-next-12-months/articleshow/77258337.cms?from=mdr (дата обращения: 17.04.2024).

[880] Sunilkumar S.R. What is Asian Infrastructure Investment Bank? India, its largest borrower, accused of Chinese influence. – Текст электронный // Hindustan Times. 15 Jun 2023. URL: https://www.hindustantimes.com/world-news/what-is-asian-infrastructure-investment-bank-aiib-india-its-largest-borrower-accused-of-chinese-influence-101686819157819.html (дата обращения: 17.04.2024).

[881] India becomes AIIB's top market for funding infrastructure projects. – Текст электронный // Economic Times. 25 Oct 2023. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/finance/india-becomes-aiibs-top-market-for-funding-infrastructure-projects/articleshow/104695804.cms?from=mdr (дата обращения: 17.04.2024).

[882] Passi R. India and China in multilateral economic governance: Worldviews, approaches, and IFIs. // ORF. 06 Sep, 2019. - P. 60.

млн долл.[883] По данным на 2019 г. Банк одобрил 70 проектов, четверть из которых (18 проектов) стоимостью почти 7 млрд долл., приходилась на Индию[884]. НБР в мае 2022 г. открыл региональный офис в Индии[885]. В январе 2024 г. Банк заключил с Индией три новых соглашения о выделении финансирования для развития инфраструктуры транспорта, водоснабжения и санитарных объектов в городах страны на общую сумму 700 млн долл.[886] С середины 2023 г. НБР стал активнее применять инструменты финансирования и кредитования в национальных валютах, а позднее были выпущены первые облигации, номинированные в индийских рупиях.

Интересы Китая и Индии близки по вопросам усиления роли развивающихся стран в выработке и имплементации решений на площадках основных международных финансовых организаций. Так, например, оба государства регулярно говорят о необходимости реформирования ВТО и Всемирного банка. Стороны также призывают к пересмотру правил МВФ в сторону увеличения квот для развивающихся стран и необходимости совершенствования системы голосования с тем, чтобы вес этих государств в международной монетарной политике был более заметным.

Представляется, однако, что стороны стремятся не только к увеличению, но и в большей степени к перераспределению квот, что способствовало бы повышению доли развивающихся стран в мировой экономике[887]. На третьем

---

[883] Xu X. New Development Bank Forging Ahead Despite Challenges. – Текст электронный // China Today. 31.08.2017. URL: http://www.chinatoday.com.cn/english/report/2017-08/31/content_745373.htm (дата обращения: 17.04.2023).

[884] New Development Bank. – Текст электронный.// BRICS India. URL: https://brics2021.gov.in/ndb (дата обращения: 18.07.2024).

[885] BRICS-led New Development bank to set up regional office in India. – Текст электронный. // Reuters. May 20, 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/business/finance/brics-led-new-development-bank-set-up-regional-office-india-2022-05-20/ (дата обращения: 11.06.2024).

[886] NDB Signs Three Loan Agreements with India to Boost Transport and Water and Sanitation Infrastructure. – Текст электронный. // New Development Bank. 15 Jan 2024. URL: https://brics2021.gov.in/ndb (дата обращения: 18.07.2024).

[887] Такая позиция Китая и Индии совпадает с подходом Межправительственной группы G-24 крупнейших развивающихся стран (Индия – член Группы, КНР – наблюдателей), которые подчеркивают, что только лишь увеличение квот МВФ без реорганизации правил их распределения не будет способствовать повышению эффективности МВФ. Intergovernmental Group of Twenty-Four on International Monetary Affairs and Development. – Текст электронный. // IMF Communications Department. 10 October 2023. URL:

Саммите стран Юга в формате «Группа 77 плюс Китай», который прошел в январе 2024 г. в городе Кампала в Уганде, Пекин призвал развивающиеся страны совместно поддержать реформу международной финансовой системы и ВТО[888]. Представитель Индии в свою очередь также подчеркнул важность коллективных действий стран Юга по реформированию международных финансовых структур и содействию сотрудничеству в формате Юг-Юг[889].

В частности, на саммите стран БРИКС в Казани в октябре 2024 г. активно обсуждалась важность ускорения экономического развития, включая расширение внешнеторговых связей, а также предпочтительность использования национальных валют при осуществлении финансовых операций как между странами БРИКС[890]. Поднимались и вопросы создания совместной надежной расчетно-платежной инфраструктуры, независимой от доллара США, в связи с чем были предложены такие решения, как трансграничная система платежей (BRICS Bridge), система междепозитарного взаимодействия БРИКС (BRICS Clear) и создание собственной Перестраховочной компании[891].

Выводы к Главе II.

Данная глава была призвана решить две поставленные в работе задачи, связанные с выделением основных тенденций трансформации китайско-индийских отношений в сферах политики и безопасности, а также анализом

---

https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/10/10/cm101023-intergovernmental-group-of-twenty-four-on-international-monetary-affairs-and-development (дата обращения: 18.07.2024).

[888] Nyabiage J. China rallies G77 countries for major reform of WTO and Bretton Woods at Kampala summit. – Текст электронный. // South China Morning Post. 22 Jan 2024. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3249336/china-rallies-g77-countries-major-reform-wto-and-bretton-woods-kampala-summit (дата обращения: 12.05.2024).

[889] Third South Summit: India champions Global South's role as "future growth engine," stresses on South-South cooperation. – Текст электронный. // The Print. 22 January 2024. URL: https://theprint.in/world/third-south-summit-india-champions-global-souths-role-as-future-growth-engine-stresses-on-south-south-cooperation/1934422/ (дата обращения: 17.07.2024).

[890] XVI Саммит БРИКС. Казанская. декларация Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация. // 23 октября 2024 г. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Казанская_декларация.pdf/ (дата обращения: 17.07.2024).

[891] Урумов Т.Р. XVI Саммит БРИКС в Казани: торгово-финансовое сотрудничество. – Текст электронный. // ИМЭМО РАН. 24.10.2024. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/xvi-brics-summit-in-kazan-trade-and-financial-cooperation (дата обращения: 17.12.2024).

ключевых характеристик китайско-индийских отношений в области экономики. В связи с этим, по итогам проведенного анализа, можно заключить, что китайско-индийские отношения, с позиции ТМО и МПЭ, имеют сложный характер и сочетают в себе элементы как сотрудничества, так и все более активного соперничества. Наиболее полно отношения Китая и Индии можно описать, как триаду составляющих: сотрудничество, конкуренция и соперничество. Одно совсем не исключает другое, но оказывает определенное влияние на динамику двусторонних отношений.

Так, между странами наблюдается столкновение интересов по ряду ключевых вопросов. Во-первых, сохраняется общий негативный фон отношений, связанный с историческими претензиями обеих стран на спорные территории – Аксай Чин и Аруначал-Прадеш, военный конфликт за контроль над которыми развернулся в 1962 г. и привел к росту взаимного недоверия, сохраняющегося по сей день.

Во-вторых, крепнущие между Китаем и Пакистаном отношения «всепогодного» стратегического партнерства, особенно в части развития военно-политических и экономических контактов (реализация КПЭК) вызывают обеспокоенность Индии, которая также воспринимает Пакистан в качестве основной угрозы национальной безопасности.

В-третьих, это усиление региональной стратегической конкуренции Китая и Индии в Южной Азии и АТР за счет более активного проникновения каждой из стран в регионы непосредственных интересов друг друга (Китая – в Южную Азию, а Индии – в Восточную Азию), что с точки зрения теории неоклассического реализма, обосновывается определенным сочетанием внутриполитических факторов, связанных с амбициозными целями национального развития обеих стран. Помимо этого, укрепление отношений Индии и США вызывает растущую обеспокоенность Китая, связанную с опасениями относительно стремлений Вашингтона создать региональную коалицию для его комплексного сдерживания.

В-четвертых, продолжая логику выделения тренда на активизацию региональной китайско-индийской конкуренции в Южной Азии и АТР, можно выделить также и тренд на усиление их соперничества за влияние в целом на страны Глобального Юга.

В экономическом плане среди факторов, оказывающих негативное воздействие на отношения Китая и Индии, можно выделить:

Во-первых, несбалансированность торгового баланса, выражающуюся в хронически отрицательном для Индии сальдо.

Во-вторых, слабую динамику инвестиционного сотрудничества, не отражающую масштабы экономик обеих стран и их реальный инвестиционный потенциал.

В-третьих, вследствие роста взаимного недоверия из-за усиления региональной конкуренции и продолжающегося пограничного спора Индия секьюритизирует отношения с Китаем, что приводит также к введению различных торговых ограничений в том числе нетарифного характера. В свою очередь это сильно сказывается как на ограничении инвестиционного сотрудничества, так и на снижении торговой динамики.

Если говорить о факторах, способствующих двустороннему сотрудничеству Китая и Индии, то стоит выделить:

Во-первых, существование эффективных механизмов по управлению пограничным конфликтом, эскалация которого хотя периодически и происходит, но не приводит к полноформатным военным действиям. Как показал опыт инцидентов 2017 – 2022 гг., заложенные механизмы поддержания стабильности на границе (инструмент «линий экстренной связи», переговоры на уроне военных представителей и командиров на местах и пр.) подтвердили свою эффективность. В период 2022 – 2024 гг. стала все более отчетливо наблюдаться тенденция к постепенному восстановлению двусторонних контактов, проведению встреч и переговоров на высшем и высоком уровнях.

Кроме того, руководство государств подчеркивает, что в отношениях Китая и Индии сложилась «ненормальная ситуация», при которой нерешенный пограничный спор оказывает сильное негативное влияние и на другие направления двустороннего взаимодействия. Вместе с тем на официальном уровне выражается заинтересованность в преодолении такой «аномалии» двустороннего общения и возвращения отношений к нормальному состоянию.

Во-вторых, это продвижение многополярного миропорядка и реформы институтов глобального управления. В целом Китай и Индия имеют близкие взгляды на такие вопросы глобального развития, как изменение климата, построение многополярного мироустройства, продвижение интересов развивающихся стран и приверженность многосторонности. Государства сотрудничают в рамках таких важных глобальных и региональных площадок, как БРИКС, ШОС, РИК и Большая Двадцатка. Пекин и Нью-Дели также подчеркивают важность реформирования системы глобального управления с предоставлением б*о*льшего представительства странам Глобального Юга.

В-третьих, это противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности. Позиции Китая и Индии близки относительно определения «трех сил зла» - терроризма, экстремизма и сепаратизма. Стороны регулярно взаимодействуют в рамках РАТС.

Экономически с положительной стороны китайско-индийские отношения характеризуются, во-первых, активной торговой динамикой, сопровождающейся увеличением двустороннего товарооборота. Кроме того, предприятия обеих стран демонстрируют заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества и расширения инвестиционной деятельности. Политическая напряженность, вызванная пограничным спором и растущей конкуренцией за региональное лидерство, также оказывает непосредственное воздействие на торгово-экономическую динамику, которая с учетом потенциала и масштабов экономик обеих стран в случае благоприятного политического фона могла бы быть еще более активной.

Во-вторых, хотя двустороннее инвестиционное сотрудничество сильно отстает от более активной торговой динамики, в последние годы наметился тренд на его постепенное оживление, особенно в сфере услуг и IT-сектора.

В-третьих, стороны разделяют обоюдную заинтересованность по продвижению реформы международных финансовых институтов с целью более справедливого отражения в их структуре кратно возросшего с момента создания Бреттон-Вудской системы веса развивающихся стран.

Таким образом, фактор соперничества препятствует полноценной реализации торгового и инвестиционного потенциала более тесного экономического сотрудничества Китая и Индии. Кроме того, исторически обусловленные противоречия, связанные с хроническим недоверием, как последствием войны 1962 г., а также периодической эскалацией территориального спора, и сопровождающиеся на современном этапе усилением сотрудничества Китая и Индии с другими региональными участниками (Пекина с Исламабадом, а Нью-Дели с Вашингтоном) вызывают дальнейший рост взаимных претензий Китая и Индии. Они касаются возможных агрессивных намерений по отношению друг к другу. Все эти внешнеэкономические и военно-политические факторы в своей совокупности способствуют активизации региональной конкуренции Пекина и Нью-Дели за лидерство в Южной Азии и АТР.

Однако, представляется, что благодаря активной динамике торгово-экономического сотрудничества, совпадению интересов по вопросам глобального развития, обоюдному пониманию важности противодействия нетрадиционном вызовам и угрозам, стремлению к сохранению региональной стабильности – Китай и Индия, даже при условии превалирования стратегической конкуренции, в целом заинтересованы в поддержании нормального состояния двусторонних отношений и избегания чрезмерной региональной эскалации.

Глава III. Влияние китайско-индийских отношений на структурирование регионального порядка в Южной Азии и АТР.

С целью анализа влияния фактора китайско-индийских отношений на региональный порядок формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР данная глава подразделяется на три отдельных подраздела, первый из которых призван оценить ключевые внешнеполитические и экономические интересы Китая и Индии в данном формирующемся макрорегионе, а второй – непосредственно описать характер складывающегося в нем регионального порядка на основе анализа взаимоотношений ведущих региональных игроков и центров силы. Третий подраздел предлагает возможные сценарии дальнейшей эволюции регионального порядка в зависимости от позитивной, нейтральной или негативной динамики китайско-индийских отношений.

Сравнение интересов Китая и Индии в Южной Азии и АТР проводится при помощи сравнительно-политологического метода на основании выделения ключевых интересов в таких областях, как внешняя политика и экономика в привязке к конкретным регионам. Сначала рассматриваются регионы, где непосредственно находятся Китай и Индия: АТР – для Китая и Южная Азия – для Индии. Затем фокус внимания переходит на сопредельные для двух держав регионы, в которых происходит расширение их влияния: Китая в Южной Азия и Индии – в АТР. После этого проводится анализ внешней политики Китая и Индии в упомянутых регионах и их отношений с ведущими региональными участниками.

3.1. Внешнеполитические и экономические интересы Китая и Индии в Южной Азии и АТР

Исследование интересов ведущих держав проводится на основе положений неоклассического реализма, который вслед за неореализмом также подчеркивает важность учета ключевых интересов стран при анализе их внешнеполитической и экономической детальности. Ключевые интересы Китая и Индии в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР

напрямую зависят от регионального позиционирования самих держав. В частности, Китай в первую очередь видит себя основным лидером в регионе Восточной Азии и АТР, где активно развивает экономические связи со странами АСЕАН. При этом, его лидерство оспаривают США, а также Япония. В регионе же Южной Азии Индия традиционно считает себя ведущей региональной державой с сильным культурно-цивилизационным влиянием на страны региона. Однако, она также находится в состоянии достаточно активной конкуренции с Пакистаном.

В силу объективных экономических причин, связанных с ростом объемов экономик, а также с точки зрения обеспечения расширяющихся национальных интересов, основанных на стремлении к региональному лидерству и обеспечению собственной безопасности, Китай и Индия стали постепенно выходить за рамки своих традиционных регионов Восточной и Южной Азии и все более активно начали проникать в соседние регионы. В частности, Китай стал активно углублять, преимущественно, экономические отношения со странами Южной Азии (в особенности с Непалом, Бангладеш, Шри-Ланкой и Бутаном), а также расширил свое военное присутствие в акватории Индийского океана. Аналогично, в Восточной Азии и АТР, или в интерпретации стратегических документов Индии – Индо-Тихоокеанском регионе – Индия начала усиливать свои позиции, в частности, за счет развития отношений с государствами АСЕАН и Японией.

Китай и Индия в настоящее время реализуют амбициозные задачи национального развития: для Китая – это достижение одной из двух «столетних целей», связанной с вхождением Китая в состав развитых государств к 2049 г. (к столетию КНР)[892]; для Индии – это продолжение

[892] Первая цель – построение «среднезажиточного общества» к 2021 г. (к столетию КПК), согласно официальной позиции руководства КНР, озвученного в ходе XX съезда КПК (октябрь 2022 г.) была полностью реализована. На съезде также была определена «общая цель» развития Китая до 2035 г., которая предполагает наращивание экономической, научно-технической, оборонной и военной мощи страны и увеличение ВВП на душу населения до уровня среднеразвитых государств. К 2049 г. планируется воплотить

реализации объявленной Н. Моди в 2014 г. программы «Делай в Индии», а также достижение к 100-летнему юбилею национальной независимости (2047 г.) уровня развитых стран[893]. Если обратиться к положениям МПЭ, говорящей о взаимосвязанности политики и экономики, то можно понять, что такого рода масштабные экономические факторы неизбежно должны оказывать влияние и на внешнеполитическую стратегию стран и на их внешнеэкономическую деятельность. Столь амбициозные задачи национального развития Китая и Индии требуют от руководства обеих стран не только мобилизации всего государственного потенциала, но и обеспечения стабильной и безопасной внешней среды во всем формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР.

Внешнеполитическая стратегия КНР.

Прежде чем проводить анализ интересов и политики Китая по отношению к конкретным регионам, необходимо обозначить общие рамки его внешнеполитической деятельности. Данное исследование исходит из положений теории неоклассического реализма об ощутимом влиянии внутриполитических факторов на внешнюю политику государств, а также учета влияния как агентов на структуру, так структуры на агентов в рамках дихотомии агент-структурных отношений. В связи с приходом к власти Н. Моди внешняя политика Индии стала более проактивной, похожие изменения произошли и в политике Китая при руководстве Си Цзиньпина. После прихода к власти в 2013 г. он существенно изменил всю систему политической власти

«китайскую мечту» о великом возрождении нации. Си Цзиньпин гаоцзюй чжунго тэсэ шэхуэй чжуи вэйда цичжи вэй цюаньмянь цзяньшэ шэхуэй чжуи сяньдайхуа гоцзя эр туаньцзе фэньдоу цзай чжунго гунчаньдан диэрши цы цюаньго дайбяо дахуэй шандэ баогао [«Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой»: Си Цзиньпин выступил с речью на заключительном заседании XX съезда КПК.]. — Текст: электронный. // Синьхуа шэ [Агенство Синьхуа]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 17.04.2023).

[893] Lin A., Reed J. In charts: how India has changed under Narendra Modi. — Текст: электронный. // Financial Times. January 9, 2024. URL: https://www.ft.com/content/8299d318-7c35-49a0-9a9a-b8e5abeba7be (дата обращения: 17.04.2024).

в стране, фактически отказавшись от многих принципов, заложенных в период политики реформ и открытости Дэн Сяопина[894].

На основе метода критического анализа текстов и ключевых концептуальных документов стратегического планирования Китая, а также выступлений руководства страны, можно заметить, что намеченный «дипломатией Си» внешнеполитический курс не только продолжает основные внутриполитические цели по комплексному развитию Китая, но и направлен на воплощение концепции «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (*中华民族伟大复兴* «чжунхуа миньцзу вэйда фусин»)[895], или в сокращенной виде – «Китайской мечты» (*中国梦* «чжунго мэн»)[896]. Кроме того, одним из основных концептуальных направлений внешней политики Китая при Си Цзиньпине является построение *«международных отношений нового типа, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве»*[897].

Китай активно продвигает такие инициативы, как ОПОП, концепция «Сообщества единой судьбы человечества»[898], Инициатива по глобальному

---

[894] Существовавшая до прихода к власти Си тенденция к коллективному лидерству (характерно для Цзян Цзэминя (1993-2003) и Ху Цзиньтао (2003-2013)), стала приобретать больше элементов персонификации власти, в связи с чем стиль управления Си Цзиньпина стал представлять собой окончание периода коллективного лидерства. Lin M. Governance. Collective Leadership Revisited. // Brookings Institution. June, 2016. Chapter 1. - P. 9-11.

[895] Выдвинута Си Цзиньпином 29 ноября 2012 г. во время его выступления на выставке «Путь возрождения» в Национальном музее Китая.

[896] Нежданов В.Л., Цветов П.Ю. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и российско-китайское стратегическое партнёрство // Обозреватель - Observer. - 2021. - №7 - (378). – С. 50-51.

[897] Yang Jiechi. Studying and Implementing Xi Jinping Thought on Diplomacy in a Deep-going Way and Opening up New Horizons in China's External Work. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. May 16, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202205/t20220516_10686371.html (дата обращения: 10.04.2024).

[898] Building A Community With A Shared Future For Mankind: A Chinese Answer To A Changing World– Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. March 14, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zwbd/202405/t20240530_11366080.html (дата обращения: 17.04.2024).

развитию [899] , Инициатива по глобальной безопасности [900] , Инициатива глобальной цивилизации[901]. Все они являются заявкой Китая на глобальное лидерство в мировой системе и отражают, что Китай стремится найти их поддержку среди стран Глобального Юга, в контексте чего особенно важны страны Юго-Восточной и Южной Азии, а также государства Африки южнее Сахары.

Как и постулирует теория неоклассического реализма, применительно к китайским реалиям масштабные внутриполитические изменения[902] напрямую отразились на его внешнеполитическом курсе, который стал более проактивным и напористым. И хотя данная тенденция наметилась еще при Ху Цзиньтао, во время руководства Си Цзиньпина КНР постепенно начала отходить от принятой при Дэн Сяопине концепции «таогуан янхуэй» (*韬光养晦* / скрывать свои возможности и держаться в тени)[903]. Это стало происходить за счет более уверенных, а порой и жестких действий руководства как на мировой арене, так и в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР.

---

[899] 3 years on, China-proposed Global Development Initiative gathers momentum for speeding up modernization. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.09.2024. URL: https://2024focacsummit.mfa.gov.cn/eng/zpfh_1/202409/t20240924_11495373.htm (дата обращения: 17.10.2024).

[900] Full text: The Global Security Initiative Concept Paper. // Xinhua. 21.02.2023. URL: https://english.news.cn/20230221/75375646823e4060832c760e00a1ec19/c.html. (дата обращения: 17.10.2024).

[901] 3 things to know about China's Global Civilization Initiative. – Текст: электронный // The State Council Information Office of the People's Republic of China. April 3, 2024. URL: http://english.scio.gov.cn/in-depth/2024-04/03/content_117103205.htm (дата обращения: 17.10.2024).

[902] В марте 2018 г. решением ВСНП одобрены поправки в конституцию страны, что позволило Си Цзиньпину в 2023 г. стать первым лидером в истории КНР, который смог переизбраться на третий пятилетний срок. Было формально одобрено решение, принятое на 19-м Съезде ЦК КПК в 2017 г. о внесении «Мыслей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эру» (新时代中国特色社会主义思想 «синь шидай чжунго тэсэ шэхуэй чжуи») в конституцию страны. Си Цзиньпин упрочил свои позиции в преддверии 20 Съезда ЦК КПК, когда в ноябре 2021 г. была принята резолюция ЦК КПК «По главным достижениям и историческому опыту Партии за минувший век» (ранее ее принимали лишь при Мао Цзэдуне и Дэн Сяопине). Миттер Р. Новые характерные черты китайского социализма? Как резолюция ЦК КПК связывает Си с марксистским прошлым Китая. – Текст электронный // Россия в глобальной политике. 18.01.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/cherty-kitajskogo-soczializma/ (дата обращения: 10.04.2024).

[903] Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2017.- №22. - С. 76-89.

Пекин начал более уверенно реагировать на ситуации глобального и регионального характера, а также активно продвигать, такие геополитические и экономические инициативы, как ОПОП, инициировал создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, приступил к строительству искусственных островов в Южно-Китайском море, ужесточил риторику и политику по отношению к Тайваню, более активно стал реагировать на усиление региональной конкуренции с Индией, США, Японией, Австралией, стал более жестко отстаивать свои интересы в отношениях с Южной Кореей, странами АСЕАН и т.д.

На этом фоне стали происходить изменения и языка дипломатии, который приобрел более прямолинейную форму, что стало называться «дипломатией волков-воинов» (“wolf warrior diplomacy”) [904] . Важными дополнениями к концептуальному оформлению внешнеполитического курса Китая при Си Цзиньпине стали два события: выступление Си Цзиньпина на центральном совещании ЦК Компартии по внешнеполитической работе в июне 2018 г., а также публикация в 2019 г. «Идей Си Цзиньпина о дипломатии», которые в англоязычных материалах называют «дипломатия Си» (“Xiplomacy”) [905] . Выступление Председателя Си на упомянутом совещании было посвящено «дипломатии крупной страны с китайской спецификой в новую эпоху», основными содержательными компонентами которой являются: укрепление централизованного единого руководства ЦК КПК во внешнеполитической работе; выполнение миссии по осуществлению национального возрождения; содействие построению «сообщества единой судьбы человечества» (или «общности судеб человечества» (*人类命运的共同*

[904] Данная формулировка была образно описана китайской газетой “Global Times”.

[905] Xinhua Headlines: Xiplomacy fosters more solid ties, promising common prosperity. — Текст: электронный // Xinhua. 02.08.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/02/c_138279019.htm (дата обращения: 10.04.2024).

体 «жэньлэй минъюнь гунтунти»)[906]; опора на социализм с китайской спецификой; продвижение инициативы ОПОП; мирное развитие на основе взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества; развитие глобальных партнерств; руководство реформой глобальной системы управления на основе справедливости; ключевые национальные интересы - основа защиты суверенитета и безопасности; развитие особого стиля китайской дипломатии с сочетанием традиций и духа времени[907].

На аналогичном совещании в 2023 г. Председатель КНР также отмечал важность комплексного подхода к отношениям со всеми сторонами с целью содействия формированию архитектуры отношений крупных стран, характеризующейся мирным сосуществованием. Констатировалось формирование обширной, высококачественной глобальной сети партнерств, а также была отмечена ведущая роль КНР в реформировании международной системы и миропорядка[908]. В целом, в основе «дипломатии Си» лежит более активная роль Китая как великой державы в мировых делах, направленная на реформирование международного порядка за счет смены доминирования Запада «истинной многосторонностью»[909].

Если обратиться к докладу заведующего Канцелярией руководящей группы ЦК КПК по иностранным делам (2013—2022 гг.) Ян Цзечи[910], то в

---

[906] Впервые предложена Си Цзиньпином 23 марта 2013 г. на лекции в МГИМО МИД России. Концепция «общности судеб человечества» является более верным переводом общепринятому и лексически неточному «Сообществу единой судьбы человечества». Кобзев А.И. Исконные смыслы новой терминологии КПК // Проблемы Дальнего Востока – 2023. – №6. - С. 111-126.

[907] Xi urges breaking new ground in major country diplomacy with Chinese characteristics. — Текст: электронный // Xinhua. 24.06.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/24/c_137276269.htm (дата обращения: 10.04.2024).

[908] Си Цзиньпин выступил с важной речью на Совещании ЦК КПК по внешнеполитической работе. — Текст: электронный // МИД КНР. 28.12.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202312/t20231229_11215101.html (дата обращения: 10.04.2024).

[909] Huang K. China Is Locked into Xi Jinping's Aggressive Diplomacy. — Текст: электронный // Foreign Policy. 2 December 2022. URL: https://foreignpolicy.com/2022/12/02/china-xi-jinping-aggressive-diplomacy/ (дата обращения: 10.04.2024).

[910] Yang Jiechi. Studying and Implementing Xi Jinping Thought on Diplomacy in a Deep-going Way and Opening up New Horizons in China's External Work. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. May 16, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202205/t20220516_10686371.html (дата обращения: 10.04.2024).

самом общем плане среди ключевых элементов «дипломатии Си» выделяются:

- приверженность развитию нового типа международных отношений;

- поддержание международной системы, основанной на верховенстве ООН;

- поддержка экономической глобализации за счет построения более открытой и либеральной мировой экономики;

- поддержка ШОС и БРИКС;

- сотрудничество по реформе институтов глобального управления за счет развития многосторонних механизмов, включая «Большую двадцатку» и АТЭС;

- реализация Глобальных инициатив Китая по развитию и безопасности.

Если говорить о региональном уровне анализа интересов Китая, то важно обратить внимание на часть доклада Яна Цзечи[911], где он подчеркивал, что Китай:

- продолжит продвигать построение «общности судеб человечества» с соседними государствами за счет укрепления взаимного политического доверия и сближения интересов;

- останется привержен реализации ВРЭП[912];

- продолжит активно взаимодействовать с АСЕАН, в том числе в рамках консультаций по Кодексу поведения в ЮКМ и сотрудничеству по морским вопросам;

- будет решительно противостоять действиям, провоцирующим конфронтацию и подрывающим сотрудничество в АТР.

---

[911] Yang Jiechi. Studying and Implementing Xi Jinping Thought on Diplomacy in a Deep-going Way and Opening up New Horizons in China's External Work. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. May 16, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202205/t20220516_10686371.html (дата обращения: 10.04.2024).

[912] Прим.: иными словами, заинтересован в поддержке экономической регионализации.

Иными словами, в условиях нарастания региональной конкуренции между Китаем и США, а также Китаем и Индией, на региональном уровне одними из наиболее приоритетных направлений для Пекина остаются:

Во-первых, развитие отношений со странами-соседями (преимущественно с государствами Восточной Азии, а также Южной Азии и Евразии);

Во-вторых, обеспечение защиты морских интересов в том числе за счет усиления военно-морского потенциала и развития транспортно-логистической инфраструктуры в государствах, принадлежащих к акватории Индийского и Тихого океанов.

Относительно первого пункта, на важность развития сотрудничества в регионе с соседними государствами детально указывает и упомянутая ранее Белая книга КНР о «Политике Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»[913].

Важную концептуальную основу в контексте углубления взаимодействия со странами-соседями представляет концепция Си Цзиньпина о «периферийной дипломатии» (*周边外交* «чжоубянь вайцзяо», выдвинута на Центральном рабочем совещании по международным делам в 2014 г.)[914]. Она подразумевает поддержание хороших отношений со странами-соседями (в первую очередь сопредельными государствами[915].

Интересы Китая в Восточной Азии и АТР.

---

[913] China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. 11 Jan. 2017. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 17.04.2024).

[914] Также принят более образный перевод «дипломатия добрососедства», которая представляет собой приоритет отношениям между Китаем и окружающими его странами. Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2020. – Т. 46. – №. 1. — С. 29-44.

[915] Проведение «периферийной дипломатии» связывается с успешной реализацией «Китайской мечты» и двух «столетних целей». / China’s Regional Diplomacy: Everybody Loves Good Neighbours. — Текст: электронный. // Foreign & Commonwealth Office. July, 2015. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a80be3040f0b62305b8ce54/China_Regional_Diplomacy.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

Географически приоритетами КНР в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР остается Восточная Азия. Киреева А.А. говорит о важности региона Восточной Азии для Пекина, отмечая, что, если Китай сможет трансформировать региональный порядок в Восточной Азии и стать доминирующей державой, приращение его могущества будет настолько велико, что он будет устойчив к любым действиям других региональных игроков[916]. О развитии такой тенденции китайской внешней политики писал и Лузянин С.Г., отмечая, что преодоление *«узкого регионализма во внешней политике»* и *«комплекса развивающегося государства»* является одним из ключевых столпов эволюции китайского внешнеполитического планирования[917]. В этой связи одним из ключевых внешнеполитических интересов КНР в регионе Восточной Азии является обеспечение своего лидерства (которое оспаривают другие державы, включая США и Японию). КНР стремится видеть регион без вмешательства и присутствия США, а обеспечение безопасности осуществлять в рамках так называемой концепции «безопасность Азии руками стран Азии»[918].

Еще одним внешнеполитическим интересом Пекина в Восточной Азии служит поддержание высокого уровня реагирования на возникающие конвенциональные угрозы в рамках обеспечения национальной безопасности страны, которые воспринимаются как исходящие от США и их союзников, прежде всего, Японии. Как отмечает Киреева А.А., интересы безопасности Китая в зоне ближайшего окружения призвана обеспечить стратегия A2/AD

---

[916] Киреева А.А. Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. / Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – С. 216-220.

[917] Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. — Текст: электронный. // Перспективы. 29.11.2011. URL: https://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm (дата обращения: 08.03.2022).

[918] В выступлении на четвертом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в мае 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию «новой региональной архитектуры безопасности». Безопасность азиатских стран должна обеспечиваться представителями без внешнего вмешательства.

(«anti-access/area-denial strategy»), нацеленная на ослабление способности США проецировать силу в регионе за счет развития Пекином «ассиметричных возможностей» и достижение «стратегической глубины обороны» в рамках расширяющегося периметра двух островных линий. Участившиеся визиты подводных лодок НОАК в порты стран Индийского океана в рамках миссий по борьбе с пиратством и мер по укреплению доверия, а также участие ВМФ КНР в учениях с Пакистаном (впервые в 2017 г.) отражают попытки Китая расширить военно-стратегическое присутствие в зоне Индийского океана[919]. Китайские эксперты отмечают, что военное присутствие Пекина в Индийском океане связано с необходимостью усиления антипиратских миссий и не направлено против безопасности Индии[920].

Мендис П. и Лущикович А. из австралийского исследовательского центра ASPI следующим образом характеризуют стратегию КНР: с целью противодействия США в Индо-Тихоокеанском регионе Китай все более активно продвигает так называемую стратегию «голубого дракона» (“Blue Dragon” Strategy) [921] , предполагающую расширение своего влияния в близлежащих акваториях (Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря, а также Индийский океан) за счет наращивания экономического и военного присутствия[922].

---

[919] Киреева А.А. Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. / Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – С. 216-220.

[920]Чжоу Бо. Чжунго буши иньдуян дэ синьлайчжэ, Иньду яо шиин Чжунго дэ нанья цуньцзай. [Китай не «новичок» в Индийском океане, и Индия должна адаптироваться к его присутствию в Южной Азии».] // Цинхуа дасюэ чжаньлюэ юй аньцюань яньцзю чжунсинь. [Центр стратегических исследований и исследований безопасности Университета Цинхуа.]. 30.09.2022. URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/china_wzft/5311 (дата обращения: 16.10.2023).

[921] Территориально она охватывает четыре ключевых направлениях для обеспечения национальных интересов Китая на морских пространствах: 1) Тайвань и острова Сэнкаку/Дяоюй; 2) искусственные острова в Южно-Китайском море (приложение 6); 3) Индийский океан (соответственно Индия и Шри-Ланка); 4) вопросы водных ресурсов в бассейнах рек Брахмапутра (Индии и Бангладеш), а также Меконг (Юго-Восточная Азии). / Mendis P., Luszczykiewicz A. China’s ‘blue dragon’ strategy in the Indo-Pacific. — Текст: электронный. // Australian Strategic Policy Institute. 9 Oct 2023. URL: https://www.aspistrategist.org.au/chinas-blue-dragon-strategy-in-the-indo-pacific/ (дата обращения: 10.04.2024).

[922] Mendis P. China’s “Blue Dragon” Strategy in the Indo-Pacific Makes America and India Restless. — Текст электронный // National Interest. 25 May 2023. URL:

Важнейшей целью Пекина в регионе является также признание территориальной целостности Китая (Тайвань, Тибет, Синьцзян, острова в ЮКМ и ВКМ) и особых прав Китая на часть акватории Южно-Китайского моря, а также отказ других стран от участия в военном противостоянии Китаю и поддержке США и их союзников[923].

Кроме того, в своем докладе о региональных приоритетах КНР RAND Corporation среди ключевых внешнеполитических интересов Китая в регионе выделяет также и его стремление управлять усиливающимся соперничеством с США во избежание чрезмерной эскалации двусторонних отношений и их полного выхода из-под контроля, так как КНР не заинтересована в полномасштабной войне с США[924].

Большую роль играют и внешнеэкономические интересы Пекина в Восточной Азии, и связаны они в основном с реализацией инициативы ОПОП, которая предоставляет ряд возможностей: это и получение заказов китайскими компаниями для строительства инфраструктурных проектов с учетом высоких потребностей стран региона, и экспорт высокотехнологической продукции и продукции машиностроения, и распространение китайских стандартов и технологий, а также приложение капитала в наиболее выгодные для КНР проекты (например, в металлургию) и т.д. Киреева А.А. подчеркивает, что инициатива ОПОП стала своеобразной «рамкой» для всей внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности КНР[925].

---

https://nationalinterest.org/feature/china%E2%80%99s-%E2%80%9Cblue-dragon%E2%80%9D-strategy-indo-pacific-makes-america-and-india-restless-206495 (дата обращения: 10.04.2024).

[923] Киреева А.А. Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. / Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – С. 228-229.

[924] Dossani R., Hu L., Curriden C. Implementing China's grand strategy in Asia through institutions: An exploratory analysis. Research Report. // RAND Corporation. – 2021. – P. 1-3.

[925] При этом, ее морская компонента – «Морской Шелковый путь XXI в.» призвана связать Китай и Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан с акцентом на регионы, где представлено наибольшее количество проектов ОПОП, прежде всего – это Юго-Восточная Азия, а также Африка. Киреева А.А. «Инициатива Пояса и Пути»: содержание, цели и значение. Сравнительная политика. 2018. – Т. 9. - №3. – С.61-74.

О важности для Пекина развития региональных экономических связей в том числе и с государствами упомянутых регионов писал Кай Хэ. Он отмечал, что несмотря на внешнее единство – не все союзники США в регионе на практике разделяют озабоченность Вашингтона относительно усиления Китая. Углубление экономических связей между Китаем и другими азиатскими странами затрудняет формирование монолитного антикитайского блока в Южной Азии и АТР, что также служит стратегическим интересам Китая[926]. Кроме того, Пекин заинтересован в поддержке со стороны стран Глобального Юга упомянутых выше инициатив, и, следовательно, китайской заявки на региональное лидерство как в АТР (Юго-Восточной Азии), так и в Южной Азии, которые сами являются важными частями Глобального Юга.

Интересы Китая в регионе Южной Азии.

Китай, хотя географически и не относится к региону Южной Азии, но имеет значительный вес в региональных делах, а также граничит с пятью странами региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал и Бутан) и имеет статус наблюдателя при СААРК (Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии). Пекин оказывает ощутимое влияние на региональную политику и ситуацию в области безопасности. Наряду с Индией и Пакистаном КНР обладает ядерным оружием и, в отличие от них, является участником ДНЯО.

Исторически интерес Китая к региону Южной Азии и, в частности, к Индийскому океану был достаточно ограничен. Исследователи отмечают, что, только начиная с XV в. в связи с экспедициями китайского адмирала Чжэна Хэ (1405-1433 гг.)[927], страна открыла для себя пространство Индийского океана («Западного океана» (сиян), фигурировавшего в китайских

[926] He K. Three faces of the Indo-Pacific: Understanding the “Indo-Pacific” from an IR theory perspective // East Asia. – 2018. – Vol. 35. – No. 2. – P. 149-161.

[927] Во времена династии Мин (кит. Чжэн Хэ ся сиян - «Чжэн Хэ отправляется в Западный Океан»).

литературных произведениях)[928]. При этом экономический интерес к данному региону был сформулирован в 1985 г. заместителем министра транспорта КНР Пань Ци в контексте поиска экспортных направлений для густонаселенных юго-западных провинций Китая – Юньнань, Сычуань и Гуйчжоу – с выходом на Индийский океан через Мьянму[929].

В целом интересы Пекина относительно более активного проникновения в регион Южной Азии, а также расширения присутствия в акватории Индийского океана можно представить, как:

С внешнеполитической точки зрения это, во-первых, расширение сферы комплексного военно-политического и экономического влияния КНР в том числе на такие обширные регионы как Азия, Евразия и Африка, с тем чтобы стать доминирующей державой и переструктурировать макрорегиональный, а впоследствии и глобальный международный порядок в свою пользу[930]. Это позволяет Пекину усилить свои позиции в более глобальном противостоянии с США. Кроме того, как отмечает Киреева А.А., усиление влияния КНР на страны региона в результате крупномасштабной реализации ОПОП (как экономического, так и потенциально политического и даже военного фокуса) способствует появлению у стран региона ассиметричной зависимости от Китая, когда они вынуждены принимать китайские условия, или отказываться от предоставляемых Китаем «общественных благ»[931]. Ряд специалистов отмечает, что КНР стремится превратить Индийский океан в «Западный океан» (сиян)[932]. М.А. Хассан отмечает, что Китай преследует цель не только

---

[928] Mendis P. China’s Long March to Historic Glory. — Текст: электронный // Harvard International Review. 09 Oct 2022. URL: https://hir.harvard.edu/making-the-indian-ocean-into-the-western-ocean/ (дата обращения: 10.04.2024).

[929] Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean. // Hurst & Company. 2019. - P. 4-5.

[930] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. P. 195-226.

[931] Киреева А.А. «Инициатива Пояса и Пути»: содержание, цели и значение. Сравнительная политика. 2018. – Т. 9. - №3. – С.69.

[932] Guangqi S. Zheng He’s Expeditions to the Western Ocean and His Navigation Technology. // Journal of Navigation. 21 October 2009. – Vol. 45 - №3 – P. 330-335.

усилить свое присутствие в акватории Индийского океана, но и обеспечить региональное лидерство, что неизбежно сталкивается с интересами Индии[933].

Важную роль также играет обеспечение безопасности КНР и стремление к усилению ее роли ведущего игрока в региональном порядке формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР. На практике это выражается не только в кратном увеличении военно-морского потенциала ВМФ КНР в акватории Индийского океана в последние десятилетия[934], но и подтверждается активными усилиями Китая по модернизации портово-логистической и транспортной инфраструктуры на Шри-Ланке, как части инициативы ОПОП, а также в Пакистане (порт Гвадар).

С 2005 г. Пекин является наблюдателем при СААРК, а начиная с 2014 г., стремится стать полноправным членом Ассоциации, хотя она по причине острой конфронтации между Индией и Пакистаном не демонстрирует заметной эффективности. Так или иначе, многие из ее стран-участниц практически сразу присоединились к ОПОП и Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций[935]. Примечательно, что помимо Пакистана, Пекин в стремлении присоединения к СААРК поддерживают также Непал и Шри-Ланка[936]. При этом, более тесное вовлечение в вопросы региональной безопасности и попытки подключиться к многосторонним региональным механизмам таким, как СААРК, вызывают неприятие со стороны Индии, которая регулярно блокировала заявки Пекина[937]. Для лидерства Пекина

---

[933] Hassan M.A. Growing China-India Competition in the Indian Ocean // Strategic Studies. – 2019. – Vol. 39. – No. 1. – P. 77-80.

[934] В 2017 г. Китай открыл свой первый зарубежный пункт материально-технического обеспечения ВМС на побережье Джибути.

[935] Shannon T. China Makes Inroads into India's Backyard. – Текст электронный. // Diplomat. 27 November 2014. URL: https://thediplomat.com/2014/11/china-makes-inroads-into-indias-backyard/. (дата обращения: 16.02.2024).

[936] Tongia R., Sehgal A., Chakradeo S. China's Role in SAARC. – Текст электронный // Brookings. 20 Nov 2014. URL: www.brookings.edu/articles/chinas-role-in-saarc/. Accessed 18 Nov. 2023. (дата обращения: 16.02.2024).

[937] Kondapalli S. SAARC Summit: China's Role Will Be Keenly Watched by the South Asian Countries. – Текст электронный // Economic Times. 28 November 2014. URL: https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/saarc-summit-chinas-role-will-be-keenly-watched-by-the-south-asian-countries/. (дата обращения: 16.10.2023).

важно заручиться поддержкой региональных государств в Южной Азии и АТР, как важных частях Глобального Юга, в реализации своих ключевых внешнеполитических и экономических инициатив.

Интересы Китая в Южной Азии имеют и важную внешнеэкономическую ценность. Во-первых, это часть реализации более широкого экономического курса Пекина, нацеленного на поддержание высоких темпов экономического роста и поиск новых внешних рынков[938]. Это включает поддержание активной глобальной торговли и взаимодействие с международными финансовыми рынками [939] . При этом, для Китая также критически важно расширить направления экспорта на новые регионы и страны[940];

Во-вторых, этообеспечение поступательной реализации инициативы ОПОП, что должно помочь Китаю стать передовой экономической державой, экономика которой была бы основана на капиталоемкой и инновационной модели развития[941]. Для Пекина важно найти дополнительные новые внешние источники для экономического роста, и обеспечить спрос для продукции своих национальных компаний-чемпионов. Кроме того, важно удовлетворить и растущую потребность стран региона в энергетической и транспортной инфраструктуре. Китайские исследователи отмечают, что благодаря присоединению к ОПОП пяти стран Южной Азии (Бангладеш, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланка) увеличился их товарооборот с КНР[942]: если в

---

[938] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 136-138.

[939] Prasad E. China needs a new growth model, but that requires serious reform. — Текст: электронный. // Financial Times. 20 January 2022. URL: https://www.ft.com/content/b7eaafe4-6f28-44d0-91a2-65492736bcc2 (дата обращения: 16.02.2024).

[940] White E., Leng C. Will Xi’s manufacturing plan be enough to rescue China’s economy? — Текст: электронный. // Financial Times. March 27, 2024 URL: https://www.ft.com/content/ae517907-0244-4344-ad0a-1d029c03555b (дата обращения: 16.02.2024).

[941] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. - P. 202-203.

[942] Чжан Ц., Кэ Ц. Идай илу цзяньшэ цзай нанья сяньчжуан, тяочжань юй цзиюй [«Один пояс, один путь» в Южной Азии: текущая ситуация, вызовы и возможности] // Иньдуян цзинцзити яньцзю. [Журнал «Исследование экономики Индийского океана»]. Юньнань цайцзин дасюэ иньдуян дицюй яньцзю чжунсинь

2013 г. он составлял 30 млрд долл., то к 2019 году он вырос до 42,7 млрд долл.[943] Причем, рост наблюдается в основном за счет увеличения торговли Китая с Пакистаном и Бангладеш.

При этом зависимость этих стран от импорта товаров из Китая оказалась достаточно высокой [944] . В рамках ОПОП реализуется более 50 инфраструктурных проектов и на другом важном для Китая направлении – странах АСЕАН[945]. Несмотря на снижение финансирования проектов ОПОП, в 2020 г. на долю стран АСЕАН пришлось 36% всех финансовых вложений в рамках инициативы, что говорит о сохранении приоритетности направления АСЕАН для КНР[946].

В-третьих, это обеспечение безопасности морских путей сообщения (sea lines of communication / SLOCs). Данному вопросу уделяется много внимания в «Белой книге», посвященной военной стратегии КНР 2015 г. [947] В этой связи Китай в первую очередь стремится к обеспечению свободного доступа к важным маршрутам в Индийском океане, включая Малаккский пролив, а

[Юньнаньский университет финансов и экономики, Региональный исследовательский центр Индийского океана]. 2021. – №. 5. URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_4462.html

[943] На основе собственного подсчета автора по данным официальной статистики МВФ (данные по Мальдивам отсутствуют) показатели практически совпадают: 2013 г. – 30,1 млрд долл., за 2019 г. – 43,2 млрд долл. Direction of Trade Statistics (DOTS). — Текст: электронный. // IMF. URL: https://data.imf.org/?sk=9d6028d4-f14a-464c-a2f2-59b2cd424b85&sid=1514498277103 (дата обращения: 16.10.2024).

[944] Чжао Лэй. Идай илу бэйцзин ся чжунго цзай нанья дэ маои гэцзюй фэньси [Анализ структуры торговли Китая в Южной Азии в рамках «Одного пояса, одного пути»]. // Шицзе дили яньцзю [Журнал «Мировые географические исследования»]. – 2019. – Т. 28. – №. 5. – С. 44-53.

[945] Park A., Tritto A., Sejko D. The Belt and Road Initiative in ASEAN — Overview. – Текст электронный // HKUST — Hong Kong University of Science and Technology. Institute for Emerging Market Studies. March, 2021. URL: https://iems.ust.hk/ publications/ reports/ uob-bri-overview (дата обращения: 16.02.2024).

[946] Kaho Y. The Belt and Road Initiative in Southeast Asia after COVID-19: China’s Energy and Infrastructure Investments in Myanmar. – Текст электронный // ISEAS — Yusof Ishak Institute. 2021. URL: https://www.iseas.edu.sg/ ar-ticles-commentaries/ iseas-perspective/ 2021–39-the-belt-and-road-initiative-in-southeast-asia-after-covid-19-chinas-energy-and-infrastructure-investments-in-myanmar-by-kaho-yu/ (дата обращения: 16.02.2024).

[947] China's Military Strategy. // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 23.06.2021. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/Publications/WhitePapers/4887928.html#:~:text=China's%20armed%20forces%20will%20effectively,period%20of%20strategic%20opportunities%20for (дата обращения: 10.04.2024).

также принадлежащих некоторым странам региона стратегических портов и островов (например, в Мьянме)[948].

Такие «узкие места», как Ормузский и, в особенности, Малаккский проливы традиционно считаются источником стратегической уязвимости Китая[949]. На Индийский океан приходится 80% всех нефтяных транспортных перевозок Китая[950]. Председатель КНР Ху Цзиньтао еще в 2003 г. впервые сформулировал так называемую «Малаккскую дилемму», которая связана с потенциальной способностью США перекрыть Малаккский пролив для любых транспортных и грузоперевозок. Китай стремится ограничить роль США и не дать Индии в случае эскалации отношений помешать прохождению его судов по Индийскому океану. Киреева А.А. в этом контексте оценивает стратегию КНР в области безопасности, как меняющуюся в сторону большего акцента на защиту стратегических интересов не только в своем ближайшем окружении, но и за рубежом, в особенности в части обеспечения безопасности морских торговых путей и транспортных маршрутов [951] . Об этом свидетельствует, в частности, появление пункта военно-технического обеспечения, который фактически является морской базой КНР, в Джибути в 2017 г.

Внешнеполитическая стратегия Индии

В сферу интересов индийского руководства традиционно входили четыре ключевых направления – Южная и Юго-Восточная Азия, Ближний

---

[948] Лебедева Н.Б. Треугольник "Индия-Мьянма-Китай" (проблемы и компромиссы взаимодействия) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 46-50.

[949] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. P. 201.

[950] Malik M. Maritime Security in the Indo-Pacific: Perspectives from China, India, and the United States. // Rowman & Littlefield. - 2014. - P. 3-4.

[951] Киреева А.А. Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. / Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – С. 216-220.

Восток и Индийский океан[952], причем первостепенное внимание уделялось преимущественно Южной Азии. С позиции теории РКБ, именно региональный комплекс безопасности Южной Азии структурируется на основе биполярности, представленной двумя противоборствующими центрами силы – Индией и Пакистаном. При этом, Индия традиционно воспринимает регион Южной Азии, как пространство своего исключительного доминирования[953].

Позднее вслед за подъемом Китая, экономическим ростом Индии и усилением ее внешнеполитических амбиций зона ее региональных интересов начала расширяться. Она стала охватывать морское пространство Индийского океана от восточных берегов Африки и Ближнего Востока, а также весь регион АТР, что в совокупности было определено Индией как Индо-Тихоокеанский регион. Именно ИТР стал играть ключевую роль в стратегическом позиционировании Нью-Дели. Н. Моди впервые официально сформулировал подход Нью-Дели к Индо-Тихоокеанскому региону на своем выступлении на Азиатском саммите по безопасности «Диалог Шангри-Ла» в 2018 г., отметив, что *«Индо-Тихоокеанский регион — это естественный регион… В его основе лежат инклюзивность, открытость, центральное положение и единство АСЕАН. Индия не рассматривает ИТР ни как стратегию или клуб с ограниченным числом членов, ни как группировку, стремящуюся к доминированию. И ни в коем случае мы не считаем ИТР направленным против какой-либо страны»*[954].

---

[952] Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12 - №2. – С. 74–78.

[953] Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния. Сравнительная политика. 2012. – Т.8. - № 3. (2). С. 90-104.

[954] Prime Minister’s Keynote Address at Shangri La Dialogue. – Текст электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. June 01, 2018. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018 (дата обращения: 16.10.2024).

Одной из самых главных задач Индии в постбиполярную эпоху стало переформатирование региональной подсистемы международных отношений так, чтобы она могла обеспечить Индии статус великой державы[955]. Индия также видит себя в качестве одного из ведущих центров силы в формирующемся многополярном мире. Лидерство Индии в таком динамически развивающемся и значимом в глобальном плане регионе, как ИТР, призвано способствовать ее переходу в разряд великих держав. При Н. Моди были существенно изменены приоритеты внешней политики Индии. Благодаря достаточно эффективной и гибкой внешней политике, он смог повысить статус Индии в качестве важного стратегического игрока не только в регионе, но и на геополитической карте мира [956] . Ивашенцов Г.А., подчеркивает, что, придя к власти, Н. Моди напрямую начал демонстрировать стремление превратить Индию в ведущую силу на международной арене[957].

Еще в начале 2010-х гг. некоторые российские исследователи обращали внимание на переход внешней политики Индии от активного участия в крупных объединениях глобального уровня к формированию группировок из небольшого числа стран, расположенных за рамками границ региона Южной Азии[958]. Брагина Е.А. замечает, что внимание Н. Моди к взаимодействию с азиатскими и африканскими государствами является одной из важных черт внешней политики Индии в регионе [959] . БИМСТЕК и SAGAR, например, призваны дать индийский ответ на усиление военно-политического присутствия Китая в регионе Индийского океана и Южной Азии. Причем подобный интерес наблюдается не только у Индии, но также и со стороны

---

[955] Куприянов А. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. Мировая экономика и международные отношения, 2021. - Т. 65. - № 5. - С. 49-58.

[956] Grossman D. Modi’s Foreign-Policy Juggling Act. — Текст: электронный // Foreign Policy. 04.02.2022. URL: https://foreignpolicy.com/2022/02/04/modi-india-china-pakistan-geopolitics/ (дата обращения: 10.04.2024).

[957] Ивашенцов Г.А. Россия – Индия: новые горизонты давнего партнёрства. // Вестник МГИМО-Университета. – 2017 – Т. 53. - №2. – С. 7-23.

[958] Это рассматривалось в качестве подтверждения стремления Индии выйти за рамки своего «домашнего» региона. Шаумян Т.Л. Независимая внешняя политика в условиях глобальной взаимозависимости: опыт Индии // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2011. - №1. С. 98- 128.

[959] Брагина Е. Индия в контексте взаимоотношений Юг–Юг. // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. - Т. 61. - № 2. - С. 113-118.

других региональных игроков. Так, Р. Мохан и Р. Медкалф говорят о важной роли держав среднего уровня в китайско-индийской конкуренции. Комплексное усиление Китая подталкивает их искать дополнительные возможности для обеспечения безопасности. Так, некоторые страны АСЕАН (а также региональные державы - Индия, Австралия, Япония) расширяют сотрудничество в области безопасности между собой. С их точки зрения, следующим шагом может быть создание некой «коалиции держав среднего уровня», ядром которой могли бы стать Индия и Австралия[960].

Шаумян Т.Л. подчеркивает, что с приходом к власти Н. Моди руководство страны стало отдавать приоритет укреплению обороноспособности (приложение 5), а также обеспечению поступательного экономического роста. Экономические интересы в большей степени, чем ранее, стали формировать внешнеполитический вектор Индии и определять ее подходы к отношениям с другими странами[961]. Это укладывается в логику МПЭ, указывающей на взаимное влияние политических и экономических факторов на выработку стратегии страны.

В общем плане, внешняя политика Индии, согласно позиции МИД страны, направлена на диверсификацию стратегических и экономических возможностей Индии, а также обеспечение восходящей траектории ее поступательного развития как быстрорастущей экономики с увеличивающимся весом в международных делах[962]. Индия также привержена продвижению своих национальных интересов, укреплению безопасности, содействию международному порядку, основанному на правилах, а также

---

[960] Medcalf R., Mohan C. R. Responding to Indo-Pacific rivalry: Australia, India and middle power coalitions. — Текст: электронный. // Lowy Institute. August 2014. URL: https://www.lowyinstitute.org/publications/responding-indo-pacific-rivalry-australia-india-and-middle-power-coalitions (дата обращения: 03.02.2022).

[961] Шаумян Т.Л. Индия на глобальных перекрестках // Свободная мысль. - 2022. - №2 (1692).- С. 145-155.

[962] Annual Report 2022-2023. // Ministry of External Affairs, Government of India. February 23, 2023. URL: https://www.mea.gov.in/Annual_Reports.htm?57/Annual_Reports (дата обращения: 16.10.2024).

выражает решительную поддержку скорейшим реформам многосторонних институтов.

Представляется также, что для Индии чрезвычайно важно придерживаться традиции неприсоединения с целью сохранения стратегической автономии и достижения великодержавности, предполагающей реализацию самостоятельной внешней политики. Одной из отличительных черт внешней политики Индии при Н. Моди помимо приверженности традиции неприсоединения, является также ее многовекторный подход[963]. В глобальном плане Индию в равной степени не устраивает как однополярный мир, в котором доминировали бы США, так и вариант порядка по модели «G-2», в котором США и Китай являются лидерами в финансовой и военной сфере. Нью-Дели отдает предпочтение многополярной системе, в которой она сама могла бы иметь ощутимый вес в международных делах[964].

Географически ключевыми регионами для внешней политики Нью-Дели по приоритетности являются: 1. Страны в рамках политики «Соседи прежде всего» (Афганистан, Бангладеш, Непал, Мальдивы, Мьянма, Бутан, Пакистан, Шри-Ланка); 2. Регион Индийского океана (РИО); 3. Юго-Восточная Азия и Океания; 4. Восточная Азия[965].

Если обратиться к выступлению министра иностранных дел страны С. Джайшанкара о достижениях индийской дипломатии за последние годы, то можно выделить ряд дополнительных ключевых приоритетов и черт внешней политики Нью-Дели[966].

---

[963] Нью-Дели в последние годы значительно усилил внимание к Региональному форуму АСЕАН, Восточноазиатскому саммиту и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Одновременно был дан новый импульс отношениям с АСЕАН, США, Японией, Израилем, Ираном, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией. Сохранились партнерские контакты с Россией, углублялось взаимодействие со странами Европы, включая Францию, Германию и Великобританию.

[964] Kumar R. India s Foreign Policy under Modi Government. // Marmara University Journal of Political Sciences. September, 2014. - Vol. 2. - No. 2. – P. 101-117.

[965] Annual Report 2023-2024. // Ministry of External Affairs, Government of India. July 25, 2024. URL: https://www.mea.gov.in/Annual_Reports.htm?57/Annual_Reports (дата обращения: 16.10.2024).

[966] Address by EAM, Dr. S. Jaishankar at the India International Centre, New Delhi. – Текст электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. June 28, 2023. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/36746 (дата обращения: 16.10.2024).

Во-первых, это отношения с США (которые, по официальным заявлениям, находятся на очень высоком уровне), а также с Россией (отмечается, что отношения «особо привилегированного стратегического партнерства» остаются стабильными, несмотря на «турбулентность в мире»).

Во-вторых, признается значимая роль Китая в региональных вопросах, однако отмечается существование напряженности в двусторонних отношениях, связанной с территориальным спором. Аналогично негативно оцениваются взаимоотношения с Пакистаном.

В-третьих, это приверженность политике «Соседи прежде всего», которая основана на том, что Индия воспринимает страны своего ближайшего окружения (за исключением Пакистана) как государства, с которыми необходимо поддерживать долгосрочные и взаимовыгодные отношения, развивать транспортную взаимосвязанность, улучшать инфраструктуру.

В-четвертых, это концепция так называемого «расширенного соседства»[967], которую С. Джайшанкар описывает по четырем ключевым направлениям.

1. Восточное направление - Юго-Восточная Азия (АСЕАН), отношения со странами которой вначале развивались в рамках политики «Смотри на Восток» (с 1991 г.), а затем – политики «Действуй на Востоке» (с 2014 г.)[968]. В дальнейшем Индия расширила рамки вплоть до всего более обширного Индо-Тихоокеанского региона.
2. Западное направление - государства Персидского залива.
3. Южное направление - концепция: «Безопасность и развитие для всего региона» (SAGAR - Security and Growth for All in the Region), в рамках

---

[967] «Extended neighbourhood».

[968] Причем, это было не просто изменением терминологии, а означало, что Индия на самом деле готова к большим инвестициям в развитие многоплановых связей. Debates R. India’s ‘Act East’ policy and regional cooperation. – Текст электронный // Observer Research Foundation. 14 February 2020. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375 (дата обращения: 10.04.2022).

которой Индия стремится интегрировать все индоокеанское пространство, не ограничиваясь Шри-Ланкой и Мальдивами, а определяя его границы от Мадагаскара до Филиппин.

4. Северное направление – это Центральная Азия[969].

В-пятых, это вопросы обеспечения безопасности, которая сегодня не огранивается лишь военными или контртеррористическими аспектами, а включает в себе экономическую и технологическую сферы, вопросы здравоохранения и т.д.

Эволюцию морских интересов Индии на современном этапе можно проследить за счет изменения содержания и направленности военно-морских доктрин и стратегий. Военно-морские доктрины наряду с военной доктриной и ядерной доктриной являются тремя составляющими военной стратегии страны[970]. Самое первое издание морской доктрины было еще в апреле 2004 г. с последующим ее пересмотром в августе 2009 г. Публикации ВМС Индии морской доктрины 2015 г. была необходима для ее актуализации в соответствии с содержанием также обновленной в 2015 г. военно-морской стратегии[971], и пришла на смену соответствующей Доктрине от 2009 г. [972] В ней впервые говорится об Индо-Тихоокеанском регионе, заменившем АТР, использованном в предыдущей редакции Стратегии 2009 г.[973]

В разное время публиковались также и военно-морские стратегии Индии. Согласно стратегии 2007 г. («Freedom to Use the Seas: India's Maritime

---

[969] Address by EAM, Dr. S. Jaishankar at the India International Centre, New Delhi. – Текст электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. June 28, 2023. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/36746 (дата обращения: 16.10.2024).

[970] Зайцев М.С. О военной стратегии Индии. // Вестник МГИМО-Университета. – Т. 53. - №2 – 2017. - С. 53-54.

[971] Ensuring secure seas: Indian maritime security strategy // Indian Navy. Naval strategic publication 1.2 October, 2015. - P.184. URL: https://www.indiannavy.nic.in/content/indian-maritime-security-strategy-2015 (дата обращения: 16.10.2023).

[972] Indian Maritime Doctrine - 2015 Version. // Indian Navy. URL: https://indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[973] Khurana G.S. Indian Navy Updates Indian Maritime Doctrine 2009. — Текст: электронный // National Maritime Foundation, 22 Mar. 2016. URL: maritimeindia.org/indian-navy-updates-indian-maritime-doctrine-2009/. (дата обращения: 16.10.2023).

Military Strategy»), Индия позиционировала себя развивающейся державой с ограниченными преимущественно прибрежными водами возможностями ВМС [974]. Однако уже тогда индийские стратеги представляли быстро меняющуюся динамику в Индийском океане и видели растущий военный потенциал Китая[975].

В 2015 г. Индия обновила военно-морскую стратегию, которая сместила в своем названии акцент с «использования» вод на «обеспечение их безопасности» («Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Security Strategy»)[976]. Это отражало активизацию роли Индии в Индийском океане как гаранта обеспечения морской безопасности («net maritime security provider»), так и признавало изменившуюся региональную обстановку и усилившуюся конкуренцию [977]. В стратегии 2015 г. зафиксированы расширившиеся интересы Индии, включив юго-западную часть Индийского океана, Красное море, западное побережье Африки, Средиземное море[978].

Р. Рой-Чоудхури подчеркивает, что вследствие пограничного конфликта с Китаем в 2020 г. и его растущего проникновения в Индийский океан, Индия выбирает более эффективный для себя и менее ресурсоемкий формат обеспечения региональной безопасности на многостороннем уровне, тем самым заменяя статус «net security provider» (требующего больше ресурсов на его поддержание) на «предпочтительного партнера в области безопасности»

---

[974] Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy. // Government of India, Indian Navy. New Delhi, May 2007. P. 7-8. URL: http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[975] Allah N. India's Evolving Maritime Strategy. – Текст электронный // South Asian Voices. 31 May 2023. URL: maritimeindia.org/indian-navy-updates-indian-maritime-doctrine-2009/. (дата обращения: 16.10.2023).

[976] Ensuring secure seas: Indian maritime security strategy // Indian Navy. Naval strategic publication 1.2 October, 2015. - P.184. URL: https://www.indiannavy.nic.in/content/indian-maritime-security-strategy-2015 (дата обращения: 16.10.2023).

[977] Khurana G.S. Net Security Provider' Defined: An Analysis of India's New Maritime Strategy-2015. – Текст электронный // National Maritime Foundation. 23 Nov. 2015. URL: maritimeindia.org/indian-navy-updates-indian-maritime-doctrine-2009/. (дата обращения: 16.10.2023).

[978] Ensuring secure seas: Indian maritime security strategy // Indian Navy. Naval strategic publication 1.2 October, 2015. - P. 32-33. URL: https://www.indiannavy.nic.in/content/indian-maritime-security-strategy-2015 (дата обращения: 16.10.2023).

(«preferred security partner»)[979]. Усиление присутствия Китая в Индийском океане за счет участия в проектах развития транспортной и логистической инфраструктуры прибрежных стран-партнеров (пакистанский Гвадар, ланкийский Хамбантота и порт Чаупхью в Мьянме) вызывает растущую обеспокоенность Индии, в связи с угрозой ее собственным стратегическим и экономическим интересам[980].

Интересы Индии в регионе Южной Азии.

Индия исторически являлась ключевым игроком в регионе Южной Азии. Лунев С.И. подчеркивает, что Нью-Дели стала искать свое стратегическое место в региональной подсистеме Южной Азии непосредственно после военного конфликта с Китаем в 1962 г.: *«на передний план вышла не проблема лидерства в афро-азиатском мире, а вопрос о роли и месте Индии в Южной Азии…; вторжение КНР в Индию ещё в большей степени ухудшило региональный статус страны»*[981]. С тех пор и по сей день поддержание главенствующей роли в Южной Азии и на пространстве Индийского океана остается одним из ключевых приоритетов внешней политики страны.

Интересы Индии в регионе Южной Азии можно охарактеризовать, как:

С внешнеполитических позиций, это, во-первых, обеспечение безопасности самой Индии, что напрямую обусловлено стабильностью во всем Южно-Азиатском регионе. Неслучайно, С. Джайшанкар в этой связи выделяет фактор Пакистана (помимо Китая), как один из ключевых факторов, способствующих дестабилизации региональной обстановки.

---

[979] Roy-Chaudhury R. From ‘net security provider’to ‘preferred security partnerships’: the rhetoric, reality and result of India’s maritime security cooperation // Journal of the Indian Ocean Region. – 2022. – Vol. 18. – No. 2. – С. 87-98.

[980] Через Индийский океан осуществляется порядка 95% всей индийской торговли, включая 80% импорта нефти и 60% импорта СПГ. Внушительная доля энергоресурсов перевозится через Ормузский пролив, расположенный вблизи пакистанского порта Гвадар - «Ормузская дилемма».

[981] Лунев С.И. Советско-Индийские отношения (1955 - 1971 гг.): рождение дружбы. // Вестник МГИМО-Университета. – 2017 – Т. 53. - №2. – С. 24-51.

Во-вторых, это заявка на региональное лидерство, что чрезвычайно важно для Индии, ставящей целью превращения в ведущую мировую державу. В связи с этим Нью-Дели важно выстроить продуктивную модель регионального сотрудничества, что возможно сделать только при условии обеспечения ее собственного регионального лидерства[982].

В-третьих, это противостояние росту китайского военно-политического влияния[983]. «Китайская угроза» в Нью-Дели остро воспринимается в контексте усиления его военно-политического присутствия за счет участившихся визитов военных кораблей КНР в порты стран региона, а также проведения различных военно-морских операций и маневров в акватории Индийского океана и развития отношений со странами Южной Азии. В индийской элите и экспертном сообществе такое поведение Пекина характеризуется, как стратегия окружения.

С экономической точки зрения, интересы Индии в Южной Азии связаны с: во-первых, пониманием того, что поддержание стабильного экономического роста и дальнейшего поступательного развития неразрывно связано с общим процветанием и развитием всего региона[984]. С. Джайшанкар, в частности, подчеркивает, что именно таким подходом взаимовыгодного сотрудничества руководствуется Индия при реализации политики «Соседи прежде всего»[985].

---

[982] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 136-138.

[983] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. P. 213.

[984] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 136-138.

[985] Address by EAM, Dr. S. Jaishankar at the India International Centre, New Delhi. – Текст электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. June 28, 2023. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/36746 (дата обращения: 16.10.2024).

Во-вторых, это стремление не допустить дальнейшего экономического усиления КНР в регионе Южной Азии. Пекин за многие годы значительно усилил свои геоэкономические позиции в Южной Азии и стал важным экономическим партнером для многих региональных стран, включая Пакистан, Непал, Шри-Ланку, Мальдивы и др.[986] В этой связи выделяются: активная критика Индией китайской инициативы ОПОП и ее попытки (достаточно ограниченной эффективности) развивать иные форматы экономического сотрудничества без Китая – Южно-Азиатская Ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), Инициатива Бенгальского залива по многоотраслевому технико-экономическому сотрудничеству (БИМСТЕК) и выдвинутая Н. Моди в 2015 г. инициатива «Безопасность и рост для всех в регионе» (SAGAR).

Интересы Индии в Индо-Тихоокеанском регионе.

Если изначально внешнеполитические и экономические интересы Нью-Дели были преимущественно сконцентрированы на регионе Южной Азии, то начиная с политики «Смотри на Восток» (1991 г.) сфера интересов Индии расширилась до стран Юго-Восточной Азии, а затем и более широкой Восточной Азии. С тем, чтобы придать больший импульс отношениям с ними в 2014 г. Н. Моди трансформировал ее в политику «Действуй на Востоке». В экономическом плане это действительно принесло определенный результат, так как двустороння торговля, согласно официальным данным, в 2022 г., достигла 113 млрд долл.[987], тогда как в 2014 г. она составляла 67.7 млрд долл.[988]

---

[986] Moyuru B., Tsukasa H. India offers carrots to 'pro-China' neighbors Sri Lanka, Nepal. – Текст электронный // Nikkei Asia. 24 April 2022. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/India-offers-carrots-to-pro-China-neighbors-Sri-Lanka-Nepal (дата обращения: 10.04.2024).

[987] The Twentieth AEM-India Consultation. Joint Media Statement. – Текст электронный // ASEAN. 21 August 2023. URL: https://asean.org/joint-media-statement-of-the-twentieth-aem-india-consultation/ (дата обращения: 10.04.2024).

[988] The Twelfth AEM-India Consultations 23 August 2015, Kuala Lumpur, Malaysia. – Текст электронный // ASEAN. August 23, 2015. URL: https://asean.org/the-twelfth-aem-india-consultations-23-august-2015-kuala-lumpur-malaysia/ (дата обращения: 10.04.2024).

С учетом постепенного усиления политического и экономического веса, а также стремления к более активному участию в вопросах глобального управления[989], Нью-Дели с целью цель обеспечения регионального лидерства постепенно перешла к усилению позиций за рамками исключительно Южной Азии, сначала в регион Индийского океана[990], а затем в 2018 г. – в более обширный Индо-Тихоокеанский регион, который охватывает азиатскую часть Тихого океана на Западе и восточное побережье Африки на Востоке[991].

Куприянов А.В. выделяет три подхода Индии, стоящие за ростом ее внимания к ИТР – во-первых, это усиление антикитайского вектора внешней политики и сближение с США; во-вторых, упор на развитие экономических связей за счет расширения контактов с АСЕАН и продолжения политики «стратегической автономии». Представители же третьего подхода отрицают концепцию ИТР, которая, по их мнению, не отвечает индийским интересам и негативно влияет на отношения со странами Юго-Восточной Азии и Китаем[992].

В международной академической дискуссии среди ключевых причин перехода внимания Индии от АТР к ИТР выделяются: во-первых, экономические мотивы развития регионального сотрудничества с одновременным сохранением традиции неприсоединения и, во-вторых, геополитическая реакция на комплексное усиление мощи Китая и стремление к формирования благоприятных для себя условий регионального порядка[993].

---

[989] Глава МИД Индии считает, что страна обязательно станет постоянным членом СБ ООН. – Текст электронный // ТАСС. 2 апреля 2024 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20421547 (дата обращения: 10.04.2024).

[990] Куприянов А.В. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие // Сравнительная политика. 2021. - № 4. - С. 68-81.

[991] Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue. – Текст: электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. June 01, 2018. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime_Ministers_Keynote_Address_at_Shangri_La_Dialogue_June_01_2018 (дата обращения: 20.12.2023).

[992] Куприянов А.В. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона // Сравнительная политика. 2020. – № 2. – С. 68-70.

[993] Chacko P. India and the Indo-Pacific: An emerging regional vision. // The University of Adelaide. Indo-Pacific Governance Research Centre – Policy Brief. November 2012. – Vol. 5. - P. 2-3.

Внешнеполитические интересы Индии в ИТР можно обозначить, как:

Во-первых, с точки зрения национальной безопасности, руководство Индии ставит цель обеспечить свое доминирование во всей акватории Индийского океана, а не только в регионе Южной Азии. Индия считает всю акваторию Индийского океана вплоть до Тихого – зоной своих стратегических интересов[994]. Н. Моди после прихода к власти подчеркивал важность развития отношений как раз со странами региона Индийского океана[995]. Вместе с тем, Д.М. Баруа отмечает, что способность Индии проецировать свое влияние на весь Индо-Тихоокеанский регион ограничена[996]. Это отчасти объясняет и попытки Индии при сохранении самостоятельности в региональных вопросах нивелировать нехватку стратегических ресурсов за счет участия в различных региональных форматах под эгидой США (включая Quad).

Стратегическая конкуренция с КНР и задача обеспечения безопасности морской торговли (на которую приходится порядка 90% всей торговли страны) заставляет Нью-Дели уделять повышенное внимание расширению своего присутствия в Индийском океане. С целью укрепления обороноспособности Индия развивает военно-морские базы как на континентальной части (порты Кочи, Карвар, Мумбаи и Визакхапатнам), так и на своих островных территориях – Лакшадвип, Андаманских и Никобарских островах, которые находятся близ Малаккского пролива[997].

В-вторых, это недопущение доминирования КНР в ИТР и, как следствие, стремление к ограничению дальнейшего расширения ее регионального

---

[994] Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // The Washington Quarterly. – 2018. – Vol. 41. – No. 2. –P. 47-48.

[995] С этой целью Нью-Дели значительно активизировал деятельность в ряде субрегиональных проектов и инициатив, которые, по мнению Куприянова А.В., при определенных условиях могли бы стать альтернативным, в частности ВРЭП, экономическим базисом для ИТР. / Куприянов А.В. В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов индии. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022 - Т. 22. - №.1. – С. 153-165.

[996] Baruah D. M. India in the Indo-Pacific: New Delhi′s Theater of Opportunity. // Carnegie Endowment for International Peace. - 2020. - P.1-2 (Организация была внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов).

[997] Зайцев М.С. О военной стратегии Индии. // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – Т.53. - №2. – С. 52-70.

влияния на фоне достаточно напряженных двусторонних отношений, связанных с территориальным спором. Лунев С.И., в частности, отмечает, что стратегическое усиление Китая выражается также в его активном участии в развитии гражданской и военной инфраструктуры на границе как с самой Индией (в том числе в Тибетском автономном районе), так и соседствующих с ней стран[998].

Р. Медкалф отмечает, что в отличие от 2007-2008 гг., когда термин ИТР только входил в оборот, на рубеже 2010-2020-х гг. роль Китая возросла еще сильнее, за счет чего конкуренция за региональное лидерство в ИТР приобрела намного более заметные очертания[999]. Р. Раджагопалан вслед за Р. Медкалфом также говорит о первостепенной роли возвышения Китая как фактора усиления внимания Индии к ИТР[1000]. Х.В. Пант и А. Рей также отмечают усиление международного и регионального внимания к ИТР, в том числе со стороны руководства Индии, именно вслед за ростом совокупной мощи Китая. В связи с этим Индия рассматривает доминирование Китая как один из ключевых вызовов, и отсюда стала более активной в ИТР[1001].

В-третьих, Индия успешно развивает отношения и с другими региональными и глобальными державами, а также ключевыми участниками в ИТР, благодаря чему ее внешняя политика приобретает более диверсифицированный характер, отвечающий индийским традициям сохранения внешнеполитической самодостаточности. Д. Гроссман называет такой подход своеобразным «внешнеполитическим жонглированием»[1002]. Для

---

[998] Лунев С.И. Южная Азия и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. Отв. ред. Чуфрин Г.И. М.: Наука, - 2007. - С. 288-312.

[999] Medcalf R. Indo-Pacific Visions // Asia policy. – 2019. – Vol. 14. – No. 3. – P. 85.

[1000] Rajagopalan R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy // International Affairs. – 2020. – Vol. 96. – No. 1. – P. 75-76.

[1001] Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // The Washington Quarterly. – 2018. – Vol. 41. – No. 2. – P. 47-48.

[1002] Grossman D. Modi’s Foreign-Policy Juggling Act. — Текст: электронный // Foreign Policy. 04.02.2022. URL: https://foreignpolicy.com/2022/02/04/modi-india-china-pakistan-geopolitics/ (дата обращения: 10.04.2024).

Индии критически важно сохранение своей внешнеполитической автономии в традициях движения неприсоединения. Это, с одной стороны, отвечает ее интересам стремления к великодержавности, так как позволяет избегать превращения в «младшего партнера» США[1003]. С другой стороны, это также позволяет оставлять пространство для диалога с Китаем.

Ключевые экономические интересы Индии в ИТР сосредоточены на: во-первых, дальнейшем развитии внешнеэкономического сотрудничества как стимула для поступательного внутреннего экономического роста. Еще с началом политики «Смотри на Восток», а затем и «Действуй на Востоке» Индия стремилась расширить направления своей внешнеэкономической деятельности. Это было связано с неэффективностью экономической интеграции в рамках СААРК, так как экономики стран Южной Азии не являются комплементарными между собой. В сравнении с экономиками стран Южной Азии, государства АСЕАН развиваются быстрее, имеют более диверсифицированную структуру национальных экономик, лучше встроены в глобальные цепочки добавленной стоимости и специализируются на разных сферах экономической деятельности [1004] . Все это делает их более востребованными экономическими партнерами для Индии. Помимо этого, большое значение для Индии в ИТР с точки зрения экономического и технологического развития имеют также Япония и Республика Корея, как поставщики передовых высоких технологий, и Китай, как источник импорта большого объема разнообразных товаров и услуг.

Во-вторых, для Нью-Дели, приверженному развитию промышленного производства, а также технологического сектора (в том числе в рамках уже упомянутой политики Н. Моди «Делай в Индии»), важно не только выстраивать торгово-логистические связи с более широким числом стран, но

[1003] Володин, А. Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире // Вестник ученых-международников. – 2023. – Т. 26. - № 4. – С. 213-215.

[1004] Denson H. The parts within the whole: Understanding Southeast Asia’s economies. – Текст электронный // The Interpreter. 1 Mar 2024. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/parts-within-whole-understanding-southeast-asia-s-economies (дата обращения: 16.10.2024).

и более активно привлекать ПИИ и встраиваться в региональные цепочки добавленной стоимости. В этой связи ИТР, который в индийской интерпретации охватывает и страны восточного побережья Африки и Персидского залива, а также весь АТР, позволяет находить новых торговых партнеров в том числе среди стран развивающегося мира, не говоря про таких значимых экономических игроков Азии, как Япония и Южная Корея.

Р. Мохан подчеркивает, что активная политика Индии в ИТР (как и Китая) проистекает из обширных экономических интересов, возникших в результате бурного роста экономик обеих стран вследствие внутренних структурных реформ (с 1978 г. – в Китае и с 1991 г. – в Индии)[1005]. Д. Скотт, соглашаясь с Р. Моханом, замечает, что на уровне руководства страны концепция ИТР в первую очередь ассоциировалась с возможными экономическими выгодами от процессов регионализации. Исследователь отмечает, что объемы морской торговли через Индийский океан играют настолько важную роль в мировой экономике, что ИТР постепенно вытесняет АТР при анализе региональных процессов [1006].

Таким образом, проведенный в данном параграфе анализ соответствует выполнению одной из задач работы, определенной как выявление основных внешнеполитических и экономических интересов Китая и Индии в Южной Азии и АТР. Ключевые интересы внешней политики и внешнеэкономической политики Китая и Индии напрямую связаны с поддержанием экономического развития, технологической модернизацией и стремлением к укреплению лидерства через усиление регионального и глобального влияния.

После проведенного сравнения ключевых интересов Китая и Индии, можно резюмировать, что оба государства прежде всего рассматривают регионы Южной и Восточной Азии в качестве сферы своего исключительного

[1005] Mohan C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. // Brookings Institution Press. 2012. - P. 4-5.

[1006] Scott D. India and the Allure of the ‘Indo-Pacific’ // International Studies. – 2012. – Vol. 49. – No. 3-4. – P. 170.

влияния: для Китая – это Восточная Азии (хотя США и Япония оспаривают лидерство Пекина), для Индии – Южная Азия (где у Нью-Дели также есть конкуренты в лице Пакистана и Китая).

Определенные изменения в региональном позиционировании Китая и Индии произошли с приходом к власти ныне действующих лидеров, провозгласивших своей целью укрепление национальной мощи и экономического потенциала каждой из стран. В связи с необходимостью обеспечения устойчивого экономического роста, поиска новых внешних рынков, а также активизации внешнеполитической деятельности Китая и Индии, их интересы стали постепенно выходить за рамки «домашних» регионов и распространились на соседние с ними регионы Южной Азии и Индийский океан (для Китая) и более широкий Индо-Тихоокеанский регион (для Индии), что в свою очередь привело к нарастанию напряженности и конфликтности между ними на макрорегиональном уровне.

3.2. Формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР: ключевые факторы.

В данном исследовании, одна из задач определена как анализ влияния китайско-индийских отношений на процессы усиления взаимосвязанности и формирование регионального порядка в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Именно ее решению и посвящен данный параграф работы.

Усиление взаимосвязанности Южной Азии и АТР.

Исследование формирования регионального порядка в Южной Азии и АТР проводится на региональном уровне анализа благодаря использованию теории РКБ. Процессы же макрорегионализации, понимаемые как постепенное стяжение «старых» регионов в более крупные макрорегионы, анализируются через призму подхода МКР.В Южной Азии и АТР в последние десятилетия можно заметить усиление торгово-экономического взаимодействия между государствами обоих регионов, а также

интенсификацию транспортно-логистических связей между ними, что позволяет ставить вопрос о формировании единого макрорегиона. Так, согласно официальному исследованию МВФ, именно торговые отношения между странами Южной и Восточной Азии[1007] в последние 30 лет были одними из наиболее динамично развивающихся в мире. Несмотря на низкую базу, совокупный объем торговли товарами между Южной и Восточной Азией (в долларовом выражении) в среднем рос на 10% в год в период с 1990 по 2020 г. и в 2018 г. достиг отметки в 331,7 млрд долл., значительно увеличившись с 28.3 млрд долл. в 1998 г.[1008]

При этом в силу размера экономик, безусловно, ключевыми драйверами интенсификации торгово-экономического сотрудничества были Китай и Индия. Причем важным фактором в усилении совокупной торговли Южной Азии с Восточной Азией была существенная переориентация внешней торговли Индии на страны Восточной Азии. Так, в 1990 г. торговля со странами Восточной Азии составляла 18,3% экспорта Индии и 18,2% ее импорта, а уже к 2020 г. эти показатели увеличились до 24,7% экспорта Индии и 39% ее импорта[1009].

Аналогично обстоит ситуация и в торговле Китая со странами Южной Азии[1010]. Если в 1990 г. доля Китая в совокупном экспорте стран Восточной Азии в Южную составляла 9,9%, а доля его импорта была 4,3%, то к 2020 г. ситуация кардинально поменялась: теперь на долю экспорта Китая в страны Южной Азии стало приходиться 52,4% всего экспорта стран Восточной Азии

[1007] Согласно исследованию, к Южной Азии относятся: Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивы, Афганистан и Бутан. К Восточной Азии – КНР (и специальный административный район Гонконг), Тайвань (Китай), Япония, Южная Корея и государства АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам).

[1008] Wignaraja G. Fostering Regional Trade Integration between South Asia and East Asia for COVID-19 Recovery. Chapter 10: in South Asia's Path to Resilient Growth. International Monetary Fund (IMF). December 23, 2022 – P. 229-230.

[1009] Там же.

[1010] Фактически Китай заменил Японию как регионального лидера в торговле с Южной Азией. Wignaraja G. Fostering Regional Trade Integration between South Asia and East Asia for COVID-19 Recovery. Chapter 10: in South Asia's Path to Resilient Growth. International Monetary Fund (IMF). December 23, 2022 – P. 230.

в Южную, а доля импорта из КНР возросла до 32,4% (с учетом САР Гонконг аналогичные показатели будут еще больше: по эскорту - 60,5% и 42,8% по импорту)[1011].

Еще одной важной особенностью является заметный рост доли других Восточноазиатских экономик в региональной торговле со странами Южной Азии. С 1990 г. по 2020 г. объемы торговли в долларовом выражении Индонезии, Южной Кореи, Сингапура и Малайзии со странами Южной Азии приблизились к аналогичным показателям Японии[1012]. Кроме того, как уже упоминалось, экономики стран Восточной Азии лучше интегрированы в международные цепочки добавленной стоимости и имеют более диверсифицированную структуру с многопрофильной специализацией. В связи с этим, доля общего экспорта стран Южной Азии в страны Восточной Азии росла медленно – с 18,1% до 21,9% в период с 1990 г. – 2020 г., в то время как рост доли общего импорта был более заметным с 25,4% до 39,6% в аналогичный период[1013].

Тренд на усиление веса экономик стран Южной Азии и АТР, а также их экономическое сближение подчеркивается и в ряде других заметных исследований. Доклад Азиатского банка развития о перспективах региональной экономики до 2050 г. отмечает, что совокупная доля семи ведущих экономик Азии (КНР, Индия, Индонезия, Япония, Южная Корея, Таиланд и Малайзия) будет составлять 45% мирового ВВП[1014]. Доклад Всемирного банка, посвященный углублению взаимосвязей Южной и Юго-Восточной Азии, также выделяет тенденцию к постепенному усилению торговых связей между этими двумя регионами, хотя и с оговоркой, что пока

[1011] Там же. P. 230-231.
[1012] Там же. P. 232.
[1013] Там же. P. 230.
[1014] Kohli H., Sharma A., Sood A. Asia 2050: realizing the Asian century. // Emerging Markets Forum, 2011. - P.412.

процессы региональной интеграции отстают от более выраженной торговой динамики[1015].

Важно отметить, что, подобно исследованию МВФ, доклад Всемирного Банка также отмечает тренд на постепенную переориентацию торговли стран Южной Азии на страны Восточной. Торговля стран Южной Азии с Юго-Восточной Азией[1016] значительно выросла в период с 2000 по 2019 г. и достигла 241,2 млрд долл. в 2019 г. При этом, средние темпы роста составили 14,3%. Примечательно, что она превзошла не только средние показатели роста внутрирегиональной торговли в Южной Азии (13,2 %), но и торговли Южной Азии с остальным миром (11,9%) за аналогичный период. В результате доля торговли со странами Юго-Восточной Азии выросла с 13,8% от общего объема торговли Южной Азии в 2000 г. до 23,2% в 2019 г., в то время как торговля стран Южной Азии с остальным миром за тот же период сократилась с 82,1% до 71,2%[1017]. Таким образом, хотя Индия и не вошла во ВРЭП, в связи с чем не состоялось формирования единой ЗСТ, которая бы объединила Южную Азию и АТР, цепочки добавленной стоимости уже начали постепенно сдвигаться в сторону более обширного ИТР, в том числе в Индию и страны Южной Азии. И это является фактором, который способствует усилению сотрудничества именно в рамках данного формирующегося макрорегиона.

Помимо усиления экономических связей, в процессах макрорегионализации большую роль играет усиление военно-политической активности большого количества акторов в соседних регионах. Так, Б. Бузан и О. Вевер в теории РКБ много внимания уделяют именно аспектам безопасности, которые в результате дискурсивных процессов секьюритизации становятся более взаимосвязанными, тем самым как бы «стягивая» страны в

[1015] Deepening Linkages between South Asia and Southeast Asia. Synthesis Report. The World Bank. Washington DC, 2022. – P. 8-9.

[1016] Согласно исследованию, к странам Южной Азии относятся: Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланка. К странам Юго-Восточной Азии - Бруней, Камбоджа, Китай, Индонезия, Лаос, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам.

[1017] Deepening Linkages between South Asia and Southeast Asia. Synthesis Report. The World Bank. Washington DC, 2022. - P. 15.

единый региональный комплекс безопасности. Усиление присутствия Китая в Южной Азии и Индии – в ИТР не только в экономическом, но и военно-политическом плане приводит к росту взаимных опасений Пекина и Нью-Дели, и, как следствие, стягивают это пространство в единый макрорегион. Все это происходит на фоне интенсификации стратегического соперничества Китая и США, а также активизации ряда военно-политических инициатив многостороннего характера под эгидой Вашингтона (в первую очередь, это упомянутые раннее форматы Quad и AUKUS), призванных сплотить ближайших союзников и партнеров США в Южной Азии и АТР против Пекина. Индия помимо участия в Quad и сотрудничества с США активно развивает военно-политическое взаимодействие с Японией, которая также стремится привлечь партнеров для противодействия Китаю. При этом, как неоднократно подчеркивалось ранее, Нью-Дели избегает официальных обязательств союзнического характера.

Ряд исследователей в этом смысле справедливо подчеркивают, что на данный момент вопросы секьюритизации в ИТР выходят на первый план, в то время как экономическая интеграция пока протекает менее активно [1018]. Многие региональные и внерегиональные акторы в ответ на ускорение процессов макрорегионализации в Южной Азии и АТР разработали и приняли свои стратегии для Индо-Тихоокеанского региона или соответствующие концепции (Австралия, Япония, Южная Корея, Индия, Бангладеш, видение ИТР АСЕАН; из нерегиональных: Франция, Германия, Нидерланды, ЕС, Великобритания, Канада, Чехия и Литва) [1019]. ИТР вызывает растущий

[1018] Wilson J.D. Investing in the economic architecture of the Indo-Pacific. // Indo-Pacific Insight Series, Perth: Perth USAsia Centre, 2017. - P. 4-6.

[1019] Среди упомянутых во введении Индо-Тихоокеанских стратегий различных стран заметно отсутствие единства подходов как в вопросе определения географических границ региона, так и в отношении его характера – ряд стратегий (Индии, «видение» АСЕАН) выступают за инклюзивное развитие и региональное сотрудничество, в то время как остальные (США, Австралия, Канада, Япония) видят возрастающую угрозу в усилении Китая и призывают к противодействию ему.

интересе и у стран-партнеров России на Глобальном Юге - государств Ближнего Востока[1020], Африки[1021], Латинской Америки[1022] и Азии.

В связи с этим стоит выделить ряд важных торгово-экономических проектов и инициатив, продвигаемых в ИТР с разной степенью интенсивности ведущими региональными участниками. Прежде всего это китайская инициатива ОПОП и ее морская часть – «Морской шелковый путь XXI в.» (2013 г.), а также индийская политика «Действуй на Востоке» (2014 г.), которое имеет четкое экономическое измерение. Помимо этого, в 2022 г. администрацией Дж. Байдена была запущена [1023] Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИТЭС, IPEF), которая, однако, получила ограниченное развитие [1024] . Кроме того, хотя ранее были подписаны соответствующие документы о сотрудничестве в обеспечении устойчивости цепочек поставок (IPEF Supply Chain Agreement, ноябрь 2023 г.) [1025] и по инфраструктурному развитию (включая создание Платформы для совместной работы в сфере инфраструктуры / Infrastructure Collaboration Platform)[1026], сами по себе они не привели к кардинальным изменениям.

Структурирование регионального порядка в Южной Азии и АТР.

[1020] Alhasan H. Extending the indo-US partnership to the Middle East: Prospects and limits of Cooperation. – Текст электронный. // Hoover Institution. 2 March 2022. URL: https://www.hoover.org/research/extending-indo-us-partnership-middle-east-prospects-and-limits-cooperation (дата обращения: 04.11.2023).

[1021] Mishra A. Reflections on the Indo-Pacific: Perspectives from Africa. – Текст электронный // ORF. Dec 28, 2021. URL: https://www.orfonline.org/research/reflections-on-the-indo-pacific-perspectives-from-africa (дата обращения: 04.11.2023).

[1022] Dipanjan R.C. Pacific Alliance: India's Latin American Anchor for Indo-Pacific Region. – Текст электронный. // The Economic Times. 21 January 2021. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/pacific-alliance-indias-latin-american-anchor-for-indo-pacific-region/articleshow/84617457.cms?from=mdr (дата обращения: 04.11.2023).

[1023] FACT SHEET: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. // White House. 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/ (дата обращения: 05.11.2023).

[1024] Manak I. Unpacking the IPEF: Biden’s Indo-Pacific Trade Play. – Текст электронный. // Council on Foreign Relations. 8 November 2023. URL: https://www.cfr.org/article/unpacking-ipef-bidens-indo-pacific-trade-play (дата обращения: 01.05.2024).

[1025] U.S. Department of Commerce Announces Upcoming Entry into Force of the IPEF Supply Chain Agreement. – Текст электронный. // U.S. Department of Commerce. January 31, 2024. URL: https://www.commerce.gov/news/press-releases/2024/01/us-department-commerce-announces-upcoming-entry-force-ipef-supply-chain (дата обращения: 04.11.2024).

[1026] U.S.-India Joint Statement. – Текст электронный. //The White House. September 30, 2014. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/30/us-India-joint-statement (дата обращения: 04.11.2024).

Данный параграф призван решить одну из ключевых задач данной работы, которая посвящена выделению факторов, непосредственно влияющих на структурирование регионального порядка. При исследовании макрорегиональных процессов в Южной Азии и АТР помимо учета выдвигаемых региональными акторами стратегий для ИТР, а также анализа академических исследований и дискурсивных процессов, постулирующих с позиции конструктивизма формирование нового макрорегионального комплекса под названием Индо-Тихоокеанский регион, важно учитывать и ряд других объективных факторов. Это прежде всего региональный баланс сил, который представляет собой определенную конфигурацию соотношения сил в регионе и, как было упомянуто в Главе 1.4., применительно к макрорегиону Южной Азии и АТР характеризуется наличием следующих ведущих игроков: великие державы – США и Китай, региональные державы – Япония и Индия (которая находится в состоянии перехода к великодержавности), а также Пакистан и средние державы – Южная Корея, Австралия, среди стран АСЕАН – Индонезия).

Помимо этого, исходя из приведенного ранее определения регионального порядка, следует, что в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР должна быть определенным образом организована внутренняя структура. Полярность, согласно теории региональных комплексов безопасности, является совокупностью некоторого количества «центров силы», представленных соотношением числа великих и региональных держав. На основе этого, согласно положениям теории РКБ, региональной порядок подразделяется на однополярный, биполярный, многополярный и бесполярный. Однако, с учетом обозначенной ранее академической дискуссии относительно терминов «многополярный» и «полицентричный», более предпочтительным для данного исследования представляется второе определение, так как оно позволяет учитывать не только державы различного уровня, но и центры силы, неравные по своему потенциалу. Кроме того, исходя из взаимоотношений держав по шкале «сотрудничество-

соперничество» порядок также бывает кооперационного или конкурентного типа.

Важное место в региональном структурировании занимает и характер взаимоотношений между ключевыми центрами силы. С учетом фокуса данной работы на Китае и Индии, то в связи с этим на первый план исследования выходят помимо самих китайско-индийских отношений, взаимоотношения обеих стран с США, как великой державой. Значимую роль играют и отношения других региональных и средних держав с Пекином и Нью-Дели, прежде всего – Японии и Республики Корея. Помимо этого, определенное влияние оказывают и отношения Китая и Индии со странами Южной Азии и государствами АСЕАН.

Если рассматривать имеющиеся в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР центры силы, то прежде всего стоит выделить конкуренцию за региональное лидерство между Китаем и США – великими державами, двумя крупнейшими экономиками мира, одними из ведущих мировых военных держав, обладающих ядерным вооружением. В настоящее время двусторонние отношения этих стран носят характер долгосрочной конфронтации и стратегической конкуренции за глобальное и региональное лидерство. Китай в основных официальных стратегических документах США определен как одна из основных угроз и ключевой конкурент Вашингтона[1027]. Именно китайско-американские отношения являются одним из основных, но не единственным фактором, оказывающим сильное влияние на характер регионального порядка в Южной Азии и АТР.

Стратегия США в ИТР предполагает, что с целью комплексного сдерживания Китая необходимо обеспечить увеличение собственного военного потенциала, а также усилить альянсы с ключевыми союзниками в ИТР. Помимо этого, для США важно продолжить расширение сети гибких

[1027] Indo- Pacific Strategy of the United States. – Текст: электронный // White House. February 2022. 19 p. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

партнерств и других форматов для того, чтобы вовлечь больше региональных государств в сдерживание КНР и помешать ей занять доминирующие позиции в регионе, а также помочь США выиграть в технологической гонке с Пекином[1028]. В результате более напористых действий ряда ведущих держав, в первую очередь именно США, происходит эрозия центрального положения АСЕАН в региональной институциональной архитектуре, так как начинают продвигаться более эксклюзивные форматы.

Отношения Китая и США с другими региональными игроками имеют важнейшее значение для конфигурации формирующегося регионального порядка, так как именно эти две великие державы являются ведущими как по совокупной мощи, так и по степени своего влияния. В настоящее время Нью-Дели, хотя и является региональной державой, но по всем ключевым параметрам постепенно переходит к великодержавности и демонстрирует лидерское поведение. Но при этом она остается полностью независимым игроком с самостоятельной внешней политикой в духе традиций неприсоединения и неучастия в закрытых военно-политических альянсах. Именно поэтому в отличие от всех других центров силы, за исключением Китая, в Южной Азии и АТР, именно анализ позиции Индии является первостепенным для данного исследования.

Нью-Дели несмотря на то, что сотрудничает с США и их союзниками в рамках таких форматов как, в частности, Quad, во-первых, всегда подчеркивает, что остается в стороне от любых официальных союзов военно-политической направленности против третьих стран (включая Китай) и придерживается традиции неприсоединения, а, во-вторых, сохраняет пространство для диалога с Пекином, хотя и с оговорками, что двусторонние отношения с ним носят сложный характер. Китайско-индийские отношения, сочетающие помимо соперничества и сотрудничество, помогают Индии в силу ее заинтересованности в сохранении региональной стабильности и избегания

[1028] Там же.

конфликта с Китаем, а также наряду с ее многолетней традицией неприсоединения оставаться автономным участником региональных процессов и не вступать в закрытые военно-политические союзы с формальными обязательствами.

Именно поэтому отношения Китая и Индии являются еще одним весомым фактором, влияющим на структурирование регионального порядка. Значительное влияние двусторонних отношений Китая и Индии на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР объясняется как влиятельным статусом обеих держав исследуемом макрорегионе в целом, так и их совокупным политическим и экономическим весом в каждом из регионов, где они географические расположены: Индии – в Южной Азии, Китая – в АТР.

Помимо Китая, США и Индии, еще один значимый региональный игрок - это Япония, которая также является важным центром силы и региональной державой [1029] . В отношениях же с Китаем, Япония ставит целью противодействие Пекину и не допущение ситуации, при которой он бы стал доминирующей державой и смог бы изменить региональный порядок в свою пользу. Токио не разделяет подход по комплексному сдерживанию Пекина, так как имеет с Китаем очень тесное экономическое сотрудничество. Киреева А.А. отмечает, что после Второй мировой войны и до 2010–2011 гг. японская стратегия по отношению к КНР может быть охарактеризована как преобладание вовлечения с элементами сдерживания[1030]. В период же с 2012 г. наблюдается преобладание стратегического соперничества. В 2017-2018 гг. во время правления С. Абэ, отношения двух стран демонстрировали

[1029] Япония традиционно является важным экономическим партнером стран АСЕАН и в меньшей степени – Южной Азии. С. Абэ (2012-2020 гг.) сделал акцент не только на расширении финансово-экономических связей, но и на развитии военно-технического сотрудничества с АСЕАН. Токио придерживается самостоятельного подхода по многим региональным вопросам. Он развивает сотрудничество с Индией, включая даже совместное продвижение региональных инициатив. Стороны развивают активное военно-политическое сотрудничество. Колдунова Е.В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации. // Японские исследования. – 2024 - №1. - С. 115.

[1030] Киреева А.А. Китайская стратегия Японии. Вестник МГИМО-Университета. – 2013 – Т.32. - №5.- С. 39-46.

тенденцию к улучшению. Однако, это следует рассматривать лишь как нормализацию диалога. Серьезного же улучшения так и не последовало, так как важность дилеммы безопасности не исчезла. Сегодня речь скорее идет о менеджменте конфликтных отношений между Пекином и Токио[1031].

Отношения Японии и Индии, напротив, можно охарактеризовать как стратегическое партнерство. Обе стороны объединяет восприятие политики Китая в качестве ключевой угрозы безопасности. Аналогичным образом они имеют негативное отношение к китайской Инициативе ОПОП. Индия и Япония не заинтересованы в доминировании КНР на Индо-Тихоокеанском пространстве, и выступают за сохранение статус-кво, а также отстаивают принцип свободы морского судоходства. Однако, по ряду причин они не готовы к формированию полноценного военно-политического альянса. В основном это связано с важностью экономических связей каждой из стран с Китаем[1032].

Южная Корея и Австралия являются средними державами и союзниками США. В отличие от Индии, их нельзя назвать самостоятельными центрами силы, способными оказывать влияние на структурирование регионального порядка. Отношения Китая с Австралией носят достаточно напряженный характер, хотя Китай и остается ключевым торговым партнером Австралии. Пекин и Канберра скорее являются стратегическими оппонентами. Политика Австралии в отношении Китая во многом продиктована изменениями глобального баланса сил, связанными со становлением КНР как более влиятельного и сильного глобального и регионального игрока, а также тем, как эти изменения, и связанные с ними вызовы интерпретируются уже самой Австралией в контексте ее тесных военно-политических связей с США[1033].

[1031] Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. – 2020. - №1. – С. 21-47.

[1032] Киреева А.А. Япония и Индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. - 2020. - №7. – С. 91-102.

[1033] Gill B. Explaining the Troubled Australia-China Relationship // China Review. – 2023. – Vol. 23. – No. 1. – P. 243-275.

Отношения же Нью-Дели и Канберры, напротив, переживают бурный и динамичный рост. За последнее десятилетие индийско-австралийские контакты серьезно трансформировались: от достаточно слабого взаимодействия они превратились в одни из наиболее динамично развивающихся контактов Индии в рамках ИТР, охватывающих растущие торгово-экономические контакты, а также взаимодействие в сферах обороны, образования и технологий[1034].

Несмотря на статус ведущего торгового партнера Китая для Южной Кореи, отношения Пекина и Сеула, начиная с размещения Южной Кореей в 2017 г. американского комплекса ПРО «THAAD» и неофициальных экономических санкций со стороны Китая в ответ на этот шаг, стали более напряженными. Изменения в политике Сеула по отношению к Пекину по сравнению с президентством Мун Чжэ Ина произошли при администрации Юн Согёля, что было связано с усилением конкуренции между Китаем и США. При нем Южная Корея стала отходить от политики «стратегической двойственности» и более выраженно ориентироваться на США[1035], в том числе по отстаиванию размещения THAAD как прерогативы национальной безопасности[1036].

В августе 2023 г. в США впервые на самостоятельной основе (а не в рамках других международных мероприятий) прошел саммит лидеров США, Японии и Южной Кореи в Кэмп-Дэвиде (США), что положило начало институциализации нового механизма регионального партнерства[1037]. Было

[1034] Mehta P.S., Dasgupta A. India-Australia relations: Preparing for CECA. – Текст: электронный. // The Economic Times. Jan 24, 2024. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-australia-relations-preparing-for-ceca/articleshow/107101205.cms?from=mdr (дата обращения: 10.10.2024.)

[1035] Cook R. J., Ohle M., Han Z. South Korea's Foreign Policy Shifts Under President Yoon and Implications for the Sino-US Peer Competition //Korea Observer. – 2024. – Vol. 55. – No. 1. P.1.

[1036] Асмолов К.В. Глава 1. Китай и государства Корейского полуострова в 2023 г.: текущее состояние и перспективы // в Современные проблемы Корейского полуострова: 2023. ред. Самсонова В.Г. Рос. акад. наук; Инт Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2023. — С. 70-76.

[1037] Давыдов О.В. К итогам трёхстороннего саммита США–РК–Япония: корейский угол. – Текст электронный. // ИМЭМО РАН. 22.08.2023. URL: https://www.imemo.ru/special-rubrics/pacific-asia-in-focus/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner (дата обращения: 01.03.2024).

принято решение расширить военно-политическое и технологическое сотрудничество, в рамках которого Китай позиционируя как значимый вызов. Проведение Сеулом в ноябре 2024 г. под эгидой США Третьего Саммита за демократию с участием Тайваня (КНР считает Тайвань своей территорией), еще больше осложнили отношения с материковым Китаем.

При этом, Пекин упоминается среди важных региональных партнеров Южной Кореи в ее Стратегии в ИТР.[1038]. В мае 2024 г. в Сеуле прошел трехсторонний саммит с участием лидеров Южной Кореи, Китая и Японии, который стал первой встречей после 2019 г., когда диалог был приостановлен из-за пандемии COVID-19. Хотя, результаты встречи оценивались, как сдержанные, проведение форума свидетельствует о попытках сторон в поиске механизмов для предотвращения дальнейшей деградации сотрудничества в Северо-Восточной Азии[1039].

Индия положительно оценивает развитие отношений с Южной Кореей[1040]. В частности, отмечается, что политика Н. Моди «Действуй на Востоке» и «Новая южная политика» Мун Чжэ Ина, объявленная в 2017 г., в значительной степени дополняли друг друга, поскольку были сосредоточены на расширении деловых связей как между собой, так и с экономиками стран АСЕАН. Одной из главных целей стратегии Южной Кореи в ИТР от 2022 г. является как раз развитие стратегического сотрудничества с Индией[1041]. При этом, важно подчеркнуть, что что отношения Нью-Дели и Сеула

[1038] Introducing the Indo-Pacific Strategy. — Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. December 2022. P.14. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

[1039] Давыдов О.В. К итогам трехстороннего саммита РК – КНР – Япония: южнокорейский угол. – Текст: электронный. // ИМЭМО РАН. 29.05.2024. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/to-the-results-of-the-trilateral-summit-of-the-republic-of-korea-china-japan-the-south-korean-angle (дата обращения: 12.10.2024).

[1040] India – Republic Of Korea Bilateral Relations. - Текст: электронный. // Ministry of External Affairs. Government of India. 12 July 2024. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-ROK_Bilateral_relations_July_2024.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

[1041] Introducing the Indo-Pacific Strategy. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. December 2022. P. 24. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

преимущественно сосредоточены на экономическом сотрудничестве[1042], тогда как военно-политическое взаимодействие не столь тесное.

Помимо Китая, Индии, США и Японии как ведущих центров силы формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР, существует и ряд средних и небольших игроков, которые стремятся к развитию многоплановых отношений со всеми из упомянутых центров силы. В частности, это большинство стран АСЕАН. Ассоциация выступает за центральное положение АСЕАН, что призвано стать одной из несущих основ регионального полицентричного порядка. Государства Южной Азии, хотя и находятся под сильным влиянием Индии, обусловленным историческими и географическими факторами, также демонстрируют стремление к диверсификации внешнеполитических и экономических связей, в первую очередь с КНР.

Учитывая такую балансирующую позицию большинства стран Южной Азии и АСЕАН, для оценки их роли в структурировании регионального порядка важно понять характер их взаимоотношений с Китаем и Индией как с одними из ведущих центров силы. Китай в последнее десятилетие усиливает связи со странами региона Южной Азии, включая Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланку, Непал и Бутан, в то время как Индия проникает глубже в регион Восточной Азии через развитие отношений с АСЕАН, Японией и Республикой Корея.

Государства АСЕАН и Южной Азии с одной стороны, является стабилизирующим фактором, при котором и Пекин, и Нью-Дели заинтересованы в создании благоприятной и процветающей внешней среды в регионе. Именно поэтому индийские и китайские региональные проекты так или иначе связаны с привлечением этих государств. С другой – амбициозные задачи развития Китая и Индии требуют как привлечения внешних ресурсов,

---

[1042] Большую роль в расширении экономического сотрудничества подписанное 7 августа 2009 года соглашение о свободной торговле.

так и упрочения собственных позиций в регионе за счет укрепления торгово-экономических связей в Южной Азии и АТР. Это приводит к обострению конкуренции Китая и Индии за региональное влияние.

В этой связи представляется важным в отдельности рассмотреть отношения Китая и Индии с государствами АСЕАН и Южной Азии, чему и будет посвящено дальнейшее повествование.

Отношения Китая со странами АСЕАН.

Страны АСЕАН в большинстве своем заинтересованы в развитии сбалансированных отношений с различными региональными акторами (прежде всего, США, Китаем, Японией, Индией и Россией), что обеспечивает им сохранение стратегической автономии и позволяет извлекать выгоду от разнопланового экономического сотрудничества. В китайской внешней политике традиционно центральное место занимают отношения со странами Юго-Восточной Азии. Как констатирует Колдунова Е.В., регион исторически всегда находился под сильным влиянием Китая [1043]. Пекин причисляет отношения со странами АСЕАН к «периферийной дипломатии» [1044]. Отношения с Ассоциацией в Китае называют *«самыми динамичными, самыми содержательными и самыми взаимовыгодными»*[1045].

Для Китая АСЕАН интересна прежде всего в качестве важного торгово-экономического партнера. В 2020 г. АСЕАН заняла первое место среди крупнейших торговых партнеров Китая, опередив США и Европейский Союз. Торговля товарами составила рекордные 500 млрд долл.[1046] При этом, КНР

[1043] Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка. // Сравнительная политика. – 2019 – Т.10. - №4. - С. 52-55.

[1044] Также: «дипломатия ближайшего окружения» / «дипломатия доброссоедства» (чжоубянь вайцзяо). Nian P. Will China-ASEAN Relations Take a Turn for the Better Post-Pandemic? – Текст электронный // The Diplomat. 6 January 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/01/will-china-asean-relations-take-a-turn-for-the-better-post-pandemic/ (дата обращения: 10.04.2024).

[1045] Го Цянь. Чаоюэ мэйоу: вэйхэ дунмэн чэнвэй чжунго диида маои хобань? [Го Цянь. Опередив США и Европу! Почему АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая?] // Чжунъян гуанбо дяньши цзунтай янши синьвэнь. 10.08.2023. URL: https://news.cctv.com/2023/08/10/ARTITsirk8R61RLvtPf7iJ8T230809.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

[1046] ASEAN statistical yearbook 2021 // The ASEAN Secretariat Jakarta. Decemberю - 2021. – P. 53. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/12/ASYB_2021_All_Final.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

стала крупнейшим торговым партнером АСЕАН еще в 2009 г., а в 2010 г. АСЕАН и Китай создали ЗСТ[1047]. В 2018 г. между Китаем и АСЕАН было подписано Стратегическое видение партнерства на период до 2030 г. Определенную роль в стимулировании торговли Китая с Ассоциацией сыграло вступление в силу в начале 2022 г. Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) [1048]. По итогам 2024 г., Пекин сохранил первое место среди ведущих торговых партнеров Ассоциации: так, его доля в импорте товаров странами АСЕАН составила 23,9%, а в структуре экспорта АСЕАН на Китай пришлось 15,9%[1049].

Можно говорить о высокой степени торговой взаимодополняемости у Китая с АСЕАН, особенно в области высокотехнологичной электроники, что связано с высоким уровнем развития цепочек добавленной стоимости и интеграцией стран АСЕАН в мировую экономику[1050]. Китай и АСЕАН тесно связаны цепочками добавленной стоимости, созданными Японией, ЕС, США и Южной Кореей. Подобного рода иностранные производства (США, ЕС, Японии и Республики Корея) создавались для выпуска различных комплектующих в странах АСЕАН (особенно в «азиатских тиграх») с целью их последующей финальной сборки уже в КНР[1051].

Именно благодаря хорошо налаженным производственным и логистическим связям значительную часть товарооборота между КНР и АСЕАН занимает промежуточная продукция и компоненты. Примечательно,

---

[1047] По итогам саммита Китай-АСЕАН в сентябре 2023 г. (г. Джакарта) КНР предложила активизировать переговоры по созданию ЗСТ «Китай-АСЕАН версии 3.0» и завершить их до конца 2024 г.

[1048] Trade between China and ASEAN Grows 15% in 2022, First Year of RCEP's Enforcement. — Текст: электронный // Global Times. 13 January 2023. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202301/1283779.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

[1049] ASEAN Statistical Highlights 2024. // ASEANstats. 2024. P. 7. URL: https://www.aseanstats.org/publication/ash-2024/ (дата обращения: 16.01.2025).

[1050] Tang C., Rosland A., Yasmeen R. The comparison of bilateral trade between China and ASEAN, China and EU: From the aspect of trade structure, trade complementarity and Structural Gravity Model of Trade // Applied Economics. 2023. - P. 1–13.

[1051] Xavier D. South-East Asia on a par with the United States in terms of global exports [L'Asie du Sud Est, à parité avec les États Unis dans les exportations mondiales] // Bulletin de la Banque de France. – 2023. – No. 246. P. 1-9.

что о сильной интегрированности производственных цепочек Китая и АСЕАН свидетельствует то, что только в период 2010-18 гг. доля Китая в иностранной добавленной стоимости в экспорте АСЕАН выросла почти на 10%[1052]. Кроме того, со временем китайское высокотехнологичное производство стало более конкурентным. В этой связи импорт странами АСЕАН продукции с высокой добавленной стоимостью из КНР постепенно вырос с 3 млрд долл. в 2000 г. до 54,1 млрд долл. в 2019 г.[1053] При этом, Пекин остается одним из крупнейших инвесторов в экономики государств АСЕАН, занимая 5 место после США, ЕС, самих государств АСЕАН и Японии с долей в 6,9% (15 млрд долл.) от общего объема ПИИ в 2022 г.[1054].

Многие развитые страны, включая США и Японию, с учетом нарастания напряженности в американо-китайских отношениях, с целью диверсификации глобальных цепочек создания стоимости переходят к схеме «Китай+1», хеджируя возможные риски. В последнее время происходит снижение ПИИ в Китай: в 2023 г. страна привлекла $13 млрд долл. ПИИ, что отражает снижение их объемов на 17% в период 2019-2023 гг., в то время как в странах Юго-Восточной Азии за тот же период времени наблюдался рост на 20%[1055]. Причем в перспективе дополнительной производственной площадкой в рамках диверсификации ЦДС по схеме «Китай+1» помимо стран АСЕАН может стать и Индия. Однако, это возможно только при условии реализации реформ в торгово-экономической и промышленной сферах[1056].

[1052] После начала «торговой войны» администрации Д. Трампа с Китаем в 2016 г. некоторые страны АСЕАН (преимущественно Вьетнам) стали выигрывать от массового переноса производства китайскими компаниями за рубеж – в основном в ЮВА во избежание попадания по тарифы. Xavier D. South-East Asia on a par with the United States in terms of global exports [L'Asie du Sud Est, à parité avec les États Unis dans les exportations mondiales] // Bulletin de la Banque de France. – 2023. – No. 246. P. 1-9.

[1053] Suan Y.F., Wei S. Regional Integration Key to China's Role in High-Tech Value Chains. – Текст электронный // ASEAN+3 Macroeconomic Research Office - AMRO ASIA. 29 June 2023. URL: https://amro-asia.org/regional-integration-key-to-chinas-role-in-high-tech-value-chains/ (дата обращения: 10.04.2024).

[1054] ASEAN statistical yearbook 2023 // The ASEAN Secretariat Jakarta. December - 2023. - P. 342. https://asean.org/book/asean-statistical-yearbook-2023/ (дата обращения: 16.10.2024).

[1055] Chu F., Sridhar M., Mundra N., Arora, S. Diversifying global supply chains: Opportunities in Southeast Asia. – Текст электронный // McKinsey & Company. September 5, 2024. URL: https://www.mckinsey.com/industries/logistics/our-insights/diversifying-global-supply-chains-opportunities-in-southeast-asia (дата обращения: 23.12.2024).

[1056] Ноздрев С.В. Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции. Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 52.

Примечательно, что в последние годы наметилась также и аналогичная тенденция на перенос производства уже из самой КНР в страны АСЕАН. В некоторых исследованиях отмечается, что АСЕАН превращается в «офшорную производственную базу» для китайских компаний, которые значительно нарастили ПИИ в страны до 17,6 млрд долл. в 2023 г., тогда как в 2020 г. было направлено всего 7,5 млрд долл. Основными сферами приложения инвестиций стали: производство электромобилей, сектор высоких технологий, добыча полезных ископаемых и развитие инфраструктуры, включая проекты в области цифровых технологий и возобновляемых источников энергии[1057].

Большую роль в развитии сотрудничества Китая с АСЕАН играют проекты в рамках ОПОП. В странах АСЕАН под эгидой Инициативы реализуется более 50 различных инфраструктурных проектов[1058]. В 2020 г. на долю стран АСЕАН пришлось 36% от всех вложений в рамках Инициативы [1059] . Для Пекина страны Ассоциации являются источником импорта важных природных ресурсов, производственных материалов и сырья, а также электронных деталей и компонентов[1060]. Китай активно задействует инструменты сотрудничества по вопросам новых вызовов и угроз, что должно помочь уменьшить степень поддержки антикитайских стратегий США в

[1057] Kelly B., Wester S. ASEAN Caught Between China's Export Surge and Global De-Risking. – Текст электронный // Asia Society Policy Institute. February 17, 2025. https://asiasociety.org/policy-institute/asean-caught-between-chinas-export-surge-and-global-de-risking (дата обращения: 20.02.2024).

[1058] Park A., Tritto A., Sejko D. The Belt and Road Initiative in ASEAN — Overview. – Текст электронный // HKUST — Hong Kong University of Science and Technology. Institute for Emerging Market Studies. March, 2021. URL: https://iems.ust.hk/ publications/ reports/ uob-bri-overview (дата обращения: 16.02.2024).

[1059] Kaho Y. The Belt and Road Initiative in Southeast Asia after COVID-19: China's Energy and Infrastructure Investments in Myanmar. – Текст электронный // ISEAS — Yusof Ishak Institute. 2021. URL: https://www.iseas.edu.sg/ ar-ticles-commentaries/ iseas-perspective/ 2021–39-the-belt-and-road-initiative-in-southeast-asia-after-covid-19-chinas-energy-and-infrastructure-investments-in-myanmar-by-kaho-yu/ (дата обращения: 16.02.2024).

[1060] В структуре двусторонней торговли Китая и АСЕАН 50% импорта и экспорта составляет готовая и промежуточная продукция, а на долю электронных компонентов приходится 37,2% всего импорта Китая из АСЕАН. / Ruan W.X., Yu X., Wang S.Y., Zhao T.C., Liu Y.Z. Exploration of China–ASEAN Trade Relations in the Context of Sustainable Economic Development—Based on the Lotka–Volterra Model» // Sustainability. 2023.

регионе со стороны стран ЮВА[1061]. В ходе 26-го саммита Китай–АСЕАН в сентябре 2023 г. стороны договорились расширять морское сотрудничество, в том числе в сфере охраны окружающей среды и биоразнообразия.

Китай выступает не только как всеобъемлющий стратегический партнер АСЕАН, но и является частью ряда механизмов регионального сотрудничества, включая «АСЕАН+3» (Китай, Япония и Южная Корея) и Восточноазиатский саммит (ВАС). При этом, интересы Пекина во многом состоят в том, чтобы ограничить роль и влияние неазиатских акторов (прежде всего США и их союзников) в решении ключевых региональных вопросов[1062]. Отношения КНР и АСЕАН в Южно-Китайском море осложняются тем, что между Пекином и некоторыми членами АСЕАН существует территориальный спор (приложение 6) вокруг Парасельских островов (Сиша – спор КНР с Вьетнамом, претендует также Тайвань) и архипелага Спратли (Наньша – с Филиппинами, Малайзией, Вьетнамом, Брунеем, а также претендует Тайвань). В связи с этим наиболее частые столкновения морских патрулей и эскалация напряженности наблюдается между КНР и Филиппинами. Резкая реакция Китая на решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге в основном в пользу Филиппин в июле 2016 г. по поводу легальности «девятипунктирной линии» и деятельности КНР в Южно-Китайском море спровоцировала рост геополитической напряженности в Юго-Восточной Азии[1063].

Ряд китайских исследователей отмечает, что Пекин положительно оценивает Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН[1064] с той точки зрения, что

[1061] Xue G. Non-traditional security cooperation between China and South-East Asia: implications for Indo-Pacific geopolitics // International Affairs. January 2020 - Vol.96. - No.1. - P. 29–48.

[1062] Ваймэй шупин: чжунго юй дунмэн чисюй цянхуа хэцзо тайши [Комментарий зарубежных СМИ: Китай и АСЕАН продолжают укреплять сотрудничество] // Чжунго наньхай яньцзююань [Китайский научно-исследовательский институт Южно-Китайского моря]. 06.09.2023. URL: http://www.nanhai.org.cn/info-detail/24/14328.html (дата обращения: 10.04.2024).

[1063] Korolev A., Portyakov V. China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation // Asian Perspective. 2018. - Vol.42. - No.3. - P. 411-415.

[1064] Ди Кунь. Кэфу чжисин маодунь: Чжунго - дунмэн хэцзо юй дицюй чжисюй юхуа. [Преодолевая противоречия между знаниями и действиями: сотрудничество Китая и АСЕАН и оптимизация регионального порядка] // Тайпинъян сюэбао [Журнал Тихого океана.]. 15.03.2022. URL: https://www.essra.org.cn/view-1000-3622.aspx (дата обращения: 16.10.2023).

оно является более нейтральной альтернативой американской Стратегии в ИТР, имеющей более выраженный антикитайский характер[1065]. По итогам саммита Китай–АСЕАН в сентябре 2023 г. Пекин выразил стремление способствовать продвижению взаимовыгодного сотрудничества в рамках инициативы ОПОП и Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН[1066]. На самом деле такая декларативная поддержка центральной роли Ассоциации позволяет Китаю под эгидой многостороннего сотрудничества продвигать свои инициативы – по безопасности, глобальному развитию и глобальной цивилизации, выдвинутые в 2022-2023 гг. АСЕАН является для КНР важным партнером по обсуждению вопросов свободы морского судоходства в Южно-Китайском море, хотя и понимание этих вопросов сильно различается, и КНР заинтересована, прежде всего, в продвижении своего видения[1067].

Стратегически углубление контактов с АСЕАН важно для КНР также и с целью нивелирования планов США по ослаблению ее позиций в ЮКМ посредством операций по поддержанию свободы морского судоходства (FONOP), так и в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии. В этой связи Пекину для снижения градуса подобных процессов секьюритизации важно заручиться поддержкой со стороны АСЕАН. Именно поэтому Китай, в противовес США, стремится играть более активную роль на ключевых региональных площадках по вопросам обширной региональной повестки (ВАС) и безопасности (АРФ)[1068]. Малаккский пролив является важнейшим каналом транспортировки

[1065] Чжан Цзе. Дунмэн чжунсинь чжуи чунгоу юй чжунго - дунмэн гуаньси дэ фачжань [Реконструкция АСЕАН-центризма и развитие отношений Китай–АСЕАН] // Гоцзи вэньти яньцзю [Журнал «Международные исследования»]. 2021. – Т. 3. - №1. - С. 118-135.

[1066] Китай предложил завершить переговоры о создании зоны свободной торговли Китай–АСЕАН версии 3.0 до конца 2024 года // *Синьхуа*. 07.09.2023. URL: http://russian.news.cn/20230907/ef47d24786c04241b40caa8dbe72752e/c.html (дата обращения: 16.10.2023).

[1067] How Much Trade Transits the South China Sea? – Текст электронный. // Center for Strategic and International Studies. January 25, 2021. URL: https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/#easy-footnote-bottom-1-3073 (дата обращения: 16.10.2023).

[1068] Jia Q. Reconstructing China's Role in Regional Security // East Asia Forum. 20 November 2022. URL: https://www.eastasiaforum.org/2022/11/06/reconstructing-chinas-role-in-regional-security/. (дата обращения: 16.10.2023).

энергоресурсов (92 % китайского импорта нефти приходится на морские перевозки) и известен в Китае как «морская трасса жизни» (海上生命线 «хайшан шэнминсянь»)[1069].

В плане развития военного сотрудничества Китай в последние годы сделал ставку не на выделении отдельных опорных стран, а сконцентрировался на взаимодействии с максимально возможным количеством партнеров в регионе, инициируя в том числе сетевые форматы военной дипломатии. Стали проводиться регулярные совместные военные учения с Таиландом, Камбоджой, Лаосом, Малайзией, Вьетнамом, Сингапуром. В 2023 г. помимо двусторонних военных учений, были организованы многосторонние маневры КНР сразу с пятью странами-членами АСЕАН[1070]. Всего же в 2023 г. Китай принял участие в 14 различных совместных учениях в рамках развития сотрудничества по вопросам безопасности со странами Юго-Восточной Азии, что стало абсолютным рекордом для Пекина по количеству подобных мероприятий со странами АСЕАН за один год. Это может быть связано как с попытками компенсировать отсутствие учений в период пандемии COVID-19, так и причинами стратегического характера – стремлением КНР модернизировать НОАК и превратить ее в армию «мирового класса» к 2050 г., для чего важен обмен опытом с другими странами, так и общим негативным фоном усиления китайско-американской конкуренции в ИТР[1071].

[1069] Хао Юй. Поцзе вого нэнъюань дили куньцзюй дэ дуйцэ яньцзю [Исследование контрмер для решения дилеммы Китая в области географии энергетики] // Жэньминь луньтань. 01.02.2023. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2023-02/01/content_25968143.htm (дата обращения: 16.10.2023).

[1070] Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Камбоджа и Лаос. Noy H. China hosts military exercises with 5 ASEAN members. – Текст электронный. // Voice of America. November 18, 2023. URL: https://www.voanews.com/a/china-hosts-military-exercises-with-5-asean-members/7360416.html (дата обращения: 16.10.2024).

[1071] Shin W.W. China held a record number of military exercises with ASEAN states in 2023. What's fuelling the spike? – Текст электронный. // CNA. February 5, 2024. URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/china-record-number-military-exercises-southeast-asia-asean-states-regional-influence-4091536 (дата обращения: 16.12.2024).

В 2010 г. Китай присоединился к формату СМОА+, после чего стали проводиться неформальные встречи министров обороны КНР и стран АСЕАН. В 2018 г. Китай выступил с предложением проводить совместные учения ВМФ КНР и десяти стран АСЕАН[1072]. Камбоджа и Лаос стали занимать все более прокитайскую позицию, что обусловлено в том числе их активным участие в инициативе ОПОП. Военное правительство Мьянмы из-за внешнеполитической изоляции также во многом ориентируется именно на Китай.

Таким образом, отношения Китая со странами АСЕАН традиционно сконцентрированы на вопросах экономического сотрудничества. Это связано как с ведущими позициями Китая в качестве крупнейшего торгового партнера Ассоциации, так и взаимной интеграцией КНР и стран АСЕАН в цепочки добавленной стоимости, обусловленной особенностями развития структур экономик этих стран и интересов крупных ТНК развитых стран. В последние годы заметна и активизация сотрудничества в рамках проведения совместных учений КНР со странами АСЕАН по вопросам поддержания региональной безопасности. Это может свидетельствовать о попытках Пекина за счет развития «оборонной дипломатии» снизить напряженность в отношениях со странами региона на фоне активизации соперничества с США. .

Отношения Индии с государствами АСЕАН.

Для Индии, реализующей свою внешнюю политику с опорой на принципы неприсоединения и многовекторности, отношения с АСЕАН является естественным стратегическим выбором. В 1992 г. премьер-министром Н.Рао была инициирована политика «Смотри на Восток». В результате проведения первого в истории саммита АСЕАН–Индия (г. Пномпень) в 2002 г. стороны подтвердили курс на дальнейшее налаживание

[1072] Колдунова Е.В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации. // Японские исследования. – 2024 - №1. - С. 119.

отношений. В 2010 г. Индия заключила с АСЕАН соглашение о свободной торговле. Сегодня АСЕАН занимает четвертое место в числе крупнейших торговых партнеров Индии, уступая лишь ЕС, США и Китаю[1073]. Торговый оборот в 2021 г. достиг 110 млрд долл., что в совокупном объеме внешней торговли Индии составляло порядка 11%[1074]. В 2023 г. совокупный объем торговли вырос на 4% до 131, 6 млрд долл.[1075] При этом, удельный вес Индии в структуре экспорта АСЕАН в 2020 г. составлял всего 2,8 %, а импорта – 2,1 %[1076].

В отличие от экономик стран АСЕАН, которые изначально ориентированы на экспорт с развитой производственной базой, индийская экономика, напротив, в значительной степени ориентирована на сферу услуг и сельское хозяйство. Кроме того, Нью-Дели не смог в полной мере извлечь выгоду от Соглашения о свободной торговле, действующего с 2009 г., что привело к более высокому проникновению стран АСЕАН на индийский рынок, тогда как экспорт Индии в АСЕАН значительно отстает[1077]. Индия в основном импортирует из стран АСЕАН энергоносители (30%), пищевое масло (12%), электрическое и электронное оборудование (10%), а также машины и механические приборы (8%) [1078] . В пятерку крупнейших экспортируемых Индией товаров в страны АСЕАН входят: топливо, машины, корабли и лодки, органические химикаты и транспортные средства [1079] .В

[1073] Bhatt A. Study of International trade relation of India with ASEAN // Social Science Research Network. SSRN. - 2021. - P. 1-17.

[1074] Foreign Trade (ASEAN) // Government of India. Ministry of Commerce and Industry. URL: https://commerce.gov.in/about-us/divisions/foreign-trade-territorial-division/foreign-trade-asean/ (дата обращения: 21.10.2024).

[1075] Foreign Trade (ASEAN) // Government of India. Ministry of Commerce and Industry. URL: https://www.commerce.gov.in/about-us/divisions/foreign-trade-territorial-division/foreign-trade-asean/ (дата обращения: 21.12.2024).

[1076] ASEAN statistical yearbook 2021 // The ASEAN Secretariat Jakarta. Decemberю - 2021. – P. 53. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/12/ASYB_2021_All_Final.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

[1077] Bhowmick S. India's evolving trade strategy with ASEAN. – Текст электронный. // ORF. August 31, 2024. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/india-s-evolving-trade-strategy-with-asean (дата обращения: 21.11.2024).

[1078] India may diversify its import source for 27 goods in favour of ASEAN. – Текст электронный. // World Trade Center. Mumbai. 2022-23. URL: https://www.wtcmumbai.org/pdf/daily%20news/September%2026,%202022.pdf (дата обращения: 21.11.2024).

[1079] Kantha S. – Текст электронный. // NatStrat. April 22, 2021. URL: https://www.natstrat.org. (дата обращения: 21.11.2024).

секторе услуг государства - члены АСЕАН и Индия имеют в схожей степени развитые и конкурентные предложения. В тройку ведущих партнеров Индии в торговле входят Индонезия, Сингапур и Малайзия.

Несмотря на то, что темпы развития транспортно-логистического и инфраструктурного сотрудничества Индии со странами Ассоциации в сравнении с китайскими проектами, остаются относительно низкими, а по некоторым проектам (скоростное шоссе Индия–Мьянма–Таиланд) сдвигаются сроки завершения, Нью-Дели рассчитывает на их активизацию в будущем. В фокусе внимания Нью-Дели находятся такие проекты, как строительство железнодорожной ветви между Нью-Дели и Ханоем, а также создание экономического коридора Меконг–Индия и др. [1080] Последний считается мостом между Индией и субрегионом Меконга (Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам) [1081] . Очевидно, что без создания современной транспортной и логистической инфраструктуры в регионе Индии сложно реализовать поставленную Н. Моди цель перехода к развитой экономике к 2047 г.

Кроме того, развитие более тесных экономических связей с АСЕАН должно способствовать поддержанию внутреннего роста индийской экономики, которая становится все более технологичной [1082] . Индия демонстрирует конкурентные преимущества в таких направлениях, как сфера услуг и информационных технологий, электронная коммерция, системы

[1080] В мае 2023 г. был открыт построенный Индией порт Ситтве в штате Ракхайн (Мьянма) - часть индийского экономического коридора «Каладан». В сентябре 2023 г. в рамках 18-го Восточноазиатского саммита Индия предложила развитие совместного международного мультимодального транспортного коридора АСЕАН–Индия–Западная Азия–Европа. Данная инициатива в перспективе могла бы дополнить анонсированный в ходе саммита Группы двадцати в 2023 г. экономический коридор Индия — Ближний Восток — Европа (IMEC), который развивает логику укрепления экономического сотрудничества группы I2U2 (Индия, Израиль, США и ОАЭ), созданной в 2021 г.

[1081] Dang T.T., Nguyen T.O., Tran N.D., Nguyen D.T. Transport Infrastructure Connectivity through the Mekong – India Economic Corridor: A Case Study of India and Vietnam. // FOCUS: Journal of International Business / Journal Press India. – 2022 - Vol. 9 - No. 1. - P 22-45.

[1082] Banik N., Kim M. India–ASEAN Trade Relations: Examining the Trends and Identifying the Potential // Global Business Review. - 2020. – Vol. 15. – No. 4. – P. 795–814.

электронных платежей и финтех [1083]. Определенный потенциал для сотрудничества отмечается и в секторе цифровой взаимосвязанности (digital connectivity)[1084]. На Деловом форуме БРИКС в 2023 г. Н. Моди заявил, что данные направления находится в фокусе политики «Делай в Индии, делай для всего мира».

Вместе с тем, в отличие, например, от экономического сотрудничества Китая и АСЕАН, Индия и страны Ассоциации не имеют столь развитых и взаимно интегрированных связей цепочек добавленной стоимости, что ограничивает потенциал торговли высокотехнологичной продукцией с высокой добавленной стоимостью. Еще одним отличием с Китаем является более консервативная внешнеэкономическая политика Индии. Неучастие Индии, в отличие от КНР, в региональных интеграционных объединениях, включая запущенный в 2022 г. ВРЭП с участием стран АСЕАН, также негативно влияет на ее привлекательность среди стран Ассоциации.

Индия за счет углубления отношений с АСЕАН стремится повысить свою роль как более активного участника ключевых региональных процессов. В 2019 г. в структуре МИД Индии был создан специальный Индо-Тихоокеанский отдел, отвечающий за взаимодействие со странами АСЕАН и Quad [1085]. Укрепление связей с АСЕАН способно усилить региональные позиции Индии, а также повысить ее статус восходящей мировой державы[1086].

[1083] Rohit S., Nataraj G. India–ASEAN FTA in Services: Good for the Region, Very Good for India. – Текст электронный // East Asia Forum. 9 May 2013. URL: https://www.eastasiaforum.org/2013/07/30/india-asean-fta-in-services-good-for-the-region-very-good-for-india-2/ (дата обращения: 16.10.2023).

[1084] Majumdar S.K., Sarma A.P. E-commerce and digital connectivity: unleashing the potential for greater India–ASEAN integration // Journal of Asian Economic Integration. - 2020. - Vol. 2. - No. 1. - P. 62-81.

[1085] Н. Моди неоднократно подчеркивал, что ИТР простирается «от берегов Африки до берегов Америки». Такая формулировка придает более широкие территориальные границы данного макрорегиона, тем самым подчеркивая его более инклюзивный характер, о чем регулярно заявляет и АСЕАН. Куприянов А.В. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие // Сравнительная политика. - 2021. - № 4. - С. 68-81.

[1086] Rohit S., Nataraj G. India–ASEAN FTA in Services: Good for the Region, Very Good for India. – Текст электронный // East Asia Forum. 9 May 2013. [Электронный ресурс] URL: https://www.eastasiaforum.org/2013/07/30/india-asean-fta-in-services-good-for-the-region-very-good-for-india-2/ (дата обращения: 16.10.2023).

АСЕАН для Индии является также и одним из ключевых направлений поддержания «самодостаточной внешней политики». Укреплению позиций Индии в регионе способствует также и ее достаточно близкое с АСЕАН понимание характера регионального порядка. Это выражается в их подходах к определению Индо-Тихоокеанского региона, который обе стороны рассматривают как инклюзивное пространство. Нью-Дели подчеркивает приверженность принципам неприсоединения, замечая, что даже Quad официально не является военной коалицией.

Индия заинтересована в сохранения центральной роли АСЕАН, так как это позволяет ей самой участвовать в разнообразных региональных форматах и продвигать полицентричное устройство регионального порядка. Усиление Индии в регионе совпадает с интересами самих стран АСЕАН, ряд из которых положительно воспринимают ее роль в балансировании позиций Пекина[1087]. Нью-Дели также заинтересован в балансировании усиления Китая. В своей речи на «Диалоге Шангри-Ла» в июне 2018 г. Н. Моди подчеркивал принцип равенства всех наций, «больших и малых», что отражает опасения относительно усиления КНР[1088]. Как отмечал Лунев С.И., Индия убеждает Китай в том, что ее отношения с АСЕАН не направлены на сдерживание Китая, однако политический курс Индии и стремление ряда стран региона использовать ее в качестве балансира против Китая приводят к осложнениям в отношениях Пекина и Нью-Дели[1089].

АСЕАН играет важную роль в обеспечении безопасности Индии, учитывая нахождение стран Ассоциации в районе стратегически важных транспортно-логистических узлов (включая Малаккский пролив). На

[1087] Nachiappan K. India–ASEAN Relations: Riding and Transcending the “Indo-Pacific” Wave // The Journal of Indian and Asian Studies. 2021. - Vol. 2. - No. 02. – P. 17.

[1088] Rajesh R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy // International Affairs. - 2020. - Vol. 96. - No. 1. - P. 75-93.

[1089] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы. Европы. - 2020. – Т. 105. - № 1. - С. 182-212.

двустороннем уровне диалог у Нью-Дели по вопросам обороны и безопасности налажен с Сингапуром, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Таиландом. В многостороннем формате Нью-Дели участвует в Региональном форуме АСЕАН и Восточноазиатском саммите [1090]. На уровне всего объединения в мае 2023 г. Индия и АСЕАН впервые провели совместные военно-морские учения в Южно-Китайском море.

ВМС Индии обладают относительно слабыми возможностями для осуществления подводного наблюдения, в связи с чем сотрудничество с АСЕАН, страны-члены которой расположены близ важнейших проливов, соединяющих Индийский океан с ЮКМ [1091], позволяет Индии лучше оценивать действия ВМФ КНР [1092]. Контроль Индии за северной частью Индийского океана, включая Андаманские и Никобарские острова, позволяет в перспективе проецировать свою вооруженную силу в Южно-Китайском море, пройдя через Малаккский пролив.

На региональном уровне АСЕАН стремится поддерживать роль самостоятельного центра силы. Китай пытается более активно вовлекать страны Ассоциации в орбиту своего влияния за счет различных инструментов экономического и инфраструктурного развития под эгидой ОПОП. АСЕАН заинтересована в Китае, как важном торговом партнере, особенно с учетом глубокой интеграции налаженных между ними ЦДС.

Индияс учетом относительной ограниченности своих внешнеэкономических возможностей в сравнении с Китаем, помимо развития экономических проектов, стремится к более тесному взаимодействию со

[1090] Grossman D. India Is Becoming a Power in Southeast Asia. –– Текст электронный. // RAND Corporation. 10 July 2023. URL: https://www.rand.org/blog/2023/07/india-is-becoming-a-power-in-southeast-asia.html. (дата обращения: 16.10.2023).

[1091] Подводные лодки КНР, которые с 2013 г. стали более активно использовать акваторию Индийского океана, регулярно проходят через Малаккский, Ломбокский и Зондский проливы. / Prakash P. China’s Emerging Subsurface Presence in the Indian Ocean. – Текст электронный // The Diplomat. 10 December 2022. URL: https://thediplomat.com/2022/12/chinas-emerging-subsurface-presence-in-the-indian-ocean/ (дата обращения: 16.10.2023).

[1092] Baruah D.M. Expanding India's Maritime Domain Awareness in the Indian Ocean // Asia Policy. 2016. - Vol. 22. - No. 1. - P. 49-55.

странами АСЕАН по вопросам регионального характера. Индия и АСЕАН не связаны тесными цепочками добавленной стоимости. При этом АСЕАН заинтересована в Индии, так как центральное положение Ассоциации в региональной архитектуре подорвано, и АСЕАН нуждается в расширении сотрудничества со значимыми центрами силы,. В целом, позиции Китая и Индии в ЮВА разные: Китай является одним из ведущих игроков в данном регионе, в то время как позиции Индии значительно уступают влиянию Пекина как в экономическом, так и стратегическом плане.

Отношения Китая со странами Южной Азии.

Некоторые исследователи относят Южную Азию к более обширному региону Индийского океана, который также в расширенном толковании включает страны Ближнего Востока и восточное побережье Африки[1093]. Регион Южной Азии помимо Индии также включает: Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланку. Многие из этих стран индийскими элитами традиционно воспринимаются в качестве сферы исключительно своих собственных стратегических интересов. Однако, в последнее время здесь все сильнее наблюдается и возросшая роль Китая[1094]. Как отмечет Лунев С.И., отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии во многом похожи на взаимосвязи Китая с государствами Южной Азии: для малых стран региона соседняя держава (Индия для Южной Азии, а КНР для Юго-Восточной Азии) является с одной стороны, активным экономическим партнером, а с другой – возможность попадания в зависимость воспринимается в качестве вызова[1095].

Выступая на 10-й годовщине проведения ярмарки Экспо «Китай-Южная Азия» в августе 2023 г., Глава канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным

[1094] Kumar A. China in India’s Backyard: Sphere of Influence Does Matter. – Текст электронный // Times of India. 15 January 2022. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/voices/china-in-indias-backyard-sphere-of-influence-does-matter/. (дата обращения: 16.10.2023).

[1095] Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – Т.10. - №1. – С. 189-201.

делам Ван И заявлял, что необходимо использовать исторические возможности для усиления единства со странами Южной Азии. Ван И, комментируя достигнутый за десять лет значительный прогресс в развитии сотрудничества со странами Южной Азии отметил три юбилейных события: 10 лет запуска ОПОП, 10 лет идеи Си Цзиньпина о концепции «периферийной дипломатии» и 10 лет проведения Экспо «Китай-Южная Азия»[1096].

Пекин является заметным экономическом игроком в регионе. Он стал крупнейшим торговым партнером для стран Южной Азии[1097]. По данным КНР, в 2022 году объем торговли между Китаем и странами Южной Азии достиг рекордного уровня в 197,4 млрд долл., а среднегодовой темп роста за 10 лет составил 8,3%[1098]. Как отмечает Киреева А.А., Китайско-Пакистанский экономический коридор является самым большим проектом в китайской инициативе ОПОП. Он позиционируется не просто как часть Экономического пояса Шелкового пути, а как связка между сухопутным и морским элементами китайской инициативы. С точки зрения правительства Пакистана, КПЭК является огромным шагом вперед в отношениях с Китаем и самым большим стимулом развития экономики страны, который позволит ей совершить комплексную модернизацию[1099]. Кроме того, как ранее было отмечено в Главе

[1096]Ван И чуси Чжунго и нанья боланьхуэй каймуши бин чжицы [Ван И присутствовал на церемонии открытия выставки Китай-Южная Азия и выступил с речью.]. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел КНР]. 16.08.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202308/t20230816_11127541.shtml (дата обращения: 16.10.2023).

[1097] Экспорт КНР в страны ЮА превосходит аналогичные показатели Индии более чем в два раза (в 2021 г. индийский экспорт в ЮА (с учетом Афганистана и Мьянмы) составил 37,4 млрд долл., а китайский — 80,8 млрд долл.). / Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - №1. - С. 137.

[1098]Чжунго юй нанья гоцзя сешоу инцзао гоцзихуа илю иншан хуаньцзин [Китай и страны Южной Азии объединяют усилия для создания международной первоклассной бизнес-среды.]. // Синьхуа. 20.08.2023. URL: http://www.news.cn/fortune/2023-08/20/c_1129812574.htm (дата обращения: 16.10.2023).

[1099] Киреева А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии / Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д.Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». — Москва: Стратегические изыскания, 2019. — С. 609-642.

2, у Китая налажено также достаточно тесное сотрудничество с Пакистаном в военной сфере.

Сегодня более активная политика Пекина на южно-азиатском направлении в основном сосредоточена на реализации разнообразных проектов в рамках инициативы ОПОП. Вместе с тем, с реализацией ОПОП связан и ряд ограничений, таких как, например, опасение стран региона относительно попадания в экономическую и политическую зависимость от Пекина [1100] . Переход шриланкийского морского порта Хамбантота под управление Китая в 2017 г. из-за невозможности покрытия долгов страны перед Пекином – яркий тому пример.

Пекин в условиях пассивности СААРК, связанной с индо-пакистанскими разногласиями, равно как и слабой активности другого механизма региональной кооперации - Инициативы стран Бенгальского залива по Многоотраслевой Технико-Экономической Кооперации (БИМСТЕК) – начал все больше действовать на двустороннем уровне во взаимоотношениях со странами Южной Азии. У Китая хорошо налаженные отношения с Пакистаном, Мальдивами, Шри-Ланкой, Бангладеш и Непалом[1101]. В 2021 г. был создан Центр борьбы с бедностью и развитию кооперации Китая и Южной Азии (Poverty Alleviation and Cooperative Development Center), призванный способствовать экономическому росту стран региона[1102].

Более активное вовлечение Пекина в региональные процессы Южной Азии не встречает негатива со стороны региональных стран, так как в условиях сильного влияния со стороны более мощной Индии, они также

[1100] Там же. С. 145-146.

[1101] Raju A.S. South Asia and China: Engagement in the Twenty-first Century. // Taylor & Francis. 2021. – 250 p.

[1102] Bipin G., Pathak A. China Is Providing an Alternative Regional Framework for South Asia. – Текст электронный // The Diplomat. 30 July 2021. URL: https://thediplomat.com/2021/07/china-is-providing-an-alternative-regional-framework-for-south-asia/. (дата обращения: 16.10.2023).

стремятся к поиску альтернативных партнеров[1103]. Китайское финансирование проектов по строительству инфраструктуры Непала превышают 8 млрд долл., в то время как инвестиции со стороны Индии немногим больше 300 млн долл.[1104]. Похожая ситуация наблюдается и в Бангладеш. Дакка с самого начала присоединилась к ОПОП в 2013 г. За 10 лет с момента запуска ОПОП Китай профинансировал (преимущественно в кредит) 34 инфраструктурных проекта в Бангладеш на сумму 38 млрд долл.[1105], в то время как вложения со стороны Индии составили всего порядка 2 млрд долл.[1106]

Сильное присутствие Китая ощущается и на Шри-Ланке, где Пекин активно вовлечен в программы развития инфраструктуры (портовые проекты в Хамбатоте и Коломбо). Одним из примеров строительства преимущественно за счет китайского гранта проектов ОПОП в регионе считается двухкилометровый Большой мост китайско-мальдивской дружбы, открытый в 2018 г. Компании КНР (преимущественно государственные корпорации) напрямую вовлечены в инфраструктурное развитие 13 портов в акватории Индийского океана[1107]. Кроме того, в период нахождения у власти М. Раджапакса (2005-2015 гг.) и Г. Раджапакса (2019-2022 гг.) наблюдались активные контакты стран по линии организации визитов судов ВМФ КНР в порты Шри-Ланки. Так, визит атомной подводной лодки Type-039 и военного корабля (Type-925) в Коломбо в 2014 г. вызвал у администрации Н. Моди

[1103] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 140-141.

[1104] Paul T. When balance of power meets globalization: China, India and the small states of South Asia. // Politics. – 2019. – Vol. 39. – No.1 – P. 4-5.

[1105] Belt and Road Initiative: China Releases $4.45B in 10 Years for Bangladesh. – Текст электронный // The Business Standard. 21 September 2023. URL: https://www.tbsnews.net/bangladesh/belt-and-road-initiative-china-releases-445b-10-years-bangladesh-704910. (дата обращения: 16.10.2023).

[1106] Paul T. When balance of power meets globalization: China, India and the small states of South Asia. // Politics. – 2019. – Vol. 39. – No.1 – P. 4-5.

[1107] География их расположения достаточно обширная и охватывает значительную часть акватории Индийского океана. Она включает морские объекты в таких странах как Кения, Танзания, Джибути, Пакистан, Судан, ОАЭ, Египет, Шри-Ланка, Бангладеш, Мьянма и Малайзия. Faridi S. China’s Ports in the Indian Ocean. – Текст электронный // Gateway House: Indian Council on Global Relations. 19 August 2021. URL: https://www.gatewayhouse.in/chinas-ports-in-the-indian-ocean-region/. (дата обращения: 16.10.2023).

сильные опасения по поводу активизации присутствия Китая в Индийском океане[1108]. В последние годы во время пребывания у власти президента Р. Викрамасингхе (2022-2024 гг.) практика посещения китайскими судами портов Шри-Ланки сохранилась: в августе 2022 г. заход корабля слежения ВМФ КНР Yuan Wang-5 в порт Хамбантота; в августе 2023 г. – визит в порт Коломбо военного корабля Hai Yang 24 Hao; в декабре 2024 г. – визит в порт Коломбо медицинского корабля китайского ВМФ 'Peace Ark'.

Отношения Индии со странами Южной Азии.

Индия является одним из наиболее влиятельных участников всех региональных процессов в Южной Азии [1109]. Киреева А.А. и Куприянов А.В. подчеркивают, что Индию можно рассматривать в качестве доминирующей державы с точки зрения всеобъемлющей мощи в регионе Южной Азии и Индийского океана, однако она не является бесспорным лидером в регионе. Сама Индия рассматривает Южную Азию как регион своего единоличного доминирования[1110]. Куприянов А.В. отмечает, что в последнее время Индо-Тихоокеанский регион, хотя и остается основным направлением внешнеполитического курса Индии, приоритет в сфере безопасности отдается региону Индийского океана, в то время как на остальном пространстве ИТР Индия сконцентрирована на развитии экономического и культурного сотрудничества[1111].

Как уже говорилось ранее, Индия заинтересована в развитии торгово-экономических связей с государствами Восточной Азии, имеющими более

[1108] Myers L. The limits of China's influence in maritime South Asia: Sri Lanka's foreign policy rebalance. – Текст электронный // Wilson Center. November 17, 2020. URL:https://www.wilsoncenter.org/blog-post/limits-chinas-influence-maritime-south-asia-sri-lankas-foreign-policy-rebalance (дата обращения: 16.10.2023).

[1109] Ishaque W. Indian Influences in South Asia and beyond: Imperatives and Implications for China. — Текст: электронный. // Taihe Institute. 18 November 2022. URL: http://taiheinstitute.org/Content/2022/11-18/1152422401.html. (дата обращения: 16.10.2023).

[1110] Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. - P. 195-226.

[1111] Куприянов А.В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2022. - № 8. –С. 76.

сложную и диверсифицированную структуру экономик, а также лучше интегрированных в международные цепочки добавленной стоимости. В связи со слабой динамикой в рамках СААРК и достаточно однотипным характером структуры экономик стран Южной Азии экономические связи Нью-Дели с государствами региона не являются главным драйвером их отношений.

Объем торговли Индии со странами Южной Азии в 2022-2023 гг. (включая Афганистан – 889 млн долл.) составил 33,4 млрд долл., что занимает лишь 7% совокупной внешней торговли Индии[1112]. Примечательно, что 27,9 млрд долл. – это экспорт Индии, тогда как на ее импорт из стран Южной Азии приходится лишь 5,4 млрд долл., что свидетельствует о сильной зависимости региональных стран от экономики Индии, а также слабом развитии внутрирегиональной торговли[1113]. В 2017 г., согласно данным Министерства торговли и промышленности Индии, на страну приходилось 77% всего импорта в Южную Азию и 80% совокупного экспорта стран региона, причем тогда торговый оборот был ниже, чем сейчас – 26,3 млрд долл.[1114]

Вместе с тем, с точки зрения развития инфраструктурной взаимосвязанности, выделяется такой проект развития региональной интеграции, как мультимодальный коридор Бангладеш-Бутан-Индия-Непал (BBIN). Соответствующее соглашение между четырьмя странами было подписано в июне 2015 г. [1115] с намерением содействовать развитию безопасного, экономически эффективного и экологичного транспортного сообщения в субрегионе с целью дальнейшего создания в каждой из стран

[1112] Foreign Trade (South Asia). — Текст: электронный. // Department of Commerce, Ministry of Commerce and Industry, Government of India. URL: https://www.commerce.gov.in/about-us/divisions/foreign-trade-territorial-division/foreign-trade-south-asia/ (дата обращения: 16.10.2024).

[1113] Там же.

[1114] Trade with South Asia - Ministry of Commerce and Industry. Текст: электронный. // Department of Commerce, Ministry of Commerce and Industry, Government of India. September 2017. URL: https://commerce.gov.in/wp-content/uploads/2020/02/MOC_636477306238949138_Trade_with_South_Asia_2016-17.pdf (дата обращения: 16.10.2024).

[1115] Аналогичное соглашение, готовящееся к подписанию в 2015 г. в рамках СААРК из-за несогласия Пакистана, достичь не удалось.

соответствующих институциональных механизмов, способствующих региональной интеграции[1116]. Несмотря на существующие потенциальные трудности по регуляторным реформам внутри каждой из стран по стандартизации требований к инфраструктурному строительству и обеспечению единой логистики сообщения, многие эксперты подчеркивают значительный экономический потенциал коридора как для развития внутрирегиональной торговли [1117], так и стимулирования дальнейшей региональной экономической интеграции и повышения уровня жизни в каждой из стран-участниц проекта[1118].

Запуск BBIN был широко воспринят как демонстрация попыток Индии по расширению сотрудничества на субконтиненте за счет развития транспортной взаимосвязанности на основе мультимодальных коридоров, которые по задумке в дальнейшем должны объединиться в более крупные экономические коридоры. В рамках соглашения BBIN в 2015 г. были изначально определены 30 приоритетных проектов по развитию и модернизации транспортной инфраструктуры с предполагаемой стоимостью 8 млрд долл.[1119]. Некоторое время формат был мало активен. Его актуализация произошла в 2020 г. и 2022 г., когда прошли встречи участников соглашения для обсуждения актуальных вопросов по его реализации[1120]. Содействие в

[1116] Bangladesh, Bhutan, India and Nepal (BBIN) Motor Vehicle Agreement for the Regulation of Passenger, Personal and Cargo Vehicular Traffic amongst BBIN. – Текст электронный // Press Information Bureau. Government of India. Ministry of Shipping. 10 June 2015. URL: https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=122417 (дата обращения: 10.04.2024).

[1117] Chatterjee K. Commentary: BBIN Economic Corridor Has Potential to Transform Trade and Development in East and Northeast India. – Текст электронный // South Asia Subregional Economic Cooperation Program. 21 November 2023. URL: https://www.sasec.asia/index.php?page=news&nid=1541&url=bbin-economic-corridor-potential-transform-trade-development (дата обращения: 10.04.2024).

[1118] Acharya A. Connecting South Asia: The Promises of BBIN. – Текст электронный // Australian Institute of International Affairs. 23 June 2023. URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/connecting-south-asia-the-promises-of-bbin/ (дата обращения: 10.04.2024).

[1119] Gupta P., Shekhawat S. Integrating South Asia through the BBIN Corridor. – Текст электронный // Observer Research Foundation. Jul 25, 2024. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/integrating-south-asia-through-the-bbin-corridor (дата обращения: 12.05.2024).

[1120] Meeting of Bangladesh, Bhutan, India and Nepal Motor Vehicles Agreement (BBIN MVA). – Текст электронный // Ministry of External Affairs, Government of India. March 08, 2022. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/34935/Meeting+of+Bangladesh+Bhutan+India+and+Nepal+Motor+Vehicles+Agreement+BBIN+

координации работы в рамках соглашения BBIN оказывают Азиатский Банк Развития и Всемирный Банк, предоставляя техническую, экспертную и финансовую поддержку. Так, в феврале 2022 г. программа Всемирного Банка по Южной Азии в рамках BBIN определила проекты на сумму 750 млн долл, с выделением соответствующих кредитов. Проекты, среди прочего, касались модернизации пограничных контрольно-пропускных пунктов и сухопутных портов в Бангладеш[1121].

Н. Моди с момента прихода к власти в 2014 г. сделал акцент на индоокеанском направлении в рамках реализации инициативы «Соседи прежде всего» [1122]. Однако первоначальный сильный импульс к активизации сотрудничества со странами Южной Азии, который придал Н. Моди сразу после прихода к власти, спустя несколько лет практически угас, так как вновь стали обостряться хронические споры (преимущественно с Пакистаном), а также возникли новые политические разногласия: с Непалом (топливный кризис 2015-2016 гг. из-за позиции Индии по защите интересов этнических индийцев, проживающих в южном регионе Мадхес), а также Афганистаном и Бангладеш[1123].

Начиная примерно с 2019-2020 гг. Индию стало еще больше беспокоить углубление сотрудничества ряда стран с Китаем (например, Мальдивы, Непал, Шри-Ланка)[1124]. Активизация деятельности КНР в регионе приводит не только

MVA#:~:text=A%20meeting%20of%20India%2C%20Bangladesh,Secretary%2C%20Ministry%20of%20External%20Affairs. (дата обращения: 12.05.2024).

[1121] Bangladesh-Bhutan-India-Nepal (BBIN) Motor Vehicles Agreement (MVA). – Текст электронный // NEXT IAS. March 8, 2022. URL: https://www.nextias.com/ca/current-affairs/09-03-2022/bangladesh-bhutan-india-nepal-bbin-motor-vehicles-agreement-mva (дата обращения: 12.05.2024).

[1122] В 2019 г. вслед за усилением индуистского национализма при Н. Моди в Индии был принят законопроект о предоставлении гражданства религиозным меньшинствам Пакистана, Бангладеш и Афганистана, который не затрагивал, однако, мусульман, что вызвало протесты как в связи с дискриминацией по религиозному признаку, так и, например, со стороны Кабула и Дакки относительно обвинений в притеснениях меньшинств.

[1123] Zeeshan M. Has Modi given up on South Asian cooperation? -– Текст электронный // The Diplomat. 3 February 2020. URL: https://thediplomat.com/2020/02/has-modi-given-up-on-south-asian-cooperation/ (дата обращения: 16.10.2023).

[1124] Grossman D. India Is Pushing Back against China in South Asia. – Текст электронный // Rand." RAND Corporation. 21 August 2023. URL: https://www.rand.org/blog/2023/08/india-is-pushing-back-against-china-in-south-asia.html. (дата обращения: 16.10.2023).

к возрастающему беспокойству Индии, но и рассматривается как явная угроза ее национальной безопасности. Нью-Дели, опасаясь более сильного проникновения Китая в регион, взял курс на улучшение связей с большинством своих государств-соседей, включая Мальдивы, Непал, Шри-Ланку, Бангладеш и отчасти даже Пакистан[1125].

В 2022-2023 гг. активизировались контакты на высшем уровне Индии с Бангладеш, прошли взаимные визиты глав государств, в ходе которых наиболее интенсивное взаимодействие было отмечено в таких областях, как поддержание безопасности, управление водными речными ресурсами, пограничное сотрудничество, расширение торговли, а также энергетический сектор [1126] . В рамках упомянутого коридора BBIN отдельно выделяется сотрудничество Нью-Дели и Дакки по развитию железнодорожной сети в Бангладеш. Так, на данный момент функционирует шесть железнодорожных линий между двумя странами. Финансирование Индией строительства железных дорог с Бангладеш в целом повышает транспортную инфраструктуру в рамках всего проекта BBIN. Кроме того, Индия также финансирует развитие крупного морского порта Монгла в Бангладеш[1127].

Однако, события в Бангладеш, связанные с бегством в Индию Шейх Хасины в августе 2024 г., имеют негативные последствия для Нью-Дели, поскольку правительство Хасины являлось давним сторонником улучшения отношений между странами. В последнее время в Индии стали звучать опасения относительно активизации контактов временного правительства Бангладеш с Пакистаном и Китаем. Так, ожидается, что Бангладеш и Китай усилят взаимодействия в рамках ОПОП, особенно в свете того, что Китай

[1125] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 133–154.

[1126] Mahmood S. “What Connects India and Bangladesh.” . – Текст электронный // The Indian Express, 17 July 2023, indianexpress.com/article/opinion/columns/pm-modi-bangladesh-visit-narendra-modi-guest-of-honour-during-mujib-borsho-8842664/.

[1127] Gupta P., Shekhawat S. Integrating South Asia through the BBIN Corridor. – Текст электронный // Observer Research Foundation. Jul 25, 2024. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/integrating-south-asia-through-the-bbin-corridor (дата обращения: 12.05.2024).

согласился продлить сроки погашения кредитов Бангладеш и рассмотреть запрос на снижение процентных ставок. Пакистан и Бангладеш достигли соглашения об импорте 50 000 тонн риса из Пакистана через порт Монгла, который ранее наряду с портом Читтагонг, был логистической основой развития торгового сотрудничества с Индией. Кроме того, сообщается, что пакистанская Межведомственная разведка (ISI) расширяет свое влияние в Бангладеш[1128].

Отношения Индии с Мальдивами стали улучшаться благодаря перестановкам в политическом руководстве в 2018 г., когда прокитайского лидера Абдуллу Ямина на посту президента сменил Ибрагим Мохамед Солих, который предпочел более активное сотрудничество с Нью-Дели под лозунгом политики «Индия прежде всего» [1129] . С приходом в ноябре 2023 г. на Мальдивах нового президента Мале Мохаммеда Муиззу, заявившего о приоритетном развитии отношений с Пекином, маятник вновь может качнуться в сторону Китая[1130].

Отношения Индии и Непала стали улучшаться, начиная с 2021-2022 гг. В 2022 гг. Н. Моди два раза встречался с премьер-министром Шером Бахадуром Деубой, членом дружественной Нью-Дели партии Непальский конгресс. Переговоры были результативными и вылились в ряд важных заявлений о развитии двустороннего сотрудничества[1131]. В ноябре 2022 г. к

[1128] Bangladesh's new friend circle: A ring of fire for India? – Текст электронный // The Economic Times. March 6, 2025. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/bangladeshs-new-friend-circle-a-ring-of-fire-for-india-c/articleshow/118756103.cms?from=mdr (дата обращения: 12.03.2025).

[1129] В 2022 г. Индия предоставила Мальдивам кредит в размере 100 млн долл. на финансирование инфраструктурных проектов, включая строительство моста и дамбы в рамках проекта «Greater Male Connectivity Project», связывающих столицу страны с тремя другими островами. / "India Announces a $100 Million Credit Line to the Maldives". – Текст электронный // AP News. 2 Aug. 2022. URL: apnews.com/article/india-modi-maldives-male-bc0ca37e883cdde671cb93a0f1cc5130. (дата обращения: 10.10.2023).

[1130] Banka N. "Under President-Elect Mohamed Muizzu, the Path Forward in India-Maldives Ties." – Текст электронный // The Indian Express. 11 Oct. 2023. URL: indianexpress.com/article/explained/explained-global/under-president-elect-mohamed-muizzu-the-path-forward-in-india-maldives-ties-8976810/.(дата обращения: 10.10.2023).

[1131] Индия выразила согласие на развитие энергетического сотрудничества Непала на субрегиональном уровне в рамках Южноазиатского четырехугольника роста BBIN (Бангладеш, Бутан, Индия

власти вернулись коммунисты, Н. Моди встретился с новым премьер-министром Пушпой Камалем Дахалом в июне 2023 г. Тогда были подписаны соглашения о торговле, развитии железнодорожного сообщения, а также в области энергетики, включая реализацию гидроэнергетических проектов в Непале[1132]. В Непале Индия строит железнодорожную линию г. Катманду (Непал) - г. Раксол (индийский штат Бихар) протяженностью 171 километр, которая будет интегрирована в индийскую железнодорожную сеть через уже существующие между Индией и Непалом железнодорожные линии.

Перемены во внутренней политике Шри-Ланки также способствовали улучшению отношений с Индией. В июле 2022 г. после отставки прокитайского президента Шри-Ланки Готабая Раджапаксы в результате долгового кризиса, парламент Шри-Ланки избрал Ранила Викремесингхе на пост главы государства. Новый лидер попытался занять позицию равной удаленности от Китая и Индии[1133]. По итогам визита президента страны в Индию в июле 2023 г. стороны подписали ряд соглашений в области торговли, энергетики, технологий, возобновляемых источников энергии, а также развития транспортной взаимосвязанности, что свидетельствует о растущих экономических контактах между ними[1134]. Новый президент страны А.К. Диссанаяке свой первый визит нанес именно в Индию, что можно

и Непал), взамен своей прежней позиции о взаимодействии с Непалом в сфере энергетики только на двустороннем уровне.

[1132] "'Making Our Partnership Super Hit': PM Modi after Meeting Nepal Counterpart." – Текст электронный // Hindustan Times. 1 June 2023. URL: www.hindustantimes.com/india-news/pm-modi-on-meeting-with-nepalese-counterpart-making-our-partnership-superhit-101685609398458.html. (дата обращения: 10.10.2023).

[1133] "Island Nations of the Indian Ocean and South Pacific Urge Non-Interference in Great Power Rivalry" – Текст электронный // Presidential Secretariat of Sri Lanka. Sept. 2023, URL: www.presidentsoffice.gov.lk/index.php/2023/09/19/island-nations-of-the-indian-ocean-and-south-pacific-urge-non-interference-in-great-power-rivalry/. (дата обращения: 10.10.2023).

[1134] Индия также оказала необходимую финансовую и гуманитарную помощь на сумму более 4 млрд долл. (продукты питания, лекарства, топливо) для стабилизации экономической ситуации, вызванной долговым кризисом. Pathi K., Mallawarachi B. "Sri Lankan President's Visit to India Signals Growing Economic and Energy Ties." – Текст электронный // AP News. 21 July 2023. URL: apnews.com/article/india-sri-lanka-modi-ranil-energy-trade-5ee8d15248dc25f496aa75069f3d0c37. (дата обращения: 10.10.2023).

интерпретировать, как символический шаг, направленный на восстановление отношений с Индией.

Несмотря на попытки улучшения отношений с рядом стран Южной Азии, Индия с опасением воспринимает активизировавшиеся после пограничного конфликта между Китаем, Индией и Бутаном на плато Доклам в 2017 г., двусторонние китайско-бутанские переговоры об урегулировании на границе[1135]. Историческая близость отношений Индии и Бутана в первую очередь отражается в сферах безопасности и экономики. Индия является крупнейшим торговым партнером Бутана и основным внешнеэкономическим направлением его экспорта[1136]. Развивается также и сотрудничество Индии и Бутана в области развития транспортных связей. Индия, в частности, строит два железнодорожных коридора, включая самый первый железнодорожный маршрут между двумя странами, который свяжет г. Кокраджар (Индия) – г. Гелепху (Бутна). В перспективе ожидается, что по этому маршруту в рамках сотрудничества под эгидой BBIN не имеющий выхода к морю Бутан через Индию получит доступ к порту Монгла в Бангладеш.

Индийско-пакистанские отношения в 2019 г. испытали очередной спад вследствие отмены Индией статьи 370 Конституции, закрепляющей особый статус штата Джамму и Кашмир. Отношения двух стран остаются стабильно негативными и характеризуются сохранением тенденции на стратегическое соперничество, несмотря на некоторую стабилизацию после кризиса февраля 2019 г. Участие в совместных контртеррористических операций под эгидой ШОС в 2022 г. впервые на индийской территории принял Пакистан.[1137]

[1135] Вопрос Доклама имеет стратегическое значение для Индии, так как плато расположено в непосредственной близости от коридора Силигури («куриное горлышко» шириной 20 км), соединяющим основную часть страны с ее северо-восточными штатами.

[1136] Кроме того, по причине отсутствия официальных дипломатических отношений между Китаем и Бутаном, его интересы часто представляет Индия.

[1137] “Pakistan to Attend SCO Counter-Terror Drills in India: Foreign Office.” – Текст электронный // The Hindu. 13 Aug. 2022. URL: www.thehindu.com/news/international/pakistan-to-attend-sco-counter-terror-drills-in-india-foreign-office/article65764692.ece#:~:text=%22Yes%2C%20there%20will%20be%20exercises,will%20participate%2C%E2%80%9D%20he%20said. (дата обращения: 10.10.2023).

Сравнение отношений Китая и Индии в Южной Азии.

Если в отношении стран АСЕАН курсы Китая и Индии являются скорее параллельными, так как интересы обеих стран не вступают в прямую конкуренцию за региональное влияние, то по отношению к странам Южной Азии, их интересы, напротив, носят более конкурентный характер. Во многом это объясняется тем, что Индия рассматривает данный регион в качестве зоны своего исключительного влияния, что проистекает из ее исторической роли доминирующей державы в регионе. Вместе с тем, более активное проникновение Пекина вызывает негативную реакцию Нью-Дели, который стремится не допустить чрезмерного закрепления Китая в данном регионе. Причем, если изначально Китай преимущественно усиливал свое региональное влияние за счет развития экономических связей со странами региона, то со временем конкуренция Китая и Индии за региональное лидерство стала включать и военно-политический компонент, связанный с усилением военного присутствия в акватории Индийского океана.

Важно отметить, что экономическое соперничество все же по-прежнему находится на первом плане. Сегодня Китай является одним из основных торговых и инвестиционных партнеров, в частности, Пакистана, Непала, Бангладеш и Шри-Ланки – тех стран, борьба за влияние над которыми между Пекином и Нью-Дели в последнее время становится все более ярко выраженной. С точки зрения как развития экономической взаимосвязанности, так и модернизации инфраструктуры сегодня Китай является ключевым партнером этих трех стран. Примечательно, что все три государства также присоединилась к китайской инициативе ОПОП[1138].

Одними из наиболее заметных примеров сотрудничества с КНР в трех упомянутых странах в рамках заемного финансирования для инфраструктурного развития являются: порт Хамбантота на юге Шри-Ланки,

[1138] Xavier C., Jacob J. How China Engages South Asia: Themes, Partners and Tools. – Текст электронный // Centre for Social and Economic Progress (CSEP). May 3, 2023. URL: https://csep.org/reports/how-china-engages-south-asia-themes-partners-and-tools/ (дата обращения: 12.10.2024).

новый аэропорт Покхара в Непале, а также проекты в энергетическом секторе в Бангладеш. Проекты в Бангладеш выделяются тем, что касаются как строительства инфраструктуры (включая «мосты дружбы») и теплоэлектростанций на угле, так и развития возобновляемой энергетики. В частности, крупнейшая в стране станция по производству солнечной энергетики в г. Сираджгандж, а также станция ветровой генерации в округе Кокс-Базар построены в 2024 г. с привлечением китайских технологий и заемного финансирования[1139]. Порт Хамбантота и аэропорт Покхара, однако, неоднократно вызывали критику, связанную с так называемой «долговой ловушкой», а непальский аэропорт, несмотря на большие затраты в 215 млн долл., так и не вышел на нормальный уровень пассажиропотока[1140]. Пекин участвует в различных проектах по строительству гидроэлектростанций на территории Непала[1141].

Вместе с тем, Индия также демонстрирует активность в поддержке проектов по инфраструктурному и экономическому развитию в Южной Азии. В августе 2024 г. сообщалось, что Индия дала разрешение Непалу на поставку дополнительных 251 МВт гидроэлектроэнергии с 12 станций на территории страны, при этом впервые такого рода поставки из Непала осуществляются в индийский штат Бихар[1142]. Ранее в январе 2024 г. Индия и Непал заключили соглашения сроком на 10 лет, предусматривающее поставку в Индию 10 000 МВт гидроэлектроэнергии из Непала. Одновременно с этим, Индия также

[1139] GT Voice: China takes the lead in driving Asia's energy transformation. – Текст электронный // Global Times. August 04, 2024. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202408/1317350.shtml (дата обращения: 18.08.2024).

[1140] Sharma R. China’s “Empty Airport” In Nepal Sparks Online Tensions; Envoy Intimidates Journo for Reporting Pokhara Airport Loan. – Текст электронный // EurAsian Times. June 3, 2024. URL: https://www.eurasiantimes.com/new-diplomacy-chinese-envoy-intimidates/ (дата обращения: 18.08.2024).

[1141] China-funded hydropower project in Nepal produces 2 bln kWh of power. – Текст электронный // Xinhua. 16 November 2022. URL: https://english.news.cn/20221116/9c2df3314ad3429d95402673abda0072/c.html (дата обращения: 18.08.2024).

[1142] India allows Nepal to export additional 251 MW of power. – Текст электронный // The Hindu. August 20, 2024. URL: https://www.thehindu.com/news/national/india-allows-nepal-to-export-additional-251-mw-of-power/article68543181.ece (дата обращения: 18.08.2024).

объявила о выделении помощи Непалу в размере 75 млн долл. на восстановление пострадавших от землетрясения регионов страны[1143].

Важным шагом к повышению роли Индии, как регионального посредника, стало соглашение о торговле электроэнергией между Непалом и Бангладеш, подписанное в октябре 2024 г., в рамках которого с 16 ноября 2024 г. Непал впервые в истории начал поставки через индийскую энергосистему электроэнергии в Бангладеш, объем экспорта которой должен достичь 40 мегаватт [1144] . Энергетическое сотрудничество является также важной составляющей двусторонних отношений Индии и Бангладеш. Среди наиболее заметных проектов выделяется трубопровод дружбы Индия-Бангладеш, открытый в марте 2023 г., который значительно снижает расходы на поставку нефтепродуктов и тем самым сглаживает последствия частых отключений электроэнергии в Бангладеш. Также в ноябре 2023 г. в эксплуатацию был введен второй энергоблок угольной ТЭС «Майтри» - совместного предприятия индийской и бангладешской энергетических компаний. Кроме того, в рамках индо-российского соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики в третьих странах Индия оказывает помощь в строительстве первой атомной электростанции «Руппур» Бангладеш[1145]. В августе 2024 г. сообщалось о выделении Индией 11 млн долл. в виде грантов на установку гибридных энергетических установок на трех островах Шри-Ланки, которые пришли на замену изначально планировавшимся к использованию китайским аналогам[1146].

[1143] India, Nepal seal 10,000 MW hydropower deal for 10 years. – Текст электронный // Times of India. January 5, 2024. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-nepal-seal-10000-mw-hydropower-deal-for-10-years/articleshow/106554894.cms (дата обращения: 18.08.2024).

[1144] Nepal's power starts flowing to Bangladesh through Indian grid. – Текст электронный // Times of India. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/nepals-power-starts-flowing-to-bangladesh-through-indian-grid/articleshow/115348366.cms (дата обращения: 17.11.2024).

[1145] Bose S., Gupta P. The fate of India-Bangladesh connectivity projects. – Текст электронный // Observer Research Foundation. September 17, 2024. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-fate-of-india-bangladesh-connectivity-projects (дата обращения: 17.11.2024).

[1146] India hands over first payment to Sri Lanka for power projects. – Текст электронный // Economic Times Business Verticals. August 29, 2024. URL: https://energy.economictimes.indiatimes.com/news/renewable/india-hands-over-first-payment-to-sri-lanka-for-power-projects/112895397 (дата обращения: 17.11.2024).

Помимо экономического измерения конкуренция Китая и Индии за региональное влияние затрагивает и сферу военного сотрудничества. Несмотря на то, что Индия традиционно была ключевым партнером стран региона по вопросам безопасности, в последнее время отношения Китая в этой сфере с Бангладеш и Непалом усилились. Так, в 2016 г. ВМС Бангладеш получили две приобретенные у Китая подводные лодки Type-035G, что вызвало резкую негаивтную реакцию со стороны Индии[1147]. В 2024 г. сообщалось, что с участием КНР продолжается строительство базы в порту Кокс-Базар для подводных лодок Бангладеш, что вызывает растущие опасения Индии о возможном дальнейшем использовании данной базы ВМФ КНР[1148]. При этом Камбоджа, Пакистан, а также Бангладеш и Мьянма обычно рассматриваются в качестве наиболее вероятных потенциальных мест, где Пекин мог бы разместить свои зарубежные военные объекты[1149]. Одновременно с этим Пекин продолжает обучать военных Бангладеш, а также предоставляет им соответствующее оснащение[1150]. В 2017 г. вооруженные силы Китая и Непала впервые провели совместные военные учения. В сентябре 2024 г. прошли уже четвертые совместные военные маневры двух стран[1151].

Несмотря на то, что Китай избегает формальных альянсов, военное сотрудничество Китая и Пакистана значительно углубилось за последнее

[1147] Raghuvanshi V. Purchase of Chinese subs by Bangladesh “An act of provocation” toward India. – Текст электронный // Defense News. August 18, 2022. URL: https://www.defensenews.com/naval/2016/11/23/purchase-of-chinese-subs-by-bangladesh-an-act-of-provocation-toward-india/ (дата обращения: 17.11.2024).

[1148] Siow M. Bangladesh’s China-backed naval dock heightens power play in India’s backyard. – Текст электронный // SCMP. 12 May 2024. URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3262317/bangladeshs-china-backed-naval-dock-heightens-power-play-indias-backyard (дата обращения: 17.11.2024).

[1149] Funaiole M.P., Hart B., Powers-Riggs A., Jun J. Submarine Diplomacy. A Snapshot of China's Influence along the Bay of Bengal. November 17, 2023. URL: https://features.csis.org/snapshots/china-submarine-diplomacy/ (дата обращения: 17.11.2024).

[1150] Baruah D.M., Madan T., Xavier C. How India and China compete in non-aligned South Asia and the Indian Ocean. – Текст электронный // Brookings. October 18, 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/how-india-and-china-compete-in-non-aligned-south-asia-and-the-indian-ocean/ (дата обращения: 17.11.2024).

[1151] Aktas A. China, Nepal launch joint military training. – Текст электронный // Anadolu Ajansı. 23.09.2024. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/china-nepal-launch-joint-military-training/3337798 (дата обращения: 17.11.2024).

десятилетие. Так, Китай является ведущим поставщиком как обычных вооружений и платформ для Пакистана, так и более совершенных типов наступательных вооружений [1152] . На официальном уровне стороны подчеркивают, что стратегическое сотрудничество между ними в сфере обороны и безопасности играет «незаменимую и важную роль в поддержании мира, стабильности и стратегического баланса в регионе»[1153]. Страны также проводят регулярные учения как военного, так и контртеррористического характера, последние из которых прошли в декабре 2024 г.[1154]

Таким образом, регион Южной Азии становится пространством активной стратегической конкуренции ведущих держав. Именно конкуренция между Индией и Китаем на региональном, а в перспективе и глобальном уровнях является одним из наиболее значимых факторов двусторонних отношений, обуславливающих тенденцию к стратегическому соперничеству.

Проведенный анализ политических и экономических интересов Китая и Индии в Южной Азии и АТР, а также вывод о том, что курсы обеих стран в отношении АСЕАН являются параллельными, в то время как в вопросе Южной Азии они носят более конкурентный или даже противоборствующий характер позволяет выделить особую роль стран Южной Азии и АСЕАН в структурировании регионального порядка [1155] . От их поддержки зависит эффективность реализация стратегий ведущих держав. Взаимодействие ведущих держав как между собой, так и со средними державами и малыми странами позволяет сделать вывод о характере регионального порядка –

[1152] В период с 2019 по 2023 год 82% импорта оружия Пакистаном приходилось на Китай, что делает его одним из крупнейших получателей китайского вооружения. Naade A. Pakistan’s deepening strategic reliance on China. – Текст электронный // Middle East Institute. October 11, 2024. URL: https://mei.edu/publications/pakistans-deepening-strategic-reliance-china (дата обращения: 17.12.2024).

[1153] Joint Statement between the Islamic Republic of Pakistan and the People’s Republic of China. – Текст электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. October 16, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241016_11508330.html (дата обращения: 17.11.2024).

[1154] Wong H. China, Pakistan wrap up counterterror drills amid concerns over attacks. – Текст электронный // South China Morning Post. December 20, 2024. URL: https://www.scmp.com/news/china/military/article/3291579/china-pakistan-wrap-counterterror-drills-amid-concerns-over-attacks (дата обращения: 25.12.2024).

[1155] Бочков Д.А. Интересы Китая и Индии в отношении АСЕАН: соперничество или параллельные курсы? // Проблемы Дальнего Востока – 2024. – №1 - С. 28.

кооперативный он или конкурентный. С учетом проведенного анализа, региональный порядок в Южной Азии и АТР является конкурентным, что обусловлено как китайско-американским противостоянием, так и усилением соперничества между Пекином и Нью-Дели.

Сотрудничество государств АСЕАН со всеми заинтересованными игроками, включая Китай и Индию, позволяет им сохранять определенное пространство для внешнеполитического маневра. В ситуации же стран Южной Азии конкуренция Пекина и Нью-Дели за региональное доминирование, напротив, ограничивает свободу действий малых стран, но при этом позволяет им за счет сотрудничества сразу с обеими, конкурирующими за их внимание сторонами, получать наибольшую для себя выгоду как от Китая, так и от Индии. Это, в частности, ярко проявляется в упомянутых ранее примерах развития инфраструктурного и энергетического секторов в Непале, Бангладеш, Бутане и Шри-Ланке.

Фактор поддержки инициатив и стратегий ведущих держав (США, Индии, Китая, Японии) со стороны стран АСЕАН и Южной Азии, которые в основном представлены малыми и средними странами, в силу эрозии центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре, а также относительно низкого влияния стран Южной Азии на региональные процессы, имеет значимость только в совокупности с другими более весомыми факторами. Среди таковых можно выделить, во-первых, самостоятельную позицию единственной достаточно мощной региональной державы, имеющий потенциал для перехода в разряд великих держав – Индии, и, во-вторых, сами китайско-индийские отношения.

Сложный характер отношений Китая и Индии, которые не ограничиваются соперничеством, но и представлены и сотрудничеством, позволяет как развивать двустороннее экономическое сотрудничество, так и

избегать горячего конфликта на границе [1156] . Это также способствует удержанию Индии от полномасштабной переориентации на США с их политикой по сдерживанию Китая и помогает ей сохранять приверженность традиции неприсоединения и внешнеполитической автономии.

Именно самостоятельную позицию Индии вместе с аналогичным подходом государств АСЕАН и стран Южной Азии можно отнести к факторам, которые способствуют формированию полицентричного регионального порядка[1157]. Как отмечает Б. Каусикан, столь разнообразный и исторически сложный регион, как ИТР, естественным образом тяготеет именно к многополярности[1158]. Однако, исходя из характера взаимоотношений между центрами силы на основе соотношения по шкале «сотрудничество-соперничество», первый фактор (стратегии США и их союзников, вызывающие усиление китайско-американской стратегической конкуренции), а также региональная конкуренция Китая и Индии за лидерство подталкивают полицентричный региональный порядок к более конкурентному, а не кооперационному типу.

3.3. Сценарный анализ изменения характера регионального порядка в Южной Азии и АТР в зависимости от динамики китайско-индийских отношений.

В соответствии с последней из задач данной работы, на основе применения логико-интуитивного моделирования и метода построения прогнозного сценария, выполняется анализ воздействия китайско-индийских отношений на региональный порядок при трех основных конфигурациях возможного изменения динамики их отношений: благоприятной, негативной

[1156] Бочков Д.А. Экономические отношения Китая и Индии в контексте формирования Индо-Тихоокеанского региона // Вестник учёных-международников. 2024 – №2 (28). – С. 203-220.

[1157] Бочков Д.А. Роль китайско- индийских отношений в форматировании регионального порядка в Индо- Тихоокеанском регионе // Вестник учёных-международников. 2023 – №1 (23). – С. 184.

[1158] Kausikan B. Why the Future Will Be Multipolar (And Why this is Good News). — Текст: электронный. // Global Brief. 21 September 2020. URL: https://globalbrief.ca/2020/09/why-the-future-will-be-multipolar-and-why-this-is-good-news/ (дата обращения: 05.06.2023)

и нейтральной. На данный момент, исходя из сложившегося соотношения сил в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР, региональный порядок тяготеет к полицентричности, где на первый план выходит противостояние Китая с США, а также играет роль целый ряд других, обозначенных выше факторов, из которых одним из более значимых является активизация конкуренции Пекина с Нью-Дели за региональное лидерство.

Помимо Китая, Индии, США и Японии как ведущих центров силы в формирующейся полицентричной структуре существует и ряд игроков, которые напрямую не аффилированы ни с одним из центров силы. В частности, страны АСЕАН выступают за центральное положение Ассоциации в региональной архитектуре, что должно стать одной из несущих основ регионального полицентричного порядка.

При этом, как представляется, главенствующую роль в возможном изменении характера регионального порядка в Южной Азии и АТР с полицентричного на иной, например, биполярный тип, играет именно Индия в силу ее экономического и политического веса как в глобальных, так и региональных и макрорегиональных вопросах. На данный момент Индия сохраняет самостоятельность в региональных и международных делах. Основным препятствием для расширения своего влияния в АТР Нью-Дели видит именно в Китае, которого она в целом рассматривает в качестве основного конкурента за лидерство в Азии[1159].

С помощью применения метода логико-интуитивного моделирования представляется возможным построить модели того, как будет меняться позиции Индии в случае серьезной деградации китайско-индийских двусторонних отношений. В работе делается предположение, что нейтральная позиция Индия, которая способствует формированию полицентричного

[1159] Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы. Европы. - 2020. – Т. 105. - № 1. - С. 182-212.

регионального порядка, может меняться за счет углубления более тесных отношений с другим странами региона, в частности, США и Японией.

В этой связи, представляется целесообразным рассмотреть три возможных сценария изменения конфигурации регионального порядка в Южной Азии и АТР в зависимости от положительной или негативной динамики китайско-индийских отношений или сохранения их характера примерно на том же уровне (нейтральный сценарий).

1. Нейтральный сценарий.

Предполагает сохранение текущего характера китайско-индийских отношений, при котором возможна периодическая эскалация пограничного конфликта (иногда переходящая в достаточно острую фазу, как это было в 2020 г.), но при общем поддержании обоюдного стремления к минимизации чрезмерной конфронтации. В этом случае предполагается также и продолжение тренда на расширение торгово-экономического сотрудничества.

После чреды пограничных столкновений 2017-2022 гг. китайско-индийские отношения достигли одного из самых низких уровней за последние десятилетия. Однако, в 2023 г. наметился определенный тренд на постепенную нормализацию отношений[1160]. Несмотря на это, сохраняется ряд препятствий. Во-первых, это высокий уровень взаимного недоверия, который повсеместно еще со времен войны 1962 г. сопровождает и сам пограничный спор. Во-вторых, политическая элита Индии, как и общественное мнение, по большей части пришли к консенсусу относительно восприятия Китая как одной из основных угроз безопасности. В-третьих, Индия продолжает углублять военно-политическое сотрудничество с США, что вызывает растущие опасения и недовольство Китая. В-четвертых, Китая аналогично расширяет военно-политическое сотрудничество с Пакистаном.

[1160] Crabtree J. China signals desire to improve ties with India, but is that what New Delhi wants? – Текст электронный // International Institute for Strategic Studies (IISS). 30 March 2022. URL: https://www.iiss.org/sv/online-analysis/online-analysis/2022/03/china-signals-desire-to-improve-ties-with-india-but-is-that-what-new-delhi-wants/ (дата обращения: 16.02.2024).

Тренд на стабилизацию китайско-индийских отношений призван способствовать реализации нейтрального сценария. В контексте же влияния на региональный порядок, он как раз и предполагает дальнейшее укрепление полицентричности, так как позволяет Индии в случае сохранения более-менее стабильных отношений с КНР избегать чрезмерной ориентации на США.

Сами же США, которые видят Индию в качестве одного из краеугольных камней своей стратегии в ИТР, будут стремиться сильнее воздействовать на нее, вовлекая в свои различные региональные проекты и возможно даже более активно вмешиваясь в ее отношения с Китаем (например, через активизацию военно-технического сотрудничества), чтобы противопоставить Нью-Дели Пекину.

При данном сценарии Индия, несмотря на сохранение тесных контактов с США и их региональными союзниками, будет поддерживать параллельное участие как на площадках под эгидой США, так и в различных многосторонних форматах (БРИКС, РИК, ШОС, ВАС, G20).

При этом конкуренция за региональное лидерство Китая и Индии сохранится, так как имеет более глубинные причины, связанные с: во-первых, пересечением амбиций на лидерство в макрорегионе; во-вторых, интересами обеспечения экономического роста, которые заставляют более активно налаживать отношения Китая и Индии с соседними регионами, что в свою очередь ведет к секьюритизации двусторонних отношений. Страны Южной Азии и АСЕАН в этом случае смогут продолжить балансировать между ключевыми центрами силы (США, Китай, Россия, Япония и Индия) без необходимости выбора конкретной стороны.

При таком сценарии региональный порядок будет формироваться, как полицентричный, но конкурентный, а не кооперационный, так как даже при самостоятельности, т.е. непримыканию, Индии (а также большинству стран Южной Азии и АСЕАН), он предполагает сохранение конфронтации по линии отношений Китая и США (а также их ключевых союзников – Австралии, Японии и Южной Кореи).

Позитивный сценарий.

Предполагает нормализацию двусторонних отношений Китая и Индии за счет достижения консенсуса о необходимости воздержания от эскалации пограничного вопроса и дальнейшего укрепления механизмов по углублению взаимного доверия. В 2023 г. уже наблюдалась некоторая стабилизация отношений, когда обе стороны не только активно обсуждали перспективы нормализации контактов, но и смогли сохранить стабильность на спорных участках границы[1161]. По состоянию на лето-осень 2024 г., Китай и Индия постепенно перешли к снижению напряженности на границе. Пекин объявил о разведении китайских и индийских военных в четырех районах вдоль ЛФК в Ладакхе. Причем, решение последовало после встречи высоких представителей стран БРИКС по вопросам безопасности в г. Санкт-Петербурге (сентябрь 2024 г.). Ранее С. Джайшанкар заявлял о том, что 75% вопросов, касающихся разведения сил в районе ЛФК были решены, однако добавил, что, более серьезной проблемой остается растущая милитаризация районов вдоль границы[1162]. Важный прорыв в двусторонних отношениях случился по итогам встречи лидеров Китая и Индии на саммите стран БРИКС в Казане в октябре 2024 г., в преддверии которого стороны объявили о возобновлении совместного патрулирования на спорных участках границы[1163].

Вполне очевидно, что позитивный сценарий не включает разрешение пограничного конфликта как такого, потому что на данный момент перспектив и предпосылок для этого не наблюдается. Однако, и Китай и Индия будут стремиться всячески избегать перерастания пограничных разногласий в

[1161] Lidarev I. Can 2024 Bring a New Breakthrough in China-India Relations? – Текст электронный // Diplomat Magazine. 4 January 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/can-2024-bring-a-new-breakthrough-in-china-india-relations/ (дата обращения: 16.02.2024).

[1162] Khaliq R. ‘Regional’ developments push China, India ease border tensions, say experts. – Текст электронный // Anadolu Agency. 18.09.2024. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/-regional-developments-push-china-india-ease-border-tensions-say-experts/3334137# (дата обращения: 16.10.2024).

[1163] India, China complete Round 1 of patrolling along LAC after border truce agreement. – Текст электронный // The Times of India. November 12, 2024. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-china-complete-round-1-of-patrolling-along-lac-after-border-truce-agreement/articleshow/115223909.cms (дата обращения: 16.12.2024).

стадию острого вооружённого конфликта. При этом, позитивный сценарий в отличие от нейтрального предполагает более активный и скорый переход от наблюдаемой сегодня стабилизации отношений к их видимому улучшению.

Это подразумевает активизацию сотрудничества в сфере торговли и инвестиций, вопросах регионального и глобального характера, возвращение к практике регулярных взаимных визитов лидеров обеих стран, реализацию совместных проектов и инициатив на многостороннем и двустороннем уровнях. Н. Моди в апреле 2024 г. отмечал: *«Стабильные и мирные отношения между Индией и Китаем важны не только для обеих стран, но и для всего региона и мира в целом»*[1164].

Подобный подход Индии, при котором, с одной стороны, наблюдается углубление сотрудничества с КНР, а с другой – происходит расширение контактов с третьими игроками для противодействия Китаю называют «игрой с ненулевой суммой»[1165]. При таком сценарии Индия остается автономным участником региональных процессов, избегает чрезмерной ориентации на США и продолжает движение к статусу великой державы и одного из лидеров в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР.

Индия, несмотря на развитие контактов с США и их союзниками, продолжит параллельное экономическое сотрудничество с Китаем. Как и в предыдущем сценарии, она скорее всего сохранит параллельное участие в механизмах под эгидой США, а также в различных многосторонних форматах. Пекин же будет и впредь заинтересован в том, чтобы Индия не проводила антикитайской политики. США в свою очередь могут более остро реагировать на улучшение китайско-индийских отношений и предпринять шаги по их дестабилизации, например, за счет более интенсивной риторической

[1164] China says 'great positive progress' made to resolve border row with India. – Текст электронный. // Economic Times. 12 Apr 2024. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-says-great-positive-progress-made-to-resolve-border-row-with-india/articleshow/109244595.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst. (дата обращения: 16.05.2024).

[1165] Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой. // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. - Т. 64. - № 6. - С. 133-141.

поддержки прав Нью-Дели на спорные территории. Также Вашингтон может активизировать совместную работу с партнерами в рамках своих региональных механизмов (различного рода военные учения и маневры и т.п.), а также продвигать создание альянсов, которые ставят своей целью противодействие Китаю.

У третьих региональных участников, например, стран Южной Азии и АТР, появится больше возможностей для балансирования между Китаем и Индией, особенно, если Пекину и Нью-Дели удастся восстановить положительную практику совместных проектов. В 2018 г. – до ухудшения отношений, связанных с пограничной эскалацией – Китай предлагал Индии расширить продвижение совместных проектов таких как, программы по обучению афганских дипломатов в Нью-Дели[1166], и распространить их на другие страны, в частности Непал, Бутан, Мальдивы, Иран и Мьянму. Предлагалось также объединить усилия в рамках форматов СААРК, БИМСТЕК и Экономического коридора Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма (БКИМ)[1167], чтобы способствовать экономическому развитию региона за счет стимулирования торговли и различных инициатив по улучшению качества региональной инфраструктуры[1168].

При этом сценарии повышается устойчивость регионального комплекса безопасности и происходит укрепление полицентричного характера регионального порядка в Южной Азии и АТР, причем с более выраженной

[1166] Было проведено два потока в 2018 и 2019 гг. соответственно. // China, India jointly hold training program for Afghan diplomats. // Xinhua. 11.11.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/11/c_138546684.htm (дата обращения: 16.02.2024).

[1167] Экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма разрабатывался в 1999 г. В 2013 г. в г. Куньмине (КНР) прошла первая встреча рабочей группы по анализу перспектив развития субрегиона. Ключевой проект коридора БКИМ должен был связать Бангладеш и Мьянму, а также города Калькутта на востоке Индии и Куньмин на юге Китая. Основной целью было объединить отстающие в связи с отсутствием выхода к морю районы Китая и Индии, а также слаборазвитые районы Бангладеш и Мьянмы, с тем чтобы стимулировать их экономический рост. В 2015 г. Китай предложил развивать коридор в рамках ОПОП, с чем не могла согласиться Индия. Последующее ухудшение отношений Пекина и Нью-Дели, связанное с эскалацией пограничного спора, а в 2017 г., не позволило вернуться к проекту. В итоге Пекин начал реализовывать его самостоятельно в рамках ОПОП без участия Индии.

[1168] Roy-Chaudhury D. China reaches out to India for joint projects in South Asia. – Текст электронный. // Economic Times. 16 Oct 2018. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/china-reaches-out-to-india-for-joint-projects-in-south-asia/articleshow/66228489.cms?from=mdr (дата обращения: 16.02.2024).

тенденцией на некоторое снижение конкурентного характера регионального порядка и расширение регионального сотрудничества.

3. Негативный сценарий.

Предполагается, что отношения Индии и Китая могут существенно ухудшиться. Это может быть связано, как с эскалацией пограничного спора, так и ростом совокупных возможностей Индии. В случае если она станет еще более уверенно заявлять о своих внешнеполитических и экономических амбициях макрорегионального характера, то это будет побуждать КНР к необходимости еще более жесткого ответа. Китай, опираясь на сильную экономическую базу, уже активно расширяет влияние как на макрорегиональном, так и глобальном уровнях, что оказывает прямое воздействие на позиции Индии в Южной Азии и АТР [1169] . В случае дальнейшего нарастания пограничной напряженности, китайско-индийские отношения, обремененные другими проблемами, включая расширение регионального соперничества, вероятно, продолжат деградировать.

Помимо этого, негативную роль может сыграть и дальнейшее сближение Китая и Пакистана. Их возможные совместные действия, направленные против Индии (вплоть до самого радикального сценария – размещения китайских военных баз на территории страны) могли бы вызвать жесткий военный ответ со стороны Нью-Дели.

Что касается многосторонних форматов с участием Пекина и Нью-Дели (ШОС, БРИКС), то Индия скорее всего сохранит участие в них, но может значительно снизить интенсивность контактов и даже начать более активно блокировать любые предложения, исходящие от Китая.

Кроме того, к серьезным негативным последствиям могут привести и более активные действия Китая в Южной Азии и Индийском океане, включая возможное расширение присутствия его ВМФ или усиление военно-

---

[1169] Rajagopalan R.P. India-China Relations Are Unlikely to See Much Progress. – Текст электронный. // Center for Strategic and International Studies. China Power. 13 February 2024. URL: https://chinapower.csis.org/analysis/rajagopalan-india-china-relations/ (дата обращения: 16.02.2024).

политического сотрудничества Пекина со странами Южной Азии, что Индия рассматривает как прямую угрозу своим интересам национальной безопасности.

В связи с этим Индия, вероятно, будет более активно рассматривать участие в антикитайских проектах США для нивелирования угрозы со стороны КНР. Помимо активизации своего участия в совместных регулярных многосторонних («Malabar» и «RIMPAC») и двусторонних (Индия-Филиппины, Индия-Вьетнам, Индия-Сингапур, Индия-Япония) военно-морских учениях, проводимых в зоне китайских стратегических интересов, Нью-Дели может также рассмотреть и новые для себя формы сотрудничества с США, предполагающие более высокую степень военно-политической интеграции, например, по аналогии с «AUKUS», который в отличие от диалогового формата «Quad» является полноценным оборонным партнерством[1170].

При этом, с учетом и без того высокой интенсивности китайско-американского противостояния, ухудшение отношений Китая и Индии будет подогревать опасения Пекина относительно усиления его коллективного сдерживания со стороны США, Австралии, Японии и примыкающей к ним Индии, которые могут пойти по пути институционализации военного сотрудничества рамках «Quad», вплоть до формирования альянса.

С учетом долгосрочного тренда на американо-китайское противостояние в Южной Азии и АТР, обе стороны наращивают свой военный

[1170] Примечательно, что на этот счет уже появлялись публикации в международных экспертных центрах. Miller M.C. The Quad, AUKUS, and India's Dilemmas. – Текст электронный // Council on Foreign Relations. October 13, 2021. URL: https://www.cfr.org/article/quad-aukus-and-indias-dilemmas (дата обращения: 6.06.2024).

При этом региональные СМИ стран АСЕАН выходили даже с критическими замечаниями по вопросу гипотетического присоединения Индии к подобным форматам, что способно вызвать гонку ядерных вооружений в Южной Азии и привести к отчуждению от Индии стран АСЕАН, выступающих против милитаризации в регионе. Hien P.Q. India should think long and hard about joining AUKUS. – Текст электронный // Asia Times. May 29, 2024. URL: https://asiatimes.com/2024/05/india-should-think-long-and-hard-about-joining-aukus/ (дата обращения: 6.06.2024).

потенциал. Заметен также тренд и на милитаризацию региона. Это проявляется как в действиях США по модернизации сети региональных многосторонних и двусторонних военных альянсов[1171], так и в интенсивном развитии НОАК, включая расширение подводного и авианесущего флотов[1172], а также ежегодного увеличения расходов на оборону (приложение 5). В марте 2023 г. лидер КНР призывал вооруженные силы страны активизировать усилия по боевой подготовке, чтобы быть готовыми к защите суверенитета страны[1173]. Это в свою очередь может привести к дальнейшей и еще более интенсивной милитаризации региона и гонке вооружений, включая риск ядерной эскалации с учетом наличия у Китая, Индии, США и Пакистана ядерного оружия.

При негативном сценарии развития китайско-индийских отношений серьезно сужается пространство для внешнеполитического маневра стран Южной Азии и АТР, так как в условиях обостренной конкуренции Китая и Индии и усиления соперничества Китая и США – региональным участникам станет намного сложнее маневрировать между разными центрами силы. В частности, это касается стран Южной Азии и в меньшей степени АСЕАН, так как их отношения с Индией не такие глубокие. Вместе с тем, общий рост региональной напряженности может в целом усилить эрозию центральной роли Ассоциации в региональной системе безопасности в ИТР.

Некоторые страны АСЕАН в последнее время на фоне усиления территориальных споров в ЮКМ стали все более активно расширять военно-политическое сотрудничество с Вашингтоном не только на двустороннем, но

[1171] Lendon B., Gan N. US defense chief hails security partnerships in Asia in face of Russia, China threats. – Текст электронный // CNN. 1 June 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/05/31/asia/us-defense-chief-austin-shangrila-intl-hnk/index.html (дата обращения: 6.06.2024).

[1172] Fanell J.E. China: Growing and Going to Sea. // U.S. Naval Institute. May, 2023. Vol. 149/5/1,443.

[1173] Xi calls for stronger military combat readiness. // Xinhua. 10.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://english.news.cn/20230910/236a4d28e9604ffa8372362ea2a3fa96/c.html (дата обращения: 6.06.2024).

и на многостороннем уровнях. Ярким примером стал первый трехсторонний саммит лидеров США, Японии и Филиппин в апреле 2024 г.[1174]

Представляется, что в случае реализации негативного сценария, региональной порядок с учетом всех упомянутых выше факторов будет больше тяготеть в сторону биполярной конфронтации с учетом того, что, хотя Япония и имеет свои собственные интересы и лидерские амбиции в ИТР, все же является союзником США и в военно-политическом плане с ними тесно аффилирована. В итоге Индия примкнет к проамериканскому блоку, даже если не станет формальным союзником Вашингтона.

Таблица 1. Изменение соотношения факторов, влияющих на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР, в зависимости от сценариев изменения характера китайско-индийских отношений.

Сценарии характера китайско-индийских отношений / Факторы, влияющие на региональный порядок	**Нейтральный**	**Позитивный**	**Негативный**
Китайско-индийские отношения	Сохранение текущего статус-кво	Нормализация и ограниченное улучшение	Деградация
Отношения Индии с США и другими партнерами для противостояния с КНР	Сохранение самостоятельности Индии без активного вовлечения в антикитайские инициативы США	Снижение интереса Индии к антикитайским инициативам США	Активизация участия Индии в антикитайских региональных инициативах, углубление отношений с США и их союзниками в Азии, активизация участия в военных учениях

[1174] Su K.M. U.S.-Japan-Philippines hold first trilateral, with 'many more' to come. – Текст электронный // Nikkei Asia. 11 April 2024. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/U.S.-Japan-Philippines-hold-first-trilateral-with-many-more-to-come (дата обращения: 6.06.2024).

Конкуренция Китая и Индии за региональное лидерство в Южной Азии и АТР	Сохранение	Некоторое снижение стратегической конкуренции за счет развития сотрудничества по региональным и глобальным вопросам	Эскалация
Динамика развития сотрудничества Индии и Китая со странами Южной Азии и АСЕАН	Сохранение достаточного пространства для стран Южной Азии и АСЕАН для балансирования между ключевыми центрами силы	Расширение пространства для балансирования между Китаем и Индией	Сокращение пространства для балансирования, вплоть до более острой необходимости реагировать на запрос по поводу выбора конкретной стороны (Китай или «антикитайский региональный блок»)
Политика США по сдерживанию КНР	Сохранение активных попыток вовлечь Индию в альянсы, которые ставят своей целью противодействие Китаю.	Активизация усилий по удержанию Индии от нормализации отношений с Китаем, более активное вмешательство в китайско-индийские отношения	Б*о*льшая вероятность формирования «азиатского аналога НАТО» против КНР с возможным участием Индии
Структура регионального порядка	Тяготение в сторону полицентричности конкурентного типа	Более активное тяготение к полицентричности с сосуществованием тенденций сотрудничества и соперничества	Тяготение к биполярной конфронтации

Источник: составлено автором.

Выводы к Главе III.

Как складывающийся макрорегион Южная Азия и АТР характеризуется повышающейся степенью комплексной взаимозависимости протекающих здесь процессов в политической, экономической, культурно-исторической сферах, а также по вопросам региональной безопасности.

Это проявляется как на дискурсивном уровне большинства региональных акторов, сформулировавших свои концепции Индо-Тихоокеанского региона, так и в виде усиления экономического и военно-политического присутствия Китая в Южной Азии, а Индии – в АТР. Ожидается, что в перспективе формирующийся макрорегион Южной Азии и АТР продолжит играть роль ключевого центра экономической и политической деятельности большинства ведущих мировых держав.

Так как данное исследование делает фокус на анализе роли китайско-индийских отношений в структурировании регионального порядка в Южной Азии и АТР, в представленной главе был предложен углубленный взгляд на ключевые интересы обеих держав в формирующемся макрорегионе. Так, интересы Пекина в Восточной Азии и АТР в основном сосредоточены на: укреплении своего лидерства, обеспечении территориальной целостности, реагировании на возникающее угрозы (включая новые вызовы) национальной безопасности, а также управление конкуренцией с США и продвижение своих экономических инициатив и проектов ОПОП. В отношении же Южной Азии Китай заинтересован более активном стратегическом проникновении в регион как в экономической, так и в военно-политикой сфере через расширение своего присутствия в акватории Индийского океана.

Интересы Индии в Южной Азии, как ее «домашнем» регионе фокусируются на обеспечении своей национальной безопасности, стремлении к региональному лидерству (на фоне соперничества с Пакистаном), недопущении дальнейшего усиления присутствия КНР, а также поддержание

динамичных экономических отношений со странами региона и сохранение их общей ориентации на индийское лидерство в Южной Азии. В отношении же более обширного ИТР Нью-Дели привержена расширению своего влияния за рамки Южной Азии на всю акваторию Индийского океана, а также претендует на лидерство во всем макрорегионе (в этой связи появляются такие концепции, как IPOI и SAGAR), намерена не допустить чрезмерного усиления Китая, стремится к б*о*льшей экономической динамике в отношениях со странами ЮВА, Японией и Республикой Корея в рамках политики «Действуй на Востоке», а также заинтересована в расширении экспортных направлений с целью стимулирования политики «Make in India».

В целом, среди ключевых порядкообразующих региональных факторов в Южной Азии и АТР можно выделить ряд факторов.

Во-первых, это конкуренция за региональное лидерство между Китаем и США.

Во-вторых, это отношения Китая и США с другими региональными игроками, а именно – Индией, Японией, Южной Кореей и Австралией. Однако, с учетом союзнических отношений Японии и Австралии с США, Индия выделяется как единственный сопоставимый с ними по влиянию на региональные процессы центр силы (АСЕАН и страны Южной Азии представлены малыми и средними державами и не обладают достаточным потенциалом), сохраняющий самостоятельную позицию и напрямую не аффилированный с США и их военными альянсами. Сегодня Нью-Дели является региональной державой, находящейся в состоянии перехода к великодержавности.

Именно поэтому третий порядкообразующий фактор в Южной Азии и АТР – это автономный подход Индии к ключевым региональным вопросам.

Сохранению автономной позиции Индии в духе традиции неприсоединения способствует сложный характер китайско-индийских отношений, представленных одновременно сотрудничеством и соперничеством. Нью-Дели несмотря на то, что заинтересован в ограничении

расширения мощи Китая, во-первых, всегда подчеркивает, что никогда не вступает в формальные альянсы против третьей стороны и придерживается традиции неприсоединения, а, во-вторых, всегда сохраняет пространство для диалога с Пекином, хотя и с оговорками, что двусторонние отношения с ним носят сложный характер.

Китайско-индийские отношения, как уже было отражено в Главе 2, на основе анализа через призму применения теории неоклассического реализма и реалистского направления МПЭ объясняются сложным характером, сочетающим элементы сотрудничества (прежде всего в области экономики) и соперничества (в военно-политической сфере). Наличие элемента сотрудничества также способствует тому, что Индия остается автономным участником региональных процессов и избегает формального участия в альянсах под эгидой США, которые ставят своей целью противодействие Китаю. Иначе это могло бы нарушить сложившийся в китайско-индийских отношениях статус-кво. В связи с этим, именно отношения Китая и Индии являются четвертым порядкообразующим фактором.

Пятый фактор – это роль держав малого и среднего уровня, представленных странами Южной Азии и АСЕАН, которые в условиях жесткого американо-китайского противостояния и усиления китайско-индийской конкуренции за региональное лидерство стремятся искать пути лавирования между всеми центрами силы и развивать сотрудничество с каждым из них.

Страны АСЕАН и Южной Азии входят в приоритеты внешнеполитической и экономической деятельности как Китая, так и Индии. В перспективе конкуренция Пекина и Нью-Дели за влияние на государства Южной Азии и поддержку своих региональных стратегий со стороны АСЕАН вероятно будет усиливаться, что потребует расширения существующих механизмов сотрудничества (финансово-экономического, военно-политического и гуманитарного характера), а также может привести к

интенсификации конкуренции между Пекином и Нью-Дели за региональное лидерство.

Если два первых фактора подталкивают к биполярной конфронтации в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР, то три последних – напротив способствуют полицентричности конкурентного типа. И именно третий и четвертый факторы, связанные с самостоятельной позицией Индии, как единственным сопоставимым по влиянию с другими ведущими державами (Китаем и США) центром силы, являются решающими.

Иными словами, благодаря самодостаточной внешнеполитической линии Индии, заинтересованности Китая и Индии в поддержании стабильности двусторонних отношений даже при условии существующей между ними конфликтности, а также диверсификации сотрудничества стран Южной Азии и АСЕАН с различными региональными центрами силы – региональный порядок в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР тяготеет к полицентричности конкурентного типа.

Так как разрешение пограничного спора между Китаем и Индией не стоит в повестке дня, а отношения отягощены грузом взаимных претензий, позитивный сценарий качественного улучшения взаимоотношений Китая и Индии, и как следствие формирование полицентричного порядка более кооперационного типа или по крайне мере смешанного, сочетающего черты конкуренции и сотрудничества, маловероятен (Таблица 1.).

Однако, при условии сохранения восходящей динамики торгово-экономического сотрудничества Китая и Индии, эффективном функционировании действующих механизмов взаимодействия по пограничному спору, обоюдной заинтересованности в дальнейшем поддержании предсказуемости двусторонних отношений – тенденция на их нормализацию скорее всего сохранится, что будет отражать рассмотренный выше и наиболее вероятный, на наш взгляд, нейтральный сценарий с сохранением тренда на полицентричность конкурентного типа (Таблица 1.).

В противном случае, при негативном сценарии (Таблица 1.) значительной деградации двусторонних отношений Китая и Индии вследствие усиления пограничной напряженности и ужесточения политики Китая в регионе в антииндийском ключе, Нью-Дели будет охотнее развивать отношения с США и их союзниками с целью комплексного сдерживания Китая. Это повлечет за собой более активную милитаризацию региона и усиление блоковой конфронтации в формате биполярного противостояния Китая и группы стран, объединенных США под эгидой «китайской угрозы».

Таким образом в данной главе последовательно решены четыре оставшиеся задачи исследования, связанные с выявлением основных региональных интересов Китая и Индии; анализом влияния их отношений на региональный порядок в Южной Азии и АТР; определением ключевых факторов, оказывающих влияние на структурирование регионального порядка; и проведением сценарного анализа вероятного воздействия изменения динамики китайско-индийских отношений на региональный порядок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование ставило своей целью определение того, как в конченом итоге фактор китайско-индийских отношений влияет на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР. Для этого автором были выявлены основные черты китайско-индийских отношений в сферах политики, безопасности и экономики. Исследователем также проанализированы как сами взаимоотношения обеих стран с другими ведущими региональными участниками, так и ключевые интересы Пекина и Нью-Дели в регионах Южной Азии и АТР.

Через последовательное решение постановленных в начале работы задач в диссертации:

1. Характеризуются основные теории и подходы, при помощи которых концептуализированы процессы формирования макрорегиона Южной Азии и АТР, а также определяется влияние китайско-индийских отношений на региональный порядок. Одним из магистральных трендов современного глобального развития является процесс макрорегионализации, предполагающий «стяжение» традиционных регионов в более крупные макрорегионы. Применение подхода мирового комплексного регионоведения в данном исследовании позволило всесторонне проанализировать возрастающую взаимосвязанность протекающих в Южной Азии и АТР военно-политических и экономических процессов, что является одной из основных причин стяжения пространств Южной Азии и АТР в единый формирующийся макрорегион.

На дискурсивном уровне это отражается в том, что ряд ведущих региональных участников (Австралия, Япония, США, Индия, Южная Корея и др.) официально объявили о своих стратегиях для Индо-Тихоокеанского региона. Появление отдельных стратегий для ИТР отражает попытки ключевых региональных участников по целенаправленному конструированию именно ИТР как самостоятельного политико-географического пространства.

Благодаря применению теории региональных комплексов безопасности, в работе определяется полярность формирующегося макрорегиона и тип взаимоотношений государств по шкале «сотрудничество-соперничество». В исследовании используется концепция полицентричности, разработанная в российских исследованиях, которая предполагает участие в структурировании порядка более обширного числа участников, представленных не только великими, но и региональными и средними державами, а также учитывает характер взаимоотношений между ними. В данной работе именно определение динамики взаимоотношений великих (Китая и США), региональных (Япония, Пакистан) и средних держав (Австралия, Южная Корея), а также Индии, находящейся в состоянии перехода к великодержавности, помогает определить характер складывающегося регионального порядка в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР.

2. В работе выделены основные тенденции трансформации китайско-индийских отношений в сферах политики и безопасности, а также экономики. В исследовании подчеркивается, что отношения Китая и Индии как одних из ведущих держав в регионе, обладающих мощным военным и экономическим потенциалом, по своей значимости, весу и влиянию в региональном масштабе выделяются на фоне двусторонних отношений любых других (за исключением США) региональных участников. Проведенный с позиции неоклассического реализма и неореалистского подхода международной политэкономии анализ показал, что китайско-индийские отношения носят сложный характер, так как представлены динамичным сотрудничеством в сфере экономики с одновременно выраженной активной военно-политической конкуренцией.

Столкновение интересов Китая и Индии обусловлено сохранением высокой степени взаимного недоверия, а также периодической эскалацией территориального спора. Негативную реакцию Нью-Дели вызывает углубление контактов между Китаем и Пакистаном, которые развивают отношения «всепогодного» стратегического партнерства. Особое неприятие этого со стороны Индии связано с развитием китайско-пакистанских военно-

политических и экономических контактов, включая реализацию КПЭК. Аналогично, расширение стратегического сотрудничества Индии и США вызывает опасения со стороны Китая по поводу создания коалиции, нацеленной на комплексное сдерживание Пекина. Отдельно выделяется тренд на усиление китайско-индийского соперничества за влияние на страны Глобального Юга. В экономическом плане отношения Пекина и Нью-Дели осложняются дисбалансами, сопровождающимися традиционно отрицательным для Индии сальдо торгового баланса. Кроме этого, в работе отмечается и слабая динамика инвестиционного сотрудничества, а также использование обеими сторонами различных торговых ограничений, в том числе нетарифного характера.

Однако, с другой стороны, у стран налажено достаточно интенсивное взаимодействие по торгово-экономическим вопросам и некоторым аспектам регионального (противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам, включая терроризм и экстремизм) и глобального (усиление голоса «глобального Юга», реформирование международных финансовых институтов, декларируемое стремление к многополярности и т.д.) характера. Благодаря укреплению торгово-экономического сотрудничества, заинтересованности в избегании пограничной эскалации, совпадению ряда интересов на глобальном уровне (реформирование международных финансово-экономических институтов с учетом интересов стран Глобального Юга), даже не смотря на наличие отношений стратегического соперничества в сферах политики и безопасности, Китай и Индия стремятся к поддержанию стабильности двусторонних отношений и снижению градуса их напряженности.

Так, в период 2022 – 2023 гг. с сохранением положительной динамики в 2024 г. более отчетливо наметилась тенденция к постепенной нормализации двусторонних отношений с признанием со стороны руководства обеих стран «ненормальности» их текущего состояния. Знаковой в этой связи стала организованная при председательстве в 2024 г. в БРИКС России встреча

лидеров Китая и Индии в г. Казань, по итогам которой стороны договорились о возвращении к статус-кво на границе, существовавшему до эскалации конфликта в 2020 г.

3. В работе обозначены основные внешнеполитические и экономические интересы Китая и Индии в Южной Азии и АТР, которые проистекают из определенных руководством обеих стран приоритетов комплексного национального развития. Государства Южной Азии и АТР являются важными для внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности как Китая, так и Индии. В перспективе конкуренция Пекина и Нью-Дели за влияние на них, вероятно, будет усиливаться, что может привести к интенсификации конкуренции между ними за региональное лидерство.

Интересы Китая в Восточной Азии и АТР фокусируются на обеспечении его политического и экономического лидерства (включая продвижение ОПОП и своих глобальных инициатив), территориальной целостности и национальной безопасности, а также реагировании на антикитайские действия США. В отношении же Южной Азии Пекин стремится к активному проникновению в регион в экономической (развитие торговых связей и продвижение ОПОП) и в военно-политикой (расширение военного присутствия в акватории Индийского океана) сферах.

Интересы же Индии в Южной Азии, которую она воспринимает регионом исключительно своего влияния, связаны с обеспечением ее национальной безопасности, стремлением к региональному лидерству (чему противодействует Пакистан), недопущением дальнейшего проникновения КНР, а также углублением экономических отношений со странами региона. В отношении ИТР Нью-Дели привержена расширению влияния на всю акваторию Индийского океана за счет утверждения своего лидерства (чему посвящены и такие концепции, как IPOI и SAGAR), а также стремится к более динамичным экономическим связям и развитию цепочек добавленной стоимости со странами ЮВА, Японией и Республикой Корея (политика

«Действуй на Востоке» и в рамках поиска новых источников инвестиций и экспортных направлений при реализации политики «Make in India»).

В работе констатируются различия в подходах Пекина и Нью-Дели по отношению к государствам АСЕАН и Южной Азии. Если в первом случае курсы обеих стран можно охарактеризовать скорее как параллельные, то во втором – Китай и Индия соперничают за лидерство. Так, во взаимоотношениях с КНР и Индией страны АСЕАН имеют больше пространства для маневра, чем государства Южной Азии, так как между Пекином и Нью-Дели отсутствует жесткая конкуренция за лидерство в Восточной Азии, что обусловлено различиями в их региональных позициях, при которых КНР намного сильнее в плане экономического и политического влияния, чем Индия. Страны Южной Азии, хотя и имеют меньше пространства для внешнеполитического маневра в связи с более выраженной конкуренцией Китая и Индии за ведущие позиции в регионе, так или иначе заинтересованы в углублении экономического сотрудничества с обеими державами, равно как и с другими региональными и внерегиональными участниками.

4. В исследовании проанализировано влияние китайско-индийских отношений на процессы усиления взаимосвязанности и формирование регионального порядка в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В работе подчеркивается, что усиление региональной конкуренции Китая и Индии в Южной Азии и АТР наблюдается и в их более активном проникновении в регионы непосредственных интересов друг друга: Китая – в Южную Азию, а Индию – в Восточную Азию. Неоклассический реализм помимо анализа влияния устройства международного порядка на политику государств позволяет также учесть и внутриполитические особенности. Так, Си Цзиньпин и Н. Моди провозгласили целями развития своих стран всестороннюю модернизацию, связанную с усилением комплексной мощи Китая и Индии. В связи с этим и Пекин, и Нью-Дели стали проводить более уверенный внешний политический и экономический курс, включая

углубление многоплановых отношений как с государствами АСЕАН, так и со странами Южной Азии.

В связи с протекающими внутри формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР дискурсивными процессами секьюритизации Китай отрицательно относится к Индо-Тихоокеанской стратегии Индии, а Индия негативно воспринимает усиление Китая в Южной Азии. Укрепление военно-политического и экономического потенциала Индии в Южной Азии направлено на расширение сферы ее политических и экономических интересов на пространство, которое она определяет как обширный Индо-Тихоокеанский регион.

Аналогично, вслед за увеличением комплексной мощи Китая, сопровождающейся расширением зоны его стратегических интересов, Пекин выходит за рамки АТР и расширяет военно-политическое и экономическое присутствие в Южной Азии и акватории Индийского океана. При этом, соперничество Китая и Индии за региональное влияние выражено именно в Южной Азии, в связи с более заметным политическим и экономическим присутствием сразу обеих держав, в то время как в Восточной Азии позиции Индии все же менее сильные, чем Китая, хотя Нью-Дели и стремится к расширению сотрудничества со странами региона как в экономической сфере, так и по вопросам безопасности.

Поступательное социально-экономическое развитие стран региона, а также реализация Китаем и Индией амбициозных планов национального развития зависит не только от стабильности региональной архитектуры безопасности в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР в целом, но и предсказуемости отношений двух ведущих держав – Китая и Индии, в частности. С учетом особых позиций Китая (великой державы) и Индии (находящейся в состоянии перехода от региональной к великой державе), связанных с сильным влиянием каждой из стран на процессы в АТР и Южной Азии соответственно, а также их неучастием в каких-либо региональных альянсах и внешнеполитической автономии.

5. В работе выделены факторы, оказывающие влияние на процесс структурирования регионального порядка. Во-первых, это отношения соперничества двух великих держав Китая и США. Причем на стороне США находится целый ряд региональных (Япония) и средних (Австралия, Южная Корея) держав региона. Отношения же Китая, США и Индии с другими ведущими игроками – региональными (Япония, Пакистан) и средними державами (Австралия, некоторые страны АСЕАН, Южная Корея) – являются вторым важным порядкообразующим фактором. Это связано с тем, что противостояние Китая и США как двух единственных великих держав в регионе оказывает непосредственное влияние на баланс сил внутри него. С учетом политики США по комплексному сдерживанию Китая с помощью расширения сети альянсов и гибких партнерств и коалиций, региональный порядок должен бы был тяготеть к биполярности, если при анализе исходить из неоклассического реалистского подхода. Особенно, с учетом союзнических отношений Японии, Австралии, Южной Кореи, Филиппин и Таиланда с США.

Однако, Индия, находящаяся в переходном к великодержавности состоянию и демонстрирующая лидерское поведение, выступает в качестве единственного центра силы, сопоставимого с другими ведущими державами по масштабу влияния на региональные процессы. При этом, она единственная, помимо самого Китая, непосредственно не аффилирована ни с одним из региональных участников и не связанна официальными обязательствами в сфере обороны. Она также сохраняет пространство для политического диалога с Пекином.

Это связано с рядом факторов: во-первых, стремление Индии к статусу ведущей мировой державы противоречит идеи альянса с США, при котором она заняла бы положение «младшего партнера». Во-вторых, в случае прямой демонстрации своей антикитайской позиции в виде союза с США отношения Пекина и Нью-Дели деградировали бы настолько, что удар по их двустороннему экономическому сотрудничеству (Китай – по итогам 2024 г. крупнейший торговый партнер Индии) и региональной безопасности был бы

очень серьезным. Это привело бы к неконтролируемой эскалации территориального спора и возможно каким-либо совместным действиям военно-политического характера со стороны Пекина и Пакистана. Итогом всего была бы дестабилизация региональной безопасности и негативноее влияние на реализацию амбиционных планов национального развития Китая и Индии. Отсюда вытекает третий важнейший фактор структурирования регионального порядка в Южной Азии и АТР – это позиция Индии в духе традиции неприсоединения и сохранения внешнеполитической автономии. Китайско-индийские отношения, сочетающие элементы сотрудничества и соперничества, являются четвертым в данном исследовании и одним из важнейших факторов, влияющих на характер регионального порядка.

В вопросе же структурирования регионального порядка важны не только стратегии ведущих центров силы, но и реакции региональных игроков на проводимую политику внешних участников. В различных регионах превалируют разные типы устройства с б*о*льшим преобладанием лидерского или фонового (пространственного) начала. На пространстве формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР характер структурирования отношений тяготеет именно к лидерскому, что связно с усилением китайско-американского и китайско-японского противостояния и ростом конкуренции Пекина и Нью-Дели за влияние в Южной Азии. Однако, заметна и определенная роль средних и малых стран – АСЕАН и Южной Азии, поддержка которых для лидеров имеет большое значение с точки зрения продвижения своих региональных проектов.

Из этого как раз и вытекает пятый порядкообразующий фактор, который заключается в позициях самих государств Южной Азии и АСЕАН. В ситуации усиления соперничества двух великих держав – Китая и США – а также нарастания конкуренции Пекина с Нью-Дели и Пекина с Токио страны Южной Азии и АСЕАН прибегают к балансированию между различными центрами силы в попытках максимизировать свою выгоду от сотрудничества с каждым из них. Страны АСЕАН и Южной Азии в целом поддерживают развитие

взаимовыгодных отношений (особенно экономических) как с Индией, так и с Китаем. Инклюзивный подход стран АСЕАН, изложенный в их «Видении Индо-Тихоокеанского региона», снижает перспективы формирования эксклюзивного регионального блока, нацеленного на сдерживание Китая. Иными словами, заинтересованность малых и средних стран формирующегося макрорегиона Южной Азии и АТР в диверсификации внешнеполитического и экономического сотрудничества также способствует формированию полицентричного регионального порядка.

Таким образом, если первый (американо-китайская конкуренция) и второй (отношения великих держав с региональными и средними державами) факторы способствуют структурированию регионального порядка в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР на основе биполярной конфронтации, то три последних (самостоятельная позиция Индии, связанная с сохранением внешнеполитической автономии, сложный характер китайско-индийских отношений с элементами сотрудничества и соперничества, а также роль государств Южной Азии и АСЕАН, которые стремятся к диверсификации внешнеполитического и экономического сотрудничества и взаимодействием с различными центрами силы, включая Китай и Индию) – наоборот, благоприятствуют полицентричности. В то же время, с учетом того, что отношения ведущих держав по шкале «сотрудничество-соперничество», включая китайско-индийские отношения, носят скорее конкурентный характер, полицентричный региональный порядок больше склоняется к конкурентному типу.

6. В работе проведен сценарный анализ воздействия китайско-индийских отношений на региональный порядок при изменении динамики их двустороннего характера. Возможная трансформация характера устройства регионального порядка в Южной Азии и АТР во многом будет зависеть от динамики самих китайско-индийских отношений. В случае их деградации, связанной, например, с эскалацией пограничного конфликта, Нью-Дели может больше тяготеть в сторону сближения с США и их союзниками, в том числе с

возможной формализацией военно-политических отношений (негативный сценарий). В таком случае полицентричная структура может уступать место более выраженной биполярности в виде противостояния КНР с коалицией государств во главе с США.

В случае постепенной стабилизации китайско-индийских отношений при сохранении стратегического соперничества (нейтральный сценарий - более вероятный) или их качественного улучшения (позитивный и менее вероятный сценарий), а также сохранения Индией самостоятельного внешнеполитического курса в традициях неприсоединения обосновано прогнозировать дальнейшее усиление тренда на формирование полицентричного устройства регионального порядка в макрорегионе Южной Азии и АТР. При нейтральном сценарии региональной порядок предполагается более конкурентный, тогда как при позитивном – более кооперационный.

Таким образом, на основании всего комплекса проанализированных факторов, высказанная в начале исследования гипотеза о тяготении регионального порядка в формирующемся макрорегионе Южной Азии и АТР к полицентричности подтвердилась. Через последовательное решение поставленных задач была достигнута и основная цель работы, состоящая в выявлении основных черт китайско-индийских отношений в сферах политики, безопасности и экономики и определении того, как фактор китайско-индийских отношений влияет на формирование регионального порядка в Южной Азии и АТР. Было выявлено, что складывающийся региональный порядок является полицентричным и при этом носит конкурентный характер, в то время как китайско-индийские отношения, характеризующиеся сочетанием сотрудничества и соперничества, усиливают макрорегиональную конкуренцию.

Для России эти выводы имеют важное значение. Китай и Индия являются одними из важнейших внешнеполитических партнеров страны. Москва заинтересована в развитии полицентричности и более кооперативном

региональном порядке. В связи с этим в интересах России – продолжить выверенную многолетнюю работу, нацеленную на выстраивание более глубоких отношений с обеими странами. В связи с этим для Москвы также важно поддерживать дальнейшую деэскалацию в китайско-индийских отношениях, способствовать налаживаю как трехстороннего сотрудничества в рамках РИК, так и многостороннего в рамках БРИКС и ШОС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты (международные и национальные), официальные документы.

На русском языке:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 25.04.2024).

На английском языке:

2. Agreement (with exchange of notes) on trade and intercourse between Tibet. Region of China and India. // Treaty Series. Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. 1958. – P. 448. Pp. 57. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf
3. Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People’s Republic of China on Border Defence Cooperation. // United Nations Peacemaker. 23 October, 2013.URL: https://peacemaker.un.org/china-india-border-cooperation2013 (дата обращения 14.04.2024).
4. Annual Report 2023-2024. // Ministry of External Affairs, Government of India. July 25, 2024. URL: https://www.mea.gov.in/Annual_Reports.htm?dtl/38005/Annual_Report_202 32024 (дата обращения: 16.10.2024).
5. Building A Community With A Shared Future For Mankind: A Chinese Answer To A Changing World– Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. March 14, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zwbd/202405/t20240530_11366080.html (дата обращения: 17.04.2024).
6. China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. 11 Jan. 2017. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475 539078636.htm (дата обращения: 17.04.2024).
7. China's Military Strategy. // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 23.06.2021. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/Publications/WhitePapers/4887928.html#:~:text=C hina's%20armed%20forces%20will%20effectively,period%20of%20strategic %20opportunities%20for (дата обращения: 10.04.2024).
8. Diplomatic Bluebook 2023 (PDF). // Ministry of Foreign Affairs of Japan. September 29, 2023. URL:

https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2023/pdf/en_index.html (дата обращения: 04.09.2024).
9. Ensuring secure seas: Indian maritime security strategy // Indian Navy. Naval strategic publication 1.2 October, 2015. P.184. URL: https://www.indiannavy.nic.in/content/indian-maritime-security-strategy-2015 (дата обращения: 16.10.2023).
10. EU-Indo Pacific Strategy. – Текст: электронный // The Diplomatic Service of the European Union. 30.01.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indo-pacific-strategy_en (дата обращения: 05.08.2024).
11. Fact Sheet: Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific. // The White House. Office of the Press Secretary. November 16, 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific (дата обращения: 20.12.2023).
12. Fact Sheet: Department of Defense Marks Two-Year Anniversary of the U.S. Indo-Pacific Strategy. – Текст: электронный // U.S. Department of Defense. February 9, 2024. URL: https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3672121/fact-sheet-department-of-defense-marks-two-year-anniversary-of-the-us-indo-paci/ (дата обращения: 16.10.2024).
13. Freedom to Use the Seas: India’s Maritime Military Strategy. // Government of India, Indian Navy. New Delhi, May 2007. P. 85. URL: http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
14. Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. // U.S. Department of State. November 4, 2019. P. 32. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
15. Free and Open Indo-Pacific. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 16 May 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/page25e_000278.html (дата обращения: 04.11.2023).
16. Foreign Policy White Paper. – Текст: электронный // Australian Government. 2017. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/minisite/static/4ca0813c-585e-4fe1-86eb-de665e65001a/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper.html (дата обращения: 05.11.2023).
17. Full Text: China’s National Defense in the New Era. // The State Council of the People's Republic of China. July 24, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 17.04.2024).
18. Full text: The Global Security Initiative Concept Paper. // Xinhua. 21.02.2023. URL: https://english.news.cn/20230221/75375646823e4060832c760e00a1ec19/c.html. (дата обращения: 17.10.2024).

19. Full text: The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. // The State Council of the People's Republic of China. October 10, 2023. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202310/10/content_WS6524b55fc6d0868f4e8e014c.html (дата обращения: 17.10.2024).
20. Indian Maritime Doctrine - 2015 Version. // Indian Navy. URL: https://indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
21. Indian Maritime Doctrine. // Indian Navy. Naval Strategic Publication 1.1. August 2009. P. 188. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://inexartificers.com/public/uploads/ebooks/Ebook_1_07-01-2019_11_36_53.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
22. Indo-Pacific Outlook of Bangladesh. // Ministry of Foreign Affairs, Bangladesh. 24 April 2023. URL: https://mofa.gov.bd/site/press_release/d8d7189a-7695-4ff5-9e2b-903fe0070ec9 (дата обращения: 05.11.2023).
23. Introducing the Indo-Pacific Strategy. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. December 2022. P. 24. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения: 05.11.2023).
24. Indo- Pacific Strategy of the United States. // White House. February 2022. P. 19. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
25. Joint Vision Statement from the Leaders of Japan, the Philippines, and the United States. // The White House. 11 April 2024. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/04/11/joint-vision-statement-from-the-leaders-of-japan-the-philippines-and-the-united-states/ (дата обращения: 17.04.2024).
26. National Security Strategy (NSS). // Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 16, 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (дата обращения: 04.09.2024).
27. National Defence: Defence Strategic Review 2023. // Australian Government. Department of Defence. 2023. 112 p. URL: https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review (дата обращения: 05.10.2024).
28. Position Paper of the People’s Republic of China on Supporting ASEAN Centrality in the Evolving Regional Architecture. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 04.08.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/2649_665393/202208/t20220804_10734029.html (дата обращения: 02.06.2024).

29. Policy paper. UK–Indo-Pacific region development partnership summary. – Текст: электронный // Foreign, Commonwealth & Development Office. 17 July, 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-indo-pacific-region-development-partnership-summary/0e2702a7-76e3-4119-85cd-d612f34c30ce (дата обращения: 05.11.2023).
30. The Future of the Indo-Pacific-Japan's New Plan for a "Free and Open Indo-Pacific". – Текст: электронный // Prime Minister of Japan. March 20, 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100477739.pdf (дата обращения: 04.11.2023).
31. 2020 Defence Strategic Update. // Australian Government. Department of Defence. 1 July 2020. P. 68. URL: https://www.defence.gov.au/sites/default/files/2020-11/2020_Defence_Strategic_Update.pdf (дата обращения: 05.11.2023).
32. 3 years on, China-proposed Global Development Initiative gathers momentum for speeding up modernization. – Текст: электронный // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.09.2024. URL: https://2024focacsummit.mfa.gov.cn/eng/zpfh_1/202409/t20240924_11495373.htm (дата обращения: 17.10.2024).
33. 3 things to know about China's Global Civilization Initiative. – Текст: электронный // The State Council Information Office of the People's Republic of China. April 3, 2024. URL: http://english.scio.gov.cn/in-depth/2024-04/03/content_117103205.htm (дата обращения: 17.10.2024).

На китайском языке:

34. Чжунго вайцзяо чжэнцэ [Внешняя политика Китая.] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу. [Министерство иностранных дел КНР]. 28.02.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/zcwj/200608/t20060824_9868937.shtml#:~:text=尊重各国主权和领土,法人在海外合法权益%E3%80%82
35. Чжунго хайвай аньцюань фэнсянь ланьпи шу [Синяя книга «Внешние вызовы безопасности Китая».] // Чжун хай ань [Центр исследований морской безопасности КНР]. 06.02.2024. URL: https://www.cosrigroup.com/viewpointdetail/261.html (дата обращения: 17.04.2024).
36. Синь шидай чжунго дэ чжоубянь вайцзяо чжэнцэ чжаньван [Перспективы периферийной дипломатии Китая в новую эпоху.]. // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел КНР].24.10.2023.URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202310/t20231024_11167069.shtml (дата обращения: 05.06.2023).

Исследовательская литература (на русском, английском и других иностранных языках).

Монографии, сборники научных трудов и главы в книгах, научно-аналитические доклады.

На русском языке:

37. Арапова Е.Я. Россия в Азии и Тихоокеанском регионе : тенденции торгового сотрудничества и перспективы экономической интеграции : монография – Москва : Проспект, 2020. – 312 с.
38. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: Монография / Под ред. В.М.Мазырина и Е.В.Колдуновой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023 — 608 с.
39. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / А.В. Торкунов, А.А. Байков, А.В. Виноградов [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2022. – 256 с.
40. Баталов Э.Я. О философии международных отношений. // М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С.132.
41. Барабанов О., Бордачёв Т., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Аттестат зрелости, или Порядок, какого ещё не было. // Ежегодный доклад клуба «Валдай». 02.10.2023. С. 35.
42. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. — М.: Междунар. отношения, 2003. — С. 368. Сс. 7-8.
43. Богатуров А.Д. Современная мировая политика: Прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс. 2010. С. 592.
44. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий. - 2002. С. 390
45. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание / М.: Издательство «Аспект Пресс». 2017. С.480. Сс. 11-12.
46. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс (2010) / под общ. ред. А.Д. Воскресенского; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.
47. Бордачев Т., Кашин В., Куприянов А., Лукьянов Ф., Суслов Д., Королев А. Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура. // Международный Дискуссионный клуб "Валдай". - 2018. - С.36.

48. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Празаускас А.А., Шаумян Т.Л. Южная Азия: конфликты и геополитика. — М.: Институт востоковедения РАН, 1999. — С. 173.
49. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. — М.: Междунар. отношения, 2003. — С. 368.
50. Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы) // В кн.: Восток – Запад – Россия. Сборник статей. – М.: Прогресс – Традиция. - 2002. С. 432.
51. Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991); С.-Петерб. гос. ун-т, Вост. фак. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – 329 с.
52. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике: учебное пособие / И.А. Истомин; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – 2-е изд., испр. и перераб. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – С. 304.
53. Киреева А.А. Роль и место Китая в системе международных отношений в Северо-Восточной Азии // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. Монография. М., Аспект Пресс, 2019. – С. 212-262.
54. Киреева А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». — М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 609-642.
55. Круглый стол «Проблемы стратегии и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Четырехсторонний диалог США, Японии, Индии, Австралии». // ИМЭМО РАН. 13.08.2018 г.
56. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия -- Россия: стратегия партнерства в XXI веке. - М.: Институт экономических стратегий, 2009. – С. 101-110.
57. Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М.: Навона, 2010. — 240 с.
58. Костюнина Г.М. Интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: монография. МГИМО МИД России, Кафедра менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности. – Москва : МГИМО-Университет, 2019. – 365 с.
59. Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. МГИМО(У) МИД России, Каф. востоковедения. – Москва : МГИМО, 2002. – 196 с.
60. Китай в мировой и региональной политике : история и современность : ежегодное издание. Вып. 24 / С.В. Уянаев и др.; сост., отв. ред. Е.И. Сафронова; Ин-т Дальнего Востока РАН. - Москва: ИДВ РАН, 2019. - 416 с.

61. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / под ред. Г.И. Чуфрина; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – Москва : Наука, 2007. – 325 с.
62. Китай и глобализация / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН ; отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. – Москва : ИМЭМО РАН, 2012. – 80 с.
63. Ланцова И.С Азиатско-Тихоокеанский регион в современной мировой политике // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2006. № 3. - С. 36–41.
64. Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений. – Санкт-Петербург, 2011. – 229 с.
65. Лунев С.И. Южная Азия и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. Отв. ред. Чуфрин Г.И. М.: Наука, 2007. Сс. 288-312.
66. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт. 2019. – 304 с.
67. Лунев С. И. Дипломатия в Южной Азии. АН, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, Изд. фирма "Вост. лит.", 1993. — 194 с.
68. Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. [отв. ред. Е.В. Кобелев]; Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва : ИДВ РАН, 2013. – 239 с.
69. Михеев В.В., Швыдко В.Г. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз. // ИМЭМО РАН. 2020. С. 182.
70. Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – Москва, 2009. – 358 с.
71. Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. – М.: ИВ РАН, 2012. – 220 с.
72. Новая реальность Индо-Тихоокеанского пространства / под общей ред. В.В. Михеева; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва: ИМЭМО РАН, 2023. С. 155.
73. Неспокойное соседство. проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / А.В.Торкунов и др. под ред. Г.Д.Толорая. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 345 с.
74. Политика безопасности стран современного Востока. / под ред. Д. В. Стрельцова. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2021. С. 281.
75. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. // М.: ИДВ РАН. 2013. С. 240.

76. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / отв. ред. В.Е. Петровский. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. - 280 с.
77. Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть II). Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. № 4. 2018. Сс. 83-102.
78. Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст. К 25-летию диалогового партнерства и 30-летию отношений России и АСЕАН : сборник научных статей / под ред. Е. В. Колдуновой, Н. С. Куклина, В. В. Вершининой ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России [и др.]. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 185 с.
79. Страны Востока во внешней политике России / под ред. Д.В.Стрельцова, К.А.Ефремовой. — Москва: Аспект Пресс, 2023. — 376 с.
80. Торкунов А.В. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе/ А.В.Торкунов, А.Д. Воскресенский, В.И. Денисов, Ю.А.Дубинин, Е.В. Колдунова, А.В. Лукин, Д.В. Стрельцов, В.В. Сумский // Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017. - С.267-308.
81. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва: Памятники ист. мысли, 2008. – 623 с.
82. Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУП, 2013. – 81 с.
83. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Торкунов А.В.,. Дьячков И.В, Киреева А.А. [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – 432 с.
84. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 319 с.
85. Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 208 с.
86. Шаумян Т.Л. Политические системы стран Южной Азии. Москва, 2014. – 176 с.

На английском языке:

87. ASEAN statistical yearbook 2021 // The ASEAN Secretariat Jakarta. Decemberю - 2021. - P. 268.
88. Asia-Pacific in the new world order./ Brook C., McGrew A. (ed.). – Routledge, London and New York, 2013. – 335 p.
89. Amane Y. The PRC’s Cautious Stance on the US Indo-Pacific Strategy // China Brief. The Jamestown Foundation – 2020. – Т. 20. – №. 4. P. 17-22. P.

18. (Генпрокуратура признала Джеймстаунский фонд нежелательной организацией).
90. Ashworth L. M. Interdisciplinarity and international relations // European political science. – 2009. – Т. 8. – №. 1. – P. 16-25. Pp. 16-17.
91. Bajpai K., Huang J., Mahbubani K. China-India Relations. – Routledge. 2016. P. 242.
92. Baruah D.M. Expanding India's Maritime Domain Awareness in the Indian Ocean // Asia Policy. 2016. - Vol. 22. - No. 1. - P. 49-55.
93. Barthwal-Datta M. Understanding security practices in South Asia. – Taylor & Francis, Lomdon, 2012. – 193 p.
94. Bhattacharya S.K., Bhattacharyay B.N. Free Trade Agreement between People's Republic of China and India: Likely Impact and Its Implications to Asian Economic Community // ADB Institute Discussion Paper No. 59. November. 2006. P. 31., Pp. 8-9.
95. Bhatt A. Study of International trade relation of India with ASEAN // Social Science Research Network. SSRN. - 2021. - Pp. 1-17.
96. Begley J. Winning Strategic Competition in the Indo-Pacific. // Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. September, 2020. Pp. 1-5.
97. Behera N.C. International relations in South Asia: Search for an alternative paradigm. – New Delhi : Sage Publications, 2008. – 352 p.
98. Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. – Cambridge University Press, 2003. – 598 p.
99. Bull H. The Concept of Order in World Politics // The Anarchical Society. — London: Macmillan Education UK. 2012. — P.329.
100. Bochkov D. Chapter 12. Russia's Foreign Policy Objectives and the Outlook on the Indo-Pacific / I. Denisov, D. Bochkov // In Indo-Pacific and ASEAN. New Balances and New Challenges for Asian Integration and Stability. Ed. by Thi-Liên T.C., Chirathivat S., De P. 2024, Routledge India. – P. 159-172.
101. Cohen B.J. International political economy. – Princeton University Press // Princeton and Oxford. 2008. P. 199.
102. Christensen T.J. Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947-1958. // Princeton University Press. 1996. P. 179.
103. Christensen T. J. The China challenge: Shaping the choices of a rising power. // WW Norton & Company. 2015. P.400.
104. Dossani R., Hu L., Curriden C. Implementing China's grand strategy in Asia through institutions: An exploratory analysis. Research Report. // RAND Corporation. – 2021. P. 53.
105. Dueck C. Reluctant crusaders: power, culture, and change in American grand strategy. – Princeton University Press, New Jersey, 2008. – 215 p.
106. Forde, S. Varieties of realism: Thucydides and Machiavelli. // The Journal of Politics. – 1992. – Т. 54. – №. 2. – Pp. 372-393.

107. Godehardt N., Nabers D. (ed.). Regional orders and regional powers. – Routledge, 2011. – T. 14. P. 272.
108. Gokhale V. The road from Galwan: The future of India-China relations // Carnegie India. – 2021. – T. 10. P.36. (Организация была внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов).
109. Gilpin R. Global political economy: understanding the international economic order // Robert Gilpin with the assistance of Jean M. Gilpin. // Princeton University Press. 2001. P. 411.
110. Gilpin R. Global political economy // Global Political Economy. – Princeton university press, 2011. P. 440.
111. Harsh V. Pant. The ORF Foreign Policy Survey 2023: Young India and the Multilateral World Order. // Observer Research Foundation. February, 2024. P. 144.
112. Heydarian R.J. The Indo-Pacific: Trump, China, and the new struggle for global mastery. // Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 362.
113. Hewitt V. The new international politics of South Asia. – Manchester University Press, New York, 1997. – 305 p.
114. Heiduk F., Wacker G. From Asia-Pacific to Indo-Pacific. Significance, Implementation and Challenges. // Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs. / SWP Research Paper. 9 July 2020. P. 46.
115. International relations theory and the Asia-Pacific. / Ikenberry G. J., Mastanduno M. (ed.). – Columbia University Press, New York, 2003. – 445 p.
116. International relations of Asia. / Shambaugh D. (ed.). – Rowman & Littlefield, London, 2022. – 463 p.
117. Kaplan M. A. System and process in international politics. // ECPR Press. 2005. P.260.
118. Katzenstein P. J. The culture of national security: norms and identity in world politics. Columbia University Press, 1996. – 436 p.
119. Keohane R. O. After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. – Princeton university press, New Jersey, 2005. – 281 p.
120. Krasner S.D. (ed.). International regimes. // Cornell University Press, 1983. P. 375.
121. Krasner S.D. Power, the state, and sovereignty: essays on international relations. // Routledge, 2009. P.328.
122. Kohli H., Sharma A., Sood A. Asia 2050: realizing the Asian century. // Emerging Markets Forum, 2011. P.412.
123. Keck M.E., Sikkink K.A. Activists beyond borders: Advocacy networks in international politics. Cornell University Press, 1998. – 240 p.
124. Long D. Interdisciplinarity and the study of international relations // International Studies. – Palgrave Macmillan, London. 2011. – P. 31-65.
125. Lin M. Governance. Collective Leadership Revisited. // Brookings Institution. June, 2016. Chapter 1. Pp. 9-11.

126. Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean. // Hurst & Company. 2019. P. 291.
127. McDougall D. Asia Pacific in world politics. – Boulder, Colo. : Lynne Rienner Publishers, USA, 2007. – 425 p.
128. Malik M. (ed.). Maritime Security in the Indo-Pacific: Perspectives from China, India, and the United States. // Rowman & Littlefield. 2014., P. 287.
129. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics // University of Chicago, W. W. Nanon & Company. 2001. P. 535.
130. Medcalf R. Indo-Pacific Empire: China, America and the contest for the world's pivotal region. // Manchester University Press. - 2020. - P. 320.
131. Medcalf R. Contest for the Indo-Pacific: Why China Won't Map the Future. // La Trobe University Press. – 2020. P. 324.
132. Mohan C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. // Brookings Institution Press. 2012. P. 330.
133. Moran J. Interdisciplinarity. // Routledge. 2010. P.224.
134. Mishra A. Reflections on the Indo-Pacific: Perspectives from Africa // Observer Research Foundation. – 2021. P. 60.
135. Nathan A. J., Scobell A. China's search for security. // Columbia University Press. 2015. P.432.
136. Nye J. S., Keohane R. O. Power and interdependence. Longman, 2012. – 365 p.
137. Onuf N. World of our making: Rules and rule in social theory and international relations. – Routledge, 2012. – 328 p.
138. Onuf N. Making sense, making worlds: Constructivism in social theory and international relations. – Routledge, London, 2013. – 256 p.
139. Oatley T. International political economy.– 5 thed. // Longman. 2012. P. 432.
140. Oxford handbook of the international relations of Asia. / Pekkanen S. M., Ravenhill J., Foot R. (ed.). – Oxford University Press, USA, 2014. – 775 p.
141. Parsons T. The social system. // Routledge. 2013. P. 448.
142. Paul T.V. India’s Role in South Asia; A Regional Power with global Ambitions // in David Shambaugh ed., International Relations of Asia. 3d ed. . - Rowman & Littlefield - 2022. P. 161-186.
143. Pant H.V., Taneja K. Looking Back, Looking Ahead: Foreign Policy in Transition under Modi. // Observer Research Foundation (ORF). July 2019. P. 106.
144. Powell R. In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics. - Princeton UP. New Jersey, 1999. – 320 p.
145. Raju A.S. South Asia and China: Engagement in the Twenty-first Century. // Taylor & Francis. 2021. P. 250.
146. Rose G. How wars end: Why we always fight the last battle. – Simon and Schuster, 2011. – 432 p.

147. Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. NY: Oxford University Press. 2016. P. 208.
148. South Asia after the Cold War: International Perspectives./ Bajpai K.P., Cohen S.P. (ed.) – Routledge, New York, 1993. – 264 p.
149. Strange S. States and markets. – Bloomsbury Publishing, 2015. P. 279.
150. Shambaugh D. International Relations of Asia. // 3d ed. - Rowman & Littlefield - 2022. P. 492.
151. Schweller R. L. Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. – Princeton University Press, 2006. - 110 p .
152. Sridharan N. China-ASEAN Economic and Trade Cooperation Survey Report: Investor Confidence and Outlook // PwC. November. - 2021. - P. 72.
153. Taliaferro J.W. Balancing Risks: Great Power Intervention in the Periphery. // Ithaca: Cornell University Press. 2004. P. 304.
154. Thin Ice in the Himalayas: Handling the India-China Border Dispute. // Crisis Group Asia Report N°334. 14 November 2023. P. 42.
155. The Asia-Pacific, regionalism and the global system. / Dent C. M., Dosch J. (ed.).– Edward Elgar Publishing, MA, USA, 2012. – 279 p.
156. Vijay T. Singh. 75 years of Indian foreign policy. // Indian Council of World Affairs. Sapru House, New Delhi. - 2023. P. 144.
157. Waltz K.N. Theory of International Politcis // University of California, Berkeley. Addison-Wesley Publishing Company. 1979. P.251.
158. Woods L.T. Asia-Pacific Diplomacy: Nongovernmental Organizations and International Relations. – UBC Press, Vancouver, 2011. – 249 p.
159. Wohlforth W. The elusive balance: power and perceptions during the Cold War. // Ithaca, London: Cornell University Press, 1993. P. 336.
160. Wendt A. Social Theory of International Relations. Cambridge University Press, 1999. – 420 p.
161. Yahuda M. The International Politics of the Asia Pacific. – Routledge, London, 2004. – 376 p.
162. Zhao S. Chinese foreign policy: Pragmatism and strategic behavior: Pragmatism and strategic behavior. // Routledge. 2016. P. 336.

На китайском языке:

163. Си Цзиньпин вайцзяо сысян сюэси ганъяо [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии]. Чжунгун чжунъян сюаньчуаньбу, Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу. [Отдел пропаганды ЦК КПК, Министерство иностранных дел КНР]. // Жэньминь чубаньшэ [Издательство Жэньминь]. 08.2021. URL: https://www.bookuu.com/xsd/ebook.php?page_id=617&id=138379

Учебные пособия

На русском языке:

164. Баканов, М.И. Теория экономического анализа. / М.И. Баканов, М.В. Мельник, А.Д. Шеремет; под ред. М.И. Баканова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика, 2007. — 536 с.
165. Боришполец К.П. Методы политических исследований : учеб. пособие для вузов / К. П. Боришполец. - М.: Аспект Пресс, 2005. - 221 с.
166. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — Москва: Магистр: ИНФРА-М. - 2023.
167. Васильева Н.А. Современные теории международных отношений: учебник / Н.А. Васильева, С.М. Виноградова, В.Н. Конышев, А.А. Сергунин; под ред. В. Н. Конышева, А. А. Сергунина. – М.: РГ-Пресс, 2013. С. 361.
168. Малинова О.Ю. Методика научно-исследовательской работы. / О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина; Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра сравнительной политологии. – Москва: МГИМО-Университет, 2014. – 123 с.
169. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. - М.: Наука, 2003. - 486 с. Сс. 244-245.
170. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т.А. Шаклеина, А.А. Байков, Э.Я. Баталов, Н.А. Симония и др.; под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова. - М.: Аспект Пресс, 2013. С. 448.
171. Современные международные отношения. Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — М.: Аспект Пресс, 2012. С. 688.
172. Сморгунов, Л.В. Сравнительная политология. / Л.В. Сморгунов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 417 с.
173. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс. - 2017. С. 336.
174. Шаклеина Т.А. и др. Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Издательство «Аспект Пресс», 2014. С. 256.
175. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс // под общ. ред. А.Д. Воскресенского. МГИМО МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.
176. История стран Восточной и Юго-Восточной Азии после второй мировой войны : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. С.И. Лунева, Д.В. Стрельцова. – Москва : Юрайт, 2018. – 243 с.

Научные статьи в реферируемых и профессиональных журналах

На русском языке:

177. Арапова Е.Я. Потенциал РИК в условиях нарастания индийско-китайских противоречий. Международная аналитика. – 2018 - (3). Сс. 59-70.
178. Брагина Е.А. Южная Азия: регион на фоне глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №. 7. – С. 93-98.
179. Брагина Е.А. Экономические отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии – внешнеторговый аспект. // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. - 2021. - № 1 (50). - Сс. 66-72.
180. Бочков Д., Кислухина П., Ян Сяочжэ. Обзор сотрудничества КНР с развивающимися странами в формате «кооперации Юг-Юг». // Мировое национальной хозяйство. МГИМО МИД России. 2019 - №1(47), Сс. 1-9.
181. Брагина Е. Индия в контексте взаимоотношений Юг–Юг. // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. - Т. 61. - № 2. Сс. 113-118.
182. Бочков Д.А. Роль китайско- индийских отношений в форматировании регионального порядка в Индо- Тихоокеанском регионе / Д.А. Бочков // Вестник учёных-международников. 2023 – № 1 (23). – С. 173-188.
183. Бочков Д.А. Как китайско-индийское экономическое сотрудничество влияет на конфликтный потенциал двусторонних отношений? / Д.А. Бочков // Международная жизнь. – 2023. – № 7. – С. 28-45.
184. Бочков Д.А. Экономические отношения Китая и Индии в контексте формирования Индо-Тихоокеанского региона / Д.А. Бочков // Вестник учёных-международников. – 2024. – № 2. (28). – С. 203-220.
185. Бочков Д.А. Интересы Китая и Индии в отношении АСЕАН: соперничество или параллельные курсы? / Д.А. Бочков // Проблемы Дальнего Востока – 2024. – № 1 - С. 19-31.
186. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. №2 (8). С. 30-58.
187. Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сравнительная политика. – 2018. – № 3. – С. 128-145.
188. Воскресенский А.Д. Что такое для нас Китай? // Сравнительная политика. 2020. №2. С. 5-8.

189. Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. № 3. С. 5-20.
190. Войтоловский Ф.Г. Трансформация внешних условий обеспечения национальной безопасности России. // Вестник российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 4. С. 395-396.
191. Володин А.Г. Индия и «страны Южных морей»: геоэкономические интересы и геополитические императивы. // Геополитический Журнал. – 2016. – № 4 (16). – С. 7 – 14.
192. Володин А.Г. Новое видение мировой политики: взгляд из Дели // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – т. 66. – №. 5. – С. 135-143.
193. Володин А.Г. «Треугольник» Москва–Дели–Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 15. – №. 6. – С. 6-27.
194. Володин А.Г. Индия как «государство-цивилизация» // Общественные науки и современность. – 2022. – Т. 6. – С. 106-124.
195. Володин А.Г. Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-исторической эволюции // Общественные науки и современность. – 2022. – №. 6. – С. 106-124.
196. Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок. Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 3. – С. 23-32.
197. Виноградов А.В. Вступая во второе столетие. КПК: от экономических реформ к политическим // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – №. 10. – С. 5-12.
198. Виноградов А. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – №. 2. – С. 6-20.
199. Виноградов А. В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – №. 5. – С. 90-107.
200. Галищева Н.В., Небольсина Е.В. США и Китай во внешнеэкономической политике Индии: в поисках баланса для сохранения стратегической автономии. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 304—324.
201. Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индийско-китайская торговля: история, современное состояние и перспективы развития. // Экономический журнал Высшей школы экономики. - 2022. - 26 (2) – Сс. 307-332.
202. Галищева Н.В., Рещикова М.С. Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. - 2023. - Т. 15. - Вып. 1. - С. 133–154.

203. Дикарев А., Лукин А. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России. // Мировая экономика и международные отношения. 2021. - Т. 65. № 2. С. 5-15. Сс. 6-7.
204. Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2017.- №22.Сс. 76-89.
205. Зайцев М.С. О военной стратегии Индии. // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. - (2(53)) – Сс. 52-70.
206. Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2020. – Т. 1. – №. 1 (46). – С. 29-44.
207. Ивашенцов Г.А. Россия – Индия: новые горизонты давнего партнёрства. // Вестник МГИМО-Университета. – 2017 - (2(53)). – Сс. 7-23.
208. Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь. РСМД № 49. 2019. – С. 44.
209. Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении. // Вестник МГИМО-Университета. - 2016. - (5(50)) - С. 20-33.
210. Канаев Е.А. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН. [Текст] / Е.А. Канаев, А. С. Королев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 26-43.
211. Кашин В.Б., Лузянин С.Г. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018 - 23 (23). Сс. 21-28.
212. Киреева А. А. Трёхстороннее сотрудничество США - Япония - Республика Корея в контексте отношений с Китаем // США и Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 1 (661). С. 74-90.
213. Киреева А.А. Япония и Индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. – 2020 - (7). Сс. 91-102.
214. Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. – 2020. - (1). Сс. 21-47.
215. Кобзев А.И. Исконные смыслы новой терминологии КПК // Проблемы Дальнего Востока – 2023. – №6. С. 111-126.
216. Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина. // Вестник МГИМО-Университета. – 2016 - (5(50)). С. 63-69.

217. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2019 - 1 (2 (43)). Сс. 42-53.
218. Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка. // Сравнительная политика. – 2019 - 10(4). Сс. 52-64.
219. Костюнина Г.М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019 - (3). – Сс.43-59.
220. Куприянов А.В. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции индо-тихоокеанского региона // Сравнительная политика. - 2020. - Т. 11. - № 2. Сс. 68-75.
221. Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой. Мировая экономика и международные отношения. – 2020. - Т. 64. - № 6. Сс. 133-141.
222. Куприянов А.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020 - 13(3). Сс. 47-65.
223. Куприянов А.В. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. - Т. 65 – № 5. Сс. 49-58.
224. Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (2). – С. 74–92.
225. Куприянов А.В. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие // Сравнительная политика. - 2021. - № 4. - С. 68-81.
226. Куприянов А.В. В поисках экономического базиса для ИТР: эволюция подходов индии. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022 - 22 (1) – Сс. 153-165.
227. Куприянов А.В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2022. - № 8. - Сс. 75-89.
228. Ларин А.Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2015. - №20. - С. 37-56.
229. Лебедева Н. Б. Треугольник "Индия-Мьянма-Китай" (проблемы и компромиссы взаимодействия) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 46-78.
230. Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы. // Вестник Московского университета. Серия 25.

Международные отношения и мировая политика. - 2012. - №3. Сс. 144-171.
231. Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010 - (1(10)). Сс. 189-201.
232. Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния. // Сравнительная политика. - 2012 - (2 (8)). Сс. 90-104.
233. Лунев С.И. Азиатские гиганты и украинский вопрос. Запад – Восток – Россия. – 2015. - Сс. 87-91
234. Лунев С.И. Советско-Индийские отношения (1955 - 1971 гг.): рождение дружбы. // Вестник МГИМО-Университета. – 2017 - (2(53)) – Сс. 24-51.
235. Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. – 2020 – (1). Сс. 182-212.
236. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт. 2019. С. 304
237. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР. // Сравнительная политика. – 2019 - 10(2). Сс. 135-
238. Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии. // Полис. Политические исследования. - 2020. - № 5. - С. 46-59.
239. Нежданов В.Л., Цветов П.Ю. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и российско-китайское стратегическое партнёрство // Обозреватель - Observer. - 2021. - №7 - (378). Сс. 48-60.
240. Олейнов А. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. - Т. 61. - № 2. - Сс. 54-64.
241. Парамонов О.Г. Индо-Тихоокеанский регион - квазиальянсы и полусоюзники. // Международная жизнь. 2022.
242. Паттнаяк С.Р. Индия как возникающая держава //Восточная и Южная Азия в современном мире (внутриполитические и внешние факторы развития). – 2010. – №. 2010. – С. 201-208.
243. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. // М.: Наука. 1976. С. 20-25.
244. Рыбас, А. О новой внешнеторговой политике Индии / А. Рыбас, Е. Бурман // Международная жизнь. -. 2023. - № 9. - С. 40-45.
245. Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. // Международная жизнь. - 2018. - №9. Сс. 65–74.
246. Стрельцов Д.В. Российско-Японские отношения: долгосрочные факторы развития. // Вестник МГИМО Университета. - 2020. - (3 (72)). Сс. 68-85.
247. Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий. // Международная жизнь. – 2021 - №4. – Сс. 74-90.

248. Торопчин Г.В. АТР или ИТР? Территориальные рамки и смысловое наполнение // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – Выпуск №5 С. 89-103.
249. Уянаев С. В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2014. – 19 (19). Сс. 135-153.
250. Уянаев С.В. Диалог "Пекин - Дели": внутренние императивы и внешние факторы. // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 4. – С. 24-41.
251. Уянаев С.В. Подходы Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона и ее влияние на трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая. // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США: Сборник статей. – Москва: ИДВ РАН. 2022. – С. 154-167.
252. Уянаев С. В. Китай и Индия в 2022 году. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. 2023. – С. 388-393.
253. Цыганков П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – №. 1. С. 27-28
254. Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – №. 5. С.24.
255. Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2011. - № 3. - С. 35–58.
256. Шаумян Т.Л. Независимая внешняя политика в условиях глобальной взаимозависимости: опыт Индии // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2011. - №1. Сс. 98- 128.
257. Шаумян Т. Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. – 2013. – №. 3 (13). – С. 44-64. Сс. 62.
258. Шаумян Т.Л. Индия на глобальных перекрестках // Свободная мысль. - 2022. - №2 (1692). С. 145-155.
259. Ширгазина Э.Р. «Дипломатия добрососедства» Китая в странах Южной Азии (на примере Пакистана, Индии, Непала и Бутана). // Азия и Африка сегодня. - 2021. - № 8. - С. 32-39.
260. Щипков В.А. Некоторые аспекты концепции Б.Хеттне «Новый регионализм» // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7. — №4. — С. 88-90.

На английском языке:

261. Anwar D.F. Indonesia and the ASEAN outlook on the Indo-Pacific // International Affairs. – 2020. – Т. 96. – №. 1. – P. 111-129.
262. Aoyama R. Chinese Diplomacy toward Neighboring Countries // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2013. – Т. 2. – №. 2. – P. 73-93.
263. Aoyama R. “One belt, one road”: China's new global strategy // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2016. – Т. 5. – №. 2. – P. 3-22.
264. Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World politics. – 2007. – Т. 59. – №. 4. – Pp. 629-652.
265. Archana V. The potential impact of China-India free trade agreement on Chinese and Indian industries // China Economic Journal. – 2019. – Т. 12. – №. 3. – P. 297-315.
266. Agnew J. Regions on the mind does not equal regions of the mind // Progress in Human Geography. 23(1), 1999. Pp. 93-94.
267. Baroncelli E. et al. Maestri of Political Science. – ECPR Press. 2011. – Т. 2. Pp. 65-67.
268. Barrinha A. The Ambitious Insulator: Revisiting Turkey's Position in Regional Security Complex Theory // Mediterranean Politics. – 2014. – Т. 19. – №. 2. – Pp. 165-182.
269. Banik N., Kim M. India–ASEAN Trade Relations: Examining the Trends and Identifying the Potential // Global Business Review. - 2020. - 15(4) – P. 795–814.
270. Brautigam D. A critical look at Chinese ‘debt-trap diplomacy’: The rise of a meme // Area Development and Policy. – 2020. – Т. 5. – №. 1. – С. 1-14.
271. Buzan B. Regional Security Complex Theory in the Post-Cold War World. // Theories of New Regionalism. 2003. Pp. 140–159.
272. Buzan B. South Asia moving towards transformation: emergence of India as a great power //International Studies. – 2002. – Т. 39. – №. 1. – Pp. 1-24. P. 5, 16.
273. Bochkov D. China–India relations in Eurasia: Historical legacy and the changing global context / I. Denisov, I. Safranchuk, D. Bochkov // Human Affairs. – 2020. – Vol. 30. – No. 2. – P. 224-238.
274. Chan L.H. Can China remake regional order? Contestation with India over the Belt and Road Initiative // Global Change, Peace & Security. – 2020. – Т. 32. – №. 2. – P. 1-20.
275. Chacko P. India and the Indo-Pacific: An emerging regional vision. // The University of Adelaide. Indo-Pacific Governance Research Centre – Policy Brief/ November 2012. – Is. 5. P. 7.
276. Chacko P. The rise of the Indo-Pacific: understanding ideational change and continuity in India's foreign policy // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Т. 68. – №. 4. – P. 433-452., Pp. 448-449.

277. Choudhury R.N. Capturing the Growth of Chinese Investment in India // The Indian Economic Journal. Sage Publications. – 2023. – T. 71. – №. 3. – Pp. 548-560.
278. Callahan W.A. China's "Asia Dream" the belt road initiative and the new regional order // Asian Journal of Comparative Politics. – 2016. – T. 1. – №. 3. – P. 226-243.
279. Cooper A.F. China, India and the pattern of G20/BRICS engagement: differentiated ambivalence between 'rising'power status and solidarity with the Global South // Third World Quarterly. – 2021. – T. 42. – №. 9. – Pp. 1945-1962.
280. Chaulia S. In spite of the spite: An Indian view of China and India in BRICS // Global policy. – 2021. – T. 12. – №. 4. – Pp. 519-523.
281. Choong W. The return of the Indo-Pacific strategy: an assessment //Australian Journal of International Affairs. – 2019. – T. 73. – №. 5. – Pp. 415-430.
282. Cooper Z., Shearer A. Thinking clearly about China's layered Indo-Pacific strategy // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2017. – T. 73. – №. 5. – P. 305-311.
283. Dang T.T., Nguyen T.O., Tran N.D., Nguyen D.T. Transport Infrastructure Connectivity through the Mekong – India Economic Corridor: A Case Study of India and Vietnam. // FOCUS: Journal of International Business / Journal Press India. – 2022 - Vol. 9 - No. 1. P 22-45.
284. Dar A.A., Mehta S. A study of India China trade relations. // International Journal of Political Science and Governance. – 2020 - 2(2) – Pp. 10-14.
285. Dai C. China's Strategy for Sino-Indian Boundary Disputes, 1950–1962 // Asian Perspective. – 2019. – T. 43. – №. 3. – P. 435-457. Pp. 443-444.
286. Damayanti A. Indo-Pacific Connectivity: Toward Competition or Cooperation // Asian Studies International Journal. – 2019. – T. 1. – №. 1. – P. 1-7.
287. Denisov I., Paramonov O., Arapova E., Safranchuk I. Russia, China, and the concept of Indo-Pacific. // Journal of Eurasian Studies. - 2021 - 12(1). Pp. 72-85.
288. De Lombaerde P. How to 'connect' micro-regions with macro-regions // Perspectives on Federalism. – 2010. – T. 2. – №. 3. – C. 29-37.
289. Dueck C. Neoclassical realism and the national interest: presidents, domestic politics, and major military interventions. In: Lobell SE, Ripsman N.M., Taliaferro J.W., eds. Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy. Cambridge University Press. – 2009. Pp. 139-169.
290. Dueck C. Neoclassical realism and the national interest // The Realism Reader. – 2014. Pp.3.
291. Easton D. The political system // World Politics. – 1957. – T. 9. – №. 3. – P. 383-400.

292. Eisemann J., Heginbotham E., Mitchell D. (ed.). China and the developing world: Beijing's strategy for the twenty-first century. // Routledge. 2015. P. 256.
293. Fayaz S. Tibet: an issue between China and India // Journal of History and Social Sciences. – 2019. – Т. 10. – №. 2. P. 29-43.
294. Fanell J.E. China: Growing and Going to Sea. // U.S. Naval Institute. May, 2023. Vol. 149/5/1,443.
295. Ferdinand P. Westward ho—the China dream and 'one belt, one road': Chinese foreign policy under Xi Jinping // International Affairs. – 2016. – Т. 92. – №. 4. – P. 941-957.
296. Fildes N. Australia increases defence spending by $32bn in response to China build-up. – Текст электронный // The Financial Tines. 17 April 2024. URL: https://www.ft.com/content/a5ba1e78-92e7-4cd5-9bad-327e4358b1b4 (дата обращения: 17.04.2024).
297. Freeman C.P. China's 'regionalism foreign policy' and China-India relations in South Asia. // Contemporary Politics. - 2018. - 24(1). P. 81-97.
298. Gong X. Non-traditional security cooperation between China and Southeast Asia: implications for Indo-Pacific geopolitics //International Affairs. – 2020. – Т. 96. – №. 1. – P. 29-48.
299. Godehardt N. China and the definition of the Asian region // Regional Powers and Regional Orders. – 2011. – Pp. 114-116.
300. Guha K. D. Sino-Indian relations: History, problems and prospects // Harvard International Review. – 2012. – Т. 34. – №. 2. – P. 26. Pp. 20-22.
301. Guangqi S. Zheng He's Expeditions to the Western Ocean and His Navigation Technology. // Journal of Navigation. 21 October 2009. – 45(3) – P.329-343.
302. Haruko W. The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. // RSIS Working Paper. No. 326-20. Singapore: Nanyang Technological University. 2020. С. 1- 28.
303. Hayton B. The South China Sea: the struggle for power in Asia. // Yale University Press. 2014. Pp. 71-72.
304. Hanau S.R. A new regional cold war in the Middle East and North Africa: Regional security complex theory revisited // The International Spectator. – 2017. – Т. 52. – №. 4. – P. 93-111.
305. Hassan M.A. Growing China-India Competition in the Indian Ocean // Strategic Studies. – 2019. – Т. 39. – №. 1. – P. 77-89.
306. Hettne B., Soderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. - 1998. - Vol. 17. - No. 3. - P. 6-21.
307. Hettne B., Soderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. - December 2000. - Vol. 5. - No. 3. - P. 457-473.
308. Hettne B. Beyond the 'New' Regionalism. // New Political Economy. - 2005. - Vol. 10. - No. 4. - P. 543-571.

309. He B. Chinese expanded perceptions of the region and its changing attitudes toward the Indo-Pacific: A hybrid vision of the institutionalization of the Indo-Pacific // East Asia. – 2018. – T. 35. – №. 2. – P. 117-132.
310. He K. Three faces of the Indo-Pacific: Understanding the "Indo-Pacific" from an IR theory perspective // East Asia. – 2018. – T. 35. – №. 2. – Pp. 149-161.
311. Hu W. The United States, China, and the Indo-Pacific Strategy // China Review. – 2020. – T. 20. – №. 3. – P. 127-142.
312. Hu W., Meng W. The US Indo-Pacific strategy and China's response // China Review. – 2020. – T. 20. – №. 3. – P. 143-176.
313. Hosoya Y. FOIP 2.0: The evolution of Japan's free and open Indo-Pacific strategy //Asia-Pacific Review. – 2019. – T. 26. – №. 1. – C. 18-28.
314. Hornat J. The power triangle in the Indian Ocean: China, India and the United States //Cambridge Review of International Affairs. – 2016. – T. 29. – №. 2. – P. 425-443.
315. Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // International Journal of Korean Unification Studies. – 2014. – T. 23. – №. 2. – P. 41-63.
316. Ikenberry G. J. Between the eagle and the dragon: America, China, and middle state strategies in East Asia // Political science quarterly. – 2016. – T. 131. – №. 1. – P. 9-43.
317. Jakobson L. Reflections from China on Xi Jinping's "Asia for Asians" // Asian Politics & Policy. – 2016. – T. 8. – №. 1. – P. 219-223.
318. Jordaan E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon, 2003 (Nov.), Vol. 30, No 2. pp 165-181.
319. Kireeva A., Kupriyanov A. India and China in South Asia and the Indian Ocean Region: Roles, Strategies and Competition // The Future of the Asia-Pacific in the New World Order. Emerging Markets & Emerging Powers / Ed. By Jesus R. Argumosa Pila, Alejandro Garofali Acosta, Mario Torres Jarrin. Valencia: Tirant Humanidades, 2021. P. 195-226.
320. Katzenstein P. J. Introduction: domestic and international forces and strategies of foreign economic policy // International organization. – 1977. – T. 31. – №. 4. – P. 587-606.
321. Katzenstein P. J. A world of regions: America, Europe, and East Asia // Ind. J. Global Legal Stud. – 1993. – T. 1. – Pp. 65-82.
322. Kadekodi G.K. Make in India: Policy Drives and Challenges. // In: Annigeri V., Deshpande R., Dholakia R. (eds). Issues in Indian Public Policies. India Studies in Business and Economics. // Springer, Singapore. - 2018. - Pp. 83-105.
323. Kalirajan K. Will free trade agreement between India and China reduce India's trade deficit? // Journal of Social and Economic Development. Springer. - 2022. - Vol. 24. - Pp. 194-208.

324. Keohane R.O. The old IPE and the new //Review of International Political Economy. – 2009. – Т. 16. – №. 1. – Pp. 34-46.
325. Keohane R.O. et al. The multinational enterprise and world political economy // International Organization. – 1972. – Т. 26. – №. 1. – P. 84-120.
326. Keshava D.G. Sino-Indian Relations: History, Problems and Prospects. // Harvard International Review. – 2012 - Vol. 34. - No. 2. Pp. 26–29.
327. Kireeva A. The Indo-Pacific in the Strategies of the U.S. and Japan. Common and Distinctive Features, Implications for Russia // Russia in Global Affairs. — July-September 2020. — Vol. 18. - №3. — Pp. 98-127.
328. Kilroy Jr R.J., Sumano A.R. Hataley T. Security inequalities in North America: reassessing regional security complex theory // Journal of Strategic Security. – 2017. – Т. 10. – №. 4. – P. 1-28.
329. Korolev A., Portyakov V. China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation // Asian Perspective. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 411–437.
330. Koga K. Japan's "Free and Open Indo-Pacific" Strategy // Contemporary Southeast Asia. – 2019. – Т. 41. – №. 2. – P. 286-313.
331. Kovačević M. et al. The Influence of State-Building on Security Dynamics within the Framework of Regional Security Complex Theory // Western Balkans Security Observer-English Edition. – 2011. – №. 21. – P. 52-63.
332. Krasner S.D. International political economy: abiding discord. Review of International Political Economy. – 1994 – Vol. 1. Is. 1. Pp.13-19.
333. Krasner S. D. Sovereignty // Foreign Policy. – 2001. – P.20-29. Pp. 20.
334. Khurana G. Security of sea lines: Prospects for India–Japan cooperation. Strategic analysis. – 2007. – Т. 31. – №. 1. – P. 139-153.
335. Khurana G. The 'Indo-Pacific'concept: retrospect and Prospect // National Maritime Foundation. – 2017. – Т. 2. P. 8.
336. Khurana G.S. The "Indo-Pacific" idea: origins, conceptualizations and the way ahead //Journal of Indian Ocean Rim Studies. – 2019. – Т. 2. – №. 2. P.58-76.
337. Kumar R. India s Foreign Policy under Modi Government. // Marmara University Journal of Political Sciences. September 2014. - Vol. 2. Is. 2. – Pp. 101-117.
338. Lukin A. How Russia emerged as key mediator in the China–India dispute. – Текст электронный // East Asia Forum. 23 October 2020. URL: https://eastasiaforum.org/2020/10/23/how-russia-emerged-as-key-mediator-in-the-china-india-dispute/ (дата обращения: 20.12.2023).
339. Li M. The Belt and Road Initiative: geo-economics and Indo-Pacific security competition // International Affairs. – 2020. – Т. 96. – №. 1. – P. 169-187.
340. Li H. The "Indo-Pacific": Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts // Modern Intellectual History. – 2021. – P. 1-27.

341. Little R. Neorealism and the English School: a methodological, ontological and theoretical reassessment //European Journal of International Relations. – 1995. – T. 1. – №. 1. – C. 9-34.
342. Liu F. The recalibration of Chinese assertiveness: China's responses to the Indo-Pacific challenge // International Affairs. – 2020. – T. 96. – №. 1. – P. 9-27.
343. Liu F., He K. China’s Bilateral Relations, Order Transition, and the Indo-Pacific Dynamics. // China Review. – 2023. – T. 23. – №. 1. – Pp. 11-43.
344. Lobell S.E. Structural realism/offensive and defensive realism // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. – 2010.
345. Maqsood A. China-Pakistan Strategic Partnership and India’s Regional Ambitions in South Asia. // Strategic Studies. 2021. 41(3), Pp. 48–65.
346. Majumdar S.K., Sarma A.P. E-commerce and digital connectivity: unleashing the potential for greater India–ASEAN integration // Journal of Asian Economic Integration. - 2020. - Vol. 2. - No. 1. P. 62-81.
347. Mearsheimer J. J. Structural realism // International relations theories: Discipline and diversity. – 2007. – T. 83. P.71-88.
348. Mearsheimer J. J. The gathering storm: China’s challenge to US power in Asia // The Chinese journal of international politics. – 2010. – T. 3. – №. 4. – P. 381-396.
349. Mearsheimer J. J. China's unpeaceful rise // Realism Reader. – Routledge, 2014. – P. 464-467.
350. Medcalf R. In defence of the Indo-Pacific: Australia's new strategic map // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – T. 68. – №. 4. – P. 470-483., Pp. 471.
351. Medcalf R. Reimagining Asia: From Asia-Pacific to Indo-Pacific // International relations and Asia’s southern tier: ASEAN, Australia, and India. – 2018. – P. 9-28.
352. Medcalf R. Indo-Pacific Visions // Asia policy. – 2019. – T. 14. – №. 3. – P. 79-96.
353. Milner H.V. International political economy: beyond hegemonic stability // Foreign Policy. – 1998. – P. 112-123.
354. Mohan G. A European strategy for the Indo-Pacific // The Washington Quarterly. – 2020. – T. 43. – №. 4. – P. 171-185.
355. Nachiappan K. India–ASEAN Relations: Riding and Transcending the “Indo-Pacific” Wave // The Journal of Indian and Asian Studies. 2021. - Vol. 2. - No. 02. – P. 17.
356. Nye J.S. Neorealism and neoliberalism // World politics. – 1988. – T. 40. – №. 2. – Pp. 235-251.
357. Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Reserch Topic // GIGA German Institute of Global and Area Studies, Hamburg. Paper prepared for delivwry at the ECPR Joint Session on Workshops, Helsinki 7-12 May 2007. P. 15.

358. Oatley T. Toward a political economy of complex interdependence //European Journal of International Relations. – 2019. – Т. 25. – №. 4. – Pp. 957-978.
359. O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia–India–China (RIC) triangle. // International Affairs. - May 2021 – Vol. 97. – Issue 3. - P. 801–822.
360. Pan C. The ‘Indo-Pacific’and geopolitical anxieties about China's rise in the Asian regional order // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Т. 68. – №. 4. – Pp. 453-469.
361. Paul T. When balance of power meets globalization: China, India and the small states of South Asia. // Politics. – 2019. - 39(1) – Pp. 50-63.
362. Pardesi M. S. Is India a great power? Understanding great power status in contemporary international relations // Asian Security. – 2015. – Vol. 11. – №. 1. – P. 1-30.
363. Powell R. Anarchy in international relations theory: the neorealist-neoliberal debate //International organization. – 1994. – Т. 48. – №. 2. – С. 313-344.
364. Passi R. India and China in multilateral economic governance: Worldviews, approaches, and IFIs. // ORF. 06 Sep - 2019. - Pp. 60.
365. Rathbun B. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism //Security Studies. – 2008. – Т. 17. – №. 2. Pp. 294-321.
366. Rajagopalan R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy // International Affairs. – 2020. – Т. 96. – №. 1. – P. 75-93. .
367. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // World politics. – 1998. – Т. 51. – №. 1. Pp. 144-172.
368. Rajagopalan R.P. India–China relations: A new turn under Xi Jinping? // Chinese Foreign Policy Under Xi. // Routledge. 2017. – Pp. 95-106.
369. Rajesh R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy // International Affairs. - 2020. - Vol. 96. - No. 1. P. 75-93.
370. Rossiter A. The “Free and Open Indo-Pacific” strategy and Japan’s emerging security posture // Rising Powers Quarterly. – 2018. – Т. 3. – №. 2. – P. 113-131.
371. Roy-Chaudhury R., de Estrada K. S. India, the Indo-Pacific and the Quad // Survival. – 2018. – Т. 60. – №. 3. – P. 181-194.
372. Roy-Chaudhury R. From ‘net security provider’to ‘preferred security partnerships’: the rhetoric, reality and result of India’s maritime security cooperation // Journal of the Indian Ocean Region. – 2022. – Т. 18. – №. 2. – С. 87-98.
373. Ripsman N.M. Neoclassical realism // Oxford research encyclopedia of international studies. – 2011.
374. Saeed M. From the Asia-Pacific to the indo-Pacific: Expanding Sino-US strategic competition // China Quarterly of International Strategic Studies. – 2017. – Т. 3. – №. 04. – P. 499-512.

375. Ruan W.X., Yu X., Wang S.Y., Zhao T.C., Liu Y.Z. Exploration of China–ASEAN Trade Relations in the Context of Sustainable Economic Development—Based on the Lotka–Volterra Model» // Sustainability. 2023.
376. Söderbaum F. Rethinking the links between micro-regions and macro-regions / Nadalutti E., Kallscheuer O. // Region-making and cross-border cooperation: New evidence from four continents. – Routledge, 2019 – P. 30-44.
377. Siddiqui S., Farooque A. Study of Indo-China Trade with special reference to (Chinese Toys in Indian Market) // International Journal of Research and Analytical Reviews. – 2019. – Т. 6. – №. 1. – Pp. 51-58.
378. Scott D. The Indo-Pacific in US strategy: Responding to power shifts // Rising powers quarterly. – 2018. – Т. 2. – №. 2. – С. 19-43.
379. Scott D. India and the Allure of the 'Indo-Pacific' // International Studies. – 2012. – Т. 49. – №. 3-4. – P. 165-188.
380. Sevastopulo D. US Pacific commander says China is pursuing 'boiling frog' strategy. – Текст электронный // Financial Times. 28 April 2024. URL: https://www.ft.com/content/f926f540-d5c2-43f2-bd8f-c83c0d52bcda (дата обращения: 30.04.2024).
381. Sevastopulo D. US, UK and Australia say Japan could join part of Aukus pact. – Текст электронный // The Financial Times. 8 April 2024. URL: https://www.ft.com/content/f93e7d2f-5d60-4f77-88f1-96fc61115378. (дата обращения: 17.04.2024).
382. Sikri R. The Tibet Factor in India-China Relations //Journal of International Affairs. – 2011. – Pp. 55-57.
383. Sharma K. U.S. wades into India-China spat, says border state belongs to New Delhi. – Текст электронный // Nikkei Asia. 21 March 2024. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/U.S.-wades-into-India-China-spat-says-border-state-belongs-to-New-Delhi (дата обращения: 17.04.2024).
384. Sharma A. India's Modi and Chinese President Xi Jinping agree on efforts to de-escalate border tensions. // Associated Press. 25 August 2023. URL: https://apnews.com/article/india-china-xi-modi-8491c234c15ab3457f2fc60fcac6ab66 (дата обращения: 17.04.2024).
385. Söderbaum F. Rethinking the links between micro-regions and macro-regions // Region-making and cross-border cooperation: New evidence from four continents. – 2004. – P. 30-44.
386. Sufiyanova G., Muslimova E. The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia, Europe Asia Studies, 2021. Pp. 961-962: Alexei D. Voskressenski & Boglárka Koller (eds), Lanham, MD & London: Lexington Books, 2019
387. Sudeep K. India-China Competitive Coexistence: A New Era of Strategic Partnership. // Journal of Social and Political Sciences. - 2020. - Vol.3. - No.1. Pp. 13- 22.

388. Taliaferro J.W. State building for future wars: Neoclassical realism and the resource-extractive state // Security Studies. / Taylor & Francis Group – 2006. – T. 15. – №. 3. Pp. 464-495.
389. Tang C., Rosland A., Yasmeen R. The comparison of bilateral trade between China and ASEAN, China and EU: From the aspect of trade structure, trade complementarity and Structural Gravity Model of Trade // Applied Economics. 2023. Pp. 1–13.
390. Thuong N.L.T., Oanh N.T. Vietnam in the Indo-Pacific Region: Perception, position and perspectives // India Quarterly. – 2021. – T. 77. – №. 2. – P. 129-142.
391. Volgy T.J., Rhamey, Jr. J.P. Regions in International Politics: A Framework for Integrating Systemic, Regional, Dyadic, and Monadic Approaches. // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. - (5(62)). – P. 7-22.
392. Waltz K.N. Structural realism after the Cold War // International security. – 2000. – T. 25. – №. 1. P. 5-41.
393. Waltz K.N. Realist thought and neorealist theory // Journal of International Affairs, Theory, Values and Practice in International Relations: Essays in Honor of William T.R. Fox. Vol. 44, No. 1, 1990. C. 21-37.
394. Wilkins T., Kim J. Adoption, accommodation or opposition?-Regional powers respond to American-led Indo-Pacific strategy // The Pacific Review. – 2022. – T. 35. – №. 3. – P. 415-445.
395. Wilson J.D. Investing in the economic architecture of the Indo-Pacific. // Indo-Pacific Insight Series, Perth: Perth USAsia Centre. 2017. Pp. 4-6.
396. Wohlforth W.C. Realism and foreign policy // Foreign policy: Theories, actors, cases. New York: Oxford University Press – 2008. P. 35-53.
397. Wohlforth W. C. Unipolarity, status competition, and great power war // World politics. – 2009. – T. 61. – №. 1. – P. 28-66.
398. Wendt A.E. The agent-structure problem in international relations theory // International organization. – 1987. – T. 41. – №. 3. – C. 335-370.
399. Yoshimatsu H. ASEAN and great power rivalry in regionalism: From East Asia to the Indo-Pacific // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2023. – T. 42. – №. 1. – Pp. 25-44.
400. Xueyong Y.U., Kee C.P., Nie K.S. Classifying China-India Relationships: Cooperation, Competition and Conflict // Higher Education and Oriental Studies. – 2022. – T. 2. – №. 6. Pp. 16-23.
401. Xue Y., Mwadi B.M. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. // Open Journal of Social Sciences. – 2021. - 09 (10). Pp.184-200.
402. Zakaria F. Realism and domestic politics: a review essay // International Security. – 1992. – T. 17. – №. 1. Pp. 177-198.
403. Zhang J. China's new foreign policy under Xi Jinping: towards ‘Peaceful Rise 2.0’? //Global Change, Peace & Security. – 2015. – T. 27. – №. 1. – P. 5-19.

404. Zhao H. Assessing the Trend of the Indo-Pacific Strategy. – Текст электронный. // RIAC. 31.09.2021. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/assessing-the-trend-of-the-indo-pacific-strategy/ (дата обращения: 10.04.2024).

На китайском языке:

405. Вэй Цзуню. Мэйго цзай иньтай дицюй дэ чжаньлюэ тяочжэн цзи ци диюань чжаньлюэ инсян ［Стратегическая адаптация США в Индо-Тихоокеанском регионе и ее геостратегическое влияние］// Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи［Мировая экономика и политика］. – 2013. – Т. 10. – С. 140-155.

406. Лю Цзуни. Чунту хайши хэцзо? - Иньтай дицюй дэ диюань чжэнчжи хэ диюань цзинцзи сюаньцзэ [Конфликт или сотрудничество? — Геополитический и геоэкономический выбор в «Индо-Тихоокеанском» регионе] // Иньдуян цзинцзити яньцзю [Исследование экономик Индийского океана]. – 2014. – №. 4. – С. 4-20.

407. Мэнь Х., Ван Т. Чжунъинь хобань гуаньси фуцза синдэ чжаньлюэ фэньси [Стратегический анализ сложностей китайско-индийского партнерства].// Таньсо юй чжэнмин. [Журнал «Исследование и дебаты»]. Сентябрь 2021. - No. 383. - Is. 9. URL: http://www.tsyzm.com/fileup/1004-2229/NEWS/20211021205129.pdf

408. Цзэн Сянъюй. Оучжоу даго цзежу иньдуян: тэдянь, дунзци цзи инсян [Европейские державы вторгаются в Индийский океан: характеристики, мотивы и последствия]. // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань [Шанхайская академия международных исследований]. 2022. – №. 3. С. 82-105.

409. Чжао Цинхай. Иньтай гайнянь цзи ци дуй Чжунго дэ ханьи [Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» и ее значение для Китая] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. – 2013. – №. 7. – С. 14-22.

410. Чжао Лэй. Идай илу бэйцзин ся чжунго цзай нанья дэ маои гэцзюй фэньси [Анализ структуры торговли Китая в Южной Азии в рамках «Одного пояса, одного пути»]. // Шицзе дили яньцзю [Журнал «Мировые географические исследования»]. – 2019. – Т. 28. – №. 5. – С. 44-53.

411. Чжан Ли. Иньтай гоусян дуй ятай дицюй добянь гэцзюй дэ инсян [Влияние концепции «Индо-Тихоокеанского региона» на многостороннюю структуру в Азиатско-Тихоокеанском регионе] // Нанья яньцзю цзикань [South Asia Studies Quarterly]. – 2013. – №. 4. – С. 1-7.

412. Чжан Цзе. Иньду цянхуа юй цюаньцю наньфан гуаньси: чжаньлюэ сюнсинь юй чжиюэ [Укрепление отношений Индии с «Глобальным Югом»: стратегические амбиции и ограничения]. // Гоцзи вэньти яньцзю [«Исследование международных проблем»]. 2024 - №1 - Pp. 91-109. URL: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202403/P020240312353675174719.pdf

413. Чжан Цзе. Дунмэн чжунсинь чжуи чунгоу юй чжунго - дунмэн гуаньси дэ фачжань [Реконструкция АСЕАН-центризма и развитие отношений Китай–АСЕАН] // Гоцзи вэньти яньцзю [Журнал «Международные исследования»]. 2021. - №3(1). - Сс. 118-135.
414. Чжан Ц., Кэ Ц. Идай илу цзяньшэ цзай нанья сяньчжуан, тяочжань юй цзиюй [«Один пояс, один путь» в Южной Азии: текущая ситуация, вызовы и возможности] // Иньдуян цзинцзити яньцзю. [Журнал «Исследование экономики Индийского океана»]. Юньнань цайцзин дасюэ иньдуян дицюй яньцзю чжунсинь [Юньнаньский университет финансов и экономики, Региональный исследовательский центр Индийского океана]. 2021. – №. 5. URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_4462.html.
415. Ян Юэ. Дунмэн дуй чжунмэй цзинчжэн дэ жэньчжи юй индуй. [Понимание и реакция АСЕАН на конкуренцию между Китаем и Соединенными Штатами] // Гоцзи вэньти яньцзю. [Журнал «Международные исслдеования»]. 2021. No. 4.

Диссертационные исследования

416. Васильев Д.В. Трансформация китайского подхода к формированию региональной архитектуры безопасности в АТР при Си Цзиньпине (2012-2022гг.). Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. РУДН им. П. Лумумбы. Москва, 2024. – 194 с.
417. Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. МГИМО МИД России. Москва, 2021. – 247 с.
418. Кожин Е.Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на модели институционального регионализма (международно-политические аспекты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. МГИМО МИД России. Москва, 2019. – 215 с.
419. Китаев Р.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона во внешнеполитической стратегии Европейского Союза в 1992-2022 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. МГЛУ им. М. Тореза. Москва, 2023. – 261 с.
420. Мануйлова Ю.В. Особенности современной политики Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2023. – 264 с.
421. Шавлай Э.П. Китайское направление внешней политики Индии в 1991-2021 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. МГИМО МИД России. Москва, 2021. – 203 с.

Электронные ресурсы (на русском, английском и других иностранных языках).

На русском языке:

422. Беспалов А. Россия и Япония в поисках стратегической эмпатии. – Текст электронный. // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 16.04.2021. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-yaponiya-v-poiskakh-strategicheskoy-empatii/ (дата обращения: 02.06.2022).

423. Бейтс Г. Дипломатия «волков-воинов» в Китае – работает ли она. // Материалы Евразийского онлайн-семинара и Китайского семинара Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. / Журнал «Россия в глобальной политике». 06.05.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/ (дата обращения: 10.04.2024).

424. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова программе «Большая игра» на «Первом канале». – Текст электронный. // МИД России. 1 апреля 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/1418821/ (дата обращения: 21.05.2022).

425. Кашин В.Б. Китай: великий разворот внутрь себя. — Текст: электронный. // Россия в глобальной политике. 26.01.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-vnutr-sebya/ (дата обращения: 25.07.2023).

426. Лавров обвинил США и НАТО в попытке милитаризовать Азиатско-Тихоокеанский регион. — Текст: электронный // Газета.ру. 13.11.2022. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/11/13/19022401.shtml (дата обращения: 22.04.2023).

427. Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. — Текст: электронный. // Перспективы. 29.11.2011. URL: https://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm (дата обращения: 08.03.2022).

428. Миттер Р. Новые характерные черты китайского социализма? Как резолюция ЦК КПК связывает Си с марксистским прошлым Китая. – Текст электронный // Россия в глобальной политике. 18.01.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/cherty-kitajskogo-soczializma/ (дата обращения: 10.04.2024).

429. Ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 3 марта 2023 года. – Текст электронный // МИД России. 03.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1856843/ (дата обращения: 20.12.2023)

430. Фролова И.Ю. Руководство КНР представило концепцию регионального сотрудничества в сфере безопасности. — Текст электронный // Российский Институт Стратегических Исследований. 18.01.2017. URL: https://riss.ru/news/analysis/rukovodstvo-knr-predstavilo-kontseptsiyu-regionalnogo-sotrudnichestva-v-sfere-bezopasnosti/ (дата обращения: 17.04.2024).
431. Чжэн Ц. Китайская традиционная культура в концепции "Сообщества единой судьбы человечества". – Текст: электронный. // РСМД. 17.06.2021. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoy-s/ (дата обращения: 01.03.2022).
432. Шикин В. Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война – Текст электронный. // РСМД. 11.09.2014. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-kitay-vzryvoopasnyy-mir-ili-kholodnaya-voyna/ (дата обращения: 10.04.2022).

На английском языке:

433. Aamir A. China and Pakistan ink military MOU to counter US-India pact. – Текст электронный // Nikkei Asia. 8 December 2020. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Pakistan-ink-military-MOU-to-counter-US-India-pact (дата обращения: 17.04.2024).
434. Ansari U. China, Pakistan wrap up naval drill featuring sub, high-tech destroyer. – Текст электронный // Defence News. 17 Nov 2023. URL: https://www.defensenews.com/training-sim/2023/11/17/china-pakistan-wrap-up-naval-drill-featuring-sub-high-tech-destroyer/ (дата обращения: 17.11.2023).
435. Allah N. India’s Evolving Maritime Strategy. – Текст электронный // South Asian Voices. 31 May 2023. URL: maritimeindia.org/indian-navy-updates-indian-maritime-doctrine-2009/. (дата обращения: 16.10.2023).
436. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — Текст электронный. // The ASEAN Secretariat. 23 June 2019. URL: https://asean.org/speechandstatement/asean-outlook-on-the-indo-pacific/ (дата обращения: 25.06.2022).
437. Alhasan H. Extending the indo-US partnership to the Middle East: Prospects and limits of Cooperation. — Текст электронный. // Hoover Institution. 2 March 2022. URL: https://www.hoover.org/research/extending-indo-us-partnership-middle-east-prospects-and-limits-cooperation (дата обращения: 25.04.2024).
438. Address by EAM, Dr. S. Jaishankar at the India International Centre, New Delhi. Ministry of External Affairs. Government of India. 28 June 2023. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/36746 (дата обращения: 20.12.2023)
439. Baruah D.M. India's answer to the belt and road: A road map for South Asia. — Текст: электронный // Carnegie India. 21 August 2018 2022. URL:

https://carnegieindia.org/2018/08/21/india-s-answer-to-belt-and-road-road-map-for-south-asia-pub-77071. (дата обращения: 21.04.2023).

440. Baruah A. When Neru and Mao met. – Текст электронный. // The Hindu. 14.05.2015. URL: http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/comment-piece-on-the-maonehru-conversation/article7202352.ece (дата обращения: 15.03.2022).

441. Bagchi D. India holds 2 anti-terrorism meetings with SCO members, highlights misuse of internet by extremists. – Текст электронный // The Print. 16 December 2023. URL: https://theprint.in/diplomacy/india-holds-2-anti-terrorism-meetings-with-sco-members-highlights-misuse-of-internet-by-extremists/1888609/ (дата обращения: 17.04.2024).

442. Bambawale G., Madan T. How India Sees China's Ties with Pakistan and Bhutan. – Текст электронный // Brookings. 1 November 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/how-india-sees-chinas-ties-with-pakistan-and-bhutan/ (дата обращения: 10.04.2024).

443. Brautigam D., Rithmire M. The Chinese 'debt trap' is a myth. — Текст: электронный. // The Atlantic. 6 Feb 2021. URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/ (дата обращения: 01.05.2022).

444. Bhaya A.G. China-India cooperation vital for multipolar world, to benefit Global South. – Текст электронный // CGTN. 08 March, 2021. URL: https://news.cgtn.com/news/2021-03-08/China-India-cooperation-vital-for-multipolar-world-YeijnTprGw/index.html (дата обращения: 17.04.2024).

445. Brar A. China Builds New Highway near India to Move Troops for Border Standoff – Текст электорнный. // Newsweek. 19 Dec 2023. URL: https://www.newsweek.com/china-india-lac-highway-border-dispute-territory-conflict-1853576 (дата обращения: 10.04.2024).

446. Bommakanti K. The collusive threat: Chinese and Pakistani cooperation in strategic capabilities. – Текст электронный // ORF. 13 Jun 2023. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-collusive-threat (дата обращения: 17.04.2024).

447. Bipin G., Pathak A. China Is Providing an Alternative Regional Framework for South Asia. – Текст электронный // The Diplomat. 30 July 2021. URL: https://thediplomat.com/2021/07/china-is-providing-an-alternative-regional-framework-for-south-asia/. (дата обращения: 16.10.2023).

448. Chen S. China provides tracking system for Pakistan's missile programme. – Текст электронный // South China Morning Post. 22 Mar 2018. URL: https://www.scmp.com/news/china/society/article/2137643/china-provides-tracking-system-pakistans-missile-programme (дата обращения: 17.04.2024).

449. Chen M. China says India border conflict 'not the entirety' of relations, steady ties benefit both. – Текст электронный // South China Morning Post. 11 Apr 2024. URL:

https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3258694/china-says-india-border-conflict-not-entirety-relations-steady-ties-benefit-both (дата обращения: 17.04.2024).

450. Crabtree J. China signals desire to improve ties with India, but is that what New Delhi wants? – Текст электронный // International Institute for Strategic Studies (IISS). 30 March 2022. URL: https://www.iiss.org/sv/online-analysis/online-analysis/2022/03/china-signals-desire-to-improve-ties-with-india-but-is-that-what-new-delhi-wants/ (дата обращения: 16.02.2024).
451. Clinton H. 'America's Pacific century'. – Текст электронный. // Foreign Policy. 11 Oct. 2011. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (дата обращения: 04.05.2022).
452. Cornish C. India tightens foreign investor rules after Hindenburg report on Adani. — Текст: электронный // Financial Times. 1 November 2023. URL: https://www.ft.com/content/9ce76d67-73d7-492b-a812-378bc7cceb35 (дата обращения: 17.12.2023).
453. Dasguptal S. China said to plan joint production of ballistic missiles with Pakistan. – Текст электронный // Times of India. 17 Mar. 2017. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-said-to-plan-joint-production-of-ballistic-missiles-with-pakistan/articleshow/57695407.cms (дата обращения: 17.04.2024).
454. Debates R. India's 'Act East' policy and regional cooperation. – Текст электронный // Observer Research Foundation. 14 February 2020. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375 (дата обращения: 10.04.2022).
455. Dipanjan R.C. Pacific Alliance: India's Latin American Anchor for Indo-Pacific Region. — Текст: электронный. // The Economic Times. 21 January 2021. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/pacific-alliance-indias-latin-american-anchor-for-indo-pacific-region/articleshow/84617457.cms?from=mdr (дата обращения: 25.04.2024).
456. EAM Dr S Jaishankar at 4th Ramnath Goenka Lecture 2019. The Indian Express. 14 November 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LZ1WOEU2Sdo (дата обращения: 20.12.2023).
457. Fox J. How is India Treating FDI Proposals Involving Chinese Entities? — Текст: электронный. // India Briefing. 18 August 2022. URL: https://www.india-briefing.com/news/india-fdi-policy-china-companies-associated-entities-security-concerns-approvals-25534.html/ (дата обращения: 17.04.2023).
458. Faridi S. China's Ports in the Indian Ocean. – Текст электронный // Gateway House: Indian Council on Global Relations. 19 August 2021. URL: https://www.gatewayhouse.in/chinas-ports-in-the-indian-ocean-region/. (дата обращения: 16.10.2023).

459. Geographical. The official magazine of the Royal Geographical Society. — Текст: электронный // 25 May 2022. URL: https://geographical.co.uk/geopolitics/how-to-see-the-world-centring-the-indo-pacific (дата обращения: 21.04.2023).
460. Godement F. The hot peace between China and India. – Текст электронный. // The Diplomat. 12 April 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/04/the-hot-peace-between-china-and-india/ (дата обращения 14.04.2024).
461. Giordano M., Wahal A. The Water Wars Myth: India, China and the Brahmaputra. – Текст электронный. // The United States Institute of Peace. 8 December 2022. URL: https://www.usip.org/publications/2022/12/water-wars-myth-india-china-and-brahmaputra (дата обращения: 10.04.2024).
462. Grossman D. Modi's Foreign-Policy Juggling Act. — Текст: электронный // Foreign Policy. 04.02.2022. URL: https://foreignpolicy.com/2022/02/04/modi-india-china-pakistan-geopolitics/ (дата обращения: 10.04.2024).
463. Grossman D. India Is Becoming a Power in Southeast Asia. -– Текст электронный. // RAND Corporation. 10 July 2023. URL: https://www.rand.org/blog/2023/07/india-is-becoming-a-power-in-southeast-asia.html. (дата обращения: 16.10.2023).
464. Haruko W. The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. — Текст: электронный // RSIS Working Paper, No. 326. Singapore: Nanyang Technological University. 2020. URL: https://hdl.handle.net/10356/143604 (дата обращения: 22.04.2023).
465. Harsh V. Pant. Evolving Trajectory of the SCO and Indian Dilemmas. – Текст электронный // ORF. 07 Jul 2023. URL: https://www.orfonline.org/research/evolving-trajectory-of-the-sco-and-indian-dilemmas (дата обращения: 17.04.2024).
466. Harsh V. Pant, Shivamurthy A.G.. China and India Jostle in the Indian Ocean. – Текст электронный // Observer Research Foundation (ORF). 5 December 2022. URL: https://www.orfonline.org/research/china-and-india-jostle-in-the-indian-ocean/. (дата обращения: 16.10.2023).
467. How Much Trade Transits the South China Sea? – Текст электронный.// Center for Strategic and International Studies. January 25, 2021. URL: https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/#easy-footnote-bottom-1-3073 (дата обращения: 16.10.2023).
468. Huang K. China Is Locked into Xi Jinping's Aggressive Diplomacy. — Текст: электронный // Foreign Policy. 2 December 2022. URL: https://foreignpolicy.com/2022/12/02/china-xi-jinping-aggressive-diplomacy/ (дата обращения: 10.04.2024).
469. Imports and Exports by Country （Region） of Origin/Destination, 12.2023 — Текст: электронный // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL:

http://english.customs.gov.cn/Statics/e1351568-5e17-4534-affd-c369e3506613.html (дата обращения: 22.12.2023).

470. Imports and Exports by Country （Region） of Origin/Destination, 12.2022 — Текст: электронный // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/2d05960c-26ca-453b-b7b6-ce4d7af378b1.html (дата обращения: 21.02.2023).
471. Ip G. India, Wary of China, Expands Trade Ties with the West. – Текст электронный // The Wall Street Journal. 6 March 2023. URL: https://www.wsj.com/articles/india-wary-of-china-expands-trade-ties-with-the-west-7fda506e (дата обращения: 17.04.2024).
472. India-China Political Relations. // Embassy of India, Beijing. 30 January 2023. URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjM (дата обращения: 17.04.2024).
473. Jacob H. How to Thwart China's Bid to Lead the Global South. – Текст электронный // Foreign Affairs. 25 December 2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/how-thwart-chinas-bid-lead-global-south (дата обращения: 17.04.2024).
474. Jie Y. Wallace J. What is China's Belt and Road Initiative (BRI)? – Текст электронный // Chatham House. 13.09.2021. URL: https://www.chathamhouse.org/2021/09/what-chinas-belt-and-road-initiative-bri (дата обращения: 17.04.2023).
475. Joshi M. India-China border issue: Stable yet sensitive. – Текст электронный // Observer Research Foundation. 23 Jan 2024. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/india-china-border-issue-stable-yet-sensitive (дата обращения: 17.04.2024).
476. Kausikan B. Why the Future Will Be Multipolar (And Why this is Good News). — Текст: электронный. // Global Brief. 21 September 2020. URL: https://globalbrief.ca/2020/09/why-the-future-will-be-multipolar-and-why-this-is-good-news/ (дата обращения: 05.06.2023)
477. Kaho Y. The Belt and Road Initiative in Southeast Asia after COVID-19: China's Energy and Infrastruc-ture Investments in Myanmar. – Текст электронный // ISEAS — Yusof Ishak Institute. 2021. URL: https://www.iseas.edu.sg/ ar-ticles-commentaries/ iseas-perspective/ 2021–39-the-belt-and-road-initiative-in-southeast-asia-after-covid-19-chinas-energy-and-infrastructure-investments-in-myanmar-by-kaho-yu/ (дата обращения: 16.02.2024).
478. Kesavan K.V. India's 'Act East' policy and regional cooperation. — Текст: электронный // Observer Research Foundation. 14 Feb 2020. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375/ (дата обращения: 21.02.2023).
479. Khurana G.S. Indian Navy Updates Indian Maritime Doctrine 2009. — Текст: электронный // National Maritime Foundation, 22 Mar. 2016. URL:

maritimeindia.org/indian-navy-updates-indian-maritime-doctrine-2009/. (дата обращения: 16.10.2023).
480. Khurana G.S. Net Security Provider' Defined: An Analysis of India's New Maritime Strategy-2015. – Текст электронный // National Maritime Foundation. 23 Nov. 2015. URL: maritimeindia.org/indian-navy-updates-indian-maritime-doctrine-2009/. (дата обращения: 16.10.2023).
481. Koldunova E.V. Russia's ambivalence about an Indo-Pacific Strategy. — Текст: электронный. // Asia-Pacific Bulletin 476. 6 May 2019. URL: https://www.eastwestcenter.org/publications/russia%E2%80%99s-ambivalence-about-indo-pacific-strategy (дата обращения: 23.05.2023).
482. Krishnan A. China plans another highway in Aksai Chin. – Текст электронный. // Hindu. 20 July 2022. URL: https://www.thehindu.com/news/international/china-plans-another-aksai-chin-highway/article65663018.ece. (дата обращения: 10.04.2024).
483. Krishnan A. Following the money: China Inc's growing stake in India-China relations. — Текст: электронный. // Brookings. 30 March 2020. URL: https://www.brookings.edu/research/following-the-money-china-incs-growing-stake-in-india-china-relations/ (дата обращения: 17.04.2024).
484. Krishnasai C. China looking to construct military outposts in Pakistan: Report. – Текст электронный. // Wion. 20.05.2022. URL: https://www.wionews.com/south-asia/china-looking-to-construct-military-bases-in-pakistan-report-480699 (дата обращения: 20.03.2024).
485. Krzysztof I. In Trade, China Has a Sharp Edge Over India, and Sharp Things Can Be Weaponized // The Diplomat. 28.03.2022. URL: https://thediplomat.com/2022/03/in-trade-china-has-a-sharp-edge-over-india-and-sharp-things-can-be-weaponized/ (дата обращения: 17.04.2024).
486. Kulkarni S. China, India could co-lead Global South. - Текст электронный // China Daily. 01 May 2024. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202401/05/WS65973beaa3105f21a507aa3f.html (дата обращения: 17.04.2024).
487. Kumar D. China's Interests in Indo-Pacific Region. – Текст электронный // Indian Defence Review. 15 Feb 2023. URL: https://www.indiandefencereview.com/spotlights/chinas-interests-in-indo-pacific-region/ (дата обращения: 10.04.2024).
488. Levesques A. Pakistan missile test confirms its MIRV ambitions. – Текст электронный // International Institute for Strategic Studies. 7 November 2023. URL: https://www.iiss.org/online-analysis/missile-dialogue-initiative/2023/10/pakistan-missile-test-confirms-its-mirv-ambitions/ (дата обращения: 17.04.2024).
489. Li M., He K. Four reasons why the Indo-Pacific matters in 2020. — Текст: электронный // Oxford University Press. 07.02.2020. URL: https://blog.oup.com/2020/02/four-reasons-why-the-indo-pacific-matters-in-2020/ (дата обращения: 22.03.2023).

490. Lidarev I. The True Significance of the China-India Yangtse Clash. – Текст электронный // The Diplomat Magazine. 21 January 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/01/the-true-significance-of-the-china-india-yangtse-clash/ (дата обращения: 17.04.2024)
491. Lidarev I. Can 2024 Bring a New Breakthrough in China-India Relations? – Текст электронный // Diplomat Magazine. 04 January 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/can-2024-bring-a-new-breakthrough-in-china-india-relations/ (дата обращения: 17.04.2024).
492. Lin A., Reed J. In charts: how India has changed under Narendra Modi. — Текст: электронный. // Financial Times. January 9, 2024. URL: https://www.ft.com/content/8299d318-7c35-49a0-9a9a-b8e5abeba7be (дата обращения: 17.04.2024).
493. Manak I. Unpacking the IPEF: Biden's Indo-Pacific Trade Play. – Текст электронный. // Council on Foreign Relations. 8 November 2023. URL: https://www.cfr.org/article/unpacking-ipef-bidens-indo-pacific-trade-play (дата обращения: 01.05.2024).
494. Manral V. How is India emerging in the global manufacturing sector. – Текст электронный // Times of India. November 14, 2022. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/voices/how-is-india-emerging-in-the-global-manufacturing-sector/ (дата обращения: 17.04.2024).
495. Madhav R. Two suns in the East. – Текст электронный. // The Indian Express. 14 May 2015. URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/two-suns-in-the-east/ (дата обращения: 22.06.2023).
496. Malik A., Madan M. India's economic ties with China: Opportunity or vulnerability? – Текст электронный. // The Brookings Institution. 15 November 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/indias-economic-ties-with-china-opportunity-or-vulnerability/ (дата обращения: 17.04.2024).
497. Micallef J.V. The other bomb: Pakistan's dangerous nuclear strategy. – Текст электронный // Huffpost. 2 Jun. 2016. URL: https://www.huffpost.com/entry/the-other-bomb-pakistans_b_9180504 (дата обращения: 17.04.2024).
498. Misra U. Explained: Why China trade ban will hurt India more. – Текст электронный // The Indian Express. 22 June 2020. URL: https://indianexpress.com/article/explained/india-china-trade-ban-explained-6465949/ (дата обращения: 17.04.2024).
499. McCarthy S. A high-altitude tunnel is latest flashpoint in India-China border tensions. – Текст электронный. // CNN. 22 March 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/03/21/india/china-india-sela-tunnel-border-dispute-intl-hnk/index.html (дата обращения 14.04.2024).
500. M.R. Why India avoids alliances. — Текст: электронный. // The Economist. 1 June 2018. URL: https://www.economist.com/the-economist-explains/2018/06/01/why-india-avoids-alliances (дата обращения: 17.04.2024).

501. Medcalf R., Mohan C. R. Responding to Indo-Pacific rivalry: Australia, India and middle power coalitions. — Текст: электронный. // Lowy Institute. August 2014. URL: https://www.lowyinstitute.org/publications/responding-indo-pacific-rivalry-australia-india-and-middle-power-coalitions (дата обращения: 03.02.2022).
502. Medcalf R. Defence White Paper 2013: Treading Water in the Indo-Pacific. – Текст электронный. // The Interpreter. 27 Feb. 2017. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/defence-white-paper-2013-treading-water-indo-pacific (дата обращения: 04.11.2023).
503. Mendis P. China's Long March to Historic Glory. — Текст: электронный // Harvard International Review. 09 Oct 2022. URL: https://hir.harvard.edu/making-the-indian-ocean-into-the-western-ocean/ (дата обращения: 10.04.2024).
504. Mendis P. China's "Blue Dragon" Strategy in the Indo-Pacific Makes America and India Restless. — Текст электронный // National Interest. 25 May 2023. URL: https://nationalinterest.org/feature/china%E2%80%99s-%E2%80%9Cblue-dragon%E2%80%9D-strategy-indo-pacific-makes-america-and-india-restless-206495 (дата обращения: 10.04.2024).
505. Mendis P., Luszczykiewicz A. China's 'blue dragon' strategy in the Indo-Pacific. — Текст: электронный. // Australian Strategic Policy Institute. 9 Oct 2023. URL: https://www.aspistrategist.org.au/chinas-blue-dragon-strategy-in-the-indo-pacific/ (дата обращения: 10.04.2024).
506. Moyuru B., Tsukasa H. India offers carrots to 'pro-China' neighbors Sri Lanka, Nepal. – Текст электронный // Nikkei Asia. 24 April 2022. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/India-offers-carrots-to-pro-China-neighbors-Sri-Lanka-Nepal (дата обращения: 10.04.2024).
507. Nian P. Will China-ASEAN Relations Take a Turn for the Better Post-Pandemic? – Текст электронный // The Diplomat. 6 January 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/01/will-china-asean-relations-take-a-turn-for-the-better-post-pandemic/ (дата обращения: 10.04.2024).
508. Nihalani J. Data from 5% to 15%, China's share in India's imports tripled in last two decades. – Текст электронный. – Текст электронный. // Hindu. URL: https://www.thehindu.com/data/data-from-5-to-15-chinas-share-in-indias-imports-tripled-in-last-two-decades/article66429612.ece (дата обращения: 17.04.2024).
509. Noor S. How will Pakistan's new government manage the US-China rivalry? – Текст электронный // Al Jazeera. 14 Mar 2024. URL: https://www.aljazeera.com/opinions/2024/3/14/how-will-pakistans-new-government-manage-the-us-china-rivalry (дата обращения: 17.04.2024).
510. Mourdoukoutas P. Will India spoil China's South China Sea ambitions? – Текст электронный // Forbes. 9 Nov. 2016. URL: https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2016/11/09/will-india-

spoil-chinas-south-china-sea-ambitions/?sh=5fe9e90e2db3 (дата обращения: 17.04.2024).

511. Palit A. India and China: Close Rivals in the G20 and in the Global South. – Текст электронный // ISPI. 5 Sep 2023. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/india-and-china-close-rivals-in-the-g20-and-in-the-global-south-139661 (дата обращения: 17.04.2024).
512. Parry M. Australia's strategic view of the Indo-Pacific. – Текст электронный. // EPRS. European Parliamentary Research Service. February 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/698917/EPRS_BRI(2022)698917_EN.pdf (дата обращения: 05.11.2023).
513. Pal P., Ray P. India’s trade dilemma with China. — Текст: электронный // Hindu. Business line. 21 June 2023. URL: https://www.thehindubusinessline.com/opinion/indias-trade-dilemma-with-china/article66990763.ece (дата обращения: 17.04.2024).
514. Park A., Tritto A., Sejko D. The Belt and Road Initiative in ASEAN — Overview. – Текст электронный // HKUST — Hong Kong University of Science and Technology. Institute for Emerging Market Studies. March, 2021. URL: https://iems.ust.hk/ publications/ reports/ uob-bri-overview (дата обращения: 16.02.2024).
515. Prakash P. China’s Emerging Subsurface Presence in the Indian Ocean. – Текст электронный // The Diplomat. 10 December 2022. URL: https://thediplomat.com/2022/12/chinas-emerging-subsurface-presence-in-the-indian-ocean/ (дата обращения: 16.10.2023).
516. Prasad E. China needs a new growth model, but that requires serious reform. — Текст: электронный. // Financial Times. 20 January 2022. URL: https://www.ft.com/content/b7eaafe4-6f28-44d0-91a2-65492736bcc2 (дата обращения: 16.02.2024).
517. Phartiyal S. India Bans 200-Plus Chinese Mobile Apps in Boon for Paytm. – Текст электронный // Bloomberg. 7 Feb 2023 г. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-07/ant-backed-paytm-soars-after-report-india-banned-chinese-rivals?leadSource=uverify%20wall (дата обращения: 17.04.2023).
518. Peng N. India’s Growing Involvement in the South China Sea Disputes. — Текст: электронный // The Diplomat. 10 November 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/11/indias-growing-involvement-in-the-south-china-sea-disputes/. (дата обращения: 21.02.2023).
519. Radchenko S. The Rise and Fall of Hindi Chini Bhai Bhai. – Текст электронный // Foreign Policy. 14 Sep 2014. URL: https://foreignpolicy.com/2014/09/18/the-rise-and-fall-of-hindi-chini-bhai-bhai/ (дата обращения: 15.05.2022).
520. Rajagopalan R.P. Sino-Indian Border Infrastructure in the Indian Defense Ministry’s Year End Review. -– Текст электронный. // The Diplomat. 28 December 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/12/sino-

indian-border-infrastructure-in-the-indian-defense-ministrys-year-end-review/ (дата обращения 14.04.2024).

521. Rajagopalan R.P. Malabar Exercise Brings Quad Navies Together in Australia. – Текст электронный // Diplomat Magazine. 21 August 2023. URL: https://thediplomat.com/2023/08/malabar-exercise-brings-quad-navies-together-in-australia/ (дата обращения: 17.11.2023).
522. Rajagopalan R.P. India-China Relations Are Unlikely to See Much Progress. – Текст электронный // Center for Strategic and International Studies. 15 February 2024. URL: https://chinapower.csis.org/analysis/rajagopalan-india-china-relations// (дата обращения: 17.04.2024).
523. Rohit S., Nataraj G. India–ASEAN FTA in Services: Good for the Region, Very Good for India. – Текст электронный // East Asia Forum. 9 May 2013. URL: https://www.eastasiaforum.org/2013/07/30/india-asean-fta-in-services-good-for-the-region-very-good-for-india-2/ (дата обращения: 16.10.2023).
524. Roy-Chaudhury R. India China Indian Ocean. – Текст электронный // International Institute for Strategic Studies / IISS. 25 August 2017. URL: https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis//2017/08/india-china-indian-ocean. (дата обращения: 16.10.2023).
525. Shannon T. China Makes Inroads into India's Backyard. – Текст электронный. // Diplomat. 27 November 2014. URL: https://thediplomat.com/2014/11/china-makes-inroads-into-indias-backyard/. (дата обращения: 16.02.2024).
526. Singh S. Xiaomi ramps up India manufacturing, says more than 99% of its smartphones, 100% of Mi TVs now 'Made in India'. – Текст электронный // Financial Express. 25 February 2021. URL: https://www.financialexpress.com/life/technology-xiaomi-ramps-up-india-manufacturing-says-more-than-99-of-its-smartphones-100-of-mi-tvs-now-made-in-india-2201751/ (дата обращения: 17.04.2023).
527. Stacey K. Indian GDP growth overtakes China. – Текст электронный // Financial Times. 28.02.2018. URL: https://www.ft.com/content/889ebb80-dc9b-11e6-9d7c-be108f1c1dce (дата обращения: 17.04.2024).
528. Sunilkumar S.R. What is Asian Infrastructure Investment Bank? India, its largest borrower, accused of Chinese influence. – Текст электронный // The Hindustan Times. 15 Jun 2023. URL: https://www.hindustantimes.com/world-news/what-is-asian-infrastructure-investment-bank-aiib-india-its-largest-borrower-accused-of-chinese-influence-101686819157819.html (дата обращения: 17.04.2024).
529. Singh V. 400 chartered accountants, company secretaries under scanner for flouting norms to incorporate Chinese shell companies. — Текст: электронный. // Hindu. 18 June 2022. URL: https://www.thehindu.com/news/national/400-chartered-accountants-

company-secretaries-under-scanner-for-helping-chinese-firms/article65540449.ece?homepage=true (дата обращения: 17.04.2023).

530. Strumpf D., Roy A., Gupta A. How India Can Take China's Growth Crown. If India hits all the right economic notes it could lead global growth by 2028. – Текст электронный. // Bloomberg Economics. 8 April 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2024-04-07/can-india-overtake-china-as-world-s-growth-engine-it-could-happen-by-2028 (дата обращения: 05.05.2024).

531. Sharma K. India keeps pushing to cut trade deficit with China. – Текст электронный // Nikkei Asia. 26 July 2019. URL: URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/India-keeps-pushing-to-cut-trade-deficit-with-China (дата обращения: 17.04.2023).

532. Shin K. How China Defines the 'Global South'. – Текст электронный // The Diplomat Magazine. 11 January 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/how-china-defines-the-global-south/ (дата обращения: 20.12.2023).

533. Srivastava S. India Seeks $100 Billion a Year in FDI as It Woos China Hedgers. — Текст: электронный. // Bloomberg. 6 April 2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-06/india-seeks-100-billion-a-year-in-fdi-as-it-woos-china-hedgers (дата обращения: 17.04.2024).

534. Stuti B. India's Window of Opportunity to Counter China's Influence in South Asia. – Текст электронный // The Strategist. 18 August 2022. URL: https://www.aspistrategist.org.au/indias-window-of-opportunity-to-counter-chinas-influence-in-south-asia/. (дата обращения: 16.10.2023).

535. Suan Y.F., Wei S. Regional Integration Key to China's Role in High-Tech Value Chains. – Текст электронный // ASEAN+3 Macroeconomic Research Office - AMRO ASIA. 29 June 2023. URL: https://amro-asia.org/regional-integration-key-to-chinas-role-in-high-tech-value-chains/ (дата обращения: 10.04.2024).

536. Su K.M. U.S.-Japan-Philippines hold first trilateral, with 'many more' to come. – Текст электронный // Nikkei Asia. 11 April 2024. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/U.S.-Japan-Philippines-hold-first-trilateral-with-many-more-to-come (дата обращения: 6.06.2024).

537. Suri M. Transboundary Water Challenges Are Impacting Sino-Indian Relations. // Stimson Center. South Asian Voices. 29 September 2023. URL: https://southasianvoices.org/transboundary-water-challenges/ (дата обращения: 10.04.2024).

538. Singh K., Psaledakis D. US says Arunachal Pradesh is part of India, amid Indo-China tensions. – Текст электронный // Reuters. 20 March 2024. URL: https://www.reuters.com/world/us-says-arunachal-pradesh-is-part-india-amid-indo-china-tensions-2024-03-

20/#:~:text=WASHINGTON%2C%20March%2020%20(Reuters),State%20Department%20said%20on%20Wednesday. (дата обращения: 17.04.2024).
539. Swartz J. Tracking India’s Infrastructure Development Near the Line of Actual Control. – Текст электронный. // ORF. 17 Oct 2023. URL: https://www.orfonline.org/research/tracking-indias-infrastructure-development-near-the-lac (дата обращения 14.04.2024).
540. Sushant S. A Quad+ with Chinese Characteristics. — Текст: электронный. // ORF. 1 August 2020. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/a-quad-with-chinese-charecteristics/. (дата обращения: 16.10.2023).
541. Textor C. Annual FDI flows from China to India 2011-2021. — Текст: электронный. // Statista. 21 Nov 2023. URL: https://www.statista.com/statistics/720254/china-outward-fdi-flows-to-india/ (дата обращения: 17.04.2024).
542. Tongia R., Sehgal A., Chakradeo S. China’s Role in SAARC. – Текст электронный // Brookings. 20 Nov 2014. URL: www.brookings.edu/articles/chinas-role-in-saarc/. Accessed 18 Nov. 2023. (дата обращения: 16.02.2024).
543. Thakker A. Beyond Wuhan: India Should Establish A New Framework for Engagement with China. – Текст электронный // Diplomat Magazine. 1 May 2018. URL: https://thediplomat.com/2018/05/beyond-wuhan-india-should-establish-a-new-framework-for-engagement-with-china/ (дата обращения: 17.04.2024).
544. Thomas C. India’s Failed NSG Bid: Unlearn, Learn, and Proceed. – Текст электронный // Centre for Public Policy Research. 3 August 2016. URL: https://www.cppr.in/articles/indias-failed-nsg-bid-unlearn-learn-and-proceed (дата обращения: 17.04.2024).
545. The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China. // Ministry of Justice of the People's Republic of China. 28 June 2023. URL: http://en.moj.gov.cn/2023-07/11/c_901729.htm (дата обращения: 20.12.2023).
546. Velloor R. Troubled borders testing limits of China-India ties. -– Текст электронный. // The Straits Times. 4 April 2024. URL: https://www.straitstimes.com/opinion/troubled-borders-testing-limits-of-china-india-ties (дата обращения 14.04.2024).
547. Xu X. New Development Bank Forging Ahead Despite Challenges. – Текст электронный // China Today. 31.08.2017. URL: http://www.chinatoday.com.cn/english/report/2017-08/31/content_745373.htm (дата обращения: 17.04.2023).
548. Younten T. With an Eye toward India, China Bolsters Military Infrastructure Development in Tibet. – Текст электронный. // Diplomat Magazine. 19 January 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/with-an-eye-toward-india-china-bolsters-military-infrastructure-development-in-tibet/ (дата обращения: 10.04.2024).

549. Wezeman P.D., Djokic K. Trends in international arms transfers, 2023. – Текст электронный. // SIPRI Fact Sheet. March 2024. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
550. What the China-India detente means for the West. – Текст электронный // The Economist. 20 Jul 2023. URL: https://www.economist.com/leaders/2023/07/20/what-the-china-india-detente-means-for-the-west (дата обращения: 17.04.2024).
551. White E., Leng C. Will Xi's manufacturing plan be enough to rescue China's economy? — Текст: электронный. // Financial Times. March 27, 2024 URL: https://www.ft.com/content/ae517907-0244-4344-ad0a-1d029c03555b (дата обращения: 16.02.2024).
552. Zeeshan M. Has Modi given up on South Asian cooperation? -– Текст электронный // The Diplomat. 3 February 2020. URL: https://thediplomat.com/2020/02/has-modi-given-up-on-south-asian-cooperation/ (дата обращения: 16.10.2023).
553. Zhou L. Is India Abandoning South China Sea Stance by Backing Manila on Hague Ruling? . – Текст электронный // South China Morning Post. 11 July 2023. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3227027/south-china-sea-india-abandoning-neutrality-backing-manila-hague-ruling (дата обращения: 17.04.2024).
554. Zhou C. Sri Lanka's China 'debt trap' fears grow as Beijing keeps investing. – Текст электронный // Nikkei Asia. 2 January 2024. URL: https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Sri-Lanka-s-China-debt-trap-fears-grow-as-Beijing-keeps-investing (дата обращения: 17.04.2024).

На китайском языке:

555. Ван И чуси «Си Цзиньпин вайцзяо сысян сюэси ганъяо» чубань цзо таньхуэй бин цзянхуа [Ван И принял участие и выступил на симпозиуме, посвященном публикации «Идей Си Цзиньпина о дипломатии»]. // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу. [Министерство иностранных дел КНР].06.09.2021. URL: http://new.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202109/t20210906_9137823.shtml (дата обращения: 20.12.2023).
556. Ван И чуси Чжунго и Нанья боланьхуэй каймуши бин чжицы [Ван И присутствовал на церемонии открытия выставки Китай-Южная Азия и выступил с речью.]. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел КНР]. 16.08.2023 URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202308/t20230816_11127541.shtml (дата обращения: 16.10.2023).
557. Ван И: мэйго иньтай чжаньлюэ бижань ши игэ шибайдэ чжаньлюэ [Ван И: «Индо-Тихоокеанская стратегия США» обречена на провал]. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 22.05.2022. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202205/t20220522_10690865.shtml. (дата обращения: 01.05.2024).

558. Ван И хуэйцзянь Будань вайцзяо дачэнь Даньди Доцзи. [Ван И встретился с министром иностранных дел Бутана Танди Дордже]. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел КНР]. 20.10.2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202310/t20231023_11166006.shtml (дата обращения: 16.10.2023).

559. Ваймэй шупин: чжунго юй дунмэн чисюй цянхуа хэцзо тайши [Комментарий зарубежных СМИ: Китай и АСЕАН продолжают укреплять сотрудничество] // Чжунго наньхай яньцзююань [Китайский научно-исследовательский институт Южно-Китайского моря]. URL: http://www.nanhai.org.cn/info-detail/24/14328.html (дата обращения: 10.04.2024).

560. Го Цянь. Чаоюэ мэйоу: вэйхэ дунмэн чэнвэй чжунго диида маои хобань? [Го Цянь. Опередив США и Европу! Почему АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая?] // Чжунъян гуанбо дяньши цзунтай янши синьвэнь. 10.08.2023. URL: https://news.cctv.com/2023/08/10/ARTITsirk8R61RLvtPf7iJ8T230809.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

561. Гунхэго вайцзяобу. [Министерство иностранных дел КНР]. 28.02.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/zcwj/200608/t20060824_9868937.shtml#:~:text=尊重各国主权和领土,法人在海外合法权益%E3%80%82.

562. Ди Кунь. Кэфу чжисин маодунь: Чжунго - дунмэн хэцзо юй дицюй чжисюй юхуа. [Преодолевая противоречия между знаниями и действиями: сотрудничество Китая и АСЕАН и оптимизация регионального порядка] // Тайпинъян сюэбао [Журнал Тихого океана.]. 15.03.2022. URL: https://www.essra.org.cn/view-1000-3622.aspx (дата обращения: 16.10.2023).

563. Е Вэй. Иньду дэ цюаньцю наньфан вайцзяо цзи чжунго дэ индуй [Диплрматия Индии на Глобальном Юге и ответ Китая]. // Цяньхай гоцзи шиу яньцзююань [Цяньхайский институт международных отношений]. 26.10.2023. URL: https://www.qiia.org/zh-hans/node/1175 (дата обращения: 17.04.2024).

564. Жифэй иньлан жуши дэбу чанши чжэньин дуйканъи хайятай [Япония и Филиппины проявляют излишнюю доверчивость по отношению к США, но игра не стоит свеч. Блоковая конфронтация нанесет ущерб Азиатско-Тихоокеанскому региону]. // Чжунго жибао ван [Чайна дейли]. 12.04.2024. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202404/12/WS6618b93ea3109f7860dd9238.html (дата обращения: 17.04.2024).

565. Жун Ин. Шицзе бяньцзюй чжундэ чжунъинь гуаньси [Китайско-индийские отношения в меняющемся мире]. — Текст: электронный. // Чжунго гоцзи юхао ляньлохуэй [Китайская ассоциация международных дружественных контактов]. 25.09.2019. URL: https://www.caifc.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=11&id=584 (дата обращения: 03.04.2023.)

566. Жэнь Цзэпин. Чжунго цие фу иньду тоуцзы дэ кэгуань пингу [Объективная оценка китайских предприятий, инвестирующих в Индию]. // Синьлан синьвэнь [Sina]. 28.07.2022. URL: https://finance.sina.cn/zl/2022-07-28/zl-imizirav5685483.d.html?from=wap (дата обращения: 12.06.2023).

567. Иньду чжуаньцзя: сянью синши сюйяо цзиньибу туйдун хэ кода цзиньчжуаниоцзя чжицзянь дэ хэцзо [Индийский эксперт: Сложившаяся ситуация требует дальнейшего продвижения и расширения сотрудничества стран БРИКС] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжумэнмай цзунлин шигуань [Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Мумбаи]. 22.06.2022. URL: http://mumbai.china-consulate.gov.cn/chn/zxhd/202206/t20220622_10707696.htm (дата обращения: 20.12.2023).

568. Лань Цзянь Сюэ. Чжунъинь гуаньси шаньбянь цзичулу [Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации]. // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань ятай яньцзюсо [Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований при Шанхайской академии международных исследований]. 30.08.2023. URL: https://www.aisixiang.com/data/145770.html (дата обращения: 17.04.2024).

569. Лин Ш. Ятай дицюй аньцюань цзичжи гоуцзянь юй чжунго фанъань. [Создание механизмов безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и план Китая]. // Жэньминь жибао. 06.09.2023. URL: http://www.rmlt.com.cn/2023/0906/682182.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

570. Лоу Чуньхао. Иньду дэ чжаньлюэ упань имэй канхуа ляньмэй чж хуа чжихуэй дяожу мэйго сяньцзин [Стратегическая ошибка Индии: «Полагаясь на Соединенные Штаты в сопротивлении Китаю» и «сотрудничая с Соединенными Штатами в сдерживании Китая», можно только попасть в американскую ловушку]. // Чжунго жибао [Чайна дейли]. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202308/03/WS64cbae6ba3109d7585e47d50.html (дата обращения: 17.04.2024).

571. Си Цзиньпин гаоцзюй чжунго тэсэ шэхуэй чжуи вэйда цичжи вэй цюаньмянь цзяньшэ шэхуэй чжуи сяньдайхуа гоцзя эр туаньцзе фэньдоу цзай чжунго гунчаньдан диэрши цы цюаньго дайбяо дахуэй шандэ баогао [«Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой»: Си Цзиньпин выступил с речью на заключительном заседании XX съезда КПК.]. — Текст: электронный. // Синьхуа шэ [Агенство Синьхуа]. URL:

https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 17.04.2023).

572. Си Цзиньпин. Идай илу чанъи муди ши чуанцзао гэндо гунтун фачжань цзиюй. [Си Цзиньпин: Цель инициативы «Пояс и путь» — создать больше возможностей для общего развития]. // Чжунго чжэнфу ван [Портал Правительства КНР]. 05.07.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-07/05/content_5622609.htm (дата обращения: 17.04.2023).

573. Синь шидай чжунго дэ чжоубянь вайцзяо чжэнцэ чжаньван [Перспективы периферийной дипломатии Китая в новую эпоху.]. // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел КНР].24.10.2023.URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202310/t20231024_11167069.shtml (дата обращения: 05.06.2023).

574. Си Цзиньпин хуэйцзянь иньду цзунли Моди [Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Индии Нарендрой Моди]. // Жэньминь жибао. 27.04.2018. URL: http://politics.people.com.cn/n1/2018/0428/c1024-29955535.html (дата обращения: 17.04.2024).

575. Сян Хао Юй. Ячжоу цзячжигуань чжэн бэй фуюй синьдэ шидай нэйхань [«Азиатским ценностям» придаются новые коннотации времени]. // Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань ятай яньцзюсо [Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований при Шанхайской академии международных исследований]. 07.07.2023. URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/sspl/202307/t20230707_9005.html (дата обращения: 17.04.2024).

576. Хао Юй. Поцзе вого нэнъюань дили куньцзюй дэ дуйцэ яньцзю [Исследование контрмер для решения дилеммы Китая в области географии энергетики] // Жэньминь луньтань. 01.02.2023. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2023-02/01/content_25968143.htm (дата обращения: 16.10.2023).

577. Хэпин ли. Тунвэй фачжаньчжун даго Иньду инъ юй Чжунго хэцзо гунъин. [Комментарий | Являясь крупными развивающимися странами, Индии и Китаю важно сотрудничать для достижения взаимовыгодных результатов]. // Чжунго жибао [China Daily]. 05.06.2024. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202406/05/WS665feb19a3109f7860de0ae7.html (дата обращения: 07.06.2024).

578. Цай Т., Дин Ц. Чжунъинь чжаньлюэ хэцзо ючжуюй шицзе хэпин юй фачжань [Китайско-индийское стратегическое сотрудничество способствует миру и развитию во всем мире] – Текст электронный. // Чжунгован. 06.04.2022. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2022-04/06/content_78150078.shtml (дата обращения 14.04.2024).

579. Цянь Сяоянь. Цюйнянь чжун инь маои э цзай чуан синьгао, чжуаньцзя: иньду мэй бияо “динчжэ нича бу фан” [В прошлом году объем торговли между Китаем и Индией достиг нового максимума.

Эксперты: Индии не нужно «зацикливаться на дефиците»]. Ди и цайцзин [Китайские деловые новости]. 15.01.2023. URL: https://m.yicai.com/news/101650812.html (дата обращения: 17.04.2024).

580. Цунъ Ухань цзиншэнь дао Цзиньнай юаньцзин - чжунъинь гуаньси майчу синьбуфа [От «духа Уханя» к «видению Ченнаи»: китайско-индийские отношения делают новые шаги]. // Жэньминь хуабао [журнал "Китай"]. 05.11.2019. URL: http://www.rmhb.com.cn/zt/ydyl/201911/t20191105_800183808.html (дата обращения: 17.04.2023).

581. Чжан Ядун. Хутун ю у ди чжун инь шанпинь маои [Китайско-индийская торговля товарами]. “Цзоу чуцюй” даохан ван [Интернет-портал «Выход» Китайского международного центра электронной коммерции Министерства торговли КНР]. 09.06.2022. URL: https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202206/607122.html (дата обращения: 17.04.2024).

582. Чжунгун чжунъян чжэнчжицзюй вэйюань, вайцзяо бучан Ван И цзю чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуэйда чжун вай цзичжэ тивэнь [Член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и внешних отношениях Китая]. // Жэньминь жибао. 08.03.2024. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0308/c64094-40191444.html (дата обращения: 20.12.2023).

583. Чжунго тунъ иньду дэ гуаньси [Китайско-индийские двусторонние отношения]. // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [МИД КНР]. 01.01.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения: 17.04.2024).

584. Чжунго юй нанья гоцзя сешоу инцзао гоцзихуа илю иншан хуаньцзин [Китай и страны Южной Азии объединяют усилия для создания международной первоклассной бизнес-среды.]. // Синьхуа. 20.08.2023. URL: http://www.news.cn/fortune/2023-08/20/c_1129812574.htm (дата обращения: 16.10.2023).

585. Чжоу Бо. Чжунго буши иньдуян дэ синьлайчжэ, Иньду яо шиин Чжунго дэ нанья цуньцзай. [Китай не «новичок» в Индийском океане, и Индия должна адаптироваться к его присутствию в Южной Азии».] // Цинхуа дасюэ чжаньлюэ юй аньцюань яньцзю чжунсинь. [Центр стратегических исследований и исследований безопасности Университета Цинхуа.]. 30.09.2022. URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/china_wzft/5311 (дата обращения: 16.10.2023).

586. Чжунъинь нэнфоу цзян+хоа6+цюаньцю гунъинлянъong шэнти? Чжунго цзайцы чэн иньду цзуйда маои хобань [Могут ли Китай и Индия создать симбиоз глобальных цепочек поставок G2+ или A6+? Китай снова стал крупнейшим торговым партнером Индии] // Чжанлянь.

17.04.2022. URL: https://www.163.com/dy/article/H56A58DK0512AE4K.html (дата обращения: 17.04.2024).

587. 2021 нянь чжунго иньду цзинмао хэцзо цзянькуан [Краткий обзор китайско-индийского торгово-экономического сотрудничества в 2021 году] // чжунхуа жэньминь гунхэго шанъубу [Министерство коммерции Китайской Народной Республики]. 19.09.2023. URL: http://file.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/yzzggb/202203/20220303287048.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

588. 2021 нянь чжунго иньду цзинмао хэцзо цзянькуан [Краткий обзор китайско-индийского торгово-экономического сотрудничества в 2021 году] // чжунхуа жэньминь гунхэго шанъубу [Министерство коммерции Китайской Народной Республики]. 19.09.2023. URL: http://file.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/yzzggb/202203/20220303287048.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АТР - Азиатско-Тихоокеанский регион

АСЕАН - Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

АТЭС - Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество

АРФ - Региональный форум АСЕАН по безопасности

БРИКС - межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта, Саудовской Аравии и Эфиопии.

ВАС - Восточноазиатский саммит

ВА – Восточная Азия

ВВП - Валовой внутренний продукт

ВВП по ППС - Паритет покупательной способности, расчетный обменный курс, при конвертации по которому единица валюты одной страны позволяет купить идентичное количество товаров и услуг в другой стране.

ВМФ - Военно-морской флот

ВМС - Военно-морские силы

ИТР - Индо-Тихоокеанский регион

КНР – Китайская Народная Республика

КПК - Коммунистическая партия Китая

КПЭК - Китайско-пакистанский экономический коридор

МПЭ – Мировая политэкономия

МКР – Мировое комплексное регионоведение

НАТО - Организация Североатлантического договора

ООН – Организация Объединённых Наций

ОПОП - Инициатива «Пояс и Путь»

РИК - Формат «Россия-Индия-Китай»

РКБ - Региональный комплекс безопасности

США - Соединенные Штаты Америки

ТМО – Теория международных отношений

ТНК – Транснациональная корпорация

ШОС - Шанхайская организация сотрудничества

ЮА – Южная Азия

ЮВА – Юго-Восточная Азия

ЮКМ – Южно-Китайское море

AUKUS - трёхстороннее оборонное партнерство, образованное Австралией, Великобританией и США.

IPOI - Indo-Pacific Oceans' Initiative / Индо-Тихоокеанская инициатива.

IPEF - Indo-Pacific Economic Framework / Индо-Тихоокеанская экономическая структура.

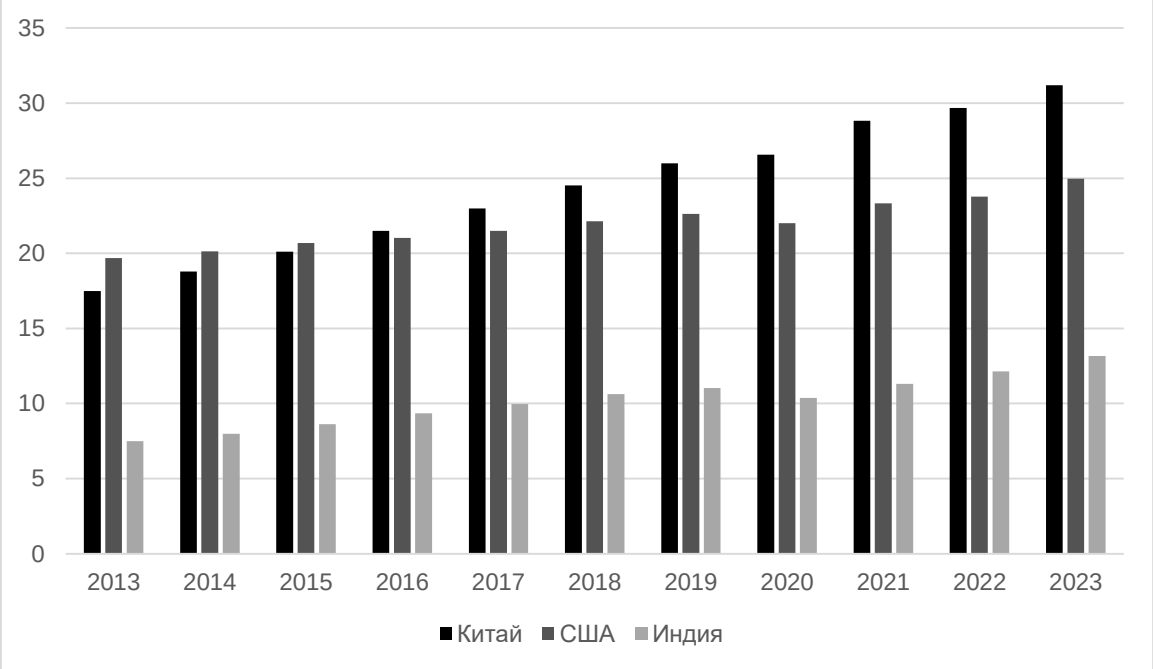
IMEC - India — Middle East — Europe Economic Corridor / Трасннортный коридор Индия – Ближний Восток – Европа.

Quad - Четырёхсторонний диалог по безопасности (Австралия, Индия, США и Япония)

RIMPAC - учения стран Азиатско-Тихоокеанского региона, крупнейшие в мире международные военно-морские учения под эгидой США

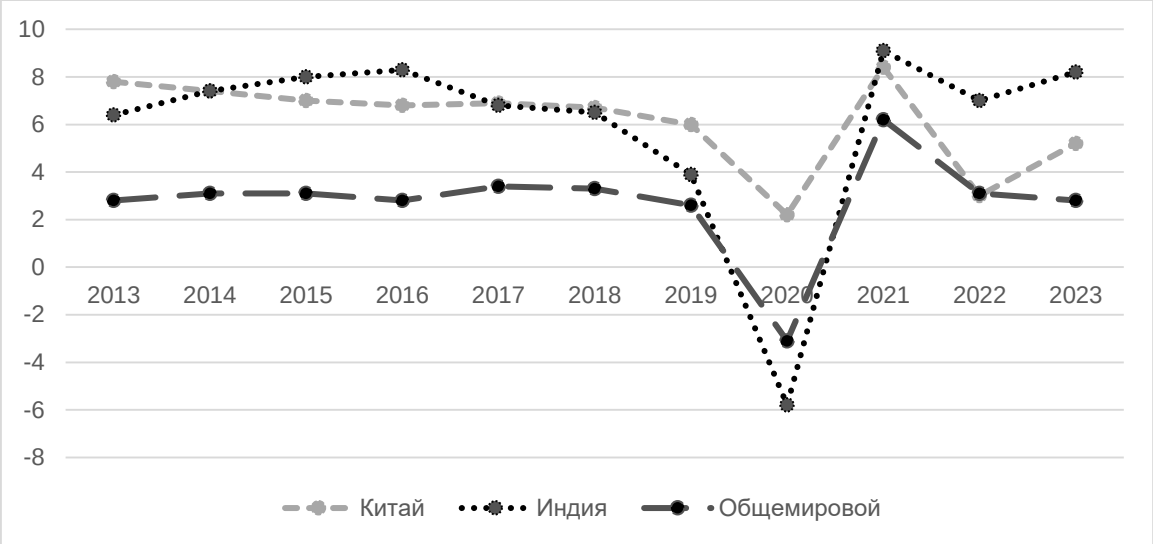
ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. ВВП трех крупнейших экономик мира Китая, США и Индии по паритету покупательной способности (ППС) в трлн. международных долларах в постоянных ценах 2021 г. (2013 – 2023 гг.).

Источник: GDP, PPP (constant 2021 international $) // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?most_recent_value_desc=true (дата обращения: 17.01.2025).

Приложение 2. Динамика изменения ВВП Китая и Индии в процентах по отношению к общемировому (2013-2023 гг.).

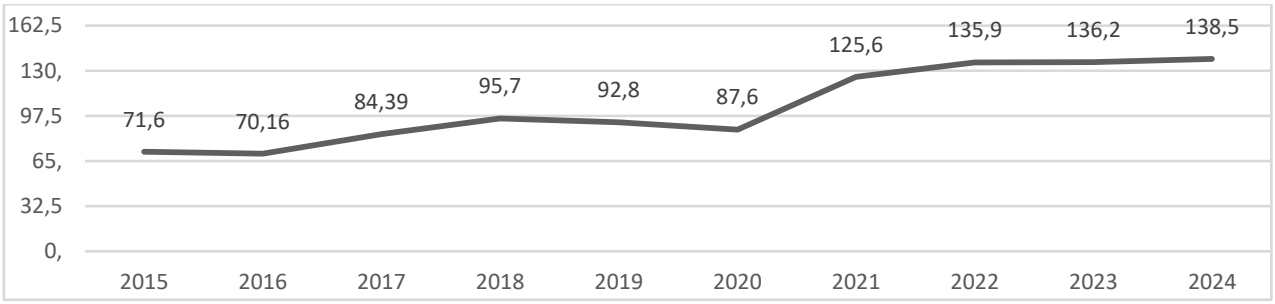
Источник: GDP growth (annual %) // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 17.01.2025).

Приложение 3. Пограничные территориальные споры Китая и Индии.

Источник: Плато раздора: решатся ли Индия и Китай на повторение войны 1962 года. // РБК. 09.08.2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/08/2017/598857c79a794778be609b0b (дата обращения: 17.04.2024).

Приложение 4. Товарооборот Индии и Китая в млрд долл. США (2015 – 2024 гг.).

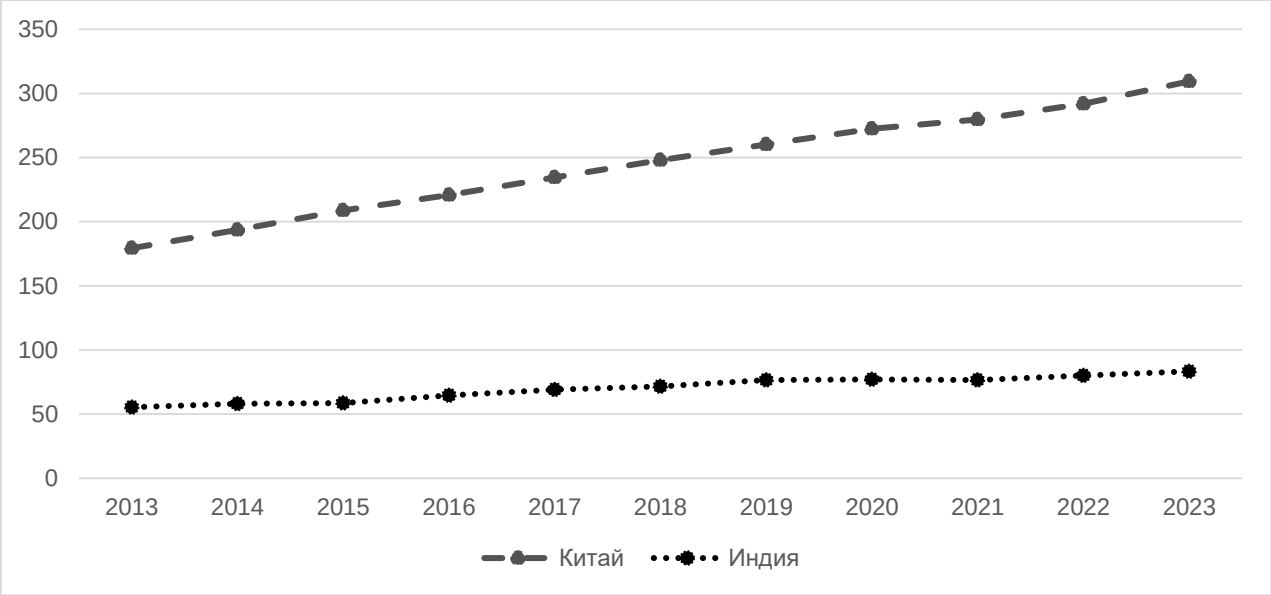

Источник: Embassy of India (2015-2021) - Trade and Economic Relations. // Embassy of India in Beijing, China. URL https://www.eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/Mjg (дата обращения: 17.04.2024);

General Administration of Customs of the People's Republic of China (2022 -2023) - Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2022. 08.01.2023. General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/2d05960c-26ca-453b-b7b6-ce4d7af378b1.html (дата обращения: 17.04.2024).

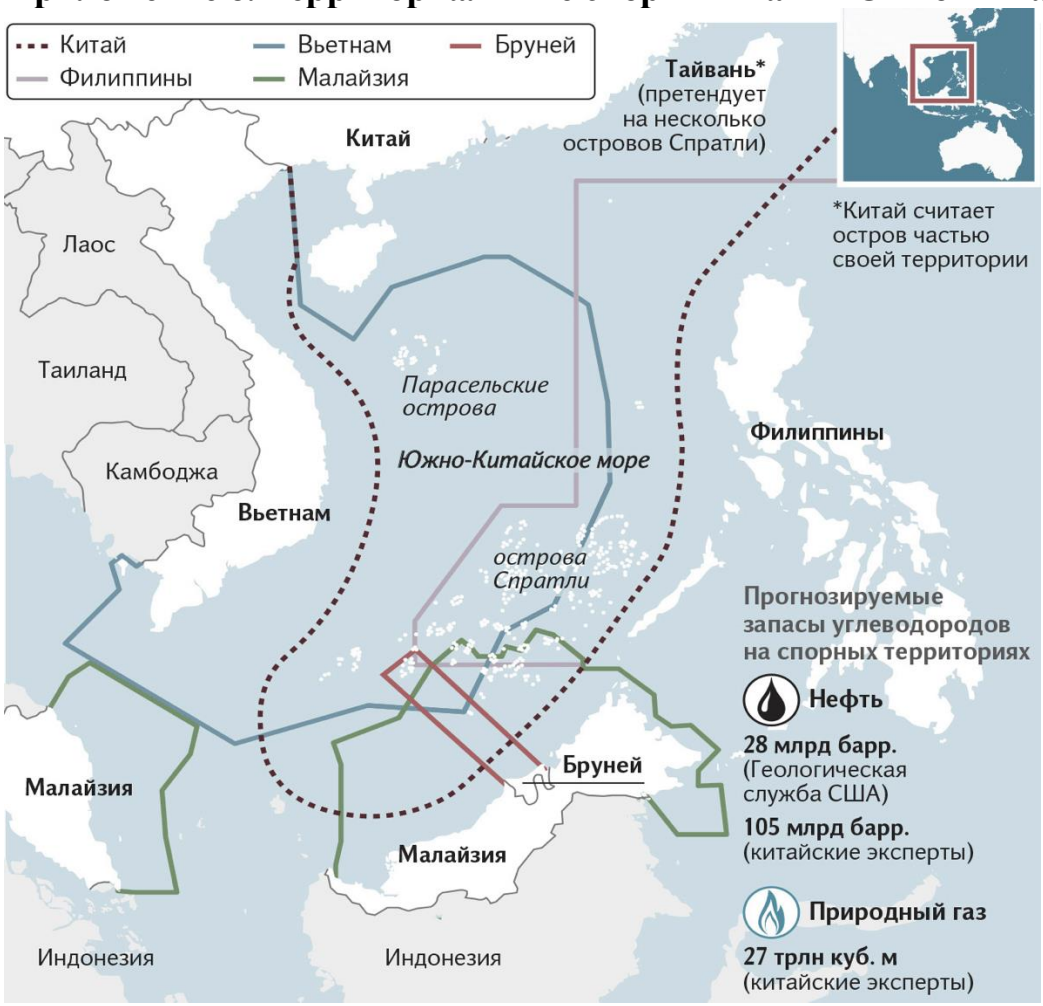
Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2023. 12.01.2024. General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/e1351568-5e17-4534-affd-c369e3506613.html (дата обращения: 17.04.2024).

Приложение 5. Расходы на оборону в Китае и Индии в млрд. долларов США в постоянных ценах 2022 г. (2013-2023 гг.).

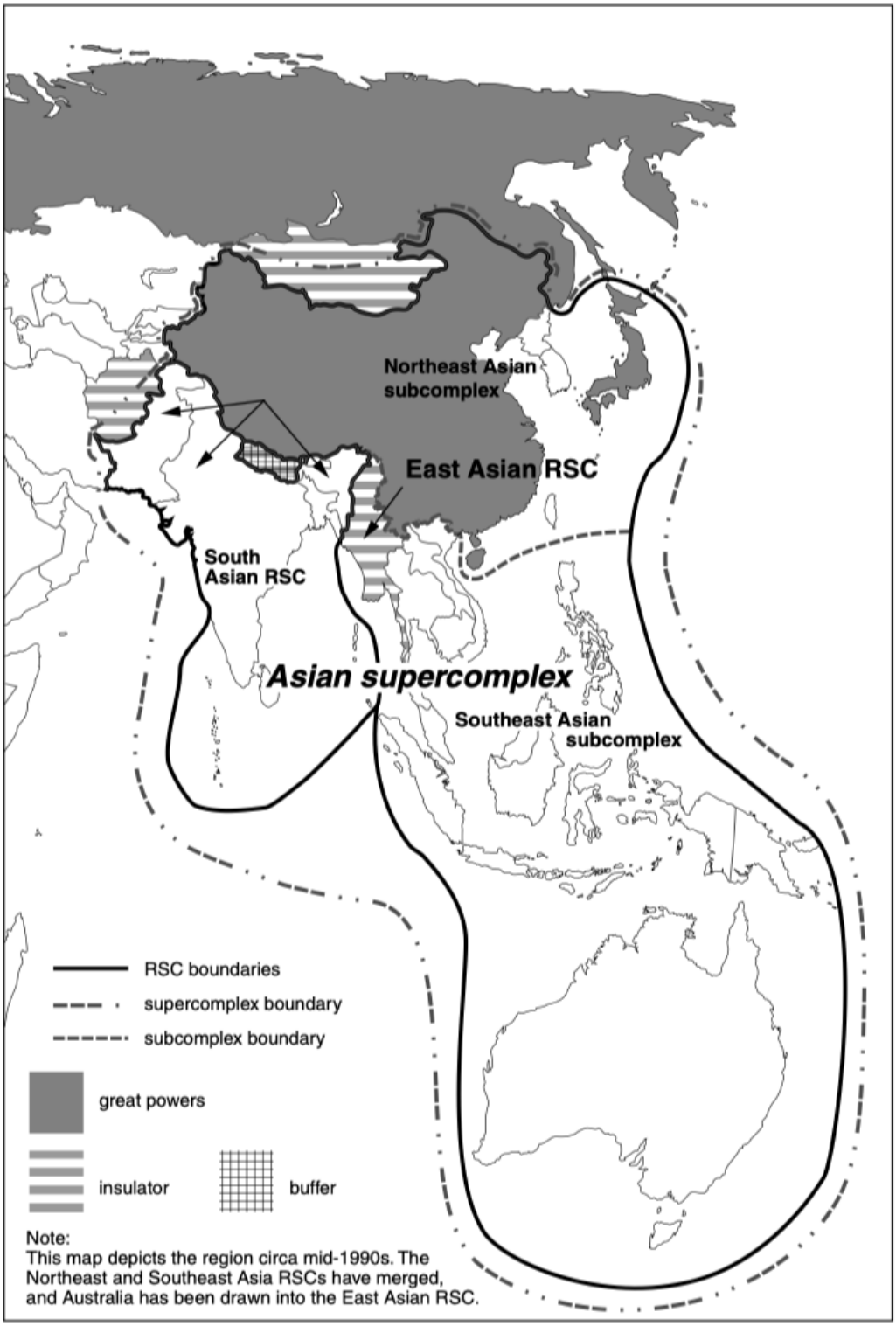
Источник: SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute URL: https://milex.sipri.org/sipri (дата обращения: 17.04.2024);

Приложение 6. Территориальные споры Китая в Южно-Китайском море.

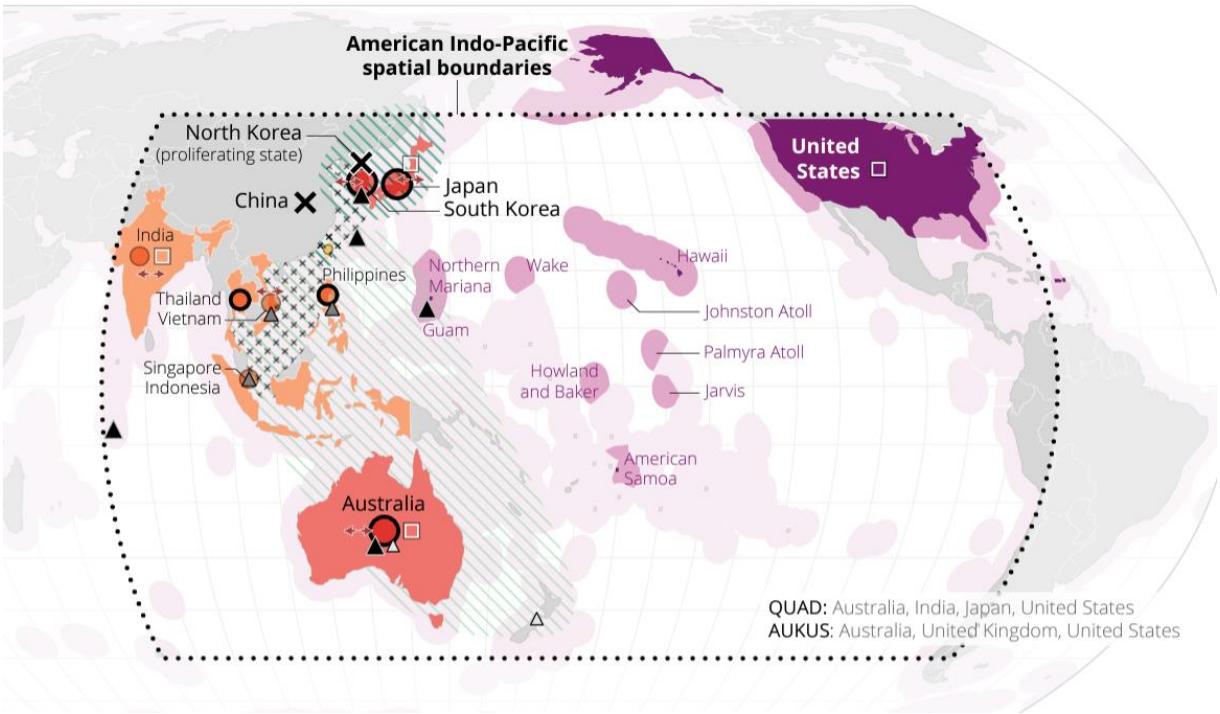
Источник: США хотят спровоцировать КНР и объединить азиатских союзников. // Известия. 04.12.2023. URL: https://iz.ru/1615154/anastasiia-kostina/ssha-khotiat-sprovotcirovat-knr-i-obedinit-aziatskikh-soiuznikov (дата обращения: 17.04.2024).

Приложение 7. Региональные территориальные комплексы безопасности в Азии в период после Холодной войны.

Источник: Buzan B., Waever O. Regions and powers: the structure of international security. // Cambridge University Press. - 2003. – T. 91. - P. 598. Pp. 99.

Приложение 8. Схема границ Индо-Тихоокеанского региона в толковании США.

Источник: Indo-Pacific seen from United States. // Sciences Po. / Observatory Indo-Pacific. 2021. URL: https://www.sciencespo.fr/ceri/observatory-indo-pacific/usa/ (дата обращения: 22.12.2023).